ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

ШКАПЕНКО Татьяна Михайловна

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕЖДОМЕТИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРЪЕКТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Калининград

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……5

Глава 1. Общие теоретические предпосылки исследования междометий……. 18

1.1. Эволюция взглядов на лингвистическую категоризацию междометий……18

1.1.1.Проблема определения лингвистического статуса междометий……18

1.1.2. Морфологическая и синтаксическая категоризация междометий……..30

1.1.3. Принципы классификации междометий……...37

1.2. Современные парадигмы исследования междометий в зарубежной лингвистике……46

1.2.1. Описание междометий в концепции естественного семантического метаязыка……..46

1.2.2.Процедурно-инференционный подход к описанию междометий ……..49

1.3. Современные парадигмы исследования междометий в российской лингвистике……..58

1.3.1. Референциально-семантическая парадигма описания междометий……58

1.3.2. Когнитивно-дискурсивная парадигма описания междометий……63

1.4. Типология проблем описания междометий в рамках семантической и прагматической парадигм ……....67

Выводы……...77

Глава 2. Теоретические основы интеракционально-прагматической концепции описания междометия…….80

2.1. Семиотическая дихотомия интеракционально-прагматических и дескриптивных знаков……80

2.1.1. Категория «интеракциональности» в концепциях лингвистического интеракционализма……88
2.1.2. Сущностные характеристики лингвистических знаков……92
2.1.3. Семиотическая интерпретация междометий в российской и зарубежной лингвистике……..98
2.2. Основные принципы описания интеръективных единиц в интеракционально-прагматической теории……111
2.2.1.Интеракционально-прагматическая типологизация междометий ……111
2.2.2.Проблема экспликации междометий в свете интеракционального подхода……119
2.2.3. Типологизация междометий как речевых актов ……..122
2.3. Интеръективация как семиотическая конверсия дескриптивного и интеракционального знаков……135
2.3.1. Вторичные эмотивные междометия как результат семиотической конверсии…….135
2.3.2. Этикетные междометия как результат семиотической конверсии… …….....145
Выводы…….149
Глава 3. Эмпирический подход к исследованию семиозиса интеракциональных и дескриптивных знаков……154
3.1. Семиозис как объект лингвистических исследований……..154
3.2. Методика эмпирического исследования семиозиса заимствованных языковых знаков……...158
3.2.1. Экспериментальный подход к исследованию семиозиса заимствованных дескриптивных знаков……158
3.2.2. Экспериментальный подход к исследованию семиозиса заимствованных интеракциональных знаков……165
Выводы……..176
Глава 4. Когнитивно-семиотический, прагматический и

лингвокультурный аспекты функционирования англо-американских междометий в современном русском языке……179
4.1. Заимствованные первичные англо-американские междометия в современном русском языке……..179
4.1.1. Заимствованное англо-американское междометие *вау* в современном русском языке…….179
4.1.1.1. Междометие *wow* как объект изучения в зарубежной и российской лингвистике ……..182
4.1.1.2. Удивление как этномаркированный эмоциональный концепт……..195
4.1.1.3. Интеръективные средства выражения удивления в русском языке…….200
4.1.1.4. Функционирование междометия *вау* в речевых практиках носителей современного русского языка……210
4.2. Заимствованное англо-американское междометие *йес!* в современном русском языке……241
4.3. Заимствованное англо-американское междометие *упс* в современном русском языке…….264
4.4. Заимствованные вторичные англо-американские междометия в современном русском языке…….273
4.4.1. Заимствованные этикетные англо-американские междометия…..273
4.4.2. Заимствованные эмотивно-оценочные англо-американские междометия в современном русском языке ……302
Выводы……...323
Заключение…….328
Библиография…….335
Словари и энциклопедические издания……367
Источники иллюстративного материала……..…….371
Приложения……376

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению интеракционально-прагматических функций междометий как культурно-семиотических маркеров, предопределяющих эмоционально-ценностные ориентации и поведенческие стереотипы представителей различных этнокультур. Исследование осуществляется на материале заимствованных современным русским языком англо-американских интеръективов, рассматриваемых в широком контексте взаимовлияния когнитивно-семиотических, прагматических, лингвокультурных и этнопсихологических факторов.

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX века ознаменовались радикальными изменениями в формах существования человечества. На смену множеству идеологических, общественно-экономических и лингвокультурных идентичностей, реализуемых в рамках отдельных государственных образований и культурно-языковых социумов, пришла тяготеющая к монополярности модель, получившая название глобализации. Под языковой глобализацией понимается процесс возрастающего воздействия и проникновения системы одного доминирующего языка в системы языков мира, в результате которого изменениям подвергаются лексический, грамматический и синтаксический уровни языка [Долгова 2014].

Если заимствование единиц вышеуказанных трех уровней является хорошо известным и изученным процессом, то наблюдаемый с конца 90-х годов XX столетия лингвистический феномен массового усвоения различными национальными языками англо-американских междометий представляет собой беспрецедентное в истории взаимодействия языков и культур явление, уникальность которого состоит не только в масштабности, но и в качестве интеръективных заимствований.

На протяжении многих столетий сформировавшийся в каждом языке репертуар первообразных междометий демонстрировал свою устойчивость и самодостаточность, полностью обеспечивая потребности каждого последующего

поколения в лингвистических средствах экстериоризации эмоциональных переживаний. Как «наиболее специфичную и консервативную часть национального языка» характеризует данную группу междометий Л.П. Крысин [Крысин 2002: 30]. Этноспецифичность интеръективов становится предметом изучения А. Вежбицкой, К. Годдарда, Е. Ю. Кустовой, Н.А. Гостемиловой и др. На герметичность и непополняемость фонда первичных междометий указывают в своих работах И.А. Шаронов, Л.П. Крысин, И.И. Скачкова, Л.К. Парсиева и многие другие ученые.

С началом глобализационных процессов границы ранее замкнутой группы нарушаются и многочисленные англо-американские интеръективы проникают в ранее закрытые для внешних влияний языковые сферы. В национальный междометный репертуар, характеризуемый В.В. Виноградовым как «обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов» [Виноградов 2001: 611] , активным образом внедряются первичные (*вау, йес!, упс*) и вторичные (прямые и калькированные) англо-американские интеръективы.

На сегодняшний день феномен интеръективной глобализации не получил научно-теоретического осмысления в отечественной и зарубежной лингвистике. Недостаток научного внимания к процессу заимствования междометий можно объяснить пренебрежительным отношением ученых к классу единиц, не обладающих концептуальным содержанием. Если проникновение англо-американских слов в современный русский язык рассматривается с точки зрения «импорта» лингвоконцептов и трансляции фрагментов инокультурной картины мира [Карасик 2004], то отсутствие у интеръективов денотации становится предпосылкой для убеждений в том, что их вхождение в речевые практики носителей русского языка не вносит никаких значимых изменений в принимающую лингвокультурную среду. Большинство российских лингвистов (М.А. Кронгауз, Л. П. Крысин и др.) рассматривают проникновение англо-американских междометий в речь как беспрецедентное в истории заимствований явление, свидетельствующее о непритязательном «языковом вкусе эпохи»,

однако не заслуживающее серьезного научного изучения. В результате лингвистический анализ подменяется эмоциональной критикой.

Актуальность данного исследования определяется:

- отсутствием единообразной, непротиворечивой теории междометия, основанной на признании его особой онтологической сущности по отношению ко всем другим знакам, образующим лингвосемиотическую систему;

- необходимостью и перспективностью теоретического осмысления лингвистического феномена заимствования англо-американских междометий с точки зрения когнитивно-семиотических, прагматических и лингвокультурных функций, выполняемых ими в процессе ретрансляции американской модели взаимодействия индивида с внеязыковой действительностью;

- неизученностью процесса семиозиса заимствованных интеръективных знаков в принимающей лингвокультурной среде.

Объект исследования составили заимствованные современным русским языком англо-американские первичные и вторичные междометия. Особый акцент ставится на изучении первообразных эмотивных междометий как не имеющего лингвистических прецедентов явления в опыте взаимодействия языков и культур.

Предметом исследования являются:

- типологические характеристики междометий как особого онтологического класса языковых знаков;

- механизмы интродукции и семиозиса заимствуемых интеръективных знаков в принимающей лингвокультурной среде;

- когнитивно-семиотические, прагматические и лингвокультурные характеристики процесса заимствования англо-американских интеръективов;

- моделирующая роль заимствованных интеръективов в процессе формирования аксиологических и культурно-поведенческих установок носителей принимающего языка.

Цель исследования – представить системное описание интеракционально-прагматических функций междометий как культурно-семиотических марке-

ров, предопределяющих эмоционально-аксиологическую матрицу поведения представителей различных этнокультур на материале заимствованных современным русским языком англо-американских интеръективов.

Основная гипотеза, подтвердившаяся в результате предпринятого исследования, состоит в том, что, если заимствованная из американского варианта английского языка денотативно-содержательная лексика представляет собой средство трансляции лингвокультурных концептов и вызывает изменения в концептуальной картине мира, то прагмалингвистическая функция заимствованных междометий состоит в формировании коррелирующих с перенимаемой моделью мировидения эмоциональных рефлексов и поведенческих стереотипов, обеспечивающих ее успешное внедрение и функционирование в языковом сознании носителей принимающего языка.

Для достижения поставленной цели и подтверждения выдвинутой гипотезы в рамках исследования были выдвинуты **задачи**, объединенные в соответствии с выделяемыми аспектами в три группы:

1. Задачи, связанные с выработкой основных теоретико-методологических положений исследования, направленных на создание принципиально новой, интеракционально-прагматической теории описания междометий:

- проанализировать основные парадигматические подходы к изучению междометий в отечественной и зарубежной лингвистике;

- обосновать необходимость применения семиотической методологии для создания целостной, внутренне непротиворечивой интеракционально-прагматической теории междометия;

- выявить онтологическую сущность интеръективных единиц как особого типа лингвистических знаков;

- определить основные принципы типологизации междометий в рамках сформулированного принципа дихотомии интеракционально-прагматического и дескриптивного знаков;

- охарактеризовать явление интеръективации как тип семиотической конверсии.

2. Задачи, связанные с разработкой основных принципов эмпирического исследования семиозиса заимствованных языковых знаков в динамике их функционирования в системе принимающего языка:

- проанализировать различные подходы к описанию языка как семиотической системы;

- разработать принципы эмпирического исследования семиозиса заимствованных языковых знаков;

- выявить в результате анализа данных выполненного эмпирического исследования разницу в механизме интродукции (введения) и освоения принимающей лингвокультурной средой дескриптивных и интеракционально-прагматических знаков;

- описать типы когнитивных операций, лежащих в основе функционального семиозиса заимствованных дескриптивных и интеракционально-прамгатических знаков.

3. Задачи, связанные с изучением прагматических и лингвокультурных функций, выполняемых конкретными англо-американскими междометиями в процессе их заимствования современным русским языком:

- описать англо-американские интеръективы как объект исследования зарубежной и российской филологии;

- проанализировать данные двукратного анкетирования носителей современного русского языка (2010 и 2017 г.), направленного на выявление особенностей семиозиса заимствованных междометий в принимающей лингвокультурной среде;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ заимствованных англо-американских междометий с их приблизительными интеръективными аналогами в русском языке;

- осуществить анализ функционирования заимствованных междометий в различных речевых практиках носителей современного русского языка;

- выявить и описать характер прагматических функций, выполняемых заимствованными междометиями в контексте актуальной лингвокультурной ситуации.

Для достижения цели и решения задач исследования в работе использовались следующие **методы:** описательно-аналитический, когнитивно-семиологический, функционально-прагматический, контекстуальный, сравнительно-сопоставительный, социолингвистический, метод анализа словарных дефиниций, метод статистической обработки данных.

Кроме того, в работе применялся разработанный в целях анализа семиозиса заимствуемого знака эмпирический метод двукратного анкетирования носителей языка с определенным временным интервалом, позволяющий обнаружить динамику освоения заимствуемого знака носителями принимающего языка.

Материалом исследования послужили разнообразные источники, соответствующие областям функционирования изучаемых заимствований: записи аутентичных речевых интеракций в повседневном общении носителей современного русского языка, фрагментов из переводной американской и отечественной кинопродукции, диалогические срезы из развлекательных телешоу и рекламных телероликов, фрагменты блогов, различные типы поликодовых текстов, созданных российскими Интернет-пользователями (Интернет-картинки, демотиваторы, мемы, интернет-комиксы), а также размещенные в электронных ресурсах литературные тексты современных российских авторов с 2010 по 2017 год. Кроме собранного нами материала из указанных выше источников, исследование опирается на данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Составленная нами картотека (без учета примеров из НКРЯ) насчитывает 1550 диалогических срезов, содержащих исследуемые англо-американские междометия.

Теоретическую основу диссертации составили исследования:

- в области интеръективной проблематики (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, С. Карцевский, А.А. Шахматов, Е.Ю. Кустова, И.А.

Шаронов, Е.В. Середа, А. Вежбицкая, Ф. Амека, Д. Уилкинс, К. Годдард, Т. Уортон, П. С. Хейнер и др);

- лингвосемиотики (Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр, Э. Бенвенист, Р. Якобсон, Р. Эко, В. Дорошевский, М.В. Никитин, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова, Н.Б. Мечковская. Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Н.Ф. Алефиренко, А.В. Кравченко, Г.В. Токарев и др.);

- прагмалингвистики (Г.П. Грайс, Дж. Серль, Дж. Остин,Дж. Лич, Д. Шпербер- Д.Уилсон, Д. Блэкмор, И.А. Сусов, В.И. Заботкина, В.В. Богданов и др.);

- интеракциональной лингвопрагматики (Дж. Гамперц, Э. Гоффман, О. Дюкро, М.М. Бахтин, А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова, А.С.Черенков и др.);

- эмотиологии (К. Изард, Ю.Д. Апресян, В.И. Шаховский, Н.Ф. Дорофеева, Т.В. Ларина, Е. А. Михайлова, П.В. Симонов, О. Е. Филимонова и др.);

- лингвокультурологии и речевого этикета (Н.Ф. Алефиренко, В.М. Шаклеин, В.И. Карасик, И.А. Стернин, В.А. Ефремов, Н.И. Формановская и др.);

- теории заимствований (В.М. Аристова, Л.П. Крысин, А.И. Дьяков, О.Э. Бондарец, А.Ю. Романов и др.) и лингвоглобалистики (Д. Кристал, Н. Купланд, И.М. Подзигун, А.В. Кирилина, О.В. Одегова, А.Н. Долгенко и др.).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые в качестве объекта исследования избираются заимствованные англо-американские междометия, изучение которых осуществляется с точки зрения когнитивно-семиотических особенностей процесса их интродукции в принимающую среду, протекания функционального семиозиса и характера лингвопрагматических функций, выполняемых заимствованными англо-американскими интеръективами в процессе формирования новых эмоционально-оценочных, аксиологических и поведенческих стереотипов носителей современного русского языка. Впервые выдвинут и обоснован принципиально новый теоретико-методологический подход к описанию междометий, в основе которого лежит сформулированный в работе принцип семиотической дихотомии дескриптивного и интеракционально-прагматического типов языковых

знаков. В работе предложена и верифицирована оригинальная авторская методика эмпирического исследования функционального семиозиса заимствуемого знака на основе выполнения двукратного (n-кратного) анкетирования носителей принимающего языка с n-летним временным разрывом, создающая условия для изучения процесса усвоения заимствуемого знака в его непосредственной динамике.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в нем разработана новая теория междометия, основанная на выдвинутом в работе принципе семиотической дихотомии «интеракционально-прагматический (междометие) / дескриптивный знак (остальные лингвистические единицы)». В рамках предложенной теории сформулирована универсальная дефиниция междометия как особого типа лингвистических знаков, осуществлена типология интеръективов как конкретных типов реализации прагматической интеракциональности, установлена принадлежность междометий к различным типам речевых актов, описан механизм перехода знаменательных частей речи в междометия как тип конверсии дескриптивного знака в интеракционально-прагматический знак.

Теоретическую ценность имеют сформулированные в работе положения о семиотической нетождественности междометий на уровне речепроизводства и речевосприятия; описание специфики когнитивных механизмов, лежащих в основе семиозиса заимствованных дескриптивных и интеракциональных знаков; выявление прагматических функций интеръективов как культурно-семиотических маркеров аксиологической и поведенческой матрицы членов различных этносоциумов.

Предложенные в работе теоретические решения и полученные выводы вносят вклад в развитие лингвосемиотики, прагмалингвистики, теории заимствований, лингвокультурологии и лингвоглобалистики.

Практическая ценность исследования состоит в том, что разработанная и верифицированная в нем процедура эмпирического наблюдения семиозиса заимствуемого знака в форме n-кратного, отсроченного по времени анкетирова-

ния носителей принимающего языка, может найти практическое применение в области получения опытных данных, характеризующих семиозис языкового знака в его реальной динамике.

Фактический материал диссертации и методика его анализа могут быть использованы в дальнейшем исследовании интеръективной проблематики, при разработке лекционных вузовских курсов по лингвосемиотике, этнолингвистике и лингвоглобалистике, спецкурсов по функциональной и коммуникативной грамматике русского языка, теории речевого воздействия, а также в практике преподавания русского и английского языков как иностранных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Наблюдаемое в настоящее время массовое проникновение англо-американских междометий в современный русский язык не имеет лингвистических прецедентов. Впервые ранее замкнутая группа прототипических первообразных эмотивных междометий пополнилась за счет внешних заимствований. Вхождение этнокультурно чуждых междометий в русский интеръективный фонд приводит к изменениям в эмоционально-аксиологической и культурной матрице поведения носителей современного русского языка.

2. Междометия представляют собой особый тип лингвистических знаков, не предназначенных для выполнения заместительной функции вследствие их интеракционально-прагматической природы, заключающейся в непосредственном взаимодействии интеръективного знака с внеязыковой средой. Характерное для дескриптивного знака соотношение «означающего» (слова) и «означаемого» (денотата), в междометиях получает характер отношения «выражающего» (вокальный жест) и «выражаемого» (ментальное состояние, отношение).

3. Отличительной характеристикой междометий как интеракционально-прагматических знаков является их семиотическая нетождественность в процессе речепорождения и в процессе речевосприятия. Если на уровне продуцирования междометия представляют собой интеракционально-прагматический

знак, то на уровне рецепции потенциальным адресатом репрезентируют индексальный интерференционный знак.

4. Решение проблемы создания непротиворечивой, универсальной для всех классов междометий теории лежит в плоскости признания семиотической дихотомии между двумя типами знаков: «интеракционально-прагматический знак (междометие)/ дескриптивный знак» (все остальные лексические единицы). С учетом особого семиотического статуса междометия должны быть определены как интеракционально-прагматические лингвистические знаки, отражающие процесс взаимодействия индивида с объектами внеязыковой среды в момент его непосредственного возникновения.

5. Различные семиотические типы заимствований детерминируют дифференцированные способы интродукции в принимающий язык: использование моносемиотических (вербальных) средств в ситуации заимствования дескриптивного знака и семиотически гетерогенных (поликодовых) средств презентации – в случае заимствования интеракционального знака (междометия). Финальная интерпретанта заимствуемого дескриптивного знака представляет собой конструируемый интерпретатором гносеологический образ, финальная интерпретанта междометия – встраиваемый эмоциональный рефлекс, активизируемый определенным набором типовых ситуаций.

6. В процессе семиозиса первообразных англо-американских междометий в современном русском языке изменения претерпевают структура, качество выражаемых ими эмоций и область каузации, характер которых в языке-реципиенте детерминируется социальными, возрастными, гендерными параметрами. Заимствованные междометия подвергаются функционально-семантической трансформации (переход из одного разряда междометий в другой) и частеречной перекатегоризации (переход междометия в другие части речи).

7. Заимствованные первообразные англо-американские междометия выступают в роли средств репрагматизации картины мира носителей современного русского языка: интеръектив *вау,* употребляемый преимущественно в реклам-

ном и развлекательном дискурсе, выполняет функцию приучения индивида к низшим, сенсорным формам эмоциональной оценки, способствует формированию рефлекса потребления и акцентуации личности на гедонистических ценностях; интеръектив *йес!,* функционирующий преимущественно в публичном дискурсе политиков и участников состязательных мероприятий, стимулирует агентивность члена социума как автономного субъекта жизнедеятельности, мотивирует индивида на достижение успеха и превосходства в условиях актуализации оппозиции «свой – чужой».

8. Вхождение в русский речевой этикет многочисленных англо-американских этикетных междометий приводит к размыванию границ статусно-маркированного общения, способствует усилению позитивного тона интеракции, приучает человека к гедонистическому формату существования и нацеливает на поддержание непрерывных контактов в аутентичной и виртуальной коммуникационной среде.

9. В современном русском языке наблюдаются процессы приобретения формантами греко-латинского происхождения (*супер, мега, экстра*) статуса интенсификаторов эмоциональной оценки и утраты деривационной активности в научной и публицистической сфере. Ранее категориально несамостоятельная морфема *супер* подвергается частеречной автономизации, становится высокочастотным интеръективным средством выражения позитивной эмоциональной оценки.

10. Заимствование первообразных англо-американских междометий мотивировано лингвистическими (отсутствием в современном русском языке точных интеръективных эквивалентов) и экстралингвистическими (прагматической корреляцией заимствованных интеръективов с перенимаемой идеологией общества, основанного на принципах конкуренции и гедонистического потребления) факторами. Функционально-семантическая немотивированность заимствования этикетных междометий компенсируется экстралингвистическими факторами (их соответствием транслируемым ценностям, компактно-

стью и удобством использования в аутентичной и виртуальной коммуникации).

Объективность и достоверность основных положений, результатов и выводов исследования основывается на сформулированном в качестве основополагающего методологического положения принципе семиотической дихотомии интеракционально-прагматического знака (междометия) и дескриптивного знака (всех остальных лексических единиц). Выявление имманентной интеракционально-прагматической природы междометного знака позволило создать обладающую идеологической целостностью теорию, в которой каждый частный аспект описания междометия укладывается в рамки общего постулата о семиотической иноприродности интеръективов, «когда индуктивность описания (от фактов к обобщению) проверяется определённой дедуктивной схемой, отражающей логику построения и функционирования описываемой системы» [Кустова 2008: 54].

Об адекватности и достоверности полученных результатов свидетельствует репрезентативное количество проанализированных аутентичных микроконтекстов употребления исследуемых интеръективов в различных дискурсивных практиках, в том числе примерах, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования. Основные положения и научные результаты исследования прошли апробацию на конференциях, состоявшихся в России и за рубежом: международной научной конференции «Модели в современной науке: единство и многообразие» (2010, Калининград); VI международной научной конференции «Язык, культура, общество» (Москва, 2011); I, II, III научно-практической конференции «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания» (Москва, МГИМО (У) МИД, 2013, 2015, 2017); международной научной конференции «Модальные аспекты речевой коммуникации» (2015, Калининград); международной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания» (2012, Астрахань), XXIV международной научно-

практической конференции «Язык и культура» (2016, Новосибирск), международной научной конференции «Między słowami, między światami» (2014, г. Ольштын, Польша); II международной научной конференции «Człowiek w obliczu kryzysu – różne wymiary kryzysu» (2014, г. Эльблонг, Польша); международной научной конференции «Zmiany w języku polskim i innych językach słowiańskich» (2016, г. Лодзь, Польша), XII международной научно-практической конференции «International scientific review of the problems and prospects of modern science and education» (2016, Бостон, США); международной научной конференции «Język rosyjski XXI wieku źródła i perspektywy» (2016, г. Варшава, Польша); I научно-практической конференции «Humanities, Social Sciences and Environment Conference» (2016, Милан, Италия); международной научно-практической конференции «Современные проблемы науки, технологий, инновационной деятельности» (Белгород, 2017); I международной научно-практической конференции «Язык и культура в условиях глобализации» (Новосибирск, 2017).

Основные положения работы были изложены и обсуждены в рамках проведенных научно-исследовательских семинаров и прочитанных лекций на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (2015, 2016); Института русистики Варшавского университета (2014; 2016), Центра русского языка Лодзинского университета (2015, Польша); Российского университета дружбы народов (2016, 2017), Института славистики Венского государственного университета (2017).

Материалы диссертационного исследования включены в программу курса «Научное наследие проф. А. Вежбицкой», который с 2008 г. преподается студентам института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта.

Основные положения диссертации отражены в 41 статье, 18 из которых опубликованы в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, и монографии автора общим объемом 25 п.л.:

Поставленные цель и задачи определили структуру и объем диссертации, состоящей из Введения, четырех глав, заключения и приложений.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ

1.1. Эволюция взглядов на лингвистическую категоризацию междометий

1.1.1. Проблема определения лингвистического статуса междометий

Среди многочисленных объектов лингвистического исследования междометие представляет собой самый противоречивый и сложный феномен, порождающий проблемы интерпретации на всех традиционных для языкознания уровнях категоризации. О недостаточной изученности междометий, их неоднозначной трактовке и упорном нежелании данных единиц укладываться в рамки какой-либо единой, непротиворечивой теоретической концепции говорится практически во всех работах в области интеръективной проблематики.

В середине прошлого столетия автор фундаментального труда «Междометия в русском языке» А.И. Германович указывал на то особое место, которое занимает междометие среди всех частей речи, подчеркивая, что именно по отношению к данной категории наблюдается больше всего споров и разногласий [Германович 1941]. К этому же периоду относится работа С. О. Карцевского, опубликованная в СССР только в 1984 году. В ней известный русский языковед констатирует, что междометия «не пользуются вниманием со стороны лингвистов и, если кто-нибудь захочет составить о них более глубокое представление, он столкнётся с серьёзными трудностями» [Карцевский 1984: 128].

В начале XXI столетия Е.В. Середа продолжает характеризовать междометия как «малоизученный класс слов» [Середа 2003]. А.С. Стаценко указывает, что «на сегодняшний день междометия остаются одним из самых неоднозначно трактуемых классов языка» [Стаценко 2011: 46]. С.Ю. Мамушкина подчеркивает, что «спорными и все еще окончательно нерешенными остаются вопро-

сы относительно характера значений междометий, определения состава этого класса слов, их частеречной принадлежности и синтаксической роли» [Мамушкина 2003: 9]. Сходное мнение высказывается Д.А. Прокахиной, замечающей, что «междометия ставят вопросы перед лингвистической теорией на всех уровнях, разрушая некоторые традиционные общепринятые постулаты» [Прокахина 2012: 5], а также И. С. Шароновым, характеризующим лингвистические представления об этих единицах как «клубок противоречий и методологической путаницы» [Шаронов 2008: 9].

Анализируя различные подходы к изучению междометий, известный славист Т.М. Николаева не без иронии утверждает: «Относительно междометий как класса можно сказать, что в мировой науке по поводу них существует согласие в несогласии и согласие в утверждении их непонятности» [Николаева 2015: 7]. Такая форма «согласия в несогласии» послужила одной из причин выхода в 1992 г. специализированного, посвященного интеръективам, выпуска журнала «Journal of Pragmatics», в который вошли работы известных зарубежных лингвистов – авторов различных теоретических подходов к описанию междометий. Программное звучание имеет заголовок вступительной статьи редактора сборника Ф. Амеки: «Универсальная, но пренебрегаемая часть речи» («Universal, but neglected part of speech»). В ней голландский лингвист указывает, что, несмотря на универсальность данной категории, определение междометия остается расплывчатым, а сам класс интеръективных единиц продолжает находиться на периферии лингвистического теоретического дискурса [Ameka 1992: 102].

Следует отметить, что указание на периферийное положение междометий в лингвистике как на первопричину недостаточной изученности данной части речи можно признать справедливым только по отношению к периоду безраздельного господства в языкознании системоцентрической парадигмы Ф. де Соссюра. Несмотря на то, что швейцарский ученый осознавал историческую первичность речи по отношению к языку и отдавал себе отчет в отсутствии непреодолимых границ между языком и речью, тем не менее, он призывал ис-

ключить речь из лингвистических исследований. Ф. де Соссюр писал: «Язык (есть) одновременно и орудие, и продукт речи. Но все это не мешает языку и речи быть двумя совершенно различными вещами» [Соссюр 1957: 54]. На этом основании ученый предлагал считать язык единственным, достойным научного изучения объектов, «лингвистикой в собственном смысле» [Соссюр 1957: 58].

В течение долгих десятилетий данный призыв воспринимался лингвистами как не подлежащее дискуссии руководство к действию, в результате чего междометия вместе с другими дискурсивными единицами попали в разряд дискриминированных, маргинальных по отношению к языковой системе единиц. Наметившийся с середины XX века разворот языкознания к антропоцентризму, с характерным для него переключением интереса от объекта познания к субъекту, от изучения системы к выявлению закономерностей ее функционирования, привел к значительному увеличению количества работ, посвященных изучению междометий. Однако ни одна из разработанных концепций не смогла предложить теоретико-методологические принципы, имеющие универсальную экспланаторность. Актуальное состояние проблемы весьма точно было описано испанскими лингвистами Н. Куето Валлверду и М.Х. Лопес Бобо, указавшими, что до сих пор никто из ученых «не знает, как подступиться» к их изучению [Cueto Vallverdú, López Bobo 2003: 9].

По мнению Ф. Амеки, источник всех нерешенных проблем лежит отчасти в самой природе данного феномена, или, точнее говоря, в их «иноприродности» остальным классам лингвистических единиц, и отчасти – в истории изучения проблемы [Ameka 1992: 103].

Обращение к исторической перспективе изучения междометий позволяет выделить основные, принципиально важные для становления и развития интеръективной проблематики вопросы, которые на протяжении нескольких столетий определяли вектор научных поисков. К ним относятся:

- установление статуса междометных единиц по отношению к системе языка;

- проблема морфологической или синтаксической категоризации междометий;

- принципы классификации и определение объема интеръективной категории;

- формулирование универсальной дефиниции междометия.

По мере становления и развития новых лингвистических дисциплин в фокусе исследовательского внимания оказываются все новые проблемы интеръективной категоризации, в числе которых:

- характеристика семиотического статуса междометий и определение природы их знаковости;

- решение вопроса о степени релевантности описания междометий в терминах семантики или прагматики;

- разработка типологии экспликации выражаемых междометиями ментальных состояний;

- характеристика междометий в свете теории речевых актов;

- определение дискурсивных функций, выполняемых междометиями в процессе коммуникации, а также некоторые другие, частные вопросы исследования (культуроспецифичность междометий, изучение механизма конверсии знаменательных единиц в интеръективы и другие).

Исторически выделение междометия как автономной части речи предшествовало научно-теоретической рефлексии об обоснованности его отнесения к элементам языковой системы. Впервые как самостоятельный лексико-грамматический класс междометие (лат. interjectio) упоминалось еще в латинской грамматике Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н. э.).

Сам термин *междометие*, согласно этимологическому словарю М.Р. Фасмера, представляет собой кальку с латинского *interjectio* «вставленное слово», слово, которое «метнули между полноценными словами» [ЭСРЯФ]. В русском языке термин *междометие* впервые появляется в 1619 г. в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. В трудах современных отечественных лингвистов наряду с междометием повсеместное распространение получил термин *интеръективы*, употребляемый в качестве синонимичного по отношению к термину *междометие*.

Анализ различных точек зрения на степень лингвистичности/внелингвистичности междометий необходимо предварить одним принципиально важным замечанием. Источником всех дискуссионных вопросов в области интеръективистики и, в первую очередь, вопроса об онтологической обоснованности категоризации междометий как единиц, принадлежащих языковой системе, является группа первообразных междометий. Именно конститутивные признаки данного класса осознанным или неосознанным образом кладутся в основу всех разрабатываемых дефиниций, классификаций или теорий. Как справедливо указывает И.А. Шаронов, «группа первичных эмоциональных междометий является прототипической, ее признаки имеют статус категориальных» [Шаронов 2009: 5].

Об «эталонности» данного класса междометий в процессе определения его основных категориальных свойств свидетельствуют не только выполненные в данной области научно-исследовательские работы, но и характер предлагаемых различными справочными источниками дефиниций. Содержащиеся в них формулировки, вне всякого сомнения, в большинстве своем относятся именно к группе первичных эмотивных междометий.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова определяет междометие как «Неизменяемое слово, выражающее чувство, напр. ох, ой» [ТСРЯУ]. В Толковом словаре С.И. Ожегова указывается: «Междометие: В грамматике: неизменяемое слово, непосредственно выражающее эмоциональную реакцию, чувство, ощущение, напр. «ай», «ах», «ба», «ого», «ох», «ух», «фи», «эх» [ТСРО]. Сходное определение предлагается в словаре литературных терминов: «Междометие. Звук речи или сочетание звуков речи, не являющиеся словами, т.е. не обозначающие предметов мысли (понятий), а выражающие чувствования или ощущения: ай, ах, ох, э, увы и пр.» [ЛЭ:СЛТ]. Заслуживает внимания не лишенная субъективизма формулировка в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Междометие – одна из так называемых «частей речи». Междометия в огромном большинстве случаев представляют собой нечто совсем не похожее на другие части речи или на какие-нибудь словообразова-

тельные элементы (суффиксы, префиксы) и т. д. Эта особенность междометия находится в связи с их значением, всегда равносильным самостоятельному неполному предложению (….)» [ЭСБЕ].

В отличие от академически бесстрастных определений, предлагаемых словарями нового времени, авторы энциклопедического издания на рубеже XIX – XX столетия позволяют себе субъективные комментарии: «так называемые части речи», «нечто совсем не похожее на части речи или морфемы». В них, как в капле воды, отражается та научно-философская рефлексия, которая сопровождает поиск надлежащего междометиям «места» в рамках ригористических канонов традиционной описательной грамматики.

Большинство справочно-информационных источников XX – XXI столетий включают в дефиниции побудительные междометия. Согласно БЭС, «междометие – часть речи, разряд неизменяемых, морфологически нечленимых слов, употребляющихся обычно для выражения чувств и волевых побуждений, напр. о!, ах!, эй!» [БЭС]. В словаре Д.Э. Розенталя указывается, что «междометие – «часть речи, включающая неизменяемые слова, которые непосредственно выражают наши чувства и волеизъявления, не называя их. А! и Ах! Ну! Ура! Цыц! Чу!» и т.д. [СПРЯ]. «Междометие – класс неизменяемых слов, лишенных грамматических показателей и обладающих особой экспрессивно-семантической функцией – выражения чувств и волевых побуждений» [СЛТА].

В «Новой литературной энциклопедии» указывается: «Междометие – класс слов, стоящих вне грамматики, но включаемых в состав частей речи. Общее значение междометий – выражение эмоций без называния их: ах, о, увы, тс, цыц (…)» [НЛЭ]. В предложенном определении отражаются основные противоречия интеръективной проблематики: частеречная атрибуция междометий при отсутствии у них традиционных морфологических признаков и их отличительное свойство «выражать эмоции, не называя их».

Данные особенности междометий стали предпосылкой для возникновения научной дискуссии о лингвистическом или экстралингвистическом статусе

междометных единиц, в рамках которой сформировались три основных подхода.

Часть ученых полагает, что междометия следует отождествлять с инстинктивными, непроизвольно вырывающимися у человека звуками или эмоциональными рефлекторными выкриками (В. фон Гумбольдт, М. Мюллер, В. Вундт, А.И. Греч, Д.Н. Кудрявский, К.С. Аксаков, Д.Н. Овсянико-Куликовский и др.), вследствие чего они не могут претендовать на статус лингвистических единиц. Другие исследователи утверждают, что междометия являются частью языковой системы и должны быть категоризированы либо в рамках самостоятельного лексико-грамматического класса, либо как автономная единица синтаксического уровня (М.В. Ломоносов, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Г. Пауль, Г. Суит и др.). Наконец, третий подход представляет собой компромиссное решение проблемы, постулируя «пограничный» характер данных единиц, сочетающих в себе лингвистические и экстралингвистические признаки (Т. Уортон, П. Круз, И.А. Шаронов и др.).

Поддерживаемая многими учеными XIX – XX столетий идея о внелингвистичности междометий имеет убедительную доказательную базу. Ни один из свойственных всем другим морфологическим категориям конститутивных признаков не является релевантным для первичных междометий. С формальной точки зрения они представлены одним или двумя-тремя звуками, т.е. не обладают внешними конструктивными признаками полноценного слова. Описывая состав группы первичных междометий, И.А. Шаронов поясняет: «В нее входят междометия, построенные по модели гласный + согласные *х* и *й* (*ах, ох, ух, эх, ай, ой, эй*), по модели гласный + согласные *г/х* + гласный (*ага, ого, эге, эхе*), согласные *х* и *ф* + гласный (*ха, хе, хо, фу, фи, фе*), протяжно или интонированно произносимые гласные (*и-и, а-а, у-у, о!* и т.д.), звукоподражания эмоциональных вокализаций человека (*брр, фу, фи, тьфу, ха-ха-ха*) и некоторые другие единицы» [Шаронов 2004: 661].

К отличительным формальным признакам междометий относят фонетическую «аномальность» многих интеръективных единиц, порождающую про-

блемы графической фиксации, обязательную интонационно-просодическую оформленность и во многих случаях жестово-мимическое сопровождение. Лингвисты указывают на первостепенную роль супрасегментных средств (просодико-интонационных) по отношению к собственно сегментным (фонетический облик интеръектива) в выявлении передаваемых ими эмоциональных смыслов.

Еще большие расхождения с традиционными языковыми элементами наблюдаются в функционально-семантических свойствах междометий. Прежде всего, для них не характерна функция обозначения и называния: междометия выражают эмоциональные (ментальные) состояния, не называя их. Отсутствие денотативного содержания влечет за собой «аграмматичность» данного класса единиц, их внутреннюю неспособность к словоизменению, а также их «асинтагматичность» и синтаксическую автономность. Лишенная внутреннего гносеологического образа единица по определению не способна вступать в смысловые взаимоотношения с другими элементами языка. Как указывал А.М. Пешковский, «междометия – это знаки чувствований, а не представлений. <…> Таким образом, вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут» [Пешковский 2001: 393].

Отождествление междометий с имеющими спонтанный, рефлекторный характер выкриками послужило основанием для появления диахронических и синхронных теорий, описывающих их в терминах рефлексологии или аффектологии. Идея об эмоционально-рефлексологической основе зарождения языка из междометий поддерживалась многими зарубежными и российскими учеными (В. Гумбольдт, М. Мюллер, В. Вундт, А.И. Греч, К.С. Аксаков, Д.Н. Кудрявский и др.). К. С. Аксаков писал, что междометие «вовсе не есть слово. Это просто восклицание, которое показывает неопределенное состояние боли, ужаса, радости. Тут еще нет слова, тут еще не говорит человек; нет, это крик» [Аксаков 1875: 7 – 8]. В. Вундт называл междометия источником языка и «застывшими остатками естественных звуков» [Вундт 1993: 320]. М. Мюллер усматривал в междометиях ту границу, за которой, собственно говоря, начина-

ется язык: междометия – это «только окраина языка; язык начинается там, где кончаются междометия» [Muller 1992: 27]. Бенфей сформулировал эту мысль еще более категоричным образом: «Между междометием и словом лежит такая пропасть, которая позволяет нам утверждать, что междометие есть отрицание языка» [Benfey 1869, цит. по Tayebi T, Parvaresh V. 2011: 57].

Сторонник «междометной» теории происхождения языка, А.А. Потебня писал: «Язык животных и человека в раннюю пору детства состоит из рефлексий чувства в звуках. Вообще нельзя себе представить другого источника звукового материала языка. Человеческий произвол застает звук уже готовым: слова должны были образоваться из междометий…. Междометие под влиянием обращенной на него мысли изменяется в слово» [Потебня 1976: 110].

Однако даже если мы признаем за междометиями статус исходного «сырья» для возникновения полноценных лингвистических единиц, их «сохранность» и чрезвычайная коммуникативная «активность» в составе систем высокоразвитых языков помогает осознать тот факт, что интеръективные единицы не были свидетельством вербально-гносеологической «немощи» человека в ранние периоды филогенеза. Анализируя последующую судьбу междометий в процессе семиозиса, А.А. Потебня писал: «Первобытные междометия <…> распадаются на такие, которые навсегда остались междометиями, и на такие, которые с незапамятных времен потеряли свой интеръекционный характер» [Потебня 1952: 98].

Активное присутствие данных единиц в качестве универсалий в современных языках позволяет осознать их необходимость как элементов, осуществляющих функции непосредственного взаимодействия человека с внеязыковой средой. Характеризуя междометия в синхронической перспективе, Е. Ю. Кустова определяет их «инаковость» по отношению к другим знакам семиотической системы, состоящую в «тяготении к интуитивно-эмоциональным (правополушарным) средствам отражения действительности» [Кустова 2010: 18]. Ученый доказывает, что интеръективы представляют собой прототипические

элементы языка речи как с точки зрения глоттогенеза, так и с точки зрения синхронических когнитивных механизмов перцепции [Там же].

К числу сторонников отнесения междометий к особому аффективному языку относятся Ш. Балли, Ж. Вандриес, Г. Пауль. Немецкий исследователь истории языка Г. Пауль описывал междометия как «непроизвольно вырывающиеся у человека звуки, вызванные состоянием аффекта» [Пауль 1960: 218]. Ж. Вандриес характеризовал междометие как «специальную форму речи – речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную» [Вандриес 2001: 137]. Дж. Лич писал: «Междометия скорее периферийны по отношению к языку: такие слова, как *ugh, phew, oh, ah, ouch* с лингвистической точки зрения представляют собой примитивные выражения чувств, только в незначительной степени интегрированные в лингвистическую систему» [Leech 1982: 53].

Э. Сепир называл междометия «инстинктивными криками» и «условными фиксациями естественных звукоиспусканий» [Сепир 1934: 7–8]. По его мнению, фонетические различия междометий в разных языках обусловлены специфической фонетической природой языков [Там же]. Данное утверждение, однако, противоречит идеям самого Сепира о происхождении языков из междометий. Фонетическая специфика интереъктивов никоим образом не могла определяться фонологическими свойствами еще не существующего языка. Более того, наблюдающаяся в синхроническом срезе фонетическая «атипичность» интеръективов опровергает тезис о детерминированности их формы фонологическими закономерностями соответствующих языковых систем.

Причины фонетической дифференциации междометий находят более точное, соответствующее законам диахронии, объяснение в работах Е.Ю. Кустовой, указывающей, что «этногенетические, территориально-климатические, а впоследствии и лингво-генеалогические факторы, определяющие нормирование фоносемантических, фонологических и просодических систем языков, отражаются, в первую очередь, на интеръективных формах» [Кустова 2010: 53].

Именно различия фонетического облика междометий в различных языках становятся основным фактором, обусловливающим все большее признание идеи о лингвистичности интеръективных единиц. Междометия не могут рассматриваться как полностью спонтанные, рефлекторные выкрики вследствие их конвенциональности, закрепленности в языковой традиции. Приобретаемая в онтогенезе конвенция произнесения определенного междометия в типовых ситуациях взаимодействия «упорядочивает» и стереотипизирует эмоциональные реакции в пределах определенного культурно-языкового социума. В результате в каждом языке вырабатывается свой собственный «инвентарь» интеръективных средств, образующий некий эмоционально-волевой каркас поведенческой матрицы отдельного индивида и общества в целом, охарактеризованный В.В. Виноградовым как «обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов» [Виноградов 2001: 611].

Только в том случае, если бы во всех языках имело место полное совпадение междометий по их звуковому оформлению и набору каузирующих ситуаций, можно было бы вести речь о существовании некоего общего для всего человечества рефлекторно-аффективного уровня отражения действительности. Как указывает А.И. Германович, «рефлекторный выкрик представляет собой акт первой сигнальной системы и лишен интонации, в особенности выразительного тембра, а междометие – это факт второй сигнальной системы и является средством общения» [Германович 1966: 17]. А. Вежбицкая пишет: «Междометия в значительной мере базируются на культуроспецифичных конвенциях, а не на универсальных «законах природы», или что, по крайней мере, имеет место какая-то смесь того и другого» [Вежбицкая 1999: 612]. Как и все другие элементы языковой системы, междометия усваиваются из опыта предыдущих поколений, что также является весомым аргументом в пользу их лингвистичности.

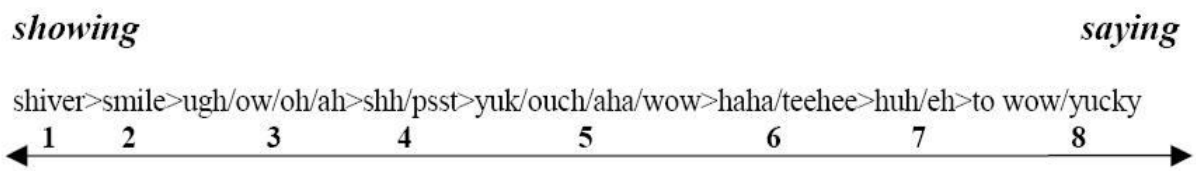
Языковой статус междометий доказывает также невозможность их механического переноса при переводе с одного языка на другой. «Междометия при-

надлежат конкретному языку и конкретной культуре, требуют перевода при переходе с одного языка на другой и специального изучения при овладении иностранным языком» [Исянгулова 2015: 1066]. К интралингвистическим доказательствам языковой природы междометий относят также их участие в лингвосистемных процессах: переход междометий в другие части речи, участие в деривационных процессах, а также выполнение ими различных иллокутивных функций в процессе речевой коммуникации.

Пограничное положение междометий как рефлекторно-языковых средств стало основанием для разработки Т. Уортоном концепции их амбивалентной природы [Wharton 2003]. В своей теории английский лингвист опирается на идеи Э. Гоффмана, описывающего различные способы объективации эмоций: «Если вы хотите показать собеседнику, что рады его подарку, вы демонстрируете ему вашу естественную реакцию – улыбку; чтобы сообщить ему, что вы довольны, вы говорите «Как замечательно!»; произнести же междометие *wow* – значит сообщить, что вы довольны, подключив при этом некий код, который, хотя и выходит за рамки паралингвистики, все же не может быть назван собственно лингвистическим» [Гоффман 1981: 115].

Т. Уортон разрабатывает интеръективный континуум, в рамках которого располагает междометия в зависимости от преобладания в них лингвистических или паралингвистических признаков, – от стадии показывания (showing) – к стадии говорения (saying).

Рис. 1. The showing/saying continuum (Т. Уортон)

[Wharton 2003: 210]

Сформулированная Т. Уортоном концепция о нахождении интеръективов в пограничной между лингвистикой и паралингвистикой зоне логично вписывается в представления других авторов о сочетании в междометиях элементов

этнокультурных языковых конвенций и спонтанных психофизиологических реакций. С общеметодологической точки зрения признание факта различной степени интегрированности междометий в язык в полной мере согласуется с пониманием языка как совокупности недискретных явлений, где «между отрезками четко различающихся цветов находятся переходные зоны, которые трудно приписать определенному цвету» [Гак 1998: 16]. Примечательно, что, указывая на недискретность языковых явлений, В.Г. Гак также использует термин «континуум», разъясняя, что «факты языка формируют некоторый континуум – цепь постепенных переходов; крайние звенья этой цепи четко различаются между собой, но они связаны зоной постепенных переходов, где невозможно раз и навсегда провести разграничительные линии [Там же].

1.1.2. Морфологическая и синтаксическая категоризация междометий

История эволюции взглядов на частеречную принадлежность междометий достаточно подробно изложена во всех диссертационных исследованиях интеръективной проблематики. Изучению данной проблемы посвящены статьи Г.А. Исянгуловой [Исянгулова 2015а, 2015б], С.Ю. Мамушкиной [Мамушкина 2013], Ю.А. Цофиной [Цофина 2011].

В рамках решения вопроса о морфологической категоризации междометий выработались три основных подхода: исключение междометий из системы частей речи, их включение в состав другой части речи, выделение в самостоятельную часть речи, «изолированную» от других морфологических категорий.

Сторонниками первого подхода были И.И. Греч, К. С. Аксаков, А.А. Потебня, Д.Н. Овсянико-Куликовский и др.. Французский лингвист Ж. Вандриес призывал: «Прежде всего, надо исключить из частей речи междометие. Как бы ни было велико значение междометия в речи, оно – явление другого порядка... Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи – речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действенную; во всяком случае, оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи» [Вандриес 2001: 114].

За пределы когнитивных процессов предлагал выносить междометия также А.А. Потебня, писавший: «Междометие не является предметом мысли, все его содержание составляет чувство, которое не может воспроизводиться как мысль. Чувство всегда ново, поэтому и междометие как отражение мгновенного состояния души каждый раз создается заново и не имеет объективной жизни, присущей слову, а, следовательно, не может причисляться к языку» [Потебня 1999: 80-84]. Заметим, что тезис о «каждоразовом» создании междометия противоречит принципу их конвенциональности. Испытываемое чувство, действительно, всегда ново, однако, способ его языкового выражения предопределен составом национального интеръективного репертуара.

Д.Н. Овсянико-Куликовский также настаивал на исключении междометий из частей речи: «Междометие, как выражение чувства, а не мысли, не есть настоящая часть речи: в нем нет ни признака, ни грамматической формы. Его можно назвать фиктивною частью речи. В связи с этим оно и не входит в состав предложения, а стоит вне его» [Овсянико-Куликовский 1912: 8].

В.В. Виноградов, являющийся «основным авторитетом в области кодификации русского языка» [Николаева 2015: 8], воздерживался от категорических высказываний по проблеме морфологизации междометий, утверждая, что для современного этапа развития языкознания более важными представляются «наблюдения над превращением других слов в междометия» [Виноградов 2011: 611]. Одновременно ученый указывал, что к частям речи стоит относить только денотативно-содержательные единицы: «Выделение основных структурно-семантических типов слов помогает внести некоторую ясность в учение о частях речи. К частям речи не принадлежат ни модальные слова, ни междометия, ни связочные слова или частицы речи. Круг частей речи ограничивается пределами слов, способных выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий» [Виноградов 2001: 43].

Вне системы частей речи предлагали располагать междометия и другие советские и российские лингвисты (М.В. Панов, О.П. Суник, И.Н. Кручинина и др.) По мнению И.Н. Кручининой, «междометия не являются ни знаменатель-

ной, ни служебной частью речи. От знаменательных слов они отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, междометия не называют их); в отличие от служебных частей речи междометиям не свойственна связующая функция» [Кручинина 2000: 290].

Идея о необходимости включения междометий в состав других частеречных категорий восходит к трудам отдельных античных грамматиков, а также средневековых модистов (от modus – способ, образ обозначения), которые описывали междометие как «часть речи, обозначающую посредством модуса определения другого слова, которое есть глагол или причастие, и представляющую состояния или движения души» [Самарин 2014: 132].

К сторонникам идеи об объединении междометия с другими частями речи относился М. В. Ломоносов, объединявший их с местоимениями и наречиями, на основе общей для данных слов сократительной функции [Ломоносов 1957: 406-407, 573-574]. По мнению Л. Блумфилда, в состав междометий следует включать любые, произнесенные с экспрессией знаменательные слова: восклицания, звукоподражания, императивные выражения [Блумфилд 1968: 75]. О. Есперсен предлагал относить междометия к «частицам» наряду с наречиями, предлогами и союзами [Есперсен 2002], руководствуясь критерием их неизменяемости. Такой же подход характерен для зарубежных ученых более позднего периода, рассматривающих интеръективы в составе частиц или междометных фраз (interjectional phrases) [Coulmas 1981, James 1973, Kryk 1992, Wilkins 1992].

Многие современные исследователи предлагают рассматривать междометия в рамках широкого класса прагматических единиц, так называемых «вставок» (inserts) или дискурсивных маркеров [Schourup 1985, Zwicky 1985, Schiffrin 1987]. Анализируя данный подход, Ф. Амека указывал, что дискурсивная категоризация не снимает и не решает вопроса морфологической категоризации междометий, а также не способствует решению проблемы описания сущности данных единиц [Ameka 1992: 115].

В целом, попытки включить междометия в состав каких-либо других частей речи приводят к излишней перегруженности объединения, превращая его в довольно расплывчатую, внутренне неупорядоченную группу единиц. Единственного критерия морфологической неизменяемости (О. Есперсен) или экспрессивности (Л. Блумфилд) явно недостаточно для объединения междометий со служебными или знаменательными словами.

Традиция выделения междометий в самостоятельную часть речи берет свое начало в трудах античных грамматиков. При этом, как замечает И.А. Шаронов, «интерес к междометиям долгое время был опосредованным: традиционная грамматика ставила одной из своих задач развести все языковые единицы по частям речи», и междометия категоризировались тем или иным образом «по остаточному принципу» [Шаронов 2004: 660].

Самые ранние упоминания о междометиях как отдельной части речи встречаются у авторов латинской грамматики: Марка Теренция Варрона (116–27 гг. до н. э.), в позднеантичной латинской грамматике Элия Доната (IV в. н. э.), в грамматике Присциана (VI в.) [Фрейденберг 1936]. Среди российских ученых первыми в самостоятельную часть речи выделяли междометия Е.Б. Сырейщиков [Сырейщиков 1787: 54] и А. Х. Востоков [Востоков 1852: 53].

Таких же взглядов придерживались российские лингвисты более позднего периода (И.И. Мещанинов, А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, С. Карцевский и др.). С. Карцевский предлагал рассматривать междометия как «своеобразную, хотя и соотносительную с другими частями речи» [Карцевский 1984: 128]. По мнению Л.В. Щербы, междометия – это «часть речи, включающая в себя слова, которые как в форме выкрика или звукоподражания, так и в форме, присвоенной другим частям речи, выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако, их названиями» [Щерба 1957: 136].

Ф. Ф. Фортунатов разделял все слова на полные, частичные, и класс междометий, которые «не выражают идей, но выражают чувствования, испытываемые говорящими» [Фортунатов 1956: 172]. Описывая междометия как «не-

вольные выражения чувствований в звуках речи», ученый отмечал, что «они становятся словами, как скоро выражение чувствования в известном звуке речи сознается говорящим как таковое и может быть образуемо, следовательно, по воле говорящего» [Там же].

Анализируя причины разногласий в области морфологической категоризации междометий, большинство ученых указывают на отсутствие единого классификационного критерия и унифицированной, общепризнанной дефиниции междометия, в связи с чем «на статус междометий претендуют разные группы языковых единиц» [Шаронов 2004: 660].

В качестве единственного объективного основания для признания за междометием статуса самостоятельной части речи следует признать его соответствие определению слова как отрезка речи, его вычленимость из потока речи и функциональную целостность. В то же время отсутствие всех других релевантных для знаменательных и служебных слов экспонентов делает междометие, по образному выражению Д.Н. Овсянико-Куликовского, «фиктивной частью речи» [Овсянико-Куликовский 1912: 8].

Выделение интеръективных единиц в самостоятельную часть речи является в определенном смысле методологически «пустой» процедурой, в том числе в прикладном смысле. Если принадлежность всех других слов к тому или иному частеречному разряду объективируется в конкретных морфологических признаках, что служит основой процедуры морфологического разбора, то в случае с междометиями такой разбор обессмысливается по причине отсутствия у них каких-либо морфологических показателей.

«Насильственная» морфологизация интеръективных знаков, с одной стороны, связана со стремлением лингвистов «вписать» все элементы в рамки традиционных грамматических категорий, с другой стороны, является следствием все более усиливающейся в языкознании тенденции к расширительной интерпретации лингвистических терминов. Необходимо отметить, что значительное влияние на «эластичность» самого понятия «категории» оказали идеи американского когнитолога Э. Рош, рассматривающей категориальность в рамках

объединения наиболее прототипичных единиц с «худшими», периферийными образцами [Rosch 1975]. Аргументируя необходимость расширительного истолкования понятия частеречной категории по отношению к междометиям, С.Ю. Мамушкина пишет: «Все слова того или иного языка входят в систему частей речи в широком смысле этого слова» [Мамушкина 2003: 7].

Отдельные исследователи предпринимали попытки найти выход из упорного нежелания междометий вписываться в традиционные морфологические рамки в осуществлении их категоризации как единиц синтаксического уровня (А.И. Германович, Ф. И. Буслаев, Д. Н. Ушаков, Д. Н. Овсянико-Куликовский, А. М. Пешковский, И. И. Мещанинов, А.А. Шахматов и др.).

А.И. Германович называл междометия словами, которые сигнализируют «о наших волеизъявлениях или эмоциях... и как таковые они являются самостоятельными предложениями» [Германович 1966: 87]. И. И. Мещанинов указывал на существование двух типов синтаксических структур, в которых могут выступать междометия: абсолютная и относительная синтаксическая обособленность. «Выражая переживаемые ощущения и волеизъявление, междометия образуются в составе той синтаксической единицы, которая, выступая отдельно и получая самостоятельную значимость, сближается по своему содержанию со значением обособленно стоящего предложения. Выступая же наряду с другим предложением, междометия становятся в связь с ним, сохраняя в то же время здесь свою обособленность и синтаксически не соединяясь с другими словами» [Мещанинов 1945: 295].

Г.В. Дагуров полагал, что, поскольку «значение междометия поясняется не словом, а именно предложением», то его следует интерпретировать в терминах синтаксиса, как «своеобразное целостное высказывание, которое может передаваться только предложением, а не тем или иным его членом» [Дагуров 1960: 10]. А.Ф. Лосев писал: «Все эти *ах, ох, ух, эх, их, ага, ого, эге, угу, вон, ишь ты, ура* являются, конечно, целыми предложениями и даже больше, чем целыми предложениями» [Лосев 1989: 77].

Как эллиптические восклицания предлагал рассматривать междометия В.Т. Косов: «подобные звуки (например, *ой!)* при эллипсисе «больно» могут компенсировать предложение «Мне очень больно» [Косов 1963а: 9]. Его точка зрения перекликается с идеями Л. Блумфилда, также описывающего интеръективы как разновидность эллиптических предложений [Блумфилд 1968: 178 – 180].

Характеризуя синтаксический подход к категоризации междометий, В.В. Виноградов указывал на недостаточный уровень аналитизма таких концепций, на преобладание в них «общих рассуждений об отношении междометий к предложению» и на сложившееся в данной области «парадоксальное положение» [Виноградов 2001: 612]. Как целые высказывания, как языковые элементы, лежащие за пределами частей речи, междометия переводились из морфологии в синтаксис. Между тем они оказались вне синтаксиса словосочетания и синтаксиса предложения [Там же].

Наибольший вклад, по мнению В.В. Виноградова, в синтаксическую теорию междометия внес А.А. Шахматов. Признавая заслуги академика в области синтаксической интерпретации междометий, В.В. Виноградов указывал, что полной и непротиворечивой концепции автору не удалось создать, а многие предложенные им синтаксические объяснения и квалификации оценивал как ошибочные, усматривая причину ошибок в излишнем, или даже «незаконном» сближении междометий с такими частями речи, как глаголы, наречия и слова состояния [Виноградов 2001: 613].

На отсутствие в различных синтаксических теориях попыток соотнесения междометий с конститутивными признаками предложения как основной единицы синтаксиса указывает Е.В. Середа. Данный недостаток связывается ученым с характерным для того периода времени состоянием лингвистической науки [Середа 2013: 41]. Основываясь на понимании предложения как многоаспектной единицы синтаксиса, для которой характерны определенные структурные и семантические признаки, Е.В. Середа предпринимает попытку их идентификации на материале междометных высказываний. К формально-

структурным признакам автор относит само употребление междометия; к семантическим признакам – возможность междометий выступать в качестве единицы общения, представлять собой высказывание о предмете речи и характеризоваться интонационной законченностью, на основании чего междометия предлагается относить к разряду нечленимых предложений [Середа 2013: 41 – 42].

Среди зарубежных лингвистов наиболее обобщенно идею «синтаксичности» интеръективов сформулировал Д. Уилкинс, утверждающий, что «быть междометием – значит быть знаком, который носитель использует как высказывание» [Wilkins 1992: 125]. К. Эхлих описывал интеръективы как грамматические единицы, в которых различие между словом и предложением нейтрализуется [Ehlich 1986]. Как «симпрактические единицы», т.е. передающие значение ситуации в целом, предлагал рассматривать междометия К. Бюлер [Бюлер 1993].

Отмечая недостатки синтаксического подхода к описанию междометий, И.А. Шаронов указывает, что данные единицы, действительно, чаще всего функционируют в качестве эквивалента предложения, однако это отнюдь не единственная позиция, которую могут занимать междометия. Более того, синтаксическая обособленность характерна не только для интеръективов, но и для множества других аграмматичных структур, в частности, для междометных фраз [Шаронов 2004].

1.1.3. Принципы классификации междометий

Типологический анализ лингвистических категорий осуществляется, как правило, исходя из характера определения самой категории как феномена гиперонимического уровня. В интеръективной классификации, однако, не только дефиниция «междометия» предопределяет принципы классификации, но и различные взгляды относительно самого состава интеръективного класса влияют на определение междометия как гиперонимической категории. Вышеука-

занная взаимозависимость находит свое отражение в разнообразии классификационных критериев и осуществляемой на их основе типологизации.

Обязательным, как отмечалось выше, структурным элементом всех дефиниций междометий является признание эталонной роли первообразных междометий. В рамках данной группы принято различать междометия, передающие целый спектр различных эмоциональных состояний, и междометия, привязанные к выражению только одной эмоции. И. Н. Кручинина разделяет все эмотивные междометия на однозначные (специализированные) и неоднозначные (неспециализированные) [Кручинина 1997].

Данная классификация перекликается с предложенным академиком А.А. Шахматовым разделением междометий на три класса:

1) междометия, выражающие возбуждение говорящего вообще, а, в частности, различные связанные с ним чувства... (например, *ух*!);

2) междометия, выражающие определенные чувства (например: *фу*! – выражение отвращения; *тьфу*! – выражение гадливого чувства) и др.;

3) междометия, выражающие волеизъявление [Шахматов 2007: 507].

А. Е. Чуранов предлагает разделять эмотивные междометия на простые и сложные на основании критерия «опрощенной» и мультиплицированной структуры, например: *Ого! - Ого-го!, Ой! - Ой-ой-ой* [Чуранов 2008].

Оригинальный подход к классификации первичных междометий предложен И. А Шароновым. По убеждению исследователя, то, что принято в лингвистике называть междометием, имеет в языке две различные реализации: устную и письменную. Под устной предлагается понимать так называемый «вокальный жест», под собственно междометием – его письменную фиксацию [Шаронов 2009].

В рамках различных языковых систем существуют различные классификации, построенные по принципу соотнесения междометий с именем кореферирующией с ними эмоции. Одним из примеров может служить классификация английских эмотивных интеръективов В. Джовановича:

[DELIGHT] *ah! coo! goody! whacko! whizzo! yippee!* и др.

[DISGUST] *aargh! bah! humph! phew! pish! shoot! ugh! yuck!* и др.

[PLEASURE] *aha! boy! crazy! doggone! good! heigh! ho! wow! yum!* и др.

[SORROW] *alas! ay! eh! heck! las! och!* и т.д. [Jovanović 2004].

Осознание учеными того, что междометия объективируют не только эмоциональные переживания, но и интеллектуальные, приводит к выделению так называемых «когнитивных» интеръективов. В результате основной отличительный признак «эмоционального состояния» постепенно вытесняется в дефинициях указанием на «ментальное» состояние, выступающее в качестве родового по отношению к эмоциональным и когнитивным процессам.

Так, Ф. Амека характеризует их как «относительно конвенционализированные вокальные (точнее, языковые жесты), которые выражают ментальное состояние, действие или отношение, или реакцию на состояние» [Амека 1992: 106]. А. Вежбицкая определяет междометие как лингвистический знак, который, во-первых, может быть использован изолированно; во-вторых, способен выражать определенное значение и, в-третьих, служит для передачи текущего психического состояния (mental state) или мыслительных процессов (mental act), то есть тех состояний и процессов, которые могут быть выражены понятиями «я чувствую», «я хочу», «я думаю», «я знаю» и т.д. [Вежбицкая 1999: 616].

Предлагаемая А. Вежбицкой классификация выглядит следующим образом:

- эмотивные междометия, в значении которых доминирует компонент «я чувствую»;

- волитивные междометия, имеющие в своем значении компонент «я хочу» и не содержащие компонента «я чувствую»;

- когнитивные междометия, имеющие в своем значении компоненты «я думаю», «я считаю», «я знаю», и не содержащие ни эмоционального («я чувствую»), ни волитивного («я хочу») компонентов [Вежбицкая 1999: 618].

Несоответствие функций, выполняемых побудительными (волитивными) междометиями, содержащемуся в дефинициях междометий признаку «ментального состояния», находит свое отражение в их «автономном» присутствии во всех дефинициях. Уже в «Практической русской грамматике» Н.И. Греча указывается, что междометия подразделяются на «эмоционные, императивные и звукоподражательные» [Греч 1834: 219].

Некоторую «искусственность» присоединения побудительных «сигналов» к группе междометий тонко подмечает И.А. Шаронов, возражающий против уже давно кодифицированной традиции. Во-первых, побудительные междометия не выражают ментального (эмоционального) состояния, во-вторых, имеют вполне определенное содержание и конкретного адресата, в-третьих, представляют собой инициирующие реплики, а не реактивные возгласы, а, следовательно, не вписываются в общепринятые дефиниции междометия [Шаронов 2004].

«Нестабильное» положение в составе интеръективов занимают ономатопеические (звукоподражательные) единицы. По мере все более глубокого их изучения и осмысления традиция отнесения их к междометиям постепенно утрачивает свою силу. Значительная часть ученых предлагает разграничивать ономатопы от междометий на основании существенных различий их функционально-семантических, морфологических и словообразовательных параметров.

Л.В. Щерба писал: «….так называемые звукоподражательные мяу-мяу, ваувау и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям» [Щерба 1957: 67]. В самостоятельный класс единиц предлагали выделять звукоподражательные единицы А.И. Германович [Германович 1957: 29 – 33], А.П. Лященко [Лященко 1976: 12], З.Д. Туебекова [Туебекова 1984: 7], В.Г. Зданкевич [Зданкевич 2003: 176], З.А. Петкова [Петкова 2011] и др. А.Н. Тихонов усматривает кардинальное отличие ономатопов от междометий в наличии у них функции обозначения, что, в свою очередь, предопределяет возможность их активного участия в деривационных и синтаксических процессах [Тихонов 2003: 74 – 76].

К приверженцам традиции описания ономатопей в рамках междометий относятся В.В. Виноградов [Виноградов 2001], Н.А. Курносова [Курносова 1992], Е.Ю. Кустова [Кустова 2010]. А.А. Шахматов предлагал рассматривать «звукоподражания» как некий переходный тип, или так называемое «глагольное междометие» [Шахматов 2007]. Некоторые исследователи предпочитают рассматривать единицы типа *бух, шмяк, плюх* как непосредственно глагольные формы, именуя их на основании характерной для них семантики «глаголами ультрамгновенного вида»[1].

В оппозиции к всеобщей тенденции выведения ономатопей из состава интеръективов находятся идеи Е.Ю. Кустовой. Рассматривая данные единицы в семиогенезе, автор приходит к выводу о том, что с точки зрения «прототипической когнитивной интеракциональной природы» звукоподражания образуют единый с междометиями онтологический и функциональный класс [Кустова 2010: 63].

Таким образом, полная лингвистическая «легализация» конкретных классов единиц в рамках интеръективов происходит на основе установления степени их близости к параметрам первичных междометий, названных Г.И. Петращук «истинными» [Петращук 2011]. Критерий образования междометий становится основанием для их разделения на первичные и вторичные, образованные из других частей речи. К противникам признания за конверсивами статуса интеръективных единиц относился О. Есперсен [Есперсен 2002:100]. Среди российских ученых предложение исключить их из состава междометий высказывает Н.В. Полищук, говорящая о невозможности объединения под одним термином единиц, несовместимых друг с другом «с точки зрения морфологии» [Полищук 1988: 10].

[1] Л.С. Моисеева, Т.Ю. Борисова перечисляют все существующие в российской лингвистической литературе способы терминологизации данных единиц: «глаголы ультрамгновенного вида»; «междометные глагольные формы»; «глагольные междометия»; «усеченные формы»; «отглагольные междометия»; «междометно-глагольные слова»; «неизменяемые предикативные слова»; «глаголы мгновенного действия» [Моисеева 2013] , забывая, однако, об их терминологизации на основе звукоподражательной семантики: ономатопы, ономатопеи или ономатопеические единицы.

В то же время В.В. Виноградов указывал, что междометия этого рода следует выделять не только в силу их генетической связи с существительными, но и в связи с их существенными интонационными, смысловыми и синтаксическими особенностями [Виноградов 2001: 619]. Ученый писал: «К разряду первичных, непроизводных эмоционных междометий примыкает по своим смысловым оттенкам группа междометий, производных от имен существительных, например, *батюшки*! *глупости*! *страсть*! *ужас*! *беда*! *горе*! и т.п.» [Там же]. Стронниками разделения междометий на первичные и вторичные были также Ф. И. Буслаев и А. А. Шахматов.

В рамках классификации вторичных междометий существуют два подхода. Сторонники первого из них относят к интеръективным единицам только однословные номинативные единицы, другие включают в их состав различные типы фразеологических сочетаний. Так, А. Е. Чуранов разделяет непервообразные междометия на четыре подвида: – простые (*Боже! Why!* и др.); – междометия фразового типа или междометные фразеологические единицы (фразеомы) (*Вот блин! You bet! О Боже мой!* и др.); – междометные устойчивые предложения (пропозеомы) (*Чтоб тебя!* и др.), – непервообразные междометия смешанного типа, образованные сочетанием простого непервообразного междометия с междометной пропозеомой [Чуранов 2008: 37 – 44].

Значительные разногласия возникают и в связи с проблемой категоризации этикетных речевых клише как подкласса вторичных междометий. А.И. Германович предлагал относить этикетные формулы приветствия и благодарности к особой группе эмоциональных междометий, но при этом считал степень их интеръективации неполной [Германович 1957: 32]. Как «особый разряд междометий, являющихся своеобразными экспрессивными звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни», описывал данную группу В.В. Виноградов [Виноградов 2001: 621].

Попытка систематизировать основные признаки, позволяющие причислять этикетные формулы к вторичным междометиям, была предпринята Е. В. Середой. К таковым ученый относит: статус слов-отношений с ослабленной семантикой и номинативным значением, способ образования от знаменательных частей речи, неизменяемость, «застывшесть» большинства этикетных формул, наличие эмоциональных элементов, способность к редупликации и трипликации *(ай-ай-ай, спасибо-спасибо).* Несмотря на внушительный перечень признаков, объединяющих этикетные формулы с вторичными эмотивами, автор все же не решается сделать однозначный выбор в пользу их интеръективного статуса, полагая, что включать их «в состав типичных междометий» было бы преждевременным [Середа 2005: 140].

В зарубежной лингвистике этикетные формулы (formulae, formulaic words, routines) чаще всего причисляются к группе интеръективов [Wilkins 1992; Leech 1982]. Дж. Лич включает в разряд междометий «первичные интеръективы (*ugh, phew, oh, ah*), бранные слова (*damn*), приветствия (*hello*) и другие «сигнализирующие» слова, как *goodbye, yes, no, okay*» [Leech 1982: 53], то есть все, по оригинальному определению С. С. Шляховой, «коммуникативные дребезги» [Шляхова 2004].

Против расширенного подхода к классификации интеръективных единиц выступает Ф. Амека, призывающий отграничивать этикетные формулы от междометий на том основании, что они являются социально ожидаемыми вербальными реакциями, выражают суррогаты чувств и относятся к интенциональным речевым актам, в отличие от спонтанных ментальных актов, коррелирующих с истинными междометиями [Ameka 1992: 110 -111].

Среди авторских концепций классификации междометий в зарубежной лингвистике следует, в первую очередь, назвать работу Ф. Амеки [Ameka 1992]. В основе произведенной ученым типологизации лежат идеи К. Бюлера [Бюлер 1934] и Р. Якобсона о природе выполняемых языком функций [Якобсон 1975]. В качестве релевантных для междометий Ф. Амека выделят экспрессивную, конативную и фатическую функции.

Эмотивные и когнитивные междометия включаются автором в общую группу экспрессивов. Волитивные междометия характеризуются как конативные, поскольку нацелены на привлечение внимания другого лица и побуждение его к совершению действия. Вызывающие споры этикетные формулы приветствий также относятся автором к разряду фатических единиц.

Оригинальный авторский подход характерен для классификации И.А. Шаронова, типологизирующего междометия на уровне их восприятия адресатом. По эффекту на слушателя междометия предлагается разделять на:

а) фокусирующие внимание на внутреннее состояние говорящего – *ой, ах, ааа*…и т.п. (обычная в случае непонимания реакция на них: «Что с тобой»?);

б) фокусирующие внимание на нарушение плана, сценария, хода событий – *упс, хм, вот так-так, ну дела!* и т.п. (обычная в случае непонимания реакция на них: «Что случилось?»);

в) фокусирующие внимание на классификации или оценке объекта – *о!, ого-го!, вот это да!* и т.п. (обычная в случае непонимания реакция на них: «Ты о чем?») [Шаронов 2004: 660].

Отдельную группу классификаций составляют типологии, произведенные на основании роли, выполняемой междометиями в организации дискурса. Усиление тенденции к рассмотрению интеръективов как дискурсивных маркеров следует признать отличительной особенностью современных интеръективных исследований [Zwicky 1985, Schourup 1985, Schiffrin 1987, Kryk 1992, Evans 1992; Максимова 2000, Бахмутова 2006, Белоус 2006, Болтнева 2004, Кустова 2010 и др.].

Необходимо отметить, что четкого и единого определения термина «дискурсивный маркер» в лингвистической литературе не существует. Как правило, к категории дискурсивных маркеров относят разноуровневые языковые инструменты структурирования дискурса, обеспечивающие его успешное протекание. Согласно Б. Фрейзеру, ключевое значение дискурсивных маркеров является не концептуальным, а процедурным, т.е. не передающим определенный смысл, а имплицирующим определенную интерпретацию высказывания. Уче-

ный указывает на лингвистическую гетерогенность данного функционально-прагматического класса единиц, включающих элементы синтаксического, лексического и фонологического уровней [Fraser 1999].

Способность междометий выполнять задачи по организации дискурса приводит к появлению классификаций интеръективов как дискурсивных маркеров. При этом необходимо осознавать, что дискурсивный потенциал междометий является их вторичной функцией, возникающей на основе первичной, прототипической предназначенности выступать в качестве средств реактивного выражения внутренних переживаний. Такое понимание в полной степени изоморфно осознанию того, что синтаксические функции слова не отменяют присущего ему лексического значения. К примеру, квалифицируемое в работе ирландских лингвистов как маркер перехода к новой теме *Ah* в ответ на инициирующую реплику *Anyway, let's get to work* [Nenova et al., 2001], с точки зрения произносящего может являться средством выражения нерешительности, сомнения, забывчивости и еще целой гаммы чувств. И только с точки зрения интерретатора выполняет функцию когезии дискурса. То есть, процедурное значение междометий является его дополнительным, вторичным измерением, предицируемым потенциальным интерпретатором, и вовсе не обязательно входит в интенции произносящего. Именно об этом говорил Ф. Амека, настаивая на необходимости четкого разграничения категориального и функционального подходов и призывая не смешивать интеръективы с группой разноуровневых дискурсивных маркеров [Ameka 1992]. В то же время необходимо признать, что появление и интенсивное развитие «дискурсивно-процедурных» теорий интеръективов находится в полном соответствии с логикой лингвистического детерминизма, согласно которому количество теоретических интерпретаций исследуемого объекта пропорционально количеству наиболее релевантных для него признаков в рамках определенной системы [Гак 1998].

1.2. Современные парадигмы исследования междометий в зарубежной лингвистике

1.2.1. Описание междометий в концепции естественного семантического метаязыка

В зарубежных исследованиях в области интеръективистики сложились две основные, противостоящие друг другу школы: теория экспликации значения междометий на языке семантических примитивов [Вежбицкая 1996; Ameka 1992; Wilkins 1992; Goddard 2013] и процедурно-инференционная теория Т. Уортона [Wharton 2003].

Основные положения первого направления были сформулированы А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999]. Ученый определяет междометия как «языковые знаки, выражающие текущее ментальное состояние говорящего…» [Вежбицкая 1999: 620], отмечает их близость к вокальным жестам, высказывает сомнения в наличии у них иллокуции в связи с их реактивным характером, подчеркивает, что факт произнесения междометий совпадает с эмоциональным переживанием. Указывая на принципиальные отличия интеръективов от всех других языковых единиц, А. Вежбицкая, тем не менее, не сомневается в их «семантической природе». Лингвист утверждает, что «у них (у междометий) есть значения», «они не являются ни универсальными, ни лишенными смысла. Напротив, они являются лингвоспецифичными и обладают смыслом», «у них есть семантический инвариант. И этот инвариант можно обнаружить и сформулировать таким образом, чтобы точно описать сферу их употребления» [Там же: 615 – 616]. Общей методологической основой для экспликации семантического комопнента всех вышеуказанных разделов становится разработанный исследователем естественный семантический метаязык (Natural Semantic Metalanguage).

Данный язык позволяет эксплицировать междометия с помощью следующих декомпозиционных сценариев:

oops

«Я сейчас знаю:

Я сделал нечто плохое

Из-за этого произошло нечто плохое

Я не хотел этого (чтобы это случилось)

Я бы не хотел, чтобы кто-то подумал, что это очень плохо

(из-за этого я нечто чувствую)» [Там же: 614].

Предлагаемые сценарные матрицы, по мнению А. Вежбицкой, позволяют не только описать возникновение и протекание внутреннего эмоционального состояния, но и представить «глубинную семантическую разницу» между высказываниями описательного характера *I feel disgusted* и спонтанным выкриком *youk.* Опираясь на идеи Бюлера [Bühler 1933] о необходимости различения экспрессивной и репрезентативной функций языка, Вежбицкая предлагает фиксировать эту разницу следующим образом:

«Youk!

Я чувствую отвращение

I feel disgusted!

Я говорю: Я чувствую отвращение,

Я говорю это, потому что я хочу сказать, что я чувствую».

[Вежбицкая 1999: 615].

Осознание принципиального характера отличий междометий от дескриптивных лингвистических единиц не становится, однако, основанием для сомнений ученого в семантической природе интеръективов. В целом, концепция описания междометий А. Вежбицкой являет собой удивительный пример диаметрального расхождения между исследовательским инструментарием и получаемыми на его основе выводами о несомненной семантической природе междометных единиц. Данные убеждения в значительной степени представляют собой отражение общих взглядов лингвиста, «подлинной стихией» которой является семантика [Падучева 1996: 5], а индивидуальный лингвистиче-

ский «проект» состоит в создании лексической, грамматической и прагматической семантики [Там же].

Методика декомпозиционной экспликации значения междометий получает развитие в работах Д. Уилкинса [Wilkins 1992]. Австралийский ученый описывает интеръективы как единицы морфосинтаксического уровня, т.е. как «лексему-предложение». Исходя из такого понимания, автор указывает, что в качестве эквивалента высказывания междометиям присущи все свойственные данным структурным единицам признаки, в том числе «пропозициональное содержание и иллокутивная цель», в качестве эквивалента лексем, междометиям присуще наличие реальной семантики или пропозиционального/концептуального содержания [Wilkins 1992: 120].

Д. Уилкинс модифицирует экспликационные модели А. Вежбицкой, включая в них дейктические элементы: *I, you, now, here, this*. Например, «когда я восклицаю “Yippee!!”, я индексирую *себя* и что-то (‘эту вещь’) *здесь*, которая только что (*сейчас*) заставила меня осознать, что я чувствую себя взволнованным и более чем счастливым (*здесь и теперь*), и, таким образом, я говорю *Yippee!!*, чтобы показать, как *я* чувствую себя прямо *сейчас* [Wilkins 1992: 120].

О двойственной, семантико-прагматической природе междометий говорит в своих работах Ф. Амека. С точки зрения семантики данные языкове единицы определяются ученым как «относительно конвенционализированные вокальные (лингвистические) знаки, которые выражают ментальное состояние говорящего, действие или отношение, или реакцию на ситуацию», с точки зрения прагматики междометия «кодируют отношение говорящего или коммуникативные намерения и являются контекстуально зависимыми единицами» [Ameka 1992: 106 – 107].

Амбивалентные взгляды на природу интеръективных единиц характерны для У. Станге [Stange 2016]. В своих работах ученый опирается на идеи Р. Якобсона об отличии междометий от средств референциального языка, с присущим ему соотнесением лингвистических знаков с внеязыковой действительностью. Развивая данные положения, Станге указывает, что междометия не

позволяют говорить о себе как о некотором третьем члене, не поддаются верификации в рамках условно-истинностной теории значения, не вызывают в сознании адресата гносеологических образов [Stange 2016: 11].

Указывая на существенные отличия междометий от элементов референциального языка, Станге, тем не менее, не решается окончательно порвать с традицией их описания в семантических терминах. По ее мнению, междометия все-таки могут содержать референциальный компонент. Например, произнося *brrr!*, мы понимаем, что это означает очень низкую температуру; восклицая *wow*!, догадываемся, что в данном случае присутствовало что-либо, вызвавшее состояние удивления [Там же]. В сущности, подобная интерпретация междометий лежит в плоскости бихевиористских теорий значения, рассматривающих его в терминах стимула или в терминах реакции.

Компромиссный подход к описанию внутренней природы интеръективных единиц представлен в работах испанского лингвиста П. Круза [Cruz 2009], предлагающего признать существование концептуального, или понятийного континуума междометий (continuum of more and less conceptual items) [Cruz 2009: 241]. Автор указывает, что внутренняя структура различных междометий может содержать концептуальные смыслы в большей или в меньшей степени. При этом ни один из классов не содержит полноценных понятий, поскольку внутреннее содержание интеръективов имеет размытую природу, вызывающую необходимость определенных прагматических преобразований в процессе их восприятия [Там же].

1.2.2. Процедурно-инференционный подход к описанию междометий

Позиции сторонников декомпозиционно-семантического описания интеръективов подвергаются обстоятельной критике в работе британского лингвиста Т. Уортона «Interjections, language and the ‘showing’/’saying’ continuum» [Wharton, 2003]. С одной стороны, Т.Уортон стремится доказать нерелевантность исследовательского инструментария, применяемого с целью экспликации зна-

чений интеръективов, с другой стороны, указывает на конкретные, «слабые», по его мнению, положения сторонников семантической концепции.

Обосновывая методологическую несостоятельность процедуры семантической декомпозиции, Т. Уортон опирается на идеи американских психолингвистов Дж. П. Фодор, Дж. М. Фодора и М.П. Гаррет, изложенные в книге «Психологическая нереальность семантических презентаций» [Fodor, Fodor&Garrett 1975]. К ним относятся следующие теоретико-методологические положения: утверждение о недостаточной экспланаторности декомпозиционного представления значения и сложность механизмов когнитивной обработки элементов, содержащих в своей структуре негативные компоненты.

В качестве доказательства неэффективности декомпозиционных экспликаций психолингвисты указывают на невозможность вписать все контекстуальные употребления лексемы в одно общее значение. При этом игнорируется лексикографическая традиция описания различных значений слов как лексико-семантических вариантов. Сомнительной представляется также аргументация о неприменимости так называемых «негативных» структурных элементов в экспликационных матрицах в связи с повышенной сложностью когнитивных механизмов их обработки. Данный факт становится основанием для выдвижения тезиса о неэффективности использования таких элементов в объяснительных семантических струтурах. Принимая во внимание насыщенность декомпозиционных сценариев А. Вежбицкой «негативными» элементами, Т. Уортон утверждает, что разработанные матрицы не имеют реальной объяснительной силы.

Проведенные американскими исследователями эксперименты, на которые ссылается Т. Уортон, действительно, выявляют, что семантика слов, построенных по модели *не+ определение (холостяк – неженатый человек)*, менее категорична, обладает более высоким интерпретационным потенциалом, допускающим различные истолкования и, как следствие, осложняющим процесс когнитивной обработки. Тем не менее, количество затраченных когнитивных усилий не может являться критерием адекватности/неадекватности декомпо-

зиционных толкований значения слов. Вполне очевидно, что экспликация *неженатый человек* определяет значение слова *холостяк*, что вряд ли нуждается в доказательствах с помощью проведения психолингвистических опытов.

Т. Уортон, однако, экспериментальным путем пытается доказать неэффективность сценарных декомпозиций, содержащих негативные элементы. Участникам эксперимента предлагаются для осмысления две фразы, одна из которых содержит междометие *wow*, вторая – его сценарную экспликацию:

- If the fireworks were good and he didn't say *wow*, he wasn't really impressed.

- If the fireworks were good and he didn't say *he wouldn't have thought he would know it*, he wasn't really impressed [Wharton 2003: 178].

Реакция опрашиваемых на две вышеприведенные фразы представляется вполне предсказуемой, способ экспликации не приводит к выводу о коррелирующем с ним интеръективом. Безусловно, людям, не посвященным в тайны лингвистических исследований, такие процедуры могут казаться странными и бесполезными. В то же время научно-теоретическая пригодность декомпозиционных техник доказывается их широким применением в рамках прагмалингвистических исследований. Достаточно вспомнить известную модель декомпозиции саркастического употребления оценочного предикатива *Great!*, представленную в работе Дж. Томас [Thomas 1995: 67], способную также вызвать недоумение рядовых носителей языка, не знакомых с технологиями лингвистических исследований.

Следует отметить, что декомпозиционные процедуры имеют особую ценность для проведения лингвистического анализа, активно используясь также в прагмалингвистических исследованиях, в рамках процедуры экспликации инференционных процессов. Достаточно вспомнить известную модель декомпозиции саркастического употребления оценочного предикатива *Great!*, представленную в работе Дж. Томас [Thomas 1995: 67] и способную вызвать недоумение рядовых носителей языка, не знакомых с технологией лингвистических исследований.

Интуитивная «доступность» декомпозиционных сценариев доказывается К. Годдардом, привлекающим носителей языка к процессу верификации мета-матриц [Goddard 2013]. Механизм разработки сценариев включает три уровня: гипотетический, на котором формулируется первоначальная, основанная на интроспекции исследователя экспланаторная модель; верификационный, на котором модель тестируется носителями языка, и коррекционный, вносящий необходимые коррективы с учетом результатов второго этапа [Там же: 10].

К недостаткам метасемантических экспликаций интеръективов Т. Уортон относит также их излишнюю конкретность, в то время как значение междометия «размыто» и «нечетко» и конкретизируется с помощью супрасегментных средств [Wharton 2006: 180]. Сценарные экспликации, по мнению ученого, не отражают также «естественности» произнесения интеръективов, находящихся на границе между «спонтанностью» и «лингвистичностью». Более того, они не позволяют провести разграничение между экспрессивностью (непосредственным обозначением) междометий и их описанием [Там же].

Необходимо заметить, что вышеприведенные замечания в значительной степени искажают сформулированные А. Вежбицкой теоретические положения. Мысль о пограничном положении междометий между рефлекторностью и лингвистичностью красной нитью проходит сквозь всю работу А. Вежбицкой, находя свое отражение в заголовке первого параграфа работы «Семантика междометий»: 1.1. Междометия: physis и thesis (природа и конвенция) [Вежбицкая 1999: 619]. Декомпозиционные сценарии предоставляют методологию для разграничения между дескриптивными средствами описания эмоций и средствами их непосредственного выражения. Это разграничение наглядным образом эксплицируется на языке семантических примитивов как элемент «Я чувствую» – для междометного возгласа, и как элемент «Я говорю, что чувствую» – для описательного высказывания [Вежбицкая 1999: 615]. Наконец, «избыточная» конкретность и однозначность описываемого в сценариях значения междометий представляет собой результат нахождения «семантического

инварианта», способного к дальнейшему развитию и конкретизации в конкретных ситуациях.

В целом, работа Т. Уортона представляет собой чрезвычайно скрупулезное критическое исследование, нацеленное на обнаружение всех «уязвимых» мест семантической теории описания междометий. Однако выстроенная автором система доказательств не представляется убедительной. Аргументы общетеоретического свойства имеют половинчатую природу, доводы частного характера свидетельствуют о недостаточно внимательном прочтении лингвистом работы. Тем не менее, сделанный Т. Уортоном общий вывод о принципиальном отличии междометий от традиционных единиц, имеющих семантику, имеет общеметодологическое значение.

Проводя эксперименты на основе использования субститутивных тестов типа: *If I feel pain, I'll tell you. – If I ow, I'll tell*, и комментируя невозможность замены междометий на высказывания типа «Я чувствую что-либо», Уортон указывает на необходимость четкого разграничения «экспрессивов» (междометий) от «дескриптивов» (других языковых единиц репрезентативного содержания). Исходя из того, что дескриптивные единицы типа «Я чувствую что-либо» не являются синонимичными междометиям, лингвист приходит к умозаключению, что последние лишены логико-понятийного содержания. В качестве дополнительного аргумента в пользу «асемантичности» междометий указывается нерелевантность по отношению к ним верификационных критериев ложности/истинности.

В поисках релевантной для описания междометий методологии Т. Уортон обращается к прагмалингвистике, в первую очередь, к теории коммуникативных импликатур П. Грайса [Грайс 1985], теории релевантности Д. Шпербер – Д. Уилсон [Wilson & Sperber 1993] и концепции процедурного значения Д. Блэкмор [Blakemore 1987]. Учитывая отсутствие у междометий эксплицитной функции обозначения, а также их полифункциональность, Т. Уортон уделяет особое внимание интерпретации в данных концепциях категорий эксплицитности / имплицитности.

В отличие от П. Грайса, проводящего четкую грань между пропозициональным содержанием и импликатурами, Д. Шпербер – Д. Уилсон полагают, что осмысление актуализированной в речи пропозиции не сводится к простой операции декодирования смысла. В связи с этим они вводят понятие экспликатуры (по образцу импликатуры) и утверждают, что процесс когнитивной обработки эксплицитно выраженного содержания осуществляется посредством сочетания декодирования и инференции (умозаключений или выводного знания).

Чем больше места в этом процессе занимает лингвистическое декодирование, тем выше степень эксплицитности высказывания. «Основная экспликатура (приближенный эквивалент грайсовского *что говорится*) редко осмысливается только путем прямого соотнесения слов с их значением и выбора одного из значений полисемической лексемы. Создание экспликатуры высшего уровня (higher-level explicatures) требует еще большего прагматического обогащения, такого, как, например, встраивание истинно-верифицируемого элемента в речевой акт…» [Wharton 2003: 188].

С точки зрения теории Шпербер-Уилсон в основе процесса инференции лежит экспликатура высшего уровня, которая избирается Т. Уортоном в качестве методологической основы для разработки прагмалингвистической теории описания междометий. Уортон пишет: «Междометия могут быть индикаторами высокоуровневых экспликатур, так как содержат в себе речевой акт или информацию об отношении к пропозиции» [Wharton 2003: 188].

В качестве модели анализа в рамках теории экспликатур Т. Уортоном используются волитивные и экспрессивные междометия, а также дискурсивный маркер *eh*. Анализируя пример *Dentist: So you're having three teeth out, eh?*, Уортон указывает, что пациент, интерпретирующий данное высказывание дантиста, мог бы сформировать высокоуровневую экспликатуру двух типов:

The dentist is asking whether I'm having three teeth out.

The dentist is requesting confirmation that I'm having three teeth out.

В рамках теории высокоуровневых экспликатур рассматриваются также волитивные междометия *shh, psst* и экспрессивное междометие *wow*:

Wow! You're here. - The speaker is delighted that I am here (там же).

В случае, когда интеръектив является непосредственной реакцией на некую пропозицию, он описывается как средство выражения отношения к высказываемому и может быть эксплицирован с помощью «встроенных» (embedded) конструкций типа *is surprised, is delighted* и т.п. Возможность интерпретативных операций по созданию таких «надстроек» и есть, по мнению авторов теории релевантности, эксплицитное свидетельство функционирования механизма высокоуровневых экспликатур.

Уортон указывает, однако, что этот механизм работает только в том случае, если интеръективные возгласы непосредственно относятся к некоей актуализированной пропозиции. Если же междометие стоит обособленно, как, например, в случае, когда ребенок, принимая неприятно пахнущее лекарство, произносит *Yuk!*, то в данной ситуации уже нельзя говорить о действии механизма экспликатур, поскольку отсутствует пропозиция инициальной реплики. Нет оснований для того, чтобы идентифицировать наличие в этом случае экспрессивного речевого акта, поскольку не существует кодируемой с помощью лингвистических средств логической формы, которую можно было бы встроить в высказывание [Wharton 2003: 190].

В качестве альтернативы семантической модели описания междометий ученый предлагает использовать прагмалингвистическую концепцию Д. Блейкмор, разграничивающую два типа значения: концептуальное и процедурное (conceptual and procedural meaning) [Blakemore 1987]. Согласно Блейкмор, одни лексические единицы содержат концепты (понятия) и выполняют дескриптивную функцию, для других характерно процедурное кодирование, преследующее цель «ограничить процессы инференции (умозаключений)», сузить пространство когнитивного поиска или вероятных экспликатур, указывая то направление, в котором должен происходить поиск значения» [Blakemore 1987: 31]. В качестве примеров единиц с процедурным типом кодирования информации Д. Блейкмор приводит союзы *so, after all*, обеспечивающие логическую связь между частями предложения.

Т. Уортон утверждает, что междометия также содержат информацию процедурного характера, определяющую направление поиска соответствующей области референции. «При таком подходе *wow* не кодирует концепт, который адресат переводит как «X is delighted». Вместо этого *wow* активирует спектр вероятных поведенческих дескрипций, которые включают восторг, удивление, возбуждение и т.п. В случае с *youk* это будет отношение отвращения, в случае *aha* – отношение удивления и т.д.» [Wharton 2003: 194]. С точки зрения когнитивных процессов это может быть описано в терминах высокоуровневых экспликатур и процедуры пропозиционального встраивания.

Применение процедурного подхода к описанию междометий способно, по мнению Уортона, снять все «неразрешимые» проблемы общеметодологического характера. Процедурная модель теоретизации междометий нивелирует недостатки декомпозиционного подхода, выявляет «расплывчатость» смыслового содержания междометия, описывает инференционную процедуру определения его конкретного значения в зависимости от конкретного ситуативного контекста и т.п.

Безусловно, отсутствие у междометий номинативной функции, вместе с присущей им полисемантичностью, дает все основания для описания механизма извлечения содержащейся в них информации в терминах инференционно-процедурного подхода. В то же время предицирование им функций «фасилитаторов» процесса идентификации выражаемых эмоциональных ощущений входит в противоречие с основными свойствами междометий, состоящими, по определению самого Т. Уортона, в объективации внутренних когнитивно-эмоциональных или сенсорно-перцептивных ощущений человека. Описание междометий как процедурно-содержательных единиц не согласуется с их онтологической сущностью, с обращенностью междометия на «внутреннее» «Я» индивида, с их спонтанностью и относительной внедискурсивностью.

Такие элементы, как союзы *so, after all*, и другие приводимые Д. Блейкмор примеры, бесспорно, выполняют функции «процедурных» маркеров, ограничивая область вероятных инференций и направляя процесс когнитивной обра-

ботки информации в нужное русло. Однако «качество» экспликатур, свойственных вышеуказанным лингвистическим единицам, не тождественно качеству «эксплицитности» недескриптивных интеръективных единиц. В случае с междометиями выполнение ими роли коннекторов и регуляторов дискурсивных процессов имеет характер своего рода дополнительной «надстройки». Выражая определенное отношение к пропозиции, коммуникант может одновременно рассчитывать на некое регулирующее процесс речевой интеракции воздействие. Однако в большинстве случаев человек, издающий какой-либо интеръективный возглас, в наименьшей степени озабочен теми инференционными процессами, которые актуализированный им интеръектив должен «запустить» в мышлении адресата. Акт произнесения междометий является вынужденно-реактивным, эмоционально-звуковым ответом на воздействие вербального или невербального каузатора. Присутствие адресата во многих случаях не является обязательным. Как отмечал А.И. Германович, эмотивные междометия «не рассчитаны на слушателя и даже не адресованы говорящим самому себе» [Германович 1966: 123].

Таким образом, процедурная концепция описания междометий не лишена внутренних противоречий. Определяющим субъектом в предложенной концепции становится фигура адресата-интепретатора, в то время как основной целью произносящего становится не выражение своих эмоций или ощущений, а стремление «дать некие аллюзии», «сузить спектр возможных умозаключений, по которому должен пойти процесс выведения конкретного значения адресатом» [Wharton 2003: 196 – 198]. В результате имеет место то смещение ориентиров, которое было отмечено Ф. Амекой, призывающим не смешивать в анализе междометий понятий «категориальности» и «функциональности» [Ameka 1992: 115].

1.3. Современные парадигмы исследования междометий в российской лингвистике

1.3.1. Референциально-семантическая парадигма описания междометий

В российской лингвистической науке попытки описания внутреннего семантического содержания междометий предпринимались В.В. Виноградовым, В.И. Шаховским, В.Г. Гаком, Г.В. Колшанским, И.Р. Гальпериным, И.А. Шароновым, Е.Ю. Кустовой, С.Ю. Мамушкиной, М.А. Пузиковым, И. И. Скачковой, Н.Р. Добрушиной, Н.А. Гостемиловой и другими учеными. Примечательно, что для современного состояния интеръективных исследований характерно усиление тенденции описания междометий в терминах семантики. Постулат об отсутствии у междометий функций обозначения и называния, вместе с их предназначенностью для непосредственного выражения эмоций, не становится непреодолимым препятствием для референциально-семантической интерпретации данных единиц.

В.В. Виноградов указывал, что отсутствие номинативного значения у междометий не означает, что они не имеют смыслового содержания: «Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание» [Виноградов 2001: 611]. Сходного мнения придерживалась О.И. Москальская, подчеркивая, что из отсутствия у междометий номинативной функции не следует тот факт, что они не имеют значения [Москальская 1956: 112].

Г.В. Колшанский предлагал использовать дифференцированный подход к описанию значения междометий, в зависимости от их принадлежности к конкретному классу. «Не все междометия одинаковы по своей функции. Некоторая группа междометий (*О! Ах! Ф-ф!* и т.д.) не является вообще грамматически оформленным отрезком речи и не имеет никакого фиксированного значения. Другими словами, междометия не выражают понятия, а являются лишь

знаками непосредственно эмоций, волеизъявлений, о значении которых можно умозаключить опосредствованно (из ситуации, контекста). Другие междометия (*Увы! Баста!* и др.), вошедшие в систему того или иного языка в качестве заместителей предложений, вполне могут быть связаны с определенным понятием и могут образовывать группы слов с своеобразной неизменяемой грамматической формой и выражать не понятие, а суждение» [Колшанский 1962: 59].

Сторонники семантических концепций описания междометий чаще всего предпринимают попытки обосновать правомерность избранного подхода, указывая на необходимость различения эмоционального и предметно-логического значения. И.Р. Гальперин считал, что междометия не имеют предметно-логического значения, но обладают эмоциональным значением [Гальперин 1958**:** 98]. По убеждению В.И. Шаховского, в значении лексической единицы выделяются три компонента: логико-предметный, эмотивный и функционально-стилистический. *«Логико-предметный компонент* обозначает (называет) денотат, его функция – номинативно-идентифицирующая... *Эмотивный компонент* варьируется в двух языковых статусах: значение и со-значение. Функцией *эмотивного значения* является самостоятельное выражение типизированного эмоционального состояния или отношения говорящего к миру (например, все нецензурные слова, а также слова типа *тьфу, ах, ура, ого, фу, сногсшибательная* (блондинка), *жуть, кошмарно* и т. п.), а функцией *эмотивной коннотации* является эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам (например, *ребенок* (о взрослом человеке), *осел* (о человеке), а также *девчушечка, рифмоплет, старый, жалкий, борзописец, наймит, молодчик, приспешник* и т. п.)» [Шаховский 2008: 78].

Иначе говоря, человеку свойственно не только категоризировать (денотировать) мир, но и выражать к нему свое отношение. Это отношение номинатор может присовокуплять к денотативной функции лексических единиц, а может передавать в «чистом виде», как это имеет место в случае с междометиями. В.И. Шаховский указывает: «Для аффективов (бранная, междометная и т.п.

лексика) эмотивный макрокомпонент семантики является первичным. Он соотносится непосредственно с определенной эмоцией, которая выражается в речи и выступает в роли его специфического денотата» [Там же: 79]. Размышляя о наличии понятийного компонента в междометиях, ученый утверждает, что «понятийное содержание междометия диффузно, свернуто до минимума, но оно есть» [Там же: 63].

Идеи В.И. Шаховского об осутствии четкого разграничения между когнитивным и эмотивным аспектами языка во многом созвучны воззрениям Р. Якобсона, который указывал, что понятие информации нельзя сводить исключительно к когнитивным (познавательно-логическим) аспектам языка. «Когда человек пользуется экспрессивными элементами, чтобы выразить гнев или иронию, он, безусловно, передает информацию» [Якобсон 1975: 197]. Характеризуя эмотивные междометия, Р. Якобсон подчеркивал их особый статус лингвистических единиц, формирующих «чисто эмотивный слой языка» и «отличающийся от средств референтивного языка как своим звуковым обликом, так и синтаксической ролью» [Там же].

Амбивалентный подход к рассмотрению внутреннего содержания междометия характерен для Е.Ю. Кустовой, предлагающей описывать их семантику с точки зрения произносящего и с точки зрения слушающего. При таком подходе представляется вполне очевидным, что если для субъекта эмоционального чувствования интеръективы выступают как средство выражения эмоции, то по отношению к адресату или интерпретатору они маркируют или обозначают ее. «Междометия, являясь для говорящего субъекта средством выражения эмоций, не называют их, но, тем не менее, обозначают (маркируют) их с установкой на интерпретатора» [Кустова 2006: 86]. Осуществленное автором разграничение представляется абсолютно необходимым с точки зрения понимания ограниченного характера действия процедурно-инференционных теорий междометия, необоснованности их претензий на универсальность сформулированных концепций.

В своем исследовании Е. Ю. Кустова опирается на интегральную теорию значения, ссылаясь на работы отечественных лингвистов И.А. Стернина (1985), М.В. Никитина (1988) и французских филологов F. Recanati (1981), O. Ducrot (1983), выделяющих в структуре значения когнитивный (объективированная информация) и прагматический компонент (субъективно-эмоциональное отношение) [Кустова 2010: 88]. Непосредственной основой для описания семантики становятся идеи М.В. Никитина, выделяющего в значении лексической единицы логико-понятийный (интенсионал), эмоционально-оценочный (экстенсионал) и имликационно-ценностный (импликационал) компоненты [Никитин 1988].

Применяя данную методологию по отношению к междометиям, Е.Ю. Кустова описывает их интенсионал как «семантический признак «эмоция» и семный конкретизатор "одобрение"/неодобрение"(+/-) без соотнесения с конкретным денотатом. Денотат (экстенсионал) междометия меняется от высказывания к высказыванию» [Кустова 2010: 94].

В терминах референции и значения специфику семантической природы междометий характеризует И.И. Скачкова [Скачкова 2006]. Под референтом интеръективов автор предлагает понимать ситуации, порождающие эмоции, а также сами эмоции, вызываемые этими ситуациями. Значение междометий, по мнению лингвистки, составляет «понятие» о выражаемой эмоции. «Эмоция, выражаемая междометием, является референтом этого междометия, а понятие об эмоции является его значением. Референт и значение в данном случае совпадают. Другими словами, значением междометия является выражаемая им эмоция» [Скачкова 2006: 7].

Н. А. Курносова описывает план содержания междометий в терминах сигнификата. По ее мнению, междометия обозначают «некое эмоциональное состояние, присущее в определенной ситуации всем людям. Общечеловеческая сущность данного эмоционального состояния закрепляется в общественно-осознанном понятии, составляющем сигнификат междометия [Курносова 1992: 9].

С.Ю. Мамушкина описывает значения междометий как коннотативные, поскольку они выступают в актах коммуникации в качестве эмоционально-оценочных или эмоционально-побудительных реакций. Междометия, имеющие конкретное значение, дают непосредственное представление (понятие) о выражаемом чувстве. Междометия с неопределенным значением соотносятся с представлением об определенном чувстве в результате конкретизации значения в речи [Мамушкина 2003: 6]. С.Ю. Мамушкина не ограничивается описанием значения междометий, но и указывает на наличие у них номинативной функции. Последняя описывается как способность междометий «выступать в качестве номинанта нерасчлененных ситуативных номинаций, имеющих своим референтом микроситуацию» [Там же].

О присутствии у междометий номинативной функции говорит также Е.В. Алференко, изучающая отыменные междометия в немецком языке [Алференко 1999]. Пытаясь обосновать такой подход, автор работы ссылается на необходимость расширенного понимания «содержания категории номинативности как соотнесения с любыми элементами внеязыковой действительности» [Алференко 1999: 11]. Такой подход, по мнению автора, дает право рассматривать в качестве номинативных средств языка не только предметные явления, но и выражение человеком своих эмоций, чувств и переживаний. Следует заметить, что объектом расширительной трактовки автором понятия номинации становятся вторичные, отыменные междометий, описываемые в работе как единицы с ослабленной, «приглушенной» семантикой.

Е.В. Алференко пытается также определить свойственный производным интеръективам характер денотации, предлагая понимать под денотатом «эмоциональное отношение к объектам реального мира». Автор подчеркивает сложность, противоречивость и логическую нерасчлененность обозначаемого ими фрагмента действительности (денотата), указывает на обусловленную изменчивостью семантики междометий «калейдоскопичность» и «размытость» «коррелирующих с ними концептов и организованных вокруг них прототипов,

что детерминировано субъективным характером познания человеком своего внутреннего мира как части окружающей действительности» [Там же: 65 – 68].

В целом, для семантических концепций описания междометий в отечественной лингвистике характерна их теоретизация в рамках привычных семантических терминов: значения, интенсионала и экстенсионала, референта и денотата, сигнификата и концепта, и даже номинативных функций. При этом многие лингвисты указывают на необходимость расширения самого понятия «значения» [Смирницкий 1959: 245] или понятия языковой номинации.

1.3.2. Когнитивно-дискурсивная парадигма описания междометий

С начала 2000-х годов в отечественной интеръективной лингвистике наблюдается рост количества работ, выполненных в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы (Т.В. Белоус, Е.А. Бахмутова, С.В. Параховская, А.В. Прудникова и др.). Ее релевантность по отношению к изучению междометий обосновывается с позиций антропоцентрического подхода к явлениям языка, предполагающего выдвижение на первый план функционального аспекта рассмотрения языковых явлений. На этом основании предполагается, что адекватная интерпретация междометий, в полной мере соответствующая речемыслительной деятельности, может быть осуществлена в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы [Бахмутова 2006: 4].

В фокусе внимания С.В. Параховской находятся процессы категоризации и концептуализации, лежащие в основе образования «междометного слова» [Параховская 2003]. Под категоризацией автор понимает отнесение различных явлений к сходным группам, под концептуализацией – вычленение неких единиц сознания и образование концептов. Вышеуказанное понимание кладется автором в основу попыток нахождения «общего» и «особенного» у класса междометий, а также определения его ядра и периферии [Там же: 5 – 7]. Описывая содержание эмотивной функции языка, автор указывает, что ядро эмотивной лексики составляют знаменательные части речи, а периферию – нахо-

дящиеся на границе между вербальной и невербальной коммуникацией междометия. Для семантики междометных единиц характерно наличие «минимальных эмоциональных концептов», которые могут составлять основу категоризации и классификации междометий.

На основе анализа представленности междометий в словарях английского языка Параховская приходит к выводу, что «все ключевые для человеческой психики эмоциональные концепты проецируются на речь с помощью междометий и способны составить ядро. Это ядро в английском эмотивном лексиконе репрезентируется междометиями со значением следующих эмоций: surprise, wonder; contempt, disdain; disgust; doubt; joy; grief, pity, sorrow; exultation, triumph; fright, fear, dismay; dissatisfaction, disappointment, impatience etc. Сам процесс экстериоризации междометных возгласов описывается автором как пограничный между подсознательным и сознательным. Когнитивные процессы обеспечивают выбор говорящим из множества хранящихся в ментальном лексиконе междометий именно того, которое наиболее адекватно вписывается в рамки конкретной речевой ситуации [Там же: 9].

Т. В. Белоус, осуществляя когнитивно-прагматический анализ междометий на материале англоязычного дискурса, приходит к выводу о том, что значения междометий соотносимы с определенными когнитивными структурами, или блоками знаний, которые стоят за ними и обеспечивают их понимание [Белоус 2006]. Значение междометий рассматривается в работе как «единство эмотивного и когнитивного компонентов. Когнитивный компонент значения междометий может быть представлен в виде пропозиции, за которой стоит определенная структура знаний, эмотивный – в виде широкого спектра значений, передающих положительные и отрицательные эмоции субъекта» [Белоус 2006: 11]. Под пропозицией в работе понимается предложенная А.А. Худяковым «модель ситуации, предполагающей взаимосвязь объектов, с наложенным на неё ментальным образом структуры, связывающей прообразы языковых коррелятов элементов ментальной модели» [Худяков 2000: 125]. В практике анализа данная модель, отражающая стадию преобразования глубин-

ных мыслительных структур в сентенциональный знак, получает вербальную репрезентацию, или пропозицию. Например, пропозицией для *wow* является высказывание I'm greatly suprised, для alas - I regret и т.п[2].

На основе пропозиционального «развертывания» интеръективной эмоции в виде структуры «Х чувствует что-то», автор приходит к выводу, что междометия не могут являться языковыми коррелятами концептуальных (понятийных) структур, а представляют собой элементы, речевое воспроизведение которых представлено во фреймах поведенческих моделей. Фрейм описывается Т. В. Белоус как модель культурно-обусловленного, канонизированного знания о той или иной стереотипной ситуации, хранящаяся в долговременной памяти носителей языка представителей определенного социума. В различных стереотипных ситуациях в сознании носителей языка активируется определенный когнитивный механизм, «предписывающий» принятую в данном коммуникативном сообществе модель эмотивно-когнитивной реакции [Белоус 2006: 10 -11].

В рамках фреймовой семантики осуществляет анализ английских междометий Е.А. Бахмутова. Исследователь указывает, что ни в одной из существующих концепций описания междометия нельзя обнаружить «сколько-нибудь удовлетворительного определения значений междометия» [Бахмутова 2006: 11]. Основная причина такого состояния дел описывается автором как результат неразличения исследователями семантики слова и высказывания. «Компактный и недискретный характер экспонента анализируемого содержания допускает возможность воспринимать междометное высказывание как слово. На самом деле семантическому анализу подвергается не слово, а предложение-высказывание», на основании чего делается вывод о сентенциональном типе семантики междометий [Там же: 12].

По мнению Е.А. Бахмутовой, общепризнанный статус «интонационной единицы междометия позволяет характеризовать его как единицу дискурса и рассматривать его семантический компонент как значение высказывания»

[2] Примечательно, что интерпретируемые в терминах когнитивизма пропозиционные модели в процедурно-инференционной концепции Т. Уортона определяются как «встроенные элементы»

[Там же: 5]. Данное значение следует рассматривать исключительно как «прагматическое», которое может быть выявлено в рамках конкретного «набора правил употребления» [Там же]. Сами междометия определяются Е.А. Бахмутовой как «конвенциональные звуковые комплексы, воспроизведение которых включено во фреймы поведенческих моделей реализации эмоций» [Там же].

В русле когнитивной парадигмы описывает план содержания междометий А.В. Прудникова, характеризующая его как «представление сценария действия или хода дискурса. С произнесением междометия возникает не образ, а все известные говорящему/ слушающему способы (сценарии) действия и поведения, ведения дискурса. Чем неоформленнее высказывание (при помощи сочетания звуков, интонации, жестов), тем больше фреймов (типовых ситуаций) оно предполагает, например: Ой! – «мне страшно», «я испытываю неловкость», «я испытываю любопытство», «мне жалко» и т.д. И лишь контекст/конситуация проясняет конкретный смысл высказывания» [Прудникова 2011: 92]. Автор также указывает на различия в плане содержания различных групп междометий. Так, этикетные междометия вызывают в сознании меньшее, или единичное количество фреймов; значительно большая соотнесенность с конкретным фреймом характерна для императивных междометий, что «объясняется тем, что команду, на которую нужно реагировать немедленно, невозможно выполнить, если придется выбирать из нескольких фреймов и сценариев» [Там же: 92].

С.Ю. Мамушкина исследует прагмадискурсивные функции междометий с точки зрения выполняемых ими функций, выделенных Р.Якобсоном [Якобсон 1975]. Лингвист приходит к выводу об универсальности экспрессивной функции интеръективов, которая не реализуется в «чистом виде», вне связи с какой-либо другой коммуникативной функцией [Мамушкина 2003: 10 – 14]. Кроме того, междометия способны выполнять апеллятивную, поэтическую, фатическую, конативную и оценочную функции, при отсутствии возможности выступать в качестве метаязыковой и референтивной функциях [Там же: 6].

Е.В. Алференко указывает на функции междометий как «индикаторов различных прагматических функций высказывания, позволяющих актуализировать определенную речевую интенцию в зависимости от конкретной ситуации общения» [Алференко 1999: 11]. Основной функцией эмотивных отыменных междометий является «эмоциональное самовыражение», дополнительными прагмакоммуникативных функциями – роль иллокутивных интенсификаторов или прагматических корректоров.

Н.А. Болтнева изучает коммуникативно-прагматические функции междометий с точки зрения их перлокутивного эффекта. Осознавая, что особой сферой функционирования междометий является сфера внутреннего диалога, в которой происходит взаимодействие чувствующего «я» и «я» оценочного, автор указывает, что внутренняя направленность не означает отсутствия влияния интеръективных форм на адресата [Болтнева 2004].

Понимание междометия как особой, прагматической единицы языка характерно для работ Е. Ю. Кустовой. В кандидатской диссертации автор определяет междометие как «косвенное обозначение (заменяющее прямую номинацию) эмоций», представляющее собой «языковой коррелят непосредственной реакции говорящего на определенные аспекты речевой ситуации» [Кустова 1997: 11]. В более поздних работах Е.Ю. Кустова описывает интереъктивы как «регуляторы когнитивных и интеракциональных процессов функционирования говорящего субъекта в коммуникативной среде» [Кустова 2010: 5].

1.4.Типология проблем описания междометий в рамках семантической и прагматической парадигм

Основной, до сих пор не получившей внятного решения проблемой описания междометия, является определение характера содержательной стороны интеръективного знака. Попытки описания онтологической природы междометия предпринимаются в русле различных парадигм современного языкознания: референциально-семантической, когнитивно-дискурсивной, коммуника-

тивно-прагматической или функционально-прагматической, реже, семиотической парадигмы. Тем не менее, по всеобщему признанию лингвистов, ни один из предлагаемых способов теоретизации междометий, не сумел предложить теоретико-методологической основы для создания внутренне непротиворечивой, объяснительной теории интеръективов.

Современный этап интеръективных исследований в российском языкознании характеризуется ростом популярности референциально-семантических концепций. Анализируя причины, на основании которых лингвисты считают правомерным признавать наличие у интеръективов значения, С.Ю. Мамушкина констатирует: «Основная масса доказательств сводится к тому, что если бы они ничего не означали, то бы не имели никакого смысла и их нельзя было бы ни употреблять, ни понимать» [Мамушкина 2010: 13]. Развивая высказанную мысль, С.Ю. Мамушкина приходит к умозаключению: «Значение – это понимание, и вне языка находится все то, что не связано с последним» [Там же].

Возникает вопрос, насколько обоснованным является сделанный автором вывод дедуктивного свойства: от понимания – к значению. Действительно ли, если мы что-то понимаем, это «что-то» непременно имеет «значение»?

Если мы привлечем к анализу данные синтагматической валентности глагола *понимать*, то обнаружим, что число *понимаемых* объектов не ограничивается теми, которым внутренне присуще «значение». НКРЯ фиксирует следующие сочетания: *понимать людей (друга, женщину, близких и т.п.), искусство, условия, необходимость, потребности, мотивы, устройство, положение* и другие объекты, приписать которым наличие «значения», не прибегая к различным ухищрениям формального толка, представляется достаточно непростой задачей.

Небезынтересным в данной связи представляется способ лексикографического представления значения *понимать кого-либо:* «постигать *образ* мыслей, состояние, настроение и т.п. кого-л., чьи-л.» [СТСРЯ], из которого следует, что по отношению к людям процесс понимания в большей степени предполагает действие механизма эмпатии, нежели участие когнитивных структур сознания.

О невозможности свести процесс понимания к действию исключительно когнитивных механизмов говорил также В.З. Демьянков, разъясняя, что «мы понимаем не только то, что читаем, но и то, во что верим» [Демьянков 1989: 129].

С большой долей вероятности можно предположить, что редуцирование процесса «понимания» к объектам, имеющим «значение», не отражает реального объема референции данного вида деятельности. Вполне очевидно, что ни образ мыслей, ни состояние или настроение, не тождественны «значению». Более корректным видится утверждение, согласно которому понимание имплицирует обязательное наличие некоего скрытого от внешнего наблюдения содержания, то есть, наличие некоей двусторонней сущности. В непосредственном отнесении к языковой системе это означает, что объектами понимания являются все лингвистические единицы, имеющие знаковую природу. Как справедливо указывал В.Н.Волошинов, «…понимание может осуществляться только в каком-нибудь знаковом материале …» [Волошинов 1929: 17-18].

Данное уточнение получает принципиальный смысл в том случае, если мы осознаем дифференцированный характер внутреннего плана языковых знаков. О том, что их внутренняя сторона может быть представлена единицами различного семиологического уровня, писал С. Карцевский. Ученый подчеркивает принципиальное отличие семиологической природы интеръективов, принадлежащих *неконцептуалъному* плану, противопоставленному всем другим семиологическим планам [Карцевский 1984: 128].

С другой стороны, в свойственной многим лингвистам убежденности в существовании у междометий «значения» отражается сущность самого процесса понимания, описываемого большинством исследователей в терминах интерпретационной деятельности. Согласно Г.Г. Гадамеру, процесс понимания обеспечивает формирование операционального смысла свойств объекта. Иными словами, понимающий субъект не воспроизводит скрытые смыслы, а производит их [Гадамер 1988]. В качестве равнозначных и синонимичных «пони-

мание» и «интерпретация» рассматриваются Р. И. Павиленисом [Павиленис 1982: 83], В.З. Демьянковым [Демьянков 1989] и другими исследователями.

Вышеуказанные положения как нельзя лучше отражают сущность попыток «понимания» внутренней стороны интеръективных знаков, в рамках которых исследующий (понимающий) субъект не столько воспроизводит скрытые смыслы, сколько производит их. Различные подходы к описанию междометий в семантических терминах в значительной степени основываются на результатах интроспекции и логических операций по предицированию им определенных смысловых характеристик. Решающим фактором в этом процессе становится форма, которую получает объект познания (междометие) на уровне его восприятия потенциальным адресатом или интерпретатором.

Анализ показывает, что результат когнитивных операций, направленных на восприятие и эксплицитное истолкование междометия, получает в языковом сознании форму обязательной референции к имени коррелирующей с ним эмоции. Так, слыша восклицание *ах* и обладая знанием ситуативного контекста, мы свяжем его произнесение с такими состояниями, как «восторг» или «восхищение»; слыша возглас *фу,* мы предположим, что произносящий испытывает чувство отвращения или омерзения и т.п.

Эмпирическим фактом, подтверждающим субстантивационную модель обработки воспринимаемого интеръективного знака, является традиционный для словарей способ лексикографического представления междометий путем перечисления существительных, обозначающих выражаемые ими эмоциональные состояния. Абсолютное большинство словарных дефиниций междометий построены по общей модели: «Х служит для выражения эмоции У». Например, *ОХ,* межд. «Восклицание при сожалении, досаде, горе, печали, боли и т.п. чувствах» [ТСРЯУ].

В процессе декодирования и вербализации смысла воспринимаемого междометного возгласа мы неосознанным образом осуществляем его перевод в соответствующую дескриптивную единицу, то есть присваиваем ему имя эмоции. Именно эта кореферентность интеръективов с субстантивными формами,

обозначающими эмоции, становится основой для предицирования междометию «семантики» или «значения».

Следует признать, что переход от аффективно-интеракциональной формы объективации эмоции (отношения) к категориально-предметной форме и vice versa является имманентным свойством мыслительных операций по производству и перцепции смыслов. Восприятие междометий адресатом основано на действии транспозиционного механизма, переводящего воспринимаемую ситуативно-аффективную форму (эмоциональный возглас, являющейся реакцией на некий каузатор) в коррелирующую с ним категориально-предметную форму, способную дать более отчетливое представление об испытываемом ощущении или эмоции.

Сторонники дедуктивной логики «понимания» междометий как носителей «значений» не учитывают дифференцированного характера когнитивных процессов, лежащих в основе простых операций по декодированию смыслов дескриптивных единиц, и намного более сложных операций по извлечению смыслов из лишенных дескриптивных функций междометий. Нетождественность внутреннего содержания интеръективного знака в процессе его порождения той мыслительной форме, которую оно приобретает на уровне его интерпретации, становится главной причиной множащихся попыток «вписать» междометия в область дескриптивных лингвистических знаков.

На особый механизм когнитивной обработки услышанного нами междометия чрезвычайно тонко указывал А.А. Потебня, заметивший, что «произнесенное другим восклицание усваивается нами не как междометие, то есть непосредственное выражение чувства, а как знак, указывающий на присутствие чувства в другом» [Потебня 2007: 110]. Особенности процесса восприятия междометий не ускользают от внимания современного исследователя М.Пузикова [Пузиков 2006]. Однако исходная диспозиция о наличии у междометий значения заставляет автора указать неверное направление мыслительных операций, протекающих в процессе восприятия междометий.

Ученый отмечает, что при восприятии интеръективных единиц в сознании слушающего осуществляется переход от предметно-категориальных к ситуативно-аффективным формам категоризации. Подобный, инверсивный характер описания, – от результата осмысления к вызвавшему его объекту, может быть объяснен, на наш взгляд, только попыткой «адаптации» гипотезы о наличии у междометия значения к реальным условиям производства и восприятия междометного высказывания.

Факт отсутствия у междометий понятийно-логического содержания отмечается практически всеми исследователями, независимо от избранного ими парадигмального подхода. «В отличие от названий эмоциональных состояний, междометия дают прямой выход чувству, они не опосредованы понятием…» [Кустова 2010: 86]. Указываемое М. Пузиковым направление когнитивной обработки интеръективного возгласа, – от несуществующей в акте произнесения предметно-категориальной формы к исходной, ситуативно-аффективной форме, – представляется по определению невозможным. Первичная фаза восприятия лишенного наименования эмоции интеръектива состоит в непосредственной перцепции его звуковой формы, которая в совокупности с конкретной ситуацией произнесения позволяет потенциальному адресату прийти к выводу о коррелирующей с ним предметной категории.

Убедительным доказательством первичности ситуативно-аффективных форм выражения по отношению к их предметной категоризации могут также служить эмпирические наблюдения за процессом усвоения интеръективных знаков детьми. Результаты исследований подтверждают, что усвоение междометия детьми как конвенционального способа осуществления несложной языковой реакции, дающей выход внутренним ощущениям, происходит на более ранней стадии, нежели усвоение имени эмоции с кореферентным значением [Stange 2009]. Незнание соответствующей лексемы со значением эмоции является свидетельством того, что в онтогенезе ситуативно-аффективные формы предшествуют предметно-категориальным образованиям. Можно ли при этом утверждать, что на более поздних стадиях онтогенетического развития сфор-

мированный в форме интеръективных знаков условный рефлекс видоизменяется, и человек начинает реализовывать в нем «значение» ословленной эмоции, как это следует из концепций, предицирующих междометию значение?

Как видим, предицирование значения междометиям на том основании, что они понимаются слушающим, входит в противоречие не только с реальным характером отражения их сознанием, но и с естественным ходом языкового развития индивида.

Возникает также вопрос, насколько семантическая парадигма позволяет внести ясность во многие запутанные вопросы теоретизации междометий. Во-первых, если мы признаем справедливость утверждения о наличии у междометий значения, то вынуждены будем переформулировать основополагающий для описания междометий тезис о том, что они *выражают* эмоцию (отношение). При таком допущении формулировка этого положения должна выглядеть приблизительно следующим образом: издавая некий междометный возглас, человек *выражает значение эмоции*, или человек *выражает значение отношения*. Вполне очевидно, что такое дополнение сложно назвать вносящим ясность в проблему описания онтологической сущности междометий.

Искусственность и избыточность предицирования междометиям «значения» проявляется также в тех обязательных герменевтических «ухищрениях», которые влечет за собой необходимость определения самого характера значения междометий. А.П. Ляшенко отмечает, что «значениями (междометий) являются реализации в речи субъективно-чувственных реакций или волеизъявлений говорящего, в то время как знаменательные единицы языка отражают сущность объектов, предметов, явлений, процессов и т.п.» [Лященко 1977: 57]. Как видим, *внешняя* характеристика «реализация в речи» претендует на описание *внутреннего* содержания описываемой единицы.

Искусственность и «насильственность» формулировки «реализация реакции» проявляется также в результате применения метаязыковых операций: в том случае, если слово «реакция» будет исключено из определения, никаких качественных семантических изменений в нем не происходит. При изъятии

данного слова дефиниция приобретает следующий вид: значениями междометий являются субъективно-чувственные реакции или волеизъявления говорящего. Вопрос о том, существуют ли доводы онтологического или логического свойства, чтобы приравнять «реакции» или «волеизъявления» к значению, можно было бы отнести к области риторических, если бы современная лингвистика не была «объявлена» зоной действия принципа «вероятностного знания» и полем приложения герменевтических методов исследования [Гак 1998: 14].

Но даже в том случае, если мы попытаемся оправдать правомерность определения «значение междометия есть реализация реакций в речи» его легитимизацией в рамках Витгенштейновской идеи о значении как употреблении [Витгенштейн 1985], то вынуждены будем констатировать, что речь идет о реализации в речи слов, то есть языковых элементов, но не о текущей объективации ментальных реакций или волеизъявлений.

Усложнение процедуры описания характерно и для работ других лингвистов, пытающихся описать междометия с точки зрения приписываемого ему значения. Так, И.И. Скачкова предлагает понимать под значением междометия «выражаемую ими эмоцию», а в качестве референта называет «вызывающую их ситуацию». Итогом научно-теоретической рефлексии становится вывод о совпадении значения междометия с его референтом [Скачкова 2006]. Одновременное представление референта междометий в терминах каузатора (ситуация) и в терминах результата (эмоция) вряд ли может быть признано логически безупречным, даже если принять во внимание свойственный междометиям синкретизм.

И.С. Торопцев указывает, что «значением междометий являются только представления о тех или иных эмоциях, физических или психических состояниях и волевых переживаниях организма человека, которые достаточно субъективны» [Торопцев 1985: 10]. Данная формулировка, однако, вызывает много вопросов. Что имеется в виду под «только» («только представления»)? Если «только» относится к эмоциональной референции интеръективов, то эмотивный компонент может присутствовать и в дескриптивных лексических едини-

цах. Если только достаточно субъективные представления легитимизируют принадлежность к классу междометий, то каким образом устанавливается мера «достаточной субъективности»?

Интересным в данной связи представляется указание А.М. Пешковского на необходимость различения между знаками чувствований, и знаками представлений: «Междометия – это знаки чувствований, а не представления. Все остальные слова … – знаки представлений [Пешковский 2001: 393]. Размышляя о скрытой в интеръективах онтологической загадке, Ч. Стивенсон предостерегал: «Конвенционализированное значение (имея в виду первичные эмотивные междометия. – *Т.Ш.*) гораздо легче, чем естественные средства выражения, смешать с дескриптивными аспектами языка и в результате умножить число фиктивных философских сущностей» [Стивенсон 1985: 129].

Другим соображением, по которому теории, предицирующие междометиям значение, представляются малоубедительными, является провоцируемый ими типологический эклектизм. Если мы припишем «значение» одной и другой единице кореферентной пары «интеръектив – эмоция», то каким образом сможем описать ощущаемую, указываемую и постулируемую всеми лингвистами разницу между единицами, выражающими чувства, и единицами, их называющими? Как в этом случае мы сможем дифференцировать омонимию интеръективированных конверсивов от их же употребления в номинативной функции? Например, «Этот *черт* снова подвел меня», и «*Черт!* Я снова забыла книгу дома». В конце концов, если мы намерены хранить верность постулату о наличии у междометий «значения», мы не будем в состоянии оперировать термином «десемантизация» по отношению к вторичным междометиям.

Распространенная в теоретической литературе характеристика механизмов интеръективации как процесса десемантизации лексических единиц также может служить косвенным доказательством отсутствия у междометий значения, поскольку десемантизация предполагает исчезновение значения у конверсируемой единицы.

В целом, логика сторонников референциально-семантических концепций описания междометий может быть представлена следующим образом. С одной стороны, присущие всем дескриптивным знакам репрезентативные функции замещения внеязыковых объектов у интеръективных знаков отсутствуют. С другой стороны, человек интерпретирующий без труда извлекает из интеръективных знаков смыслы, получающие категоризационные формы, привычные для дескриптивных знаков. Отсюда следует вывод: у интеръективных знаков также присутствуют искомые характеристики. Логика рассуждений может быть выражена в формуле: несмотря на то, что А не есть В, возможность интерпретировать А в терминах имманентных для В характеристик *с*, дает нам основание для предицирования А искомых характеристик *с*.

Такой способ научной рефлексии, в котором индуктивный вывод базируется на выводе по аналогии, представляет собой, в сущности, насильственную герменевтическую процедуру. Адепты тезиса «семантичности» междометий в значительно большей степени озабочены проблемой создания описательной теории, способной найти логические доказательства тому, что А не есть В, но может быть при известных допущениях описано как В, вместо решения задачи выявления сущности «иноприродного» характера В по отношению к А.

Референциально-семантический подход «затемняет» основное онтологическое свойство интеръективов – их особенность «не называть, не обозначать или маркировать», а «выражать» внутреннее состояние или отношение в момент его непосредственного возникновения. Предицирование междометиям значения приводит к смешиванию интеръективных единиц со всеми остальными языковыми знаками, обладающими номинативной функцией. В результате, процедура «семантизации» нивелирует особый семиотический статус интеръективов, волюнтативным образом решая проблему их «невписываемости» в разряд дескриптивных языковых знаков.

Ж. Вандриес писал: «Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно – явление другого порядка...» [Вандриес 2001: 114]. Эта «инопорядковость» и «инопри-

родность» полностью элиминируется ложной диспозицией о наличии у междометий категории «значения».

Выводы

В эволюции лингвистической мысли представлены различные взгляды на природу и статус междометий. В качестве ядра, или «эталона» интеръективной категории во всех теориях рассматриваются первообразные междометия. Конститутивные признаки данного класса предопределяют сложность их лингвистической категоризации, становясь одновременно «мерилом» интеръективности остальных, относимых к интеръективной номенклатуре единиц.

Приход антропоцентрического подхода на смену соссюровской системоцентрической парадигме, исключившей из области исследований речевые процессы, кардинальным образом изменил отношение лингвистов к междометиям. Выполненные с начала 90-ых годов исследования позволили кодифицировать определенные теоретические положения и предложили новые решения дискуссионных проблем.

Легитимизации междометий как единиц языкового уровня способствовали: осознание их конвенциональности и этноспецифичности, участие междометий в таких лингвосистемных процессах, как лексическая деривация, семантико-прагматическая конверсия и т.п.. Остроту проблемы лингвистического статуса интеръективов в значительной степени снимает разработанная Т. Уортоном концепция двойственной природы междометий как языковых знаков, сочетающих в себе лингвистические и паралингвистические признаки. Предложенный автором континуум создает основу для интерпретации междометий как элементов, в различной степени интегрированных в язык.

Признание за междометиями статуса самостоятельной части речи представляет собой давно кодифицированный акт, предшествовавший научно-теоретической рефлексии по поводу обоснованности их морфологической категоризации. Полное отсутствие у междометий морфологических экспонентов

свидетельствует о «фиктивной» процедуре их частеречной категоризации, что порождает синтаксические концепции их интерпретации.

Существующие классификации междометий представляют собой убедительное доказательство эталонности первообразных эмотивных междометий, составляющих ядро всего интеръективного класса. Степень соответствия остальных, «потенциально» интеръективных групп конститутивным признакам, обнаруживаемым в первичных междометиях, становится основным критерием отнесения остальных классов к категории междометий. К общепризнанным классификациям относятся разделение междометий по структурному признаку: на первичные и вторичные, и по функционально-семантическому признаку: на эмотивные, когнитивные, волитивные (побудительные). В качестве дальней периферии рассматриваются звукоподражательные и этикетные междометия

Основные проблемы теоретического описания междометий вызваны их отличительным свойством «выражать» эмоции или отношения, не обозначая и не называя их. Данное свойство признается всеми лингвистами, получая при этом диаметрально противоположную интерпретацию.

«Вписывание» междометий, признаваемых элементами ареферентивного языка, в референциально-семантическую парадигму приводит к необходимости расширительного толкования основополагающих терминов семантики: значения, денотата, сигнификата, референта и т.п. В основе процедуры «семантизации» интеръективов лежит дедуктивная логика, согласно которой, если мы понимаем объект, то он имеет значение. Причиной неправомерности данного вывода следует признать неосознание учеными асимметричности процесса декодирования значения номинативных (дескриптивных) знаков и ареферентивных знаков (междометий).

С когнитивной точки зрения каждое эмоциональное или ментальное состояние, объективируемое в интеръективном возгласе, получает соответствующую референцию к имени эмоции. Переход от аффективно-интеракциональной формы объективации эмоции (отношения) к категориаль-

но-предметной форме является имманентным свойством мыслительных операций по производству и перцепции декодируемых смыслов. Кореферентность интеръективов и соответствующих им субстантиваций становится основой для предицирования идентичной семантики или значения соответствующему интеръективному знаку. Наложение матрицы процесса восприятия междометий на уровень их речепорождения приводит к ложному выводу о наличии у междометий значения.

Описание междометий в терминах семантики «затемняет» основное онтологическое свойство интеръективов – их особенность «не называть, не обозначать или маркировать», а «выражать» текущее внутреннее состояние человека. Предицирование «значения» одной и другой единице кореферентной пары «интеръектив – эмоция» делает невозможным их дифференцированное описание, ретуширует онтологическую сущность междометий, искажая и нивелируя их особый семиотический статус.

Процедурно-инференционная теория междометий Т. Уортона предоставляет прагмалингвистическую альтернативу их описания в терминах процедурных маркеров. Основным недостатком теории следует признать ее односторонность, выражающуюся в описании междометий исключительно на уровне их декодирования адресатом. Предлагаемый подход игнорирует уровень речепорождения, на котором в полной степени обнаруживается онтологическая и семиотическая иноприродность междометий по отношению ко всем остальным классам лингвистических единиц.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОПИСАНИЯ МЕЖДОМЕТИЯ

2.1. Семиотическая дихотомия интеракционально-прагматических и дескриптивных знаков

Усиление в отечественной лингвистике тенденции описания междометий в терминах традиционной семантики заставляет обратиться к более основательному изучению отличительного категориального свойства междометий «не называть (означать), а «выражать непосредственным образом», составляющего «исходный пункт» и в то же время главный «камень преткновения» интеръективных теорий. Поиски ответа на данный вопрос лежат в плоскости определения онтологической сущности междометий, «иноприродность» которых осознается и отмечается всеми лингвистами, однако зачастую ретушируется или искажается в результате попыток вписать их в традиционную, референциально-семантическую парадигму.

Разъясняя принципиальное отличие междометий от «слов», А.А. Шахматов указывал: «Междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только сигналом для возникновения соответствующего представления, а не знаком его» [Шахматов 1925: 19]. Ф. Ф. Фортунатов призывал отграничивать междометия от всех остальных единиц, разделяя все слова на полные, частичные и класс междометий, «выражающих чувствования, испытываемые говорящими» [Фортунатов 1956: 172].

Об особой функции междометий выражать «мгновенное отношение» к некоему каузатору писал Германович: «В общем потоке разговорной речи междометие имеет свое необходимое место: оно мгновенно выражает отношение говорящего к собеседнику, к окружающей обстановке» [Германович 1966: 426].

Указывая на наличие фундаментальных различий между дескриптивными высказываниями типа *Je suis très triste* (*Я чувствую печаль*) и их междометными кореферентами *Helas!* (*Увы!*), О. Дюкро подчеркивал, что в высказываниях чувства выступают как нечто внешнее, как тема определенного рационального суждения. Употребляя междометия, произносящий задействован в самом акте высказывания (речепорождения), выступая одновременно в роли говорящего и в роли переживающего субъекта [Ducrot 1984, цит. по: Черенков 2011: 31].

Согласно Ч. Стивенсону, «междометия, являющиеся частью языка и обладающие эмотивным значением, сходны со вздохами, криками, стонами и т.д. в том, что они могут употребляться практически с той же целью – «дать выход» эмоциям [Стивенсон 1985: 129]. Ученый подчеркивает, что между словами, которые дают прямой выход эмоциям, и словами, которые их обозначают, существует очевидная разница. В качестве доказательств Ч. Стивенсон использует субститутивные тесты, приходя к умозаключению, что лексические единицы, обозначающие эмоциональные состояния, не могут быть использованы с целью их активного выражения[3].

Близкие идеи высказывались исследователем немецких междометий В.Д. Девкиным, утверждающим, что «назначение таких междометий можно сравнить с жестами. Как неудачно считать, что протянутая рука имеет какое-либо «значение», сопоставимое со значением слов, так и в междометиях этой группы, выступающих тоже в своем роде «звуковыми жестами», излишне искать определенный смысл (семантику)» [Девкин 1965: 65]. Категоризация междометий в терминах звуковых или «вокальных жестов» берет свое начало в работах К.Бюлера, используясь впоследствии различными зарубежными и российскими лингвистами и становясь одним из фундаментальных принципов построения концепции описания междометий И. А. Шароновым [Шаронов 2004, 2006, 2008].

[3] Лингвист ведет речь о лексических единицах – именах эмоций, коррелирующих с интеръективных возгласами, не затрагивая вопроса о потенциальных возможностях определенных лексических единиц подвергаться процессу интеръективации.

Е.Ю. Кустова, неизменно подчеркивающая в своих работах особый семиотический статус интеръективов, указывает: «В отличие от названий эмоциональных состояний, междометия дают прямой выход чувству, они не опосредованы понятием» [Кустова 2006: 86].

На динамическую, деятельностную природу междометных единиц обращают внимание авторы новой академической грамматики испанского языка, подчеркивающие перформативность междометий, «являющихся одновременно и словом и действием» [RAE]. В близких к перформативности терминах описывает междометия А.В. Чернов, описывая их как единицы, имеющие «непосредственное отнесение к действительности» [Чернов 1998]. По мнению автора, предикативность, или отнесение содержания высказывания к действительности, не ограничивается морфологическими глагольными категориями. Именно «междометия представляют собой единицы особого класса слов, способность выражать «отнесение к действительности» которых выступает в качестве их характеристики как единиц языка» [Чернов 1998: 5].

Американский исследователь П. С. Хейнер также указывает на необходимость отдавать себе отчет в том, что междометия не обозначают переживаемую в данный момент эмоцию, а являются средством ее непосредственного переживания [Hayner 1956]. «В момент эмоционального подъема говорящий может воскликнуть Hurrah!, и при этом он не указывает на переживание определенной эмоции, а непосредственно проявляет данную эмоцию в коммуникации. Делается вывод, что такое речевое поведение – это своего рода продолжение или часть эмоции «радость», ее экспликация посредством языковых знаков. Здесь возникает семиотически важная дихотомия «обозначать – выражать знаком» [Королева 2014: 87].

Мысль о семиотической дихотомии междометий по отношению к словам, обозначающим эмоции, прослеживается в трудах К. Бюлера, писавшего: «С семиотической точки зрения междометия имеют скорее экспрессивную, нежели репрезентативную или символическую функцию, характерную для обычных слов и предложений» – (перевод наш. – *Т.Ш.*) [Bühler 1934, цит. по God-

dard 2013: 4]. Ссылающийся на немецкого психолога и лингвиста К. Годдард поясняет данное утверждение: «Тот, кто произносит *Ugh!* или *Wow!*, выражает что-то похожее на мгновенное чувство отвращения или удивления / восхищения, но он не описывает своих чувств, как он это делает, говоря *I'm disgusted* (я испытываю отвращение) или *That's amazing* (это поразительно)» (перевод наш. – *Т.Ш.*, подчеркивания К. Годдарда) [Goddard 2013: 4].

Действительно, если в дескриптивных единицах всегда присутствует некое представление или образ, то междометия представляют собой конвенциональный способ выражения непосредственных, вызванных действием внешних казуаторов эмоционально-когнитивных реакций. Мгновенность их экстериоризации исключает возможность возникновения в сознании реагирующего субъекта некоего представления или образа, коррелирующего с испытываемыми чувствами или ощущениями. Неслучайно немецкий психолог К. Шерер описывал междометия как компонент «аффективного взрыва» (affect bursts), под которым предлагал понимать «краткие, дискретные, невербальные (мимические и голосовые) формы выражения аффекта» (перевод наш. – *Т.Ш.*) [Scherer 2003: 231]. Сами «аффективные взрывы» К. Шерер, а также Д. Саутер и М. Эймер предлагали разделять на «внеязыковые» реакции, такие, как смех, являющиеся универсальными для всего человечества, и «эмблемы аффективных состояний» (affect emblems), то есть облеченные в конвенциональную языковую форму реакции, такие, как английское *Yuck!* или немецкое *Igitt!*, представляющие собой «в высокой степени культуроспецифичные стандартизированные вокализации» [Sauter, D. A. & Eimer, M. 2010: 478].

Форму «представления» или некоего гносеологического образа междометные возгласы получают только в результате различных интерпретативных операций, – в случае необходимости осмысления или описания характера испытанного чувства или ощущения, либо в процессе восприятия потенциальным адресатом, в языковом сознании которого присутствуют ряды определенных корреляций: междометия как конвенциональные аффективные формы и соответствующие им имена эмоций.

В отличие от дескриптивных знаков, всегда представляемых графически в виде треугольника, в котором присутствует само означаемое, представление о нем и означающее, междометие, будучи знаком реактивным, не содержит в своей структуре третьего члена. Его структура может быть представлена только интерактивным способом, что само по себе служит доказательством интеракциональности, динамичности знака. Структурная характеристика междометия должна содержать каузатор, воздействующий на эмоционально-когнитивную сферу человека и вызывающий ответную реакцию, в рамках которой акт произнесения междометия является одновременно актом эмоционального переживания. То есть, если акт произнесения дескриптивного знака является одновременно актом обозначения, то акт произнесения междометия является одновременно актом переживания определенного эмоционального состояния.

Различия в структуре дескриптивного и интеракционального знаков могут быть представлены следующим образом:

Структура дескриптивного знака

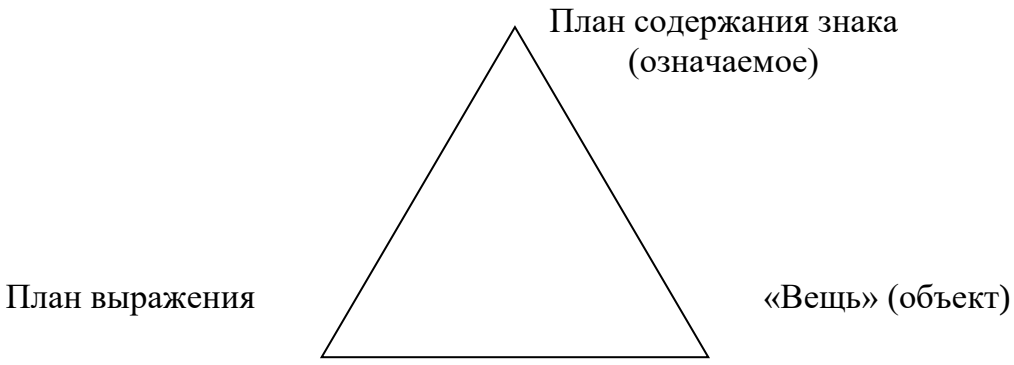

Рис. 1 [Комарова 2012: 172]

Структура интеракционального знака

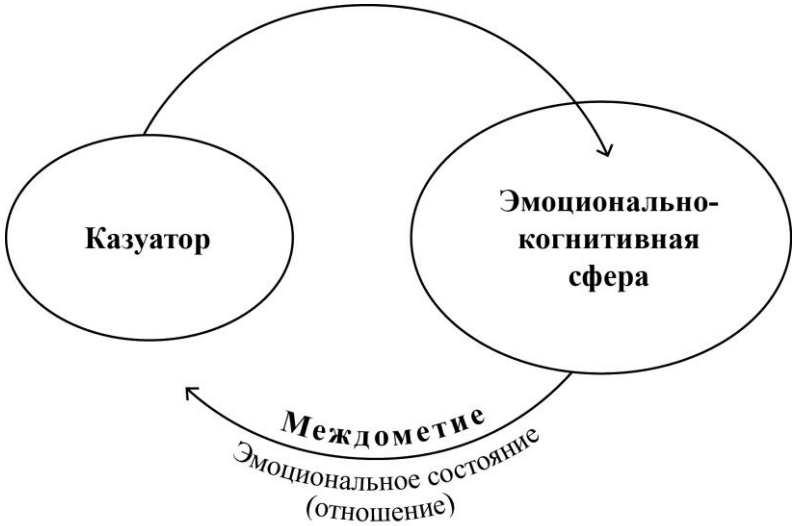

Рис. 2.

Идентифицируемая выше противопоставленность интеръективного знака всем остальным лингвистическим единицам (знаменательным и служебным словам) представляется его важнейшим онтологическим свойством, которое, будучи теоретизировано, способно преодолеть методологический эклектизм разнообразных, не обладающих общей экспланаторной силой, интеръективных теорий. «Перевод» всех многочисленных объяснительных формулировок типа: междометия «не обозначают, не называют, не имеют денотативного или предметно-логического содержания; но «выражают», являются «вокальными жестами» или «продолжением эмоций», «дают прямой выход эмоциям» и т.п.» на язык семиотики способен предоставить прочные теоретико-парадигмальные принципы для решения всех сложнейших проблем описания различных классов междометий в рамках единой объяснительной теории.

Данное противопоставление должно получить форму **семиотической дихотомии: «интеракционально-прагматический знак (**междометие) **/ дескриптивный знак** (все остальные типы лингвистических единиц). В сформулированной дихотомии обнаруживают себя два различных способа существования знака – языковой знак как номинант, репрезентант означаемого, и языковой знак как выразитель текущих эмоционально-когнитивных состояний индивида в процессе его непосредственной интеракции с внеязыковой средой.

Если дескриптивный знак в рамках билатеральной модели традиционно представляется как отношение «означающего» (слова) и «означаемого», то знак интеракциональный может быть описан как отношение «выражающего» (вокальный жест) и «выражаемого» (эмоциональное/ментальное состояние, отношение). При этом обязательная каузированность междометия внешней по отношению к индивиду средой означает, что область выражаемого всегда включает активное «отношение» человека к каузатору, что свидетельствует о прагматической природе интеракционального знака.

Эксплицитное введение нами дихотомии «интеракционально-прагматического/дескриптивного знака»[4] требует определения места данной диады в свете семиотических воззрений Ч. С. Пирса. С одной стороны, можно утверждать, что необходимость разграничения дескриптивных и интеракциональных знаков имплицитным образом содержится в семиотической триаде Ч.С. Пирса. В соответствии с предложенным им разделением интеръективы должны относиться к области «чистой» прагматики, как элементы, в чистом виде реализующие отношение знака к человеку. Безусловно, можно предвидеть возражения, связанные с тем, что дескриптивная лексика также содержит прагматические компоненты, выявляющие характер субъективного отношения человека к объекту обозначения. Однако такие типы языковых знаков обозначают, описывают или маркируют прагматический компонент, в то время как интеръективный знак воплощает его в чистом виде, является полностью конгруэнтным внутренним когнитивно-эмоциональным процессам.

Выдвинутый нами принцип семиотической дихотомии позволяет по-новому взглянуть на общепризнанную знаковую триаду Ч.С. Пирса [Пирс 2000: 90]. Как известно, в качестве основного классификационного критерия ученым избирается характер взаимоотношений между внешней и внутренней стороной языкового знака. Осуществленная ученым на основе данного критерия типологизация характеризуется многими исследователями как «сущност-

[4] Незавершенные попытки осуществления схожей дихотомизации прослеживаются в работах многих авторов и в максимально эксплицитной форме присутствуют в исследованиях Е.Ю. Кустовой.

ная», предоставляющая фундаментальную основу для понимания природы и «способа существования» знаков (Р.О. Якосбон, Е.С. Кубрякова, Н.Б. Мечковская, А. Соломоник и др.).

Представляется вполне очевидным, что, рассматривая данную классификацию как универсальную, охватывающую все типы языковых знаков, Пирс исходит из предпосылки об их универсальной онтологической природе. Такое исходное предположение представляется обоснованным, если за пределы действия семиотики выводятся междометия. Включение же интеръективного знака в область лингвосемиотического интереса заставляет по-новому взглянуть на представляемые в качестве «сущностных» способы знакообразования.

Если мы осознаем присутствие в языке двух типов знаков – тех, которые выполняют функцию «замещения» концептуальных структур сознания (дескриптивные, статичные знаки), и тех, которые обеспечивают непосредственное взаимодействие индивида с внеязыковой средой (динамичные, интеракционально-прагматические знаки), то вынуждены будем признать, что именно такое понимание создает основу для описания сущностных свойств, приоритетных для онтологии знака. В таком разграничении прослеживаются два различных способа существования знака – языковой знак как номинант, репрезентант означаемого, и языковой знак как выразитель текущих интеракциональных состояний индивида в его непосредственном взаимодействии с внеязыковой средой. То есть, в предложенной нами дихотомии характеризуется способ объективации знака, детерминированный его онтологическими свойствами.

Онтологическая дихотомизация высвечивает особенности пирсовской триады, дающей, в первую очередь, представление о типологии когнитивных способностей человека-номинатора, репрезентируемых в различных техниках знакообразования. К ним относятся различные приемы иконизации означаемого (знаки-иконы), метонимизации означаемого (знаки-индексы) и произвольного изобретения означающего (знаки-символы). С другой стороны, логика Ч.С. Пирса становится основой для понимания характера эволюционирования

любого типа знака в направлении увеличения его условности или конвенциональности в процессе семиозиса.

Описание интеръективов в терминах семиотики позволяет не только выявить их сущность, но и привносит с собой новое, в большей степени согласующееся с онтологией бытия знака, видение. Приложение семиотической методологии к области описания междометий позволяет убедиться в верности идей о том, что «онтология языка может быть понята в наибольшей мере на основе именно знаковой теории» и что «знаковая теория языка обладает большими возможностями как в объяснении природы языка, так и в плане эвристики: открытия нового знания о своем объекте» [Комарова 2012: 184 – 185].

2.1.1. Категория «интеракциональности» в рамках теорий лингвистического интеракционализма

Формирование и развитие теории лингвистического интеракционализма осуществлялось в двух основных парадигмах: в рамках социолингвистической этнометодологии [Hymes 1972, Goffman, 1981, 1987, Gumperz 1982, 1984] и имманентно-прагмалингвистической теории интеракционизма [Ducrot 1980, 1983, Kerbrat-Orecchioni 2005, Roulet 1985 и др].

Социолигвистическое направление возникает как концептуальный антипод соссюровской имманентной модели «языка в себе и для себя», приводя к революционной смене исследовательских приоритетов. Во-первых, дескриптивной функции языка как средства отображения внеязыковой действительности противопоставляется регулятивная функция; во-вторых, хомскианский тезис о врожденности лингвистической компетенции подвергается сомнению, вследствие чего «реализация» и «речь» получают приоритет по отношению к компетенции и языку. Происходит своего рода перефокусировка исследовательского внимания с универсальной для всех говорящих языковой компетенции на речевую компетенцию конкретного индивидуума в конкретной ситуации взаимодействия.

Дж. Гамперц выдвигал в качестве основной задачи этнометодологии разработку единой теории речевой коммуникации, которая «должна обладать достаточной объяснительной силой для создания динамической когнитивно-прагматической матрицы речевого информативного обмена» [Gumperz 1982: 72]. Э. Гоффман характеризовал участников коммуникации как явление интерактивного порядка, как единство двух лиц: позитивного и негативного [Goffman 1978]. В целом, концептуальное своеобразие американской этнометодологии заключается в намеренном экспонировании интеракционального аспекта речевого общения, в рассмотрении человека не только как интерпретатора, но и как активного участника речевого взаимодействия.

К основателям франкофонного направления лингвистического интеракционализма относят Э. Бенвениста, рассматривающего интерактивность как имманентное свойства языка в целом [Бенвенист 1974]. Непосредственным воплощением идеи имманентного лингвистического интеракционализма стала теория О. Дюкро, предлагающего концепцию интегрированной (включенной в семантику) лингвистической прагматики, в основе которой лежит понимание неделимости семантико-прагматических аспектов языкового значения [Ducrot 1980, 1983].

Для анализа особенностей междометия как интеракционально-прагматического знака представляются чрезвычайно важными идеи М.М. Бахтина. Несмотря на то, что многие французские интеракционалисты в своих работах ссылаются на воззрения русского философа и культуролога, российский ученый не считал, что интеракциональность относится к имманентным свойствам языка. Доводы Бенвениста в пользу интеракциональности как имманентного свойства языка лежат в плоскости его функционирования в речи, следовательно, проявляются только при условии его актуализации и не могут быть экстраполированы на лингвосистемный уровень. Доказывая необходимость локализации интеракциональности именно на уровне речевого взаимодействия, Бахтин сравнивает два взаимно отрицающие друг друга утверждения: «Жизнь хороша» и «Жизнь не хороша». При условии отсутствия их

столкновения в дискурсе диалогическое напряжение, или конфликтующая интерактивность в данных высказываниях не наблюдается. Только при условии включения в диалог двух коммуникантов эти суждения начинают «спорить друг с другом», вступают в интеракциональные отношения. Отсюда М.М. Бахтин делает вывод о том, что «диалогические отношения внелингвистичны» [Бахтин 1979: 212].

Будучи выражением отношений между субъектами речевого взаимодействия, интеракциональность, по мнению ученого, возникает только на уровне речевой актуализации высказывания. Следовательно, «1) язык нейтрален к диаметральному расхождению точек зрения; 2) сама противоположность определяется отношением высказываний (а не языка) к объективной действительности» [Бахтин 1986: 261].

Таким образом, основные различия между двумя парадигмами лингвистического интеракционализма лежат в плоскости концептуальных взглядов на природу деятельностного, динамического компонента коммуникации. Однако при любом подходе под интеракциональностью понимается активное речевое взаимодействие партнеров по коммуникации, а также отношения сопряженности, динамичности и потенциальной конфликтности между речевыми продуктами их взаимодействия.

В свете рассуждений М.М. Бахтина весьма интересным представляется рассмотрение природы интеракциональности междометий. Анализируя различные случаи употребления междометий, следует признать невозможность существования таких ситуаций, в которых интеръективный знак мог бы лишиться своей динамичной, интеракциональной природы. Более того, процессы интеракции являются единственно возможной формой их существования, их естественной «средой обитания».

Как указывает Е.Ю. Кустова, интеръективные формы соединяют в себе «когнитивный эмоционально-рациональный аппарат индивида с отображаемой им реальностью» и координируют «взаимодействие когнитивных пространств и интеракциональных программ субъектов в процессе речевой ин-

теракции» [Кустова 2010: 12]. Их динамичность и диалогичность не является потенциальным свойством, актуализирующимся в условиях взаимодействия коммуникантов, она представляет собой имманентную, постоянную и отличительную характеристику интеръективного знака.

Иначе говоря, в случае с междометиями интеракциональность лингвистична; причем сущность внутренней динамики интеръективного знака коренным образом отличается от той потенциальной «диалогичности», которая проявляется на уровне взаимодействия слов, высказываний, мнений или суждений. В отличие от всех других лингвистических элементов, интеракциональность междометий заключается не во взаимодействии смыслов, а в перманентном, облигаторном взаимодействии интеръективного знака с внеязыковой действительностью, образуемой внешней по отношению к индивиду средой, каузирующей активные внутренние когнитивно-эмоциональные процессы.

Интеракциональность междометия состоит в том, что при любых контекстуальных условиях оно сохраняет свойство недескриптивности, т.е. не направлено на денотацию или обозначение. Акт произнесения междометия всегда связан с изменениями во внутренней или внешней среде и может осуществляться в различных субъект-субъектных или объект-субъектных формах. Так, объект внешней среды может вызывать изменения в эмоциональном или психофизиологическом состоянии субъекта, что находит свое выражение в его объективации в виде междометного возгласа. Факт «сопряжения», соотнесения аудируемой информации с протекающим мыслительным процессом находит динамичное отражение в произнесении так называемых когнитивных междометий. Текущее состояние (ситуация) внешней среды с участием человека или другого живого существа вызывает необходимость ее мгновенной модификации с помощью нацеленного на перлокутивный эффект конвенционального интеръективного знака (волитивные междометия).

Таким образом, интеракциональная природа междометий состоит не в тривиальном взаимодействии говорящих на уровне речевых реплик, смене и очередности коммуникативных ходов и т.п., а в имманентном для данного типа

знаков свойстве осуществления различных видов когнитивно-эмоционального взаимодействия произносящего индивида с внеязыковой средой.

Фундаментальное отличие междометия как языкового знака от всех остальных языковых знаков состоит также в том, что оно представляет собой имманентно личностный знак, передающий текущее отношение произносящего индивида к объектам импрессии, ситуации, к другим индивидам, в чем выражается его прагматичность.

Именно динамическая, личностно-деятельностная природа интеръективного знака всегда составляла и продолжает составлять основное препятствие для их непротиворечивой интерпретации в рамках разнообразных лингвистических парадигм. Перефразируя мысль немецкого ученого П. Финке об общих типологических проблемах языкознания, можно утверждать, что ни одна из вышеуказанных парадигм не была способна решить полностью задачи теоретического описания междометий, более того, ответы на некоторые вопросы были настолько неудовлетворительными, что напрашивался вывод о том, что в этом виноваты парадигматические рамки, в которых проблема формулировалась [Finke 1984: 13].

Иной, принципиально отличный от всех других языковых единиц, характер интеръективного знака, его имманентная интеракционально-прамгатическая природа, позволяют с достаточной дозой уверенности предположить, что единственную релевантную по отношению к междометиям парадигмой описания может предоставить только семиотический подход.

2.1.2. Сущностные характеристики лингвистических знаков

История интерпретации человеческого языка как семиотического феномена восходит к учению стоиков, представителей философской школы, возникшей в Афинах около 300 г. до н. э. «В их учении знак (semeton) рассматривался как сущность, образуемая отношением означающего (semainon) и означаемого (semainomenon). Первое определялось как “воспринимаемое” (aistheton), а вто-

рое - как “понимаемое” (noeton) или, если выражаться более лингвистично, “переводимое” [Якобсон 1983]. Взгляды представителей двух главных философских школ эллинистической эпохи на природу знака получили дальнейшее развитие в трудах средневековых философов и теологов Бл. Августина и У. Оккама (XIV в.) и в работах философов XVII – XVIII вв. (Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, Г.В. Лейбниц).

Окончательное оформление лингвосемиотики как науки датируется первой половиной XX столетия и связывается с идеями швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра и американского логика и философа Ч.С. Пирса. В качестве основателя современной семиотики чаще всего указывают Ч.С. Пирса, идеи которого были популяризированы и развиты Ч. Моррисом в труде «Основания теории знаков» [Моррис 1983].

Пионеры американской семиотики возлагали на разрабатываемую концепцию огромные надежды, рассчитывая, что со временем она получит статус метанауки и предоставит универсальный методологический инструментарий. Исходя из того факта, что любая наука использует знаки и выражает свои результаты с помощью знакописи, Ч. Моррис делал вывод, что семиотика является «инструментом всех наук» и «метанаука должна использовать семиотику как органон, или орудие» [Моррис 1983: 39]. Ученый писал: «Человек должен освободить себя от сплетенной им самим паутины слов, и язык, в том числе язык науки – резко нуждается в очищении, упрощении и упорядочении. Теория знаков – полезный инструмент для ликвидации последствий этого своеобразного «вавилонского столпотворения» [Там же].

Несмотря на возлагаемые на семиотику надежды, знаковый инструментарий не приобрел впоследствии роли универсальной, унифицирующей язык наук, методологии. Более того, введенный семиотикой понятийный аппарат не получил единообразия даже в рамках лингвосемиотических исследований. Практически все базовые концепты лингвосемиотики: языковой знак, его сущность, свойства и типы, а также процесс функционирования знаков (семиозис)

– до сих пор не получили какой-либо единой, общепризнанной интерпретации и продолжают оставаться предметом научных дискуссий.

В рамках лингвосемиотики присутствует несколько подходов к пониманию знака, описываемого как двусторонняя (билатеральная), односторонняя (унилатеральная) и трехсторонняя сущность. Большинство ученых придерживаются идеи о двустороннем характере знака, в котором две стороны представляются как «означающее» и «означаемое». Согласно Е.С. Кубряковой, «знак – это нечто воспринимаемое, образующее тело знака и представляющее в языковом коллективе как сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое или обозначаемое в языковых или метаязыковых операциях...» [Кубрякова 2004: с. 503-504]. И.Е. Стернин подчеркивает, что «знак есть единство материального комплекса и мыслительного содержания» [Стернин 2015: 5].

Сторонники односторонней сущности знака (А. И. Смирницкий, В. М. Солнцев, В. З. Панфилов, А. А. Ветров и др.) полагают, что билатеральная интерпретация сущности знака не позволяет включить в область его определения человека как интерпретатора. При рассмотрении знака как односторонней сущности, «означаемое» оказывается вне знака. Американский философ-позитивист Р. Карнап также призывает описывать языковой знак как одностороннюю сущность, однако исходит при этом из соображений удобства формализации синтаксических процессов [Карнап 1959].

Критикуя позицию унилатералистов, И. А. Стернин апеллирует к естественной логике понимания «знака»: «Понимание знака как односторонней сущности противоречило бы определению знака: звучание единицы не может являться знаком без замещаемого им значения. Само понятие знака без значения немедленно исчезает, теряет смысл» [Стернин 2015: 7].

В многочисленных трудах Ч. Пирса также приводится значительное количество различных определений знака. К числу наиболее часто цитируемых относится: «Знак есть нечто, что для кого-то в некотором отношении или в некоторой роли стоит вместо чего-то другого. Он кому-то адресован, что означает,

что он создает в сознании того, кому он адресован, эквивалентный знак, или, может быть, более развернутый знак» (перевод наш. – *Т. Ш.*) [Peirce 1931 – 1958, 2: 228].

Пирс также вводит в структуру знака элемент, именуемый «интерпретантой», который описывается как предположенность реагировать определенным образом под влиянием знака. Дополнительный, четвертый фактор, участвующий в процессе семиозиса (процесса функционирования знака), был введен Ч. Моррисом, подчеркивающим, что «нечто есть знак только потому, что оно интерпретируется как знак чего-либо некоторым интерпретантом» [Моррис 1983: 40][5].

Основываясь на различных типах взаимоотношений между означающим и означаемым, Пирс выделил три основных типа знаков: иконический, индексальный и символический. Для знака-иконы характерно фактическое подобие означающего и означаемого, для знака-индекса – реально существующая смежность означающего и означаемого. Самым растиражированным примером такого типа смежности служит «дым» как индекс огня, имплицирующий индуктивный, или инференционный, в терминах прагмалингвистики, тип смежности. Наконец, знак-символ основан на своего рода соглашении или конвенции, принятых в определенном языковом коллективе.

Из всех элементов семиотической теории Пирса наибольшую популярность получила вышеуказанная триадичная классификация знаков. Р. Якобсон подчеркивал, что «одной из важнейших черт семиотической классификации Пирса является тонкое осознание того, что различие трех основных классов знаков – это лишь различие в относительной иерархии» [Якобсон 1983: 106]. Так, в одних знаках может преобладать индексальность, в других – иконичность, которая, в свою очередь, также может в той или иной степени поддерживаться конвенциональными правилами.

[5] Данное дополнение позволило Ч. Моррису сформулировать четкие основания для разделения науки о языке на три части в зависимости от характера отношения знаков: семантику – отношение знаков к действительности, синтаксис – отношения между знаками и прагматику – отношения знаков к их пользователям.

Как известно, родоначальник структурной концепции языка Ф. де Соссюр не был знаком с идеями Ч. С. Пирса. Его взгляды на знаковую природу языка развивались параллельно и были впоследствии изложены в «Курсе общей лингвистики» (1916), составленном и опубликованном Ш. Балли и А. Сеше. Согласно Соссюру, язык составляют знаки, представляющие собой единство означающего (акустического образа) и означаемого (понятия); при этом и первое и другое имеет психическую природу. В качестве основных свойств лингвистического знака ученый указывает их произвольность, линейность означающего, а также принцип изменчивости – неизменчивости знака.

Особую роль Соссюр отводил принципу произвольности знака, под которой предлагал понимать отсутствие какой-либо связи или отношения между акустическим образом и понятием. Мотивированность языкового знака, по мнению ученого, определяется только внутрисистемными отношениями знаков, имеющих в связи с этим определенную значимость.

Именно соссюровский принцип произвольности знака стал наиболее дискуссионным в лингвистической литературе. К числу его сторонников относятся Л. Блумфилд, А. Мейе, Ж. Вандриес, С. Карцевский, в то время как другие лингвисты (Ж. Дамуретт, Э. Пишон, Э. Бенвенист, Д. Л. Болинджер, Р. Якобсон) категорическим образом оспаривают идею арбитральности знака.

Наиболее развернутый критический анализ соссюровской идеи произвольности знака представлен в опубликованной в 1939 году работе Э. Бенвениста «Природа языкового знака» [Бенвенист 1977]. С одной стороны, Бенвенист находит «уязвимые» места в логике Соссюра, обращая внимание на противоречие между трактовкой «означаемого» как «понятия» и выводом о произвольности языкового знака по отношению к «означаемому», с которым оно не имеет никакой естественной связи в реальном мире» [Бенвенист 1977: 103]. Бенвенист указывает, что если знак представляет собой симбиоз двух психических сущностей, то обращение в выводе к «реальному миру» в качестве третьего члена является с точки зрения логики «незаконным». «Очевидно, что в это рассуждение вкрадывается ошибка по причине бессознательного и неявно-

го обращения к третьему термину, который не содержался в исходном определении. Этот третий термин – сам предмет, реальность» [Там же]. С другой стороны, Бенвенист анализирует интроспективные ощущения носителей языка: «Связь между означающим и означаемым отнюдь не произвольна; напротив, она *необходима.* Понятие («означаемое») *бык* неизбежным образом ассоциируется в языковом сознании француза с последовательностью звуков – «означающим» böf. Как же может быть иначе? Ведь и понятие и соответствующая последовательность звуков вместе запечатлены в мозгу; в сознании они также возникают только вместе. Между ними существует столь тесный симбиоз, что понятие *бык* является как бы душой акустического образа böf» [Там же].

Сходная аргументация характерна для Р. Якобсона, приводящего в качестве примера высказывание швейцарской крестьянки, искренне недоумевающей по поводу того, что ее франкоязычные односельчане называют сыр fromage, в то время как Kase подходит гораздо лучше [Якобсон 1983: 108]. На этом основании Якобсон задается вопросом, является ли такое ощущение естественности наименования следствием действия одной лишь привычки: «Действуют ли языковые знаки – поскольку они являются символами – «только благодаря существующей привычке», связывающей их означаемое с означающим»? [6] [Там же].

Интроспективные ощущения носителей языков о единственно возможной внешней форме знака как признаке его мотивированности отражают синхронический срез языкового сознания. Исключение из фокуса внимания начальной стадии глоттогенеза, на которой происходит процесс первоначального формирования знаков, приводит к игнорированию того, что произвольность знака являлась единственно возможным способом знакообразования. В акте первичной номинации все вычленяемые номинатором из универсума объекты неизбежным образом должны были получать произвольные наименования

[6] Примечательно, что похожая дискуссия ранее развернулась между Дж.Локком и Г.В. Лейбницем. В критике идей Дж. Локка о конвенциональности словесных знаков Лейбниц прибегал к аргументам из области интуитивных ощущений: «… существует нечто естественное в связи между обозначаемыми вещами и звуковой формой слов, оно сохраняется в словах и в движениях артикуляционных органов» [Лейбниц, 1982 , с. 19].

(относительную степень мотивированности Соссюр усматривал в звукоподражательной лексике и первичных междометиях). И лишь на более развитых стадиях глоттогенеза номинация вырастает из простейших форм сенсорно-перцептивного изоморфизма в более сложные – когнитивные формы ассоциативной мотивированности имени знака. Именно на этом этапе появляется «внутренняя форма» слова, представляющая собой свидетельство стремления номинатора изобрести новый тип языкового знака, основанный на предшествующем опыте знакообразования.

Следует заметить, что вышеуказанное противоречие между произвольностью наименования в диахронии и ощущением его «облигаторности» в синхронии осознавал также Ф. де Соссюр. Ученый писал по этому поводу: «Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано» [Соссюр 1977: 72], а, следовательно, конвенционально.

2.1.3. Семиотическая интерпретация междометий в российской и зарубежной лингвистике

Работы, посвященные описанию знаковой сущности междометий, включают в себя исследования, выполненные непосредственно в семиотической парадигме, а также работы, затрагивающие вопросы знаковой природы интеръективов косвенным образом. К первым относятся труды отечественных и зарубежных ученых, датируемые, в основном, началом текущего столетия (И.А. Шаронов 2009, Е.Ю. Кустова 2010, С.А. Прокахина 2012; Rosier 2000: 22; Schourup 2001; Kleiber 2006; Swiatkowska 2006 и др.), ко вторым – более ранние работы, чаще всего относящиеся к проблеме определения статуса междометий по отношению к системе языка (М. Мюллер, И.Г. Гердер, А.А. Потебня, А.И. Греч, К.С. Аксаков, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, А.И. Греч и др.).

В целом, авторы более ранних работ решают вопрос о знаковой сущности интеръективов в зависимости от того, признают ли они за ними статус лингвистических единиц. Если междометия рассматриваются учеными как элементы языковой (семиотической) системы, то они по определению характеризуются как знаки; если же они выводятся за пределы языка, то в этом случае не рассматриваются как результат знакообразования. Анализируя различные подходы к описанию знаковой природы междометий, М. Ю. Шалунова указывает, что «главным доводом в пользу того, что междометия не представляют собой слова-знаки, является их «неспособность» выражать мысль в том качестве, в каком его выражают полноценные языковые единицы» [Шалунова 2012: 84].

В качестве примеров такого противопоставления междометий «истинным» словам-знакам приводятся воззрения на данную проблему А.А. Потебни, К.С. Аксакова, Л.В. Щербы, И.Г. Гердера, В. Гумбольдта, М. Мюллера и других. Однако в высказываниях многих из вышеперечисленных ученых присутствует и другое, заслуживающее внимания противопоставление, в котором указывается, что междометие – это не слово, а только знак.

По утверждению А.А. Потебни, междометия не могут называться словами, *знаковыми единицами*. Свою позицию ученый объясняет тем, что «в отличие от слова междометие не способно выражать мысли. Это только *знак*, сигнал, указывающий на присутствие некоторого чувства в собеседнике» [Потебня 2007: 83]. То есть, с одной стороны, Потебня пишет об отсутствии у междометий знаковой природы, с другой стороны, подчеркивает, что это «только *знак*, сигнал». Исключая междометия из системы языка в связи с отсутствием у них «объективного значения», а также их непонятностью для сознания субъекта, А.А. Потебня размышляет: «Непонятность междометия – в том, что оно совсем не заметно сознанию субъекта. Если сообразить, что мы понимаем произнесенное другим слово лишь настолько, насколько оно стало нашим собственным <...>, и что произнесенное другим восклицание усваивается нами не как междометие, то есть непосредственное выражение чувства, а как *знак,* указывающий на присутствие чувства в другом» [Там же].

Русский филолог указывает на отсутствие у междометий концептуального внутреннего содержания, что не дает оснований для его квалификации в качестве слова, вынуждая рассматривать его только как «знак». Однако такое утверждение противоречит пониманию слов как элементов семиотической системы, хотя Потебня задолго до оформления лингвосемиотической парадигмы осознавал семиотическую природу слов: «Мысль, вскормленная словом, начинает относиться непосредственно к своим понятиям, в них находит искомое знание, на слово же начинает смотреть как на посторонний и произвольный знак <...> Если помнится центральный признак-образа, выражаемый словом, то он ... имеет значение не сам по себе, а как знак, символ известного содержания…» [Там же: 164].

В. В. Виноградов писал: «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно – знаков, служащих для выражения эмоционно-волевых реакций субъекта на действительность. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их. Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание» [Виноградов 2001: 611]. Примечательно, что Виноградов, так же, как и Потебня, подчеркивает принадлежность междометий именно к знакам – не к словам, тем самым неосознанным образом ставя под сомнение знаковую природу самих слов.

Интересными в данной связи представляются взгляды А.А. Шахматова. Анализируя побудительные междометия с точки зрения их эквивалентности глагольным формам, ученый подчеркивает: «Глагол обозначает действия-состояния в их процессах, <...> между тем как <...> междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только *сигналом* для возникновения соответствующего представления, а *не знаком* его» [Шахматов 2007: 103].

Заслуживает внимания сделанное ученым разграничение между «сигналом» и «знаком», семантические отношения между которыми вовсе не представляются однозначными. Авторы толковых словарей приводят, в целом,

схожие определения. Так, в словаре Ефремовой в семантике слова *знак* выделяются следующие значения: *Знак*: 1) Признак, примета, по которым узнается, распознается что-л. Клеймо, метка. 2) То, что служит указанием на что-л., свидетельством чего-л., внешним обнаружением чего-л. 3) Чувственное выражение, внешнее проявление чего-л. 4) Предмет, являющийся признаком принадлежности к чему-л., символом чего-л. 5) Жест, выражающий волю, желание, приказание кого-л. 6) Предмет или действие в роли условного обозначения чего-л.; сигнал. 7) Изображение с известным условным значением. 8) Письменное изображение звука речи; буква [СТСРЯ].

Семантика слова *сигнал* значительно уже: 1) Условный знак для передачи каких-л. сведений, распоряжений и т.п. 2) То, что служит толчком, побуждением к началу какого-л. действия, призывом к чему-л. 3) перен. Предупреждение, сообщение о чем-л. (обычно нежелательном) [Там же].

На основании анализа словарных дефиниций можно предположить, что *знак* более статичен и констативен, он представляет собой фиксацию уже свершившегося акта обозначения. *Сигнал* в большей степени тяготеет к будущему (*сигнал к атаке*), призывает к осуществлению действий (*сигнал SOS*). Кроме того, *знак* в большей степени связан с визуальной формой выражения, в то время как *сигнал* – с аудиальной.

Не существует единообразия по поводу понимания знака и сигнала в психологии, философии и собственно в семиотике. Рассуждая о соотношении трех понятий – сигнала, образа и знака, философ В.С. Тюхтин замечает, что «уже в сигнале есть момент знаковости», имплицитным образом указывая на первичность сигналов по отношению к знакам и, возможно, на их гипонимичность по отношению к знаку [Тюхтин 1963: 80].

При этом философ выступает против семиотизации языка, считая, что к знакам следует относить только искусственные, условные обозначения в математике и логике. В качестве причины сомнений в знаковой природе слов Тюхтин указывает естественность языковой системы для носителей языков, слитность в их сознании слова и мысли [Там же]. В этом смысле идеи россий-

ского ученого близки убеждениям основоположника элейской школы Парменида (540-450 г. до н.э.), «непосредственным образом противопоставлявшего знаки (semeia), как надежные указатели означаемых, словам (onoma), как произвольно выбранным именам, вводящим различия там, где их нет в реальном мире» [Кравченко 2001: 45].

Противником идей семиотизации языка был также известный английский философ У. Оккам, отрицающий то, что произнесенное слово употребляется вместо или означает ментальный концепт. Слитность в сознании носителей языка внешней и внутренней формы знака объясняется А. А. Уфимцевой как результат их постоянного «совместного» функционирования в семиозисе. «Две стороны языкового знака, будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, то есть его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение» [Уфимцева 2002: 167].

Процесс успешной коммуникации осуществляется в результате полного синхронического совмещения в сознании отправителя и адресата внешней и внутренней сторон слова-знака, когнитивно-перцептивного симбиоза знаконосителя и его содержания. Для нерефлексирующего сознания слово, действительно, может не иметь знаковой природы. Более того, употребление по отношению к языковым единицам термина *знак* вступает в определенное противоречие с характерным для обыденного сознания представлением о знаке как некоем компактном, упрощенном материальном объекте, репрезентирующем другую, как правило, более сложную сущность.

Тем не менее, по справедливому утверждению Ф. де Соссюра, использование самого термина *знак* по отношению к словам является вынужденным актом. «Знак» – метонимия: мы принимаем его для обозначения двусторонней единицы, так как другого подходящего термина нет» [Соссюр 1977: 100]. О специфической природе языковых знаков писал также И. С. Нарский, отмечая, что «знак есть органическое единство значения и носителя, т.е. вещественной

основы значения. Сам же по себе носитель значения – что угодно, только не знак: он представляет собой сочетание звуков, черточек на бумаге, световых вспышек и т.п.» [Нарский 1969: 7].

С большой долей вероятности можно предположить, что наблюдающиеся в высказываниях А.А. Потебни, В.В. Виноградова и других ученых противоречия, когда за междометием не признается статус «слова-знака» и одновременно указывается на его статус только «знака», также являются результатом «давления» привычных представлений о знаке в противовес научному предицированию концепта «знаковости» слову как элементу языковой системы. Следует признать, что в определенном смысле «знаковость» междометий более ощутима, нежели «открытая» и кодифицированная семиотиками знаковая природа полноценных слов. Интеръективный знак краток, компрессивен, морфологически неизменен, дополнен паралингвистическими средствами (просодия, интонация, мимика и жесты), и, самое главное, он не называет напрямую того, что составляет его внутреннюю сторону. То есть, он соответствует всем распространенным представлениям о знаковости, являясь с точки зрения произносящего кратким, удобным и привычным средством экстериоризации внутреннего состоянии и одновременно способом сигнализации его возникновения для потенциального адресата.

Возникает любопытный парадокс: слово, имеющее концептуальное содержание, не воспринимается как знак в силу слитности «означаемого» и «означающего», в то время как не имеющий внутреннего образа интеръектив, с сомнительным лингвистическим статусом, гораздо в большей степени воспринимается как «знак». Иными словами, определение междометий как «знаков» в большей степени согласуется с интуитивными представлениями об имманентных характеристиках знаковых единиц, нежели представляющее собой результат научной рефлексии присвоение статуса знаков словам.

В современных исследованиях знаковый статус междометий уже ни у кого не вызывает сомнений; дискуссионным остается лишь вопрос об их принадлежности к определенному типу знаков, выделенных Ч.С. Пирсом. Большин-

ство зарубежных исследователей чаще всего рассматривают интеръективы как знаки-индексы, поскольку они указывают на возникновение в момент произнесения особого содержания, относящегося к чувству или эмоции говорящего [Nicoloff 1990: 214-221; Rosier 2000: 22; Schourup 2001: 1045; Kleiber 2006: 15; Swiatkowska 2006: 50; Kockelman 2003: 471].

Изучению знаковой природы междометий посвящена работа американского антрополога П. Кокельмана [Kockelman 2003]. Ученый характеризует интеръективы как «семиотический артефакт естественного происхождения и самый прозрачный индекс наших эмоций» [Kockelman 2003: 470]. По его мнению, междометия, в первую очередь, индексальны, поскольку состоят в отношениях смежности с определенными объектами, нежели в отношениях конвенции (как это имеет место в знаках-символах) или в отношении подобия (как это имеет место в случае иконических знаков).

П. Кокельман указывает на присутствие в интеръективах «символической модальности» в двух взаимосвязанных смыслах. Во-первых, у междометия имеется стандартизированная, относительно произвольная форма, которая традиционно используется членами данного лингвистического сообщества. Во-вторых, междометия традиционно состоят в отношениях смежности с конкретными классами объектов [Там же: 471].

Согласно Кокельману, конвенциональные классы индексальных объектов существуют в двух видах. Во-первых, междометия можно характеризовать с точки зрения того, на какой семиотический класс объектов они указывают. Во-вторых, в случае конкретного междометия можно установить, на какой онтологический класс они указывают. Кокельман поясняет, что междометия могут иметь более одного индексального объекта одновременно. В частности, они могут указывать на объекты, знаки, внутренние состояния и отношения. Такие индексальные объекты лингвист называет ситуативными, дискурсивными, экспрессивными и социальными, соответственно. Под ситуативными индексальными объектами предлагается понимать «объекты или события в непосредственном контексте речевого события»; под дискурсивными – «знаки, ко-

торые появляются в речевом событии»; под экспрессивными – «интенциональные позиции говорящего» – предполагаемые ментальные состояния. Наконец, к социальным индексальным объектам Коккельман относит различные социальные роли, выполняемые говорящим или адресатом (пол, этническая принадлежность, возраст, и т.д.) или социальные отношения, которые существуют между ними (статус, уважение, вежливость, и т.д.) [Там же: 471].

Не все лингвисты разделяют мнение Кокельмана о правомерности причисления интеръективов к знакам-символам. В связи с тем, что междометия не имеют конкретного содержания и могут быть описаны как процедурные маркеры, они не могут быть отнесены к знакам-символам [Kleiber 2006: 21-22; Swiatkowska 2000, 2006]. По мнению П. Круза, статус знаков-символов может быть признан лишь за вторичными междометиями, поскольку они частично сохраняют концептуальное содержание полноценных лексических единиц, от которых были образованы [Cruz 2010].

Принимая во внимание специфические особенности индексальной природы интеръективов, которые не обусловливают четкой каузации между означаемым и означающим, ряд зарубежных лингвистов предлагает интерпретировать данную их особенность в рамках традиционного описания семантики как свойства коннотативности [Cueto Vallverdu 2003: 20; Ajmer 2004: 102; Kleiber 2006: 11-16].

Б. Крык-Катовски характеризует степень иконичности интеръективных знаков на примере анализа междометий, выражающих удивление. Рассматривая междометия *oh, oho, wow*, автор указывает, что звук *o* представляется наиболее органичным и естественным для выражения эмоций человека, повстречавшегося с каким-то неожиданным поворотом событий. Во многих языках присутствуют выражения, описывающие удивленного человека как человека с открытым ртом. Предполагаемая универсальность звука *o* как способа выражения удивления, по мнению лингвистки, представляет собой свидетельство иконичности формы знака выражаемому с его помощью эмоциональному состоянию. Сопоставляя междометия, содержащие звук *o* в английском, поль-

ском и немецком языках, Крык-Катовски приходит к выводу, что для них характерна высокая степень иконичности [Kryk-Kastovsky 1997: 161].

Крык-Кастовски предлагает также некий континуум иконичности, в рамках которого в качестве самых иконичных рассматриваются эмотивные междометия, а затем – в порядке убывания – эксплетивы (ругательства), идиомы, эвфемизмы, речевые акты, синтаксические конструкции. П. Кокельман, однако, подвергает критике идею иконичности знака выражаемым им эмоциям, замечая, что иконичность предполагает подобие с означаемым объектом. «Каким образом, – недоумевает лингвист, – можно знать, как выглядит «удивление», если единственный его признак находит внешнее выражение только в форме междометия или же в формах поведения?» (перевод наш. – *Т. Ш.*) [Kockelman 2003: 471].

Эмоциональные состояния, безусловно, не имеют какой-либо полноценной визуальной объективации. Тем не менее, будучи «семиотическим артефактом естественного происхождения», первичные эмотивные междометия являются в значительной степени биологически или психофизиологически детерминированными формами. В этом смысле они могут представлять собой внутренне мотивированный знак, иконичность которого имеет биологический характер. Неслучайно в большинстве языков мира междометия, выражающие отвращение, содержат звук *ф,* словно человек хочет «сдуть» неприятное ощущение [Вежбицкая 1999]. Исследуя звуковую универсальность ряда междометий, А. Вежбицкая также рассматривает их звуковую близость как свидетельство иконичности. Например, целый ряд междометий представляет собой некое подобие свиста, производимого коротким выдохом сквозь почти сомкнутые губы: *phew, pew, phoo, pfew, peugh, fogh*. Фонетическую структуру такого типа ученый предлагает рассматривать как иконическое изображение мимики ротоносовой зоны [Вежбицкая 1999].

Не существует единства взглядов на знаковую природу междометий также среди отечественных лингвистов. Е.Ю. Кустова рассматривает знаковую сущность интеръективов в диахронической перспективе, в соответствии с триади-

чной концепцией Пирса, согласно которой каждый тип знака («икона – индекс – символ») соответствует определенной стадии семиозиса. В целом, знаковая эволюция осуществляется на пути преодоления знаком присущего ему на ранней ступени изоморфизма с отражаемым десигнатом – к полной его конвенционализации. В соответствии с этим знаковая градация имеет три стадии: стадию первичности, вторичности и третичности.

Характеризуя каждую из стадий семиозиса, Е.Ю. Кустова подчеркивает, что выделенные Пирсом ступени относятся не только к прошедшим периодам глоттогенеза; они внеисторичны, «присущи любому семиозису (знаковому отношению) в любой момент когнитивной деятельности как исторического, так и любого другого индивида «здесь и сейчас» [Кустова 2010: 85]. Опираясь на первую трихотомию Ч.С. Пирса о первичности, вторичности и третичности, которым в глоттогенетической перспективе соответствуют понятия «употребления, узуса и нормы», исследователь указывает, что интеръективный «знак проходит эти три стадии семиозиса (или существует на какой-либо из них) в виде квалисигнума (признака), синсингнума (сингулярного, единичного употребления) или легисигнума («закона», нормы, конвенции)» [Кустова 2010: 18].

Оригинальный взгляд на знаковую природу междометий отличают концепцию И. А. Шаронова, полагающего, что первообразные междометия представляют собой «письменные знаки-иконы, с разной степенью адекватности передающие (транслитерирующие) рефлекторные, неязыковые звучания человека. Функция этих письменных знаков – указывать на известные и вполне понятные из ежедневной коммуникативной практики звуки, передающие определенные ментально-эмоциональные состояния человека. Вокальные жесты в такой интерпретации характеризуются как «симптоматический знак ментально-эмоционального состояния человека» [Шаронов 2006] .

Б. Волек разрабатывает семиотическую типологию междометий в терминах проявляемых языковым субъектом эмоциональных реакций, состояний, чувств, аффектов и настроений [Волек 1995]. Для обозначения совокупности языковых и паралингвистических средств выражения вышеперечисленных

эмоциональных состояний автор предлагает термин *знаковый эмотивный код* языка. Данный код представлен комплексными эмотивными знаками (лексемы, содержащие эмотивный компонент в качестве коннотации) и некомплексными, имеющими только эмотивный компонент значения и являющимися «наиболее чистой репрезентацией эмотивности на кодовом уровне» [Волек 1995: 23].

В свете триады Пирса эмотивные знаки характеризуются Б. Волек как символические индексы. Их конвенциональность определяет качество символичности знака, в то время как индексальность связана с непосредственным указанием на некий, недоступный непосредственному наблюдению, внутренний психический феномен.

Таким образом, большинство зарубежных и отечественных лингвистов относят междометия к индексальным знакам на основании «смежности» произносимого междометия с внутренним эмоциональным состоянием произносящего. То есть, анализ знаковой сущности интеръективов осуществляется с точки зрения того «сигнала», который они несут с собой для адресата, присутствие которого для ситуаций произнесения междометий, как известно, вовсе не является обязательным.

Рассмотрение знаковой природы междометий на уровне их восприятия представляется вполне понятным. Во-первых, оно является естественным отражением бессознательных представлений о знаках как элементах, ориентированных на адресата. Во-вторых, в различных лингвосемиотических концепциях признается, что в общем смысле алгоритм декодирования словесного знака повторяет алгоритм его кодирования [Комарова 1995: 270], из чего следует, что не существует никаких рациональных предпосылок для раздельного анализа двух уровней речевого функционирования.

Данный подход, абсолютно оправданный для описания денотативно-содержательных слов, перестает быть релевантным по отношению к интеръективным знакам. Выполнение анализа только в одной интерпретативной плоскости – на уровне речевосприятия – не дает возможности для уяснения семио-

тической нетождественности данного типа знаков на двух уровнях их речевого функционирования. Открытыми при таком подходе остаются и многие другие вопросы. Так, если мы удовлетворимся выводами об индексальности междометий, то каким образом сможем объяснить, в чем она проявляется в случае произнесения неадресованных первичных эмотивных междометий? В чем состоит индексальность вторичных бранных междометий, большинство из которых предназначено для целей личного, «укромного» использования? В сущности, являясь формой спонтанной реакции на воздействие сильного каузатора, их употребление «антииндексально», оно нацелено на собственные внутренние ощущения, на обеспечение их «выхода» и психофизиологической разрядки, а не на их «маркирование» для целей последующей идентификации вероятным присутствующим.

Безусловно, можно возразить, что знак, например, дорожный указатель, не утрачивает своей знаковой сущности, если его никто не видит, точно так же, как слово обладает определенной семиологической сущностью на лингвосистемном уровне. Однако в случае с первичными междометиями знак, рождающийся как эмоциональный реактив, получает индексальную модальность только на уровне его декодирования потенциальным адресатом. В проблеме выявления природы знаковости междометий в наиболее отчетливой и сложной для осмысления форме проявляется асимметричность междометий на уровне их речепорождения и на уровне речевосприятия.

В случае с дескриптивными единицами «означаемое» присутствует как в процессе речепроизводства, так и в процессе речевосприятия. На уровне произнесения слова «означаемое» выступает в форме референтного гносеологического образа, в процессе восприятия оно имеет ту же, извлекаемую адресатом категориальную гносеологическую форму. Как указывает З.И. Комарова, алгоритм когнитивно-дискурсивной деятельности при восприятии знака выстраивается по известной уже схеме знакообразования [Комарова 1995: 270].

По отношению к интеракциональному знаку принцип когнитивно-дискурсивной конгруэнтности процессов кодирования и декодирования «не

работает». Само по себе междометие не имеет «означаемого», оно выражает эмоции, не обозначая и не называя их. Безусловно, в этой связи вполне обоснованными представляются сомнения, можно ли при отсутствии «означаемого» причислять междометие к знакам. Очевидно, к традиционным, дескриптивным знакам междометия отнести нельзя, так как в эталонном понимании «знака» они не выполняют заместительной функции. Онтологическая сущность интеръективов состоит в их интеракционально-прагматической природе, определяющей типологически отличное качество знака.

Междометия относятся к прототипическим элементам языка [Кустова 2010: 18], на начальных стадиях глоттогенеза еще не «созревшим» до акта вычленения из внешней среды денотата и присвоения ему имени, а на синхронной стадии развития и знакопользования тяготеющим к правополушарным, интуитивным и «недескриптивным» способам отражения мира (точнее, непосредственного осуществления взаимодействия с ним в озвучивании кодифицированных конвенцией знаках).

Таким образом, если на уровне речепорождения междометия были охарактеризованы нами как имманентно интеракциональный знак (интеракциональность которого лингвистична), то на уровне восприятия они представляют собой знак индексальный, но не в облегченно дейктическом (указательном) смысле слова, а в форме сложной инференционной процедуры поиска имени эмоции, коррелирующей с ее интеръективным выражением в наблюдаемой ситуации.

Такой тип индексальности не может быть сведен к примитивному, указательному типу смежности, как это имеет место, к примеру, в традиционно причисляемой к индексальным знакам категории указательных междометий. С учетом сложности механизма «декодирования» воспринимаемых междометий, их индексальность должна быть описана как инференционная (в которой референция к имени вычисляется каждый раз заново, здесь и сейчас). Таким образом, в анализе знаковой сущности междометий выявляется закономерность: лингвистически имманентная интеракциональность знака на уровне речепо-

рождения оборачивается лингвистически имманентной инференционностью на уровне речевосприятия.

2.2. Основные принципы описания интеръективных единиц в рамках интеракционально-прагматической теории

2.2.1.Интеракционально-прагматическая типологизация междометий

Выделение семиотической дихотомии между языковыми знаками: «знак интеракциональный/знак дескриптивный» и определение «интеракциональности» как основного отличительного свойства междометий – позволяет создать «идеологически целостную» теорию [Кустова 2008: 54], описывающую каждый класс интеръективов как опредленный тип реализации критерия интеракциональности. При этом критерий интеракциональности, проявляющейся в непосредственном взаимодействии знака с внеязыковой средой, может быть также использован с целью установления степени «интеръективности» различных единиц, чье включение в интеръективную номенклатуру представляется дискуссионным.

С точки зрения характера интеракциональности все междометия могут быть описаны следующим образом. В первичных эмотивных междометиях реализуется объект-субъектная или пропозиционально-субъектная форма интеракциональности, эксплицируемая в формуле «я выражаю испытываемую в данный момент эмоцию или эмоциональное ощущение». Объект-субъектный тип взаимодействия интеръективного знака с языковой средой характерен для тех ситуаций, в которых в роли каузатора выступает некий внеязыковой объект, вызывающий, как правило, в произносящем индивиде некие интенсивные эмоциональные ощущения, требующие своего непосредственного выхода в форме междометного возгласа.

Пропозиционально-субъектный тип относится к ситуациям реагирования на вербально оформленное высказывание, или пропозицию. Следует подчеркнуть, что интеръективная реакция на пропозицию характеризуется большей степенью субъектности и интенциональности адресата, на основании чего отдельные зарубежные лингвисты предлагают разграничивать сенсорно-перцептивные эмоциональные ощущения, характерные для объект-субъектной ситуации, и когнитивно оформленную эмоцию, имеющую место в пропозиционально-субъектной ситуации [Rey 1980; Wharton 2003].

Когнитивные междометия могут быть охарактеризованы как пропозиционально-субъектный тип интеракции, поскольку являются средством экстериоризации протекающего в данный момент процесса осмысления поступающего по аудиальному каналу сообщения. Воспринимая некую новую, ранее неизвестную информацию, адресат соотносит ее со своими знаниями и представлениями, либо пытается извлечь из высказываний определенный смысл, что может быть описано по формуле «я выражаю испытываемое в данный момент интеллектуальное (когнитивное) отношение к содержанию воспринимаемой информации». В данном случае интеракциональность включает в себя взаимодействие между сообщаемым в некоей пропозиции смыслом и формированием определенного интеллектуального отношения к нему в момент его декодирования адресатом[7].

Представляется очевидным, что в выражении отношения к содержательной части пропозиции могут быть также в определенной степени задействованы эмоции. Например, процесс достижения понимания может сопровождаться радостью или разочарованием, однако в любом случае здесь нет места для возникновения «голых» эмоциональных ощущений, как это свойственно первичным эмотивным междометиям, употребляющимся в случаях реагирования на некие объекты внеязыковой среды. Если в случае с эмотивными междометия-

[7] Невозможность реагирования посредством когнитивных междометий на не имеющую локутивной оформленности ситуацию или объект может служить косвенным подтверждением обоснованности вышеуказанного тезиса о корреляции объект-субъектной формы реализации междометий с «чистыми» эмоциональными ощущениями.

ми выражение эмоционально-оценочного отношения является первичным, то в когнитивных междометиях эмоции составляют необязательный, но вероятный коннотативный компонент.

Интеракциональность позволяет охарактеризовать в рамках терминов активного взаимодействия также побудительные (волитивные) междометия, описание функциональной семантики которых всегда вызывало необходимость отдельного указания на их волеизъявительный характер. В рамках предлагаемого нами подхода данный тип междометий может быть описан как субъект-субъектный тип интеракции, реализуемый по формуле: «я намереваюсь установить определенный характер отношений между собой и адресатом», иными словами, «я хочу, чтобы кто-то сделал что-то». Важной составляющей произносимого побудительного междометия является стремление адресанта вызвать мгновенный перлокутивный эффект. Таким образом, побудительное междометие выступает в роли вербального каузатора мгновенного изменения текущего состояния адресата.

Для класса волитивных междометий характерен иной, по сравнению с эмотивными и когнитивными, тип интеракциональности. Прежде всего, данная интеракциональность осуществляется не на уровне реактивного взаимодействия эмоционально-когнитивного аппарата индивида с импрессивной (воздействующей) внешней средой, а на уровне его интенционального взаимодействия с другим индивидом.

Интеракциональность реализуется во взаимодействии с адресатом, принуждаемым к подчинению содержащейся в условном сигнале командой, то есть проявляется на межличностном уровне и состоит не в объективации текущего внутреннего состояния, а в каузировании посредством интеръектива некоего внешне выраженного действия.

Реализация в речи волитивных междометий непосредственным образом связана с прагматическими параметрами, так как чаще всего отражает отношение адресанта к адресату, состоящее в его неудовлетворенности текущим состоянием дел или ситуации. В то же время прагматичность большого коли-

чества интеръективов данной группы обусловлена потребностями имперсонального характера. Прежде всего, речь идет об интеръективах, относящихся к различным сферам профессиональной деятельности человека (*апорт, вира, майна, браво)*. Их применение в качестве конвенциональных сигналов, имплицирующих определенное профессиональное действие, свидетельствует об акте их преднамеренного создания с утилитарной целью как кратких и удобных в использовании команд.

Отдельную группу побудительных интеръективов, в которой взаимодействие знака со средой проявляется в более непосредственной форме, представляют собой призывы, объединяющие адресата с адресантом (*ай-да, баста* и др.). Некоторые из них могут использоваться одновременно как инклюзивный императив, в котором адресант и адресат совпадают, и как императив второго лица, направленный к исполнителю действия в значении, например: *тсс…, баста* и др.

В целом, побудительные междометия могут быть охарактеризованы как субъект-субъектный тип интеракции, реализуемый по формуле: «отдавая некий сигнал, я принуждаю адресата к подчинительной форме интеракции, либо инициирую совершение мгновенного совместного действия, с целью внесения изменений в текущую ситуацию».

Для данного разряда междометий характерен отличный от других классов механизм декодирования передаваемого ими смысла. Присущая первичным эмотивным и когнитивным междометиям формула: «внешний стимул – внутренняя когнитивно-эмоциональная реакция – ее выход во внешнюю среду посредством интеръективного знака» предопределяет сложный, транспозиционный характер понимания потенциальным присутствующим выражаемых ментальных состояний. Заложенный в волитивном знаке сентенциональный смысл декодируется адресатом на основании знания языковых конвенций, не вызывая необходимости сложных инференционных процедур. Однозначность передаваемых побуждений также не требует от адресата осуществления выбора из

ряда существующих возможностей, как это имеет место в случае с восприятием полифункциональных эмотивных междометий.

Таким образом, механизм продуцирования волитивного междометия конгруэнтен механизму его восприятия. Его отличие от декодирования референтных смыслов дескриптивных знаков состоит в том, что внутренняя сторона знака содержит не гносеологический образ, а конкретную сентенцию императивного типа, нацеленную на обеспечение мгновенного перлокутивного эффекта.

Знаковая сущность эмотивных (когнитивных) и волитивных междометий может быть представлена следующим образом:

Таблица 1. Эмотивные (когнитивные) междометия

Структурная характеристика знака	**Сущностная характеристика знака**	
	Уровень продуцирования	**Уровень восприятия**
Символ – в синхронии в акте образования – мотивированный/немотивированный знак	Интеракционально-прагматический (реактивный) знак	Индексальный инференционный знак

Таблица 2. Волитивные (побудительные) междометие

Структурная характеристика знака	**Сущностная характеристика знака**	
	Уровень продуцирования	**Уровень восприятия**
Символ – в синхронии; икона или символ в акте знакообразования	Интеракционально-прагматический знак	Индексальный знак

Более сложным представляется использование критерия интеракциональности по отношению к классу звукоподражательных междометий или ономатопей. Принимая во внимание специфические свойства данных единиц – их звуковую мотивированность, значительно меньшую зависимость от паралингвистических средств – интонации, жестов и мимики, а также значительно больший синтаксический и словообразовательный потенциал (по сравнению с

эталонными первичными эмотивными междометиями), подавляющее большинство современных лингвистов предлагают выносить данную группу за пределы интеръективной категории.

В то же время Е.Ю. Кустова, используя критерий прототипической интеракциональности, утверждает, что «интеръективные формы, имеющие звукоизобразительный (ономатопеический) … характер, объединяются на общей основе своей прототипической когнитивной интеракциональной природы… в один онтологический и функциональный класс интеръективных интеракционально-эмотивных форм» [Кустова 2010: 7].

Ономатопеическим единицам, действительно, присущ специфический тип интеракциональности. Например, описывая какую-либо ситуацию в динамике ее непосредственного развития, нарратор, избирая ономатоп *прыг* вместо глагола *прыгает*, тем самым воссоздает образ «ультрамгновенного движения», оживляет конкретный эпизод прошлого, заставляя адресата визуализировать воспринимаемую информацию. Такой способ интеракции описывается Г. С. Мхитарьяном в терминах «экспрессивной акциональности – мгновенного звукообразного действия» [Мхитарьян 2016: 6].

Употребление ономатопей вызывает своего рода эффект «анимации», порождает визуализированные образы в сознании реципиента. В то же время ономатопеически «оживленные» образы выполняют заместительную функцию, свойственную дескриптивным единицам. Наличие у них номинативной функции входит в противоречие с основным дистинктивным свойством интеракционального знака «выражать», не обозначая. В отличие от передающих отношение говорящего эмотивных, когнитивных и волитивных междометий, ономатопеи имеют цель осуществить акт номинации, вызвать в сознании адресата яркий и живой образ.

На основании вышеизложенного можно предположить, что класс ономатопей представляет собой переходный тип знаков, в котором стремление к интеракции с номинируемой средой отражается в попытках звуковой иконизации динамически протекающих процессов. Таким образом, ономатопы могут

быть охарактеризованы как переходный тип от интеракционального к дескриптивному типу знаков.

Критерий лингвистической интеракциональности позволяет осуществить также типологизацию вторичных междометий. Несмотря на свою дескриптивную, семантическую «родословную», конверсированные из знаменательных частей речи эмотивные интеръективы не в меньшей степени проявляют свою интеракционально-прагматическую природу. Для них характерен исключительно реактивный характер употребления, еще большая спонтанность произнесения, а также присутствие разряжающего психоэмоционального потенциала.

Следует отметить, что свойственный данному классу единиц (бранные или сакральные вторичные междометия) психотерапевтический эффект обеспечивается в том числе за счет особой онтологической природы конверсируемого знака, выполняющего функцию эмоционально-когнитивного взаимодействия произносящего субъекта с внешней средой. Испытываемое индивидом под воздействием негативного каузатора сильное возбуждение активизирует оязыковленный рефлекс, имеющий форму одного из обсценных или сакральных слов, который, объективируясь, снимает или смягчает нервное напряжение. В этом смысле представляется уместным вспомнить слова Ф.Ф. Фортунатова о том, что «наши чувствования могут соединяться и с движением органов речи..» [Фортунатов 1956: 172].

Характер интеракциональности вторичных эмотивных междометий практически полностью совпадает с первичными, варьируется от объект-субъектной до пропозиционально-субъектной формы и может быть выражен посредством формулы «я выражаю испытываемую в данный момент эмоцию или эмоциональное ощущение».

Наибольшие сомнения с точки зрения критерия прагматической интеракциональности может вызвать относящаяся традиционно к самой дальней периферии группа этикетных междометий. В отличие от производных эмотивных междометий, механизм образования вторичных этикетных междометий не привлекает особого внимания исследователей, что можно объяснить наличием

различных точек зрения на степень обоснованности причисления этикетных клише к классу интеръективов.

К сторонникам рассмотрения данной группы в составе междометий относятся В.В. Виноградов (1972), И.Н. Кручинина (1997), Е.В. Середа (2005), Г.А. Исянгулова (2015), однако лишь немногие из них описывают данную группу как результат семантико-прагматической конверсии. Для исходной семантики большинства из этикетных формул характерно наличие эмоционального фона. Как писал В.В. Виноградов, этикетные междометия – это «своеобразные экспрессивные звуковые жесты, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни [Виноградов 2001: 621].

Вследствие постоянного употребления в качестве речевых клише в изначально наполненных эмоциональным смыслом фразах постепенно затухают все «признаки жизни»: семантические, эмотивные и морфологические. В отличие от вторичных эмотивных междометий, в которых возрастающая роль прагматического, эмотивного компонента значения ослабляет денотативные смыслы, в этикетных формулах конверсия изначально «живого» слова или сочетания приводит к его полному эмоциональному «угасанию» и выветриванию внутренней формы.

Тем не менее, и в данном случае имеются весомые основания, чтобы идентифицировать действие механизма интеръективации, рассматриваемой как преобразование дескриптивного знака в знак интеракциональный. Взаимодействие полученного в результате семиотической конверсии интеръектива с внеязыковой средой получает в случае этикетных клише форму непосредственного установления конкретных отношений между участниками интеракции. Данный тип интеракции может быть описан как субъект-субъектный, имеющий имплицитный перформативный характер. Экспликация такого типа перформативной интеракциональности может быть раскрыта посредством парафразов: *Да* – «Я соглашаюсь», *Нет* – «Я отказываюсь», *Спасибо* – «Я благодарю», *До свидания* – «Я прощаюсь» и т.п.

Знаковая сущность вторичных междометий может быть представлена следующим образом:

Таблица 3. Вторичные эмотивные междометия

Структурная характеристика знака	**Сущностная характеристика знака**	
	Уровень продуцирования	**Уровень восприятия**
Символ – в синхронии в акте образования – мотивированный/немотивированный знак	Интеракционально-прагматический (реактивный) знак	Индексальный инференционный знак

Таблица 4. Вторичные этикетные междометия

Структурная характеристика знака	**Сущностная характеристика знака**	
	Уровень продуцирования	**Уровень восприятия**
Символ – в синхронии; икона или символ в акте знакообразования	Интеракционально-перформативный знак	Индексальный знак

2.2.2. Проблема экспликации междометий в свете интеракционального подхода

Анализ теоретической литературы позволяет прийти к выводу о сложившихся двух принципиально различных подходах к описанию внутреннего плана интеръективных знаков. Первый, основанный на референции к имени эмоции, находит свое отражение в толковых и переводных словарях в форме перечисления имен различных эмоций. Присущие ведущему лексикографическому представлению недостатки отмечаются практически всеми лингвистами, однако в наиболее систематизированном виде изложены И.А. Шароновым. К ним ученый относит «пересечение имен эмоций, открытость списка имен эмоций в толкованиях, отсутствие противопоставлений, приводящие к стихийному отождествлению, синонимизация междометий, невыводимость из

толкования правил употребления междометной единицы и другие слабые стороны толкований междометий» [Шаронов 2006: 561].

Второй подход получил распространение в научно-теоретических исследованиях и в обобщенном виде может быть описан как «фреймовый» (поведенческие модели, матрицы, сценарии, симптоматические ситуации и др.). Наибольшее распространение и практическое применение нашли декомпозиционные сценарии (А. Вежбицкая, К. Годдард, Д. Уилкинс и др.). Несмотря на то, что сторонники данной концепции утверждают, что разработанные ими декомпозиции отражают семантику интеръективов, сам способ экспликации вступает в определенное противоречие с существующими принципами описания значения знака.

Е.С. Кубрякова указывает, что «для определения значения знака ему следует поставить в соответствие эквивалентное ему выражение, а это достижимо тремя разными способами: 1) используя другой знак того же кода, т.е. синоним; 2) используя другие знаки того же кода, т.е. парафразу или же 3) используя знаки другого семиотического кода, т.е. прибегая к переводу» [Кубрякова 2004: 500]. Невозможность корректного применения вышеперечисленных способов определения значения знаков по отношению к междометиям представляет собой очередное свидетельство их особого семиотического статуса. Интеракциональный характер междометий вынуждает передавать их содержание в формулах, отражающих динамику знака: «я чувствую» или «я знаю», а также эксплицировать предполагаемую «семантику» в виде моделей, представляющих не содержание «означаемого», а описывающих механизм их возникновения.

Как «значительный шаг вперед в определении методологии описания междометий» экспликационные схемы А. Вежбицкой были охарактеризованы И.А. Шароновым [Шаронов 2006: 562]. Ученый указывает, что предложенный подход является только одной из возможных форм представления компонентов значения и предлагает свою собственную, оригинальную концепцию описания симптоматической ситуации, представляющей собой «стихийную, непосредственную реакцию на тот или иной стимул [Там же].

И.А. Шаронов делит симптоматические ситуации на две группы, в зависимости от типа каузаторов: «событийные» и «объектные» ситуации. Для первого типа ситуаций характерно включение в нее человека в качестве участника действия. Вокальный жест в данных ситуациях указывает на динамический психический процесс и является выражением этого процесса. Во втором типе ситуации «автор» вокального жеста рефлексивно отделяется от события для его исследования, классификации и оценки [Шаронов 2006: 563 – 565]. Оригинальной и плодотворной представляется разработка И.А. Шароновым вспомогательного критерия отнесения ситуаций к тому или иному типу. В случае событийных ситуаций в качестве своего рода «диагностического» предлагается вопрос: «Что случилось?», в случае объектных ситуаций – вопрос: «О чем речь?» или «Ты о чем?» [Там же].

Схемы симптоматических ситуаций содержат их описание как реакций на определенный тип стимула, характеристику вокальных жестов и их графические фиксации (междометия). Алгоритм описания междометия направлен от представления ситуации – к вызываемой ею психофизиологической реакции. Данный подход можно было бы, в сущности, назвать ономасиологическим, поскольку в его основе лежит принцип «от действительности – к знаку». Однако в предложенной систематизации вновь проявляются специфические онтологические свойства интеръективного знака: вместо вычленяемого фрагмента действительности и изобретаемого для его обозначения знака выступает «каузирующая ситуация».

Другие отечественные лингвисты разрабатывают различные варианты фреймовых моделей экспликации междометий. В рамках категориальных эмоциональных ситуаций описывает междометия И.И. Скачкова [Скачкова 2005]. В терминах культурно-обусловленной стереотипной ситуации, «предписывающей» определенную для данного социума модель эмотивно-когнитивной реакции, характеризует интеръективы Т. В. Белоус [Белоус 2006]. Е.А. Бахмутова указывает, что акт воспроизведения междометий включен во фреймы поведенческих моделей реализации эмоций» [Бахмутова 2006]. Как

«представление сценария действия или хода дискурса» описывает план содержания междометий А.В. Прудникова, характеризуя их в терминах конкретных для каждой ситуации фреймов [Прудникова 2011: 92].

Наблюдающаяся в рамках когнитивно-функциональных направлений тенденция перехода от традиционного толкования междометий на основе их корреляции с именем эмоции к различным фреймовым моделям является свидетельством осознания невозможности «ненасильственного» описания междометий в рамках традиционных для семантики способов экспликации значения. Понимание особого семиотического статуса междометий как интеракционально-прагматических знаков, противостоящих знакам «семантическим», дескриптивным, позволяет внести ясность в проблемы представления их внутреннего содержания, предоставляя непротиворечивую методологическую основу для их описания в рамках сценарных, фреймовых, симптоматических или поведенческих моделей. Применение сценарной формы экспликации может также служить одним из оснований для причисления потенциально интеръективных форм к классу междометий. В этой связи легитимизация волитивных и этикетных междометий в рамках данного класса получает дополнительную мотивационную основу: необходимость их описания в рамках сценарного или фреймового подхода не подлежит сомнению. В то же время выполнение ономатопами номинативных функций элиминирует возможность их фреймового или сценарного описания, что становится дополнительным доводом в пользу их выведения за пределы класса междометий.

2.2.3. Типологизация междометий как речевых актов

Синтаксическая обособленность междометий дает основания для проведения их анализа в рамках теории речевых актов. На первый взгляд, структурная эквивалентность междометий высказываниям может представляться вполне достаточным основанием для их отнесения к речевым актам. Верификация данного предположения должна, однако, основываться на идентификации в

междометных высказываниях трех традиционно выделяемых уровней речевого акта: локуции, иллокуции и перлокуции.

Под локуцией традиционно понимается сам акт произнесения высказывания, под иллокуцией – содержащаяся в нем интенция, или коммуникативное намерение, под перлокуцией – воздействие, оказываемое данным высказыванием на адресата [Падучева 1985: 23]. В рамках теории речевых актов (далее ТРА) перлокутивное воздействие описывается не как «факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания» [Булыгина 1997: 247].

Если наличие двух первых уровней представляется облигаторным для любого типа речевых актов и признается всеми исследователями, то вопрос о включении перлокуции в структуру речевого акта в ТРА является спорным. Часть лингвистов призывает не рассматривать перлокуцию в качестве обязательной составляющей речевого акта, поскольку речевой акт может и не достигнуть запланированного воздействия, от чего он не перестает быть речевым актом [Вольф 1985: 24].

Примечательно, что в процессе анализа междометий с точки зрения ТРА вопрос о наличии и характере перлокутивного эффекта исследователями игнорируется полностью. С одной стороны, это вполне объяснимо, поскольку произнесение междометий в большинстве случаев не предполагает наличия адресата. Тем не менее, отсутствие перлокуции не становится причиной, по которой интеръективам следовало бы отказать в статусе речевого акта. Наиболее дискуссионным среди трех конститутивных параметров акта произнесения междометий является наличие/отсутствие у них иллокутивной силы.

А. Вежбицкая указывает, что в силу отсутствия у междометий иллокутивной силы они не могут быть отнесены к речевым актам. Данный вывод делается на основе анализа случаев объект-субъектной интеракции, в рамках которой междометный возглас возникает как непосредственная реакция на некий внеязыковой объект, например, произнесение *wow* как выражение искреннего

удивления при виде какого-либо объекта, или употребление *youk* как рефлекторной объективации чувства физиологического отвращения и т.п.

По мнению А. Вежбицкой, такие употребления неинтенциональны, не имеют конкретного адресата, из чего следует, что они не обладают иллокутивной силой и не являются речевыми актами [Вежбицкая 1999: 612]. В качестве дополнительных аргументов, доказывающих отсутствие у междометий иллокуции, ученый приводит во многом основанные на интроспекции идеи о «нетрансформируемости» междометий из прямой речи в косвенную. По мнению А. Вежбицкой, высказывания, построенные по формуле: «X!, – сказал кто-то на языке L», где в качестве X выступает междометие, являются «странными» и даже «комичными» [Там же: 613].

С целью верификации своих предположений автор прибегает к анализу мнений информантов. Полученные в результате проведения опроса данные используются для построения шкалы, демонстрирующей степень приемлемости различного рода переменных X для конструкции, вводящей прямую речь. Междометия на данной шкале располагаются на самом последнем месте: «Wow!, – she said in Russian» [Там же: 614]. Причины ощущаемой информантами странности, по мнению лингвиста, кроются в особой семантической структуре междометия. «Прямая речь предполагает, что передается не только содержание (*что*) исходного высказывания, но и *как*. Словосочетание «на языке L» указывает на то, что в данном конкретном случае *как* указывает не на реальные слова, а, по-видимому, на иллокутивную силу исходного высказывания. Но, возможно, первообразные междометия не имеют иллокутивной силы, которая могла быть *отделена от их реального содержания»* [Там же].

Заметим, что в данном анализе не содержится категорического указания на отсутствие у междометий иллокуции, напротив, имплицируется, что само их произнесение-переживание и составляет иллокутивный акт. По мнению А. Вежбицкой, междометия не вписываются в привычные схемы передачи косвенной речи в связи с отсутствием у них денотативного содержания. Междометия ничего не сообщают, что делает неуместным их использование по от-

ношению к ним глагола «сказать» (say) (там же). Представляя далее экспликацию семантики *wow* с помощью семантического примитива «я чувствую», Вежбицкая обращает внимание на отсутствие в междометиях компонента «я говорю», что также, по ее мнению, свидетельствует об отсутствии у них иллокуции. Отсюда делается вывод о том, что междометия не являются речевыми актами, а представляют собой вокальные жесты [Там же: 615]. Данную точку зрения разделяет также нидерландский ученый Ф. Амека, указывающий на необходимость противопоставления интеръективов как спонтанных, мгновенных реакций, социально ожидаемым, интенциональным речевым актам [Ameka 1992].

Логика рассуждений А. Вежбицкой и Ф. Амеки представляется вполне понятной, однако если из анализируемого высказывания устранить элемент «на языке L», то тем самым устранится и так называемая «комичность» и «странность» высказываний подобного рода. Приводимые Вежбицкой в качестве примеров фразы из литературных произведений: «А-а-а! – воскликнул он *по-португальски*» (А. Дюма) и т.п. представляются странными вследствие наличия в них указаний: «по-португальски», «по-русски» и т.п. Однако, если мы извлекаем из данных фраз ссылки на язык, на котором это было сделано, высказывание уже не кажется странным.

В объективности утверждений о несочетаемости междометий с глаголами речи усомнился также Д. Уилкинс. Выполненное им анкетирование носителей английского языка продемонстрировало, что практически все эмотивные междометия, в том числе рассматриваемое Вежбицкой *wow*, вводятся в косвенную речь с помощью глагола *say*. По его мнению, использование этого глагола является невозможным только по отношению к междометиям с высокой степенью фонетической идиосинкразийности, например, *psst* и некоторых других [Wilkins 1992: 145 – 147].

Д. Уилкинс не согласен также с мнением об отсутствии у эмотивных междометий иллокутивной цели. В качестве аргументов лингвист указывает на относительную спонтанность их употребления. Сознательность выбора конкрет-

ного междометия можно, по его мнению, наблюдать в ситуациях, имеющих одинаковый каузатор, но протекающих в различных условиях. Так, случайный удар молотком по пальцу приведет к произнесению одного междометия в том случае, если человек находится наедине, и другого, если при этом присутствуют дети. В результате Д. Уилкинс приходит к выводу, что междометные восклицания не являются полностью непреднамеренными. Их иллокуция состоит в выражении текущего эмотивного отношения произносящего к определенному объекту или ситуации. Речевые акты такого типа лингвист предлагает относить к восклицательным (exclamative speech acts) [там же].

В основе взглядов Т. Уортона на междометия как на речевые акты лежит предложенная им концепция о различной степени интегрированности междометий в язык. Ученый привязывает наличие/отсутствие иллокутивной цели к конкретным междометиям, мотивируя данную зависимость степенью их лингвистичности/паралингвистичности. Слабо интегрированные в язык интеръективы представляют собой, по мнению автора, спонтанные реакции на внешние раздражители и обладают иллокутивной силой лишь в незначительной степени. Более интегрированные в языковую систему языка междометия употребляются осознанным образом и имеют определенную иллокутивную цель [Wharton 2003].

Выдвинутый Уортоном тезис о зависимости иллокутивной силы междометия от степени его лингвистичности не имеет, однако, универсального характера. Свойственная многим побудительным междометиям незначительная степень их интегрированности в язык вовсе не лишает их ярко выраженной интенциональности. Приводимый лингвистом в качестве примера слабой интегрированности в язык и отсутствия иллокутивной силы интеръектив *psst*, как и все волитивные междометия, имеет конкретную иллокуцию. Нехарактерную для данного интеръектива сочетаемость с глаголом *say* следует объяснить, скорее, типичным для него произнесением шепотом.

Тезис о зависимости иллокуции от степени лингвистичности междометия представляется сомнительным также в связи с тем, что использование жесто-

во-мимических знаков при полном отсутствии звукоряда (например, палец, приложенный к губам и т.п.), также имеет определенную иллокуцию.

В работах зарубежных и отечественных лингвистов более позднего периода признание за междометиями статуса речевых актов становится всеобщим. Главной целью исследований является определение типов речевых актов, в которых употребляются междометия.

У. Станге указывает, что *wow* используется не только в экспрессивных актах с целью выражения эмоций, но и в речевых актах похвалы/комплимента [Stange 2016]. Л.А. Азнабаева и А. В. Анищенко приходят к выводу о том, что из десяти эмпатийных иллокутивных типов высказываний («понимание», «сочувствие», «соболезнование», «успокоение», «ободрение», «оправдание», «разубеждение», «поздравление», «сорадование», «похвала») междометия используются в семи [Азнабаева, Анищенко 2015].

Д.А. Прокахина утверждает, что междометия используются во всех типах речевых актов, выделенных Дж. Остином: экзерситивов, комиссивов, бехабитивов, экспозитивов и вердиктивов [Прокахина 2012: 14]. По ее мнению, «междометие представляет собой речевой акт, с помощью которого могут быть реализованы следующие коммуникативные функции: *экзерситивы* (мольба, требование, побуждение к выполнению требования, запрет, апеллятив и др.); *комиссивы* (подтверждение ранее принятого решения, выражение готовности выполнить побуждение или запрет и др.); *бехабитивы* (выражение удовлетворения, радости, возмущения, упрека, восхищения, удивления и др.); *экспозитивы* (с помощью которых говорящий может выделить своё решение, обратить внимание на забытую информацию, подвести итог и т.п.) [Там же].

При этом автор работы подчеркивает, что, несмотря на способность междометий выступать в различных речевых актах, большинство из них представляют собой эмотивно-оценочные речевые акты, или экспрессивы, поскольку выражают одновременно субъективное отношение говорящего к различным аспектам коммуникативной ситуации (Там же).

К эмотивным коммуникативным актам, иллокутивной целью которых является экспликация эмотивной ситуации, лежащей в основе целого высказывания, предлагает относить содержащие междометия высказывания Е.В. Яковлева [Яковлева 2017: 41]. На доминирование в междометиях функции субъективно-эмоционального выражения разнообразных речевых интенций указывает Е.Ю. Кустова, по мнению которой, «междометия являются средством осуществления иллокутивных актов, преимущественно выражающих «чувства или установки», однако выполняют функцию маркирования и реализации других иллокутивных актов» [Кустова 2010: 253].

Эмоционально-прагматическая «насыщенность» междометий заставляет ученых искать решение для их характеристики в рамках единого типа речевых актов. Многие из них предлагают относить все интеръективы к экспрессивам, иллокутивная цель которых, по определению Дж. Серля, состоит в том, «чтобы выразить психическое состояние, задаваемое условием искренности, относительно положения вещей, опредленного в рамках пропозиционального содержания» [Серль 1986: 183]. Сам Серль предлагал относить к экспрессивам благодарность, поздравление, извинение, соболезнование, сожаление, приветствие и т.п. [Там же].

Обоснованность выделения экспрессивов в самостоятельную группу речевых актов признается далеко не всеми исследователями. К числу сторонников такого подхода относятся А. Вежбицкая (1999), Л. Писарек (1995), Т. Баллмер (1981), противниками включения экспрессивов в классификацию речевых актов являются Дж. Лич (1983), К. Бах и Р. Харниш (1980), Т. Зандер (2003), Е. Вейганд (1989), Н.И. Формановская (2005) и др.[8].

Е. Вейганд предлагает отличать эмоционально нейтральные констативы от истинных экспрессивов, для которых свойственно эмоциональное волнение. Автор указывает, что те речевые акты, которые типологизируются Дж. Серлем как экспрессивные, в сущности, не содержат реальных эмоций. В результате

[8] Детальный анализ экспрессивных речевых актов представлен в монографии Н.А. Трофимовой «Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ». СПб, 2008.

постоянного их употребления в стереотипных ситуациях общения они ритуализируются и становятся рутинными, лишенными эмоциональных переживаний, этикетными формулами. На этом основании Вейганд предлагает относить их к декларативам, выполняющим функцию поддержания отношений [Weigand 1985]. Подобного мнения придерживается Т. Зандер, отмечая, что такие речевые акты, как благодарность или поздравление, лишены истинного выражения чувств и относятся к комиссивам или директивам [Sander 2003].

Основной причиной возражений лингвистов против выделения экспрессивов в самостоятельный класс речевых актов является их стертая эмоциональность, характерная для различных этикетных клише. В то же время выражающие истинные эмоциональные переживания междометия никогда не составляли предмета специального интереса прагмалингвистов, не находя отражения ни в одной из многочисленных классификаций речевых актов (Д. Вундерлих, Г.Г. Почепцов, Дж.Н. Лич, К. Бах, В.В. Богданов и др.).

Недостаток научного внимания к данной проблеме может быть объяснен как периферийным положением интеръективов в лингвистике в целом, так и свойственной им объект-субъектной ориентацией, в частности. Реактивность произносимых междометий как конвенционального способа выражения индивидом эмоциональных состояний, вместе с вероятным отсутствием адресата, исключает их из области коммуникации, предполагающей по определению наличие двух партнеров. Даже в случае присутствия некоего адресата в ситуации произнесения первичных эмотивных междометий они в подавляющем большинстве случаев не имеют перлокуции.

Эксплицитное введение в область задач классификации речевых актов междометий поволяет провести разграничение между истинно экспрессивными речевыми актами, репрезентируемыми первичными и вторичными эмотивными междометиями, и «псевдоэкспрессивными» актами, репрезентируемыми этикетными междометиями. В то же время выделение в качестве основного дистинктивного свойства междометий интеракциональности предоставляет

основу для осуществления типологизации различных классов междометий в рамках единого типа речевого акта.

Все интеръективы представляют собой либо озвученную реакцию на какой-либо вербальный или невербальный стимул (эмотивные и когнитивные междометия), либо образуют реплику, инициирующую конкретную форму взаимодействия с конкретным адресатом (побудительные междометия), либо осуществляют некую интеракцию в перформативной форме (этикетные междометия). Таким образом, все типы междометий объединяет свойство деятельностной прагматичности, отражающее или осуществляющее изменение текущего состояния дел или внешней среды в целом.

Учитывая фактор активного взаимодействия произносящего индивида с объектами или субъектами внешней среды, все междометия могут быть, на наш взгляд, описаны как бехабитивы [Остин 2015: 63 – 68]. Как известно, к бехабитивам Дж. Остин предлагал относить реакции на поведение других людей, ограничиваясь при этом только этикетными речевыми актами (поздравления, извинения) [Остин 2015: 63 – 68]. Однако поведенческий характер интеръективных речевых актов дает нам все основания для наполнения уже существующего термина новым содержанием, которое способно подчеркнуть категориальное отличие междометий от всех остальных лингвистических знаков. С точки зрения интеракциональности междометия можно охарактеризовать как «поведенческие» речевые акты или бехабитивы, отражающие или осуществляющее активные формы взаимодействия индивида с внешней средой.

С учетом различного вектора объективируемого в междометиях взаимодействия все интеръективные акты могут быть разделены на реактивные[9], проактивные и перформативные. Группу реактивов образуют ответные реплики, представляющие собой непосредственные реакции произносящего на внешнее воздействие, проактивы представлют собой реплики, инициирующие измене-

[9] Следует заметить, что термин «реактивы» используется в диссертационном исследовании И.Л. Афанасьевой по отношению к используемым в функции реплик-реакций производным междометным единицам в русском и испанском языках [Афанасьева 1996].

ния во внешней среде или в поведении адресата, перформативы устанавливают определенные отношения между коммуникантами.

К реактивам относятся эмотивные междометия, произносимые в качестве реакции на вербальное или невербальное внешнее воздействие. Представляется очевидным, что в вопросе о наличии/отсутствии иллокуции у высказываний такого типа, не может существовать единственно верного мнения. Рассмотрение иллокуции строго в терминах преднамеренного коммуникативного акта, «запланированной» говорящим интенции приведет нас к выводу о «неиллокутивности» реактивных междометных возгласов. Более широкий взгляд на иллокуцию в рамках родового понятия «цели», при котором принимается во внимание фактор вынужденности цели, ее предопределенности внешними обстоятельствами позволит констатировать наличие специфического типа иллокуции.

Вынужденность объективируемого возгласа, его спровоцированность воздействием некоего кауазтора не означает бесцельности или бессмысленности произносимого междометия. Цель реактивных актов состоит в самом выражении внутреннего эмоционального состояния, то есть иллокуция реактивного интеръективного акта совпадает с его локуцией. Иллокутивная сила такого типа речевых актов имеет отражательный характер, она в большей степени психологична, нежели интенционально-коммуникативна.

К проактивным бехабитивам следует отнести побудительные междометия, направленные на оказание такого воздействия на адресата, которое должно привести к мгновенным изменениям в его поведении, то есть на достижение желательного для адресанта перлокутивного эффекта. В анализе конкретных способов прагматического побуждения в качестве необходимых для коммуникантов элементов пресуппозиции выделяются «общее представление коммуникантов о времени (определенное/неопределенное, абсолютное/относительное, указание на точку / отрезок / последовательность) и характере каузируемого действия (срочное/отсроченное, однократное/ многократное, условное/безусловное)» [Шовгенина 2011: 154]. На этом основании мож-

но указать те принципиально важные параметры, которые отличают интеръективные средства воздействия от традиционных для директивных актов вербальных средств. К ним относится характер каузируемого действия – срочное, однократное и безусловное, в котором также проявляются интеракциональные свойства волитивных междометий, представляющих собой своего рода условный сигнал, побуждающий адресата к мгновенному действию. Если в реактивных интеръективных актах имеет место совпадение локуции с иллокуции, то в проактивных интеръективных актах наличествует стремление прескриптора к максимально возможному совпадению всех трех элементов: иллокуции – локуции – перлокуции.

Как известно, группа волитивных междометий предполагает воздействие на два основных вида адресатов: человека и животных. Оговоримся, что по поводу «интеръективности» так называемых «слов отгона и призыва» животных в лингвистике существуют различные мнения. Часть лингвистов ратует за причисление их к номинативным единицам – словам, не уточняя частеречной принадлежности, в то время как другая часть указывает на объединяющие их с императивными междометиями признаки [Касаткин 1954, Галкина-Федорук 1958, Германович 1966]. В наиболее полном виде эти признаки были сформулированы в работе И.А. Германовича [Германович, 1966], указавшего, что слова призыва-отгона животных следует считать императивными междометиями на основе следующих, общих с эмоциональными междометиями, признаками: отсутствие номинативного значения – «это не слова-названия, а слова-отношения, своеобразные побудители»; формирование большинства из них в результате преобразования из знаменательных частей речи; выход части из них за рамки фонетического строя языка (ср. *брр* и *тпрру*) и наличие элементов эмоциональности, поскольку одновременно с побуждением выражается отношение к окружающему [Германович 1966: 37].

Примечательно, что если в проактивах, направленных по отношению к человеку, адресант рассчитывает на совпадение иллокутивного и перлокутивного эффекта, исходя из общей с адресатом лингвистической пресуппозиции, то

в случае взаимодействия с животными он полагается на установившуюся в данном социуме конвенцию, согласно которой определенный сигнал, при условии его неоднократного повторения, способен также привести к совпадению иллокуции и перлокуции.

Максимальная степень слияния иллокуции с перлокуцией в акте произнесения волитивных междометий объективируется в формах побуждения к совместному действию, агенсом которого является группа лиц вместе с говорящим (*ай-да, марш, тсс, полундра* и др.).

Для этикетных междометий, охарактеризованных нами ранее как перформативный тип прагматической интеракциональности, характерно совпадение локуции и иллокуции. Как известно, введенное Дж. Остином понятие перформативных речевых актов получило две основные интерпретации. К каноническим перформативам принято относить речевые акты, эквивалентные поступку или действию. Перформативность речевого акта проявляется в том, что в результате его произнесения объект воздействия изменяет свой статус или состояние. Каноническая перформативная формула может быть представлена по формуле: «Я произношу то, что превращает Х в У» [Шкапенко 2004: 8]. В качестве лингвистических средств выражения перформативности выступают субъект говорения, выраженный местоимением первого лица, перформативный глагол в первом лице настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога и собственно пропозициональная часть.

Впоследствии Дж. Остин предложил расширить понятие перформативности на имплицитно-перформативные высказывания, а также речевые акты с глаголами в повелительном наклонении и, в конце концов, предложил полностью отказаться от дихотомии «перформативы – констативы» [Остин 2004: 8]. Категория перформативности была «спасена» Э. Бенвенистом, вернувшим ее в прагмалингвистику и призвавшим к узкому пониманию перформатива как речевого акта, объединяющего в себе факт языка и факт действительности [Бенвенист 1974]. К основным критериям перформативности речевых актов принято относить: эксплицитный «Я» – ориентированный синтаксис, эквиакцио-

нальность (равнозначность действию), эквитемпоральность (совпадение времени речевого действия) и автореферентность (направленность действия на самого себя).

В свете вышеизложенного все перформативные акты могут быть разделены на так называемые сильные перформативы, приводящие к изменениям в статусе актантов процесса речевого взаимодействия, и слабые перформативы, в акте произнесения которых не происходит каких-либо изменений статусных ролей: *Я отказываюсь, Я соглашаюсь, Я одобряю* и т.п. При таком подходе этикетные междометия следует причислить к типу слабых перформативов.

Признаки автореферентности, эквиакциональности и эквитемпоральности в имплицитной форме проявляются и в других междометиях данной группы. Так, слова *до свидания, здравствуйте, спасибо, пожалуйста* или *извините* вместе с синонимичными им речевыми клише представляют собой единственный существующий в языке способ установления определенной формы взаимоотношений между коммуникантами, объективируя соответствующие действия: «здороваться», «прощаться», «благодарить», «просить» или «извиняться».

Структура взаимоотношений между локуцией, иллокуцией и перлокуцией в перформативных высказываниях видоизменяется в зависимости от «сильного» или «слабого» типа перформативности. Если в сильных перформативах, построенных по формуле: «Я объявляю вас мужем и женой» – имеет место совпадение всех трех уровней: локуции, иллокуции и перлокуции, то в слабых перформативах, к которым мы отнесли и этикетные речевые акты, имеет место совпадение локуции с иллокуцией при социально невыраженном перлокутивном эффекте[10]. Как отмечает большинство исследователей этикетных речевых актов, их перлокуцию образует некий позитивный эмоциональный фон, формируемый в результате использования конвенциональных средств вежливого общения.

[10] Примечательно, что в трудах классиков прагмалингвистики не находим анализа перформативных актов с точки зрения способа реализации в них локуции – иллокуции – перлокуции.

2.3. Интеръективация как семиотическая конверсия дескриптивного и интеракционального знаков

2.3.1. Вторичные эмотивные междометия как результат семиотической конверсии

Под интеръективацией понимается процесс перехода знаменательных частей речи в междометия. В качестве источников интеръективации чаще всего выступают имена существительные, реже – глаголы, наречия, частицы и предлоги. Значительная часть исследователей указывает также на вовлеченность в данные транспозиционные процессы фразеологизмов и устойчивых сочетаний, интеръективация которых приводит к образованию единиц, не имеющих единого терминологического обозначения и именуемых как «релятивы», «коммуникативы», «фразеорефлексы», «речевые рефлексы» и др.

Большинством исследователей интеръективация описывается как функционально-семантическое преобразование, в результате которого осуществляется переход языкового знака из одной грамматико-синтаксической категории в другую. Е.В. Алференко, изучая отыменные междометия, определяет их как специфические лингвистические знаки, первичной прагматической функцией которых является «эмоциональное самовыражение» широкого диапазона ощущений и состояний [Алференко 1999: 16]. Процесс интеръективации характеризуется автором как функционально-семантическая трансформация, в результате которой осуществляется переход языкового знака из одной категории в другую на грамматическом и на синтаксическом уровне. При этом происходит частичная или полная утрата словом предметно-логического значения, нейтрализация грамматических оппозиций и значительное усиление роли интонации [Там же].

Е.В. Середа осуществляет анализ вторичных междометий в их непосредственной соотнесенности с конкретным частеречным источником. Все исход-

ные субстантивы подразделяются исследователем на оценочно-характеризующие (*горе, беда, блин, страх, крышка, табак и т.п.)* и вокативные формы (застывшие формы звательного падежа) имен существительных (*батюшки, Боже, Господи, мама (мамочки), черт и т.п.*) Интеръективация определяется автором как процесс десемантизации знаменательных слов в несвойственной для них синтаксической позиции, как постепенная утрата исходным словом первоначальных категориальных признаков и приобретение им качества интеръективности [Середа 2005: 102].

Разработанная Е.В. Середой шкала интеръективной переходности дает возможность эксплицитным образом представить прагма-семантический синкретизм исходных лингвистических единиц, подвергающихся в процессе эволюции разнообразной перекомпоновке субстантивного (когнитивного) и интеръективного (эмоционального) элементов. В качестве примера синхро-диахронического анализа избирается вокатив *Господи!,* процесс перекатегоризации которого изучается с привлечением данных морфологического и дискурсивного анализа, а также сопутствующего социально-исторического фона.

С одной стороны, Е.В. Середа замечает, что процессу интеръективации способствовала утрата именами существительными формы звательного падежа, ускорившая процесс десемантизации, с другой стороны, архаизацию религиозных понятий усиливали социально-исторические факторы. Насильственное «изъятие» религии и религиозного дискурса в условиях господства социалистической идеологии привело к середине XX столетия к полной десемантизации вокативных форм рассматриваемого субстантива и, вследствие того, к его интеръективации [Там же: 105].

Процесс интеръективации описывается на шкале переходности на примере вокатива *Господи!*, степень присутствия в котором субстантивных и интеръективных признаков меняется в зависимости от контекстуальной ситуации:

- *Помилуй нас, Господи! – А*
- *Господи, помилуй! –* в устойчивом обращении в сакральных текстах *– Аб;*
- *Господи, как страшно! – АБ,*

- *Господи! – аБ,* где А – существительное, Б – междометие.[Там же]

Полностью интеръективированным слово становится в том случае, если оно лишается семантики призыва к обозначаемому сакральному адресату, употребляясь исключительно с целью выражения эмоциональных ощущений. Исследователь указывает, что, «вовлекаясь в процесс интеръективации, оценочно-характеризующие имена существительные и бывшие имена-вокативы утрачивают сигнификат и денотат и начинают выступать в коммуникативном процессе исключительно как речевые явления с эмоционально-оценочной и экспрессивной доминантой» [Там же: 111].

С.Ю. Мамушкина определяет производные междометия как слова, словосочетания или предложения, утратившие в определенных коммуникативных условиях номинативную функцию и структурную членимость [Мамушкина, 2003]. Процесс интеръективации характеризуется как «семантическое переосмысление», сопровождающееся соответствующими грамматическими и синтаксическими изменениями.

Д.А. Прокахина описывает процесс образования вторичных интеръктивов как «десемантизацию знаменательных слов в несвойственной для них синтаксической позиции и контексте употребления: постепенное возрастание роли аффективного начала в выражении мысли приводит к полному вытеснению логического содержания. Исходная единица (означающее) утрачивает свое первичное семантическое значение: значимым здесь становится сам акт его экспликации с новым ситуативным (прагматическим) значением» [Прокахина 2012: 7]. Способ закрепления в узусе прагматического значения «рождающихся» интеръективов описывается автором в терминах делокутивной деривации, закрепляющей новое значение слова строго за определенной ситуацией языкового взаимодействия.

Е. Ю. Кустова указывает на принципиальное отличие механизмов интеръективации от традиционных частеречных транспозиций, состоящее в переходе от одного вида знака к другому, используя характеристики «семантико-прагматическая», или «семио-прагматическая конверсия» [Кустова 2006, 2008,

2010]. Характеризуя условия реализации семиотической конверсии различных знаков в интеръективы, Е.Ю. Кустова указывает на привязанность конверсивных процессов к определенной ситуации речевого взаимодействия. В качестве конверсивной пары рассматриваются «дескриптивное (семантическое) и перформативное (прагматическое) употребление одного и того же речевого акта (высказывания). Закрепленные в языке конвенциональные формы (символы) превращаются в речи в контекстно обусловленные знаки-индексы, значение которых зависит от ситуации употребления. Этот процесс может быть назван прагматизацией знака» [Кустова 2009: 186].

В данных логических построениях автор следует не широкому, пирсовскому видению прагматики знака как маркера субъективного отношения, а выработанному в рамках современной прагмалингвистики узкому пониманию прагматического значения как «ситуативности». Наложение на такой подход семиотического уровня интерпретации приводит автора к выводу о том, что прагматизация конверсируемого слова может быть описана как «контекстно-обусловленный переход знака-символа в знак-индекс» [Там же].

Дальнейшее раскрытие тезиса об интеръективации как семиотической конверсии знака позволяет глубже понять заложенные в нем идеи. Е.Ю. Кустова подчеркивает перманентный, непрекращающийся характер «семиогенетического обращения» внутри взаимоотношений языка-речи, в процессе которого происходит своего рода кругооборот знаков в природе: «знак-икона/индекс – знак-символ – знак-индекс /икона». На основе различных примеров автор демонстрирует, что любой знак-символ может превратиться в звук-употребление (иконический знак), в то же время знак-индекс со временем обращается в функционирующий на лингвосистемном уровне знак-символ. В результате автор приходит к выводу: «Прагматизация (ситуативность) и вторичная иконичность лежат в основе интеръективизации – превращения дескриптивных слов и конвенциональных форм в междометия» [Кустова 2009: 187-189].

Представленную ученым концепцию постоянного генетического обращения различных типов знаков отличает несомненная глубина и верифицируемая

в практике анализа многочисленных примеров достоверность. Однако, несмотря на всю безупречность индуктивных построений, возникают сомнения в том, в какой степени описание интеръективации как перехода знака-символа в знак-индекс выявляет принципиальные отличия данного процесса от всех других типов конверсии. Составляет ли перманентное семиогенетическое обращение дистинктивное свойство, присущее только процессу перехода различных слов в междометия? И позволяет ли понимание прагматичности как «ситуативности» описать сущностную трансформацию дескриптивного знака в знак, лишенный дескрипции и приобретающий функцию непосредственного, динамичного выражения аффективных эмоциональных состояний?

Ответ на первый вопрос представляется вполне очевидным: акт семиозиса, в котором знак рождается, живет и развивается, отражает всю сложность взаимоотношений между условиями «инновационного», окказионального употребления знака в конкретной ситуации (знака-иконы или знака-индекса) и последующим его переходом на структурно-системный уровень как знака-символа. Однако, если такой процесс является естественным условием бытования любого типа знаков, то отсюда следует, что описание интеръективации как трансформации знака-символа в знак-индекс не позволяет описать принципиальные отличия интеръективации от других типов конверсии.

Следующей причиной отсутствия удовлетворительного решения проблемы является, на наш взгляд, редуцирование автором понятия прагматичности до уровня ситуативности. Хотя привязанное к ситуации употребление знака имплицирует участие в ней человека как центральной фигуры отношения трёх сущностей (знак – объект – говорящий), тем не менее, ситуативный контекст является лишь условием актуализации прагматического компонента, содержащего субъективное отношение или переживание человека. Отождествление прагматизации и «ситуативности» приводит к подмене описания онтологической сущности конверсируемого знака условиями его актуализации в конкретном речевом акте.

Описывая механизм перехода знаменательных слов в междометия, Е. Ю. Кустова разъясняет, что в рамках данного процесса происходит «затемнение семантического значения и приобретение прагматического, контекстуального значения, закрепляемого в узусе, а затем в системе языка, что можно рассматривать как переход одного члена значимой оппозиции (семантика) в другую (прагматика) без изменения формы» [Там же: 125]. С большой долей вероятности можно предположить, что в рамках данного противопоставления речь идет уже об оппозиции семантики и прагматики не в редуцированном, а в традиционном смысле – семантики как отношения знака к действительности и прагматики – как отношения знака к человеку.

Ученый неодократно указывает на принципиальное отличие процесса интеръективации от традиционных проявлений конверсивного словообразования, которое характеризуется как «изменение семиотического статуса производных интеръективов, переходящих в разряд семиоимпликативных, праксемических знаков частеречных транспозиций» [Кустова 2010: 13]. Несмотря на то, что Е.Ю. Кустова постоянно подчеркивает динамичный, интеракциональный характер междометий, в противовес дескриптивности конверсируемых слов, данная семиотически значимая оппозиция не находит эксплицитного выражения в предлагаемых автором описаниях механизмов интеръективации. С большой долей вероятности можно предположить, что непреодолимым препятствием для выявления изменений онтологической сущности интеръективируемого знака становится проведение анализа в русле пирсовой знаковой триады.

Классификация типов знаков Пирса характеризует «строение» знака, «геометрию» вероятных отношений между означающим и означаемым. Однако в ней не принимается во внимание существование двух онтологически различных ипостасей знака: в форме «мирного существования» репрезентамена с внутренним гносеологическим образом и в форме активного взаимодействия знака с внутренним миром человека, отражающим и регулирующим характер его интеракции с внеязыковой средой.

В рамках сформулированной нами знаковой дихотомии интеръективация должна быть описана как семиотическая конверсия, в ходе которой дескриптивный знак трансформируется в знак интеракциональный.

Определение сущности перехода одного категориального типа знаков в другой не исключает небходимости изучения тех когнитивных процессов, которые лежат в основе интеръективации. Чрезвычайно интересным с данной точки зрения представляется концепция Е.В. Бахмутовой, строящей свой анализ на базе теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера [Fauconnier G., Turner M. 1996] и привлекающей к анализу данные о нейрофизиологическом субстрате языка, физиологии и психологии человека [Бахмутова 2006].

По мнению лингвиста, статус бывшего слова не позволяет вторичному интеръективу иметь те свойства, которые присущи первообразным междометиям, а именно: фонетическую атипичность, а также сильную артикуляционно-мимическую составляющую. В результате имеет место низкая интенсивность периферических реакций, что ограничивает разряжающий эмоциональный потенциал вторичного междометия. В качестве компенсации недостающих супрасегментных средств используются специфические по своей семантике единицы, к которым относятся сакральные или табуированные понятия. Нарушение конвенции табу позволяет снять возбуждение без эффекта супрасегментных средств, необходимых для актуализации первообразного междометия с равным разряжающим потенциалом.

В основе конвенции использования саркальных и табуированных единиц с целью выражения аффективных эмоциональных состояний лежат сложные когнитивные механизмы, описываемые лингвисткой в терминах теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера. Интеллектуальный опыт существования в рамках определенного языкового социума формирует у носителя языка знание о недозволенности употребления сакральных слов вне определенных ситуативно-дискурсивных условий. С другой стороны, эмоционально-чувственная сторона этого же опыта подсказывает ему, что нарушение табу

приведет к возникновению сильного эмоционального состояния. Таким образом, как домену сакральных понятий, так и домену оценки свойственна высокая степень эмоциогенности. «Знание эвалютивного характера эмоции связывает домен эмоциональных состояний и домен оценки. Опыт реализации эмоций (чувство облегчения) закрепляется в концепте эмоции, связывает два домена (сакральных понятий и эмоциональных состояний). Возникшая потребность в реализации эмоции активирует когнитивные связи между доменами» [Бахмутова 2006: 51].

Анализируя различные вторичные междометия с точки зрения взаимодействия эвалюации и эмоции, Е.В. Бахмутова приходит к выводу о возможности различных комбинаций оценочных и эмоциональных элементов. При этом выявляется любопытная закономерность: если интеръективный конверсив имеет своей производящей основой табуированную лексику, то в нем преобладает эмоциональное (аффективное) начало, если в качестве производящей основы выступает нетабуированная лексика, то получаемый конверсив в большей степени ориентирован на выражение эмоциональной оценки.

Использование табуированной интеръективной лексики в целях эмоционально-психологической разрядки, очевидно, должно быть отнесено к универсалиям речемыслительной деятельности. Психотерапевтический эффект использования бранных или сакральных слов признается многими зарубежными и российскими психологами и лингвистами (Allen K., Burridge K. 2006; Battistela E. 2005; Левин Ю.И. 1986; Мокиенко В.М. 1994; Шарифуллин Б.Я. 2000; Шкапенко 2016б и др.). Однако отмечаемый всеми разряжающий потенциал многих вторичных интеръективов не может быть сведен исключительно к процессу преднамеренной профанации произносящим индивидом сакральных единиц или к сознательному нарушению конвенций табу.

Условия для реального «выброса» острых, негативных психофизиологических или когнитивно-эмоциональных реакций обеспечивает особое онтологическое качество интеръективного знака, состоящее в его динамичной перформативной природе, в свойстве выражать внутренние состояния посредством их

инстантной экстериоризации. Автореферентность, то есть направленность знака на самого себя, или совпадение локуции с иллокуцией, позволяют конверсируемым единицам служить конвенциональным средством «выброса» негативных эмоций.

В целом, механизм использования табуированной лексики как интеръективов может быть описан следующим образом. Некий внешний каузатор производит сильное воздействие на психофизилогическую (когнитивно-эмоциональную) сферу человека. Результатом становится выведение организма из привычного сбалансированного когнитивно-эмоционального состояния, возникновение острого реактивного состояния, ищущего своего выхода и естественным образом стремящегося к «ослаблению» негативного эффекта воздействия. Экстериоризация отрицательных внутренних состояний посредством употребления табуированной или сакральной лексики в неноминативной функции становится способом отражательной реакции и выработанным в филогенезе механизмом психологической защиты от негативных воздействий объектов внешней среды.

На реактивный, психоэмоциогенный характер употребления интеръективных конверсивов обращает внимание И.Л. Афанасьева, рассматривающая вторичные эмотивные междометия как средства мгновенной реакции индивида на некий вербальный или невербальный стимул [Афанасьева 1996]. Динамичный, интеракциональный характер вторичных междометий интерпретируется автором с точки зрения теории речевых актов, в рамках которых вторичные междометия описываются как имплицитно-перформативные высказывания, произнесение которых равнозначно осуществлению речевого действия. Такая прагмалингвистичесская интерпретация вторичных междометий представляется в известной степени изоморфной постулируемой нами семиотической иноприродности междометия, заключающейся в его деятельной, интеракциональной природе. Произнесение эмотивного вторичного междометия, особенно табуированного, становится равноценным выбросу негативных эмоциональных состояний.

Описание сущности интеръективной конверсии как перехода статичного, дескриптивного знака, интенциональным образом нацеленного на внешний мир, в знак динамичный, спонтанно аффективный, позволяет в более широком смысле интерпретировать понятие «прагматического» значения, не редуцируя его до уровня контекстуальной или ситуативной обусловленности. В этом смысле семиотическая интерпретация представляется в значительной степени изоморфной определениям интеръективации как семантико-прагматической конверсии, в русле которой «прагматичность» понимается как выражение субъективно-эмоциональных оценочных реакций.

В рамках изучения процессов интеръективации остается много нерешенных проблем общетеоретического свойства. Так, интересным представляется вопрос о том, можно ли в случае перехода знаменательных частей речи в междометия говорить о процессе вторичной номинации. З. Д. Попова и И.А. Стернин считают, что в результате индивидуального переосмысления во время перехода слов в междометия изменяется их исконная знаковая функция. В момент, когда междометия превращаются из знаков наименований в знаки эмоций или ситуаций, происходит функциональный сдвиг в системе знаковых единиц языка, что интерпретируется исследователями как процесс вторичной номинации [Попова, Стернин 2007: 211].

Характеристика интеръективной конверсии как изменения функций знаков в полной мере отражает природу образования вторичных междометий. Сомнения могут возникать в связи с правомерностью присвоения термина «вторичная номинация» процессу утраты словом номинативной функции. С одной стороны, потеря свойства обозначения входит в противоречие с сущностью процесса номинации, с другой – «деноминация», как и «делокутивность», могут рассматриваться как особая разновидность номинативной техники.

Сходная проблема возникает в связи с предложенной Е.В. Алференко идеей о лежащем в основе образования отыменных междометий процессе метафорического переосмысления [Алференко 2007]. Можно ли говорить об употреблении в переносном смысле единиц, лишающихся смысла в традицион-

ном, каноническом его понимании? Что в таком случае следует рассматривать в качестве домена-источника и в качестве домена-цели?

Интереснейшей задачей в рамках интеръективационной проблематики представляется выявление и описание типологии единиц, имеющих в своей семантико-прагматической структуре интеръективационный потенциал, который, вполне вероятно, также может быть представлен в виде определенного континуума. Особый интерес в данной связи имеет изучение лексических единиц, обладающих ярко выраженным этно- и культуроспецифичным характером, например, лексических единиц, не имеющих в основе своего значения обычного денотата или сигнификата, типа «черт», «дьявол», «сатана», «бог», «леший» и т.п. [Уфимцева 2011: 113]. Ответ на вопрос о том, знаки какого типа потенциально способны к переходу в разряд интеракциональной семиологии, позволит глубже проникнуть в механизмы взаимодействия прагматики и семантики и описать когнитивные механизмы, лежащие в основе реосемиотизации дескриптивных знаков.

2.3.2. Этикетные междометия как результат семиотической конверсии

В отличие от механизма образования производных эмотивных междометий, процесс интеръективации этикетных клише не привлекает особого внимания исследователей, что можно отчасти объяснить наличием различных точек зрения на обоснованность причисления этикетных клише к классу интеръективов. Наиболее развернутое обоснование причин, по которым данные единицы должны описываться в рамках интеръективной категории, было представлено Е. В. Середой. К таким причинам автор относит статус слов-отношений с ослабленной семантикой и номинативным значением, способ образования от знаменательных частей речи, неизменяемость, «застывшесть» большинства этикетных формул, наличие эмоциональных элементов, способность к редупликации и трипликации *(ай-ай-ай, спасибо-спасибо).* Характеризуя сходство способов образования вторичных этикетных междометий с эмо-

тивными, Е.В. Середа ограничивается констатацией того, что общих правил этих переходов не наблюдается [Середа 2005].

С точки зрения выражаемых коммуникативных значений этикетные междометия принято делить на формы приветствия, прощания, просьбы и пожелания, благодарности и извинения, согласия и отказа, например: *Здравствуйте! Привет! Извините! Спасибо! До свидания* и др. Поскольку синхронная связь со знаменательными частями речи, от которых они были образованы, давно утрачена, они не идентифицируются носителями языка как репрезентанты лексических значений или определенные грамматические категории соответствующих слов. Так, обращение *здравствуйте* утратило как свою внутреннюю форму, состоящую в пожелании адресату «здравствовать», так и морфологические признаки повелительной формы глагола. В качестве полностью десемантизированных воспринимаются носителями языка сочетания *доброе утро, добрый день, добрый вечер*. Все они выполняют функцию клишированных приветствий, в которых изначальная семантика пожелания адресату доброго утра давно стерлась.

Как правило, этикетизации подвергаются формы повелительного наклонения глаголов *здравствуйте, прощайте, простите, извините*, формы 1-го лица настоящего времени изъявительного наклонения *приветствую, благодарю,* существительные, в том числе в сочетании с другими частями речи *до свидания, привет, удачи, счастливого пути* и значительно реже наречия *пока, счастливо.* Первоначально формы речевого взаимодействия представляли собой пожелание друг другу удачи, счастья и здоровья (*здравствуйте*), взывали к доброте и любезности адресата (*будьте добры, будьте любезны*), апеллировали к имени Господа, чтобы придать своему пожеланию оттенок сакрализации (*спасибо*), или же обращались с той же благой целью к суевериям (*ни пуха ни пера*).

На сегодняшний день эмоциональность такого рода высказываний не ощущается в силу их повседневного употребления. В.В. Виноградов, с одной стороны, указывает на содержащуюся в этикетных междометиях «экспрессив-

ность», с другой, подчеркивает их эмоциональную пустоту. По его мнению, в междометиях выражается «сложная цепь бытовых эмоций и обрядностей», они представляют собой «своеобразные экспрессивные звуковые жесты, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни» [Виноградов 2001: 621]. Одновременно В.В. Виноградов приводит цитату из изданной в 1922 году работы А.Г. Горнфельда, упрекающего говорящих в отсутствии истинных чувств, которыми должны сопровождаться высказывания подобного рода: «Если вам в трамвае говорят *извиняюсь*, то это значит только, что, толкнув вас однажды, вас толкнут дважды и трижды... Слово произнесено, но смысл в него не вложен» [Горнфельд 1922, цит. по: Виноградов 2001: 621].

Действительно, вследствие клиширования в изначально «живых» словоформах постепенно замирают все семантические и морфологические процессы. Происходит в известном смысле противоположный процессу возникновения вторичных эмотивных междометий процесс. Если в первом случае возрастающая роль прагматического, эмотивного компонента значения ослабляет денотативные смыслы и делает конверсив средством выражения аффективных эмоциональных состояний, то обращение слова в этикетную формулу, напротив, основано на эмоциональном «угасании» лексической единицы.

Тем не менее, и в данном случае имеются все основания, чтобы идентифицировать действие механизма интеръективации, рассматриваемой как трансформацию дескриптивного знака в интеракциональный. Взаимодействие полученного интеръектива с внеязыковой средой получает в случае этикетных клише форму перформативного установления конкретных отношений между участниками коммуникации.

Если, говоря о внутренних механизмах, лежащих в основе образования вторичных эмотивных междометий, лингвисты не всегда решаются говорить о десемантизации производящего слова, прибегая к менее определенным характеристикам: «ослабление» или «затемнение» семантики, то в случае с этикетными интеръективами такие «смягчители» формулировок представляются из-

лишними. Факт исчезновения их семантического содержания объективируется в отсутствии «чувствительности» носителей языка к их внутренней форме.

В качестве причин десемантизации этикетных формул чаще всего указывается их регулярное, высокочастотное употребление. При этом представляется очевидным, что частое употребление характерно и для других номинативных единиц. Однако это вызывает только утрату внутренней формы различных знаменательных слов, но не приводит к их десемантизации [Исаева 1999].

Причина различий в описываемых семантических механизмах состоит в том, что если утрачивающие в семиозисе внутреннюю форму слова употребляются в функции прямого указания на означаемый объект, то слова или сочетания, образующие этикетные формулы, используются в социально-прагматической функции, отличной от функций номинативных. Именно расхождение между коммуникативными интенциями слов-формул и функциональной задачей знаков по денотации действительности приводит к постепенному исчезновению «означаемого» из двусторонней структуры дескриптивного знака. В результате бывший дескриптивный знак становится действенным, перформативным средством установления конкретных форм взаимоотношений между коммуникантами, иначе говоря, происходит семиотическая конверсия.

Примечательно, что стертая семантика отдельных этикетных междометий способна подвергаться возрождению и оживлению. Так, распространенное в разговорной речи употребление *здравствуйте* в специфической интонационно-просодической форме *здраассьте,* обозначает недовольство не ожидаемым адресатом событием (*Здрастье, только этого не хватало*). А.И. Германович, включавший формулы приветствия и благодарности в особую группу эмоциональных междометий с неполной интеръективацией, характеризовал такой способ употребления как «несомненное междометие», поскольку оно выражает упрек или неожиданность [Германович 1966: 32].

Семантико-прагматическое «перевоплощение» формы *зравствуйте* в *здрассьте* не может быть, однако, описано в терминах семиотической конверсии. *Здрассьте* изменяет ситуативно-прагматический функционал слова, од-

нако при этом не происходит перехода знака из области прагматики (перформативного выражения этикетного отношения) в область дескрипции (денотации). Использование особых супрасегментных средств становится способом своеобразной «деэтикетизации» междометия, его выведения из рутинизированной области этикетной зоны в плоскость разговорного, не связанного ригористическими статусными рамками, дискурса. В результате слово приобретает различные игровые варианты, усиливающие интенсивность выражаемой оценки: *Здрасьте, приехали. Здрасьте, я ваша тетя* и др. Процессам «репрагматизации» подвергаются также другие этикетные междометия, претерпевающие энантиосемические преобразования, в основе которых лежит действие механизма иронической оценки.

Анализ механизмов образования вторичных эмотивных и этикетных междометий позволяет прийти к выводу о наличии единого, лежащего в их основе когнитивного механизма конверсии дескриптивного знака в знак интеракциональный, реализующий свои функции непосредственно в динамике взаимодействия с внеязыковой средой.

Выводы

Решение проблемы создания универсальной для всех классов междометий теории лежит в плоскости признания семиотической дихотомии между двумя типами знаков: «интеракционально-прагматическим знаком (междометие) / дескриптивным (все остальные лингвистические единицы). Интерпретация интеръективов как особого, противостоящего дескриптивной лексике типа знаков, позволяет перевести на уровень научного, семиотического описания все попытки ученых описать особенные свойства междометий с помощью формулировок типа «выражать чувства», «давать прямой выход чувствам», «являться продолжением чувств» и т.п.

В отличие от всех других лингвистических единиц, приобретающих свойство интеракциональности только на уровне речевого взаимодействия слов

или высказываний, интеракциональность междометий является их имманентным свойством.

Под интеракциональностью междометий понимается непосредственное взаимодействие интеръективного знака с внеязыковой действительностью, образуемой внешней по отношению к индивиду средой, каузирующей активные внутренние когнитивно-эмоциональные процессы. Акт произнесения междометия всегда связан с изменениями во внутренней или внешней среде и может осуществляться в различных субъект-субъектных или объект-субъектных формах.

В отличие от лежащего в основе знаковой триады Пирса структурного критерия, характеризующего возможные типы взаимоотношений между «означаемым» и «означающим», формулируемая семиотическая дихотомия описывает диференцированную феноменологическую природу языковых знаков. С точки зрения сущностных онтологических свойств выделяются два основных типа знака: языковой знак как номинант, репрезентант означаемого, и языковой знак как выразитель текущих интеракциональных состояний индивида в его непосредственном взаимодействии с внеязыковой средой.

Лежащий в основе семиотического тривиума структурный параметр дает представление о различных техниках знакообразования: иконизация означаемого (знаки-иконы), метонимизация означаемого (знаки-индексы), и произвольное изобретение (или конвенционализация в процессе семиозиса) означающего (знаки-символы). Основанная на критерии онтологической сущности дихотомия дескриптивного/интеракционального знака выявляет фундаментальные различия между направленными на «обозначение» дескриптивными элементами языка и направленными на активное «выражение» отношения интеракциональными знаками.

Для работ современных лингвистов характерно описание междометий в рамках триады Пирса преимущественно как индексального типа знаков. Мотивационной основой такого решения становится факт «смежности» эмоционального состояния с актом их произнесения. Описание междометий как зна-

ков-индексов является релевантным для уровня их восприятия, с точки зрения потенциального адресата, однако не отражает их знаковой сущности на уровне речепроизводства, с точки зрения самого произносящего. Являясь формой реакции на воздействие сильного каузатора, междометия обеспечивают «выход» внутренним ощущениям индивида; их употребление безадресно и, как следствие, «антииндексально». На уровне речепорождения междометия объективируют текущее эмоционально-когнитивное взаимодействие, представляя собой интеракционально-прагматический знак.

В проблеме определения природы знаковости междометий в наиболее отчетливой форме проявляется амбивалентность, асимметричность их актуализации на уровне речепорождения и речевосприятия. Лингвистически имманентная интеракциональность знака на уровне речепорождения оборачивается лингвистически имманентной инференционностью на уровне речевосприятия. С учетом сложности процедуры «декодирования» воспринимаемых междометий, их индексальность должна быть описана как инференционная, в рамках которой референция к имени вычисляется в каждой конкретной ситуации.

Выделение семиотической дихотомии – «интеракциональный/ дескриптивный знак» – предоставляет теоретико-методологическую основу для непротиворечивой интерпретации всех классов междометий, а сам критерий интеракциональности используется с целью установления степени «интеръективности» различных единиц, чье включение в интеръективную номенклатуру является дискуссионным. Определение характера взаимодействия конкретных междометных единиц с внеязыковой средой дает возможность охарактеризовать каждый из классов междометий как конкретный тип реализации категории интеракциональности.

В первичных и вторичных эмотивных междометиях реализуется объект-субъектная или пропозиционально-субъектная форма интеракциональности, реализуемая в формуле: «Я выражаю испытываемую в данный момент эмоцию или эмоциональное ощущение». Когнитивные междометия представляют собой пропозиционально-субъектный тип интеракции, объективируемый в фор-

муле: «Я выражаю испытываемое в данный момент интеллектуальное (когнитивное) отношение к содержанию воспринимаемой информации». Побудительные междометия реализуют субъект-субъектный тип интеракции: «Я хочу вызвать мгновенный перлокутивный эффект, состоящий в изменении актуального состояния адресата». Этикетные междометия могут быть интерпретированы в терминах интеракциональности как тип субъект-субъектной интеракции, имеющей имплицитный перформативный характер.

Класс ономатопей представляет собой переходный тип знаков, в котором содержится чувственно-наглядный образ, отражающий интенцию номинатора к созданию эффекта «анимации». Наличие у звукоподражательных единиц конкретных референтов является основанием для их отнесения к классу дескриптивных знаков.

Выделение интеракциональности в качестве определяющего дистинктивного параметра междометий предоставляет основу для легитимизации различных, существующих в теоретической литературе способов экспликации внутренней стороны междометий как различных типов фреймовых моделей: сценариев, декомпозиций, категориальных или симптоматических ситуаций, поведенческих матриц или моделей.

С учетом различного вектора объективируемого в междометиях взаимодействия, все интеръективные акты могут быть разделены на реактивные, проактивные и перформативные.

Группу реактивов образуют ответные реплики, содержащие первичные или вторичные эмотивные междометия, а также когнитивные междометия. Для данного типа речевых актов характерно слияние локуции с иллокуцией, поскольку иллокуция реактивных интеръективных реплик конгруэнтна выражению эмоциональных или ментальных состояний.

Группу проактивов образуют побудительные междометия, активизирующие или инициирующие изменения во внешней среде. Для данного типа интеракциональных речевых актов характерно стремление прескриптора к мак-

симально возможному совпадению трех уровней речевого акта: иллокуции – локуции – перлокуции.

Группу перформативов образуют этикетные междометия, принадлежащие к разновидности «слабых» перформативов, в которых имеет место совпадение локуции с иллокуцией при социально невыраженном перлокутивном эффекте.

Признание семиотической дихотомии: «интеракционально-прагматический (динамичный) знак/ дескриптивный (статический) – создает теоретико-методологическую основу для непротиворечивого описания всех классов междометий как различных типов интеракционально-прагматических знаков, подводит когнитивный базис под преобладающие в теоретической литературе сценарно-фреймовые формы представления внутреннего содержания междометий, позволяет создать единообразную интерпретацию междометных высказываний в рамках теории речевых актов, а также внести ясность в описание механизмов интеръективной конверсии знаменательных единиц как перехода из одного типа знака в другой.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМИОЗИСА ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫХ И ДЕСКРИПТИВНЫХ ЗНАКОВ

3.1. Семиозис как объект лингвистических исследований

Семиозис, определяемый Ч. Моррисом как процесс, в котором нечто функционирует как знак [Моррис 1983], является одним из центральных понятий семиотической теории языка. Под семиозисом в широком смысле понимаются процессы «означивания, знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы» [Мечковская 2004: 14]. С точки зрения языка семиозис следует понимать как процесс образования и функционирования языкового знака [Там же].

Несмотря на практически полностью совпадающие у различных авторов определение семиозиса, описание задействованных в данном процессе механизмов и компонентов отличается значительным образом. Сам Пирс описывал семиозис в рамках триады: знак (репрезентамен) – представляемый знаком объект – интерпретанта. Особая роль при этом отводилась интерпретанте, которая самим логиком интерпретировалась неоднозначно. Первый истолкователь Пирса, Ч. Моррис, пояснял: «Интерпретатор знака – организм; Интерпретанта – это навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты, существенные для непосредственной проблемной ситуации, как если бы они были налицо» [Моррис 1983: 64]. Одновременно Моррис указывал, что под интерпретантой следует понимать «общие знания о предмете» (концепт) [Моррис 1983: 77]. В целом, на этих двух различных точках зрения строятся авторские концепции «интерпретанты» и определение ее роли в процессе семиозиса.

Часть лингвистов склоняется к мнению, что интерпретанта представляет собой чисто прагматическую, или функциональную составляющую акта семи-

озиса. Поскольку Пирс, как известно, не учитывал в знакообразовательной деятельности интерпретатора, сам акт семиозиса описывался им не как динамический процесс интерпретации знака, а как деятельность знака по производству своей собственной интерпретанты. И.П. Сусов указывал, что у Пирса данная составляющая трактуется не по её предметной или концептуальной соотнесённости, а как динамический, деятельностный фактор, что в определенном смысле сближает ее с прагматической силой в понимании Дж. Лича [Сусов 2006]. При таком подходе к интерпретанте как к функциональной способности знака быть интерпретируемым, вполне обоснованным выглядит утверждение В.И. Карасика, что «дистинкция между интерпретантой и интерпретатором в рамках базовой схемы семиозиса не является релевантной» [Карасик 2012: 43]. В этом случае интерпретанта выступает в качестве обязательного элемента семиозиса, и не требует дальнейшей характеристики в рамках исследований механизмов семиотических процессов.

В работах других лингвистов находим следующие объяснения термина интерпретанты: определенная реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения данного слова с помощью других слов; контекст, в котором реализуется знак; способ представления значения в знаке слова; правила употребления знака и его воздействия на сознание интерпретатора и др. Р. Якобсон приравнивает данное понятие к значению знака, выделяя при этом две разновидности интерпретант: одна связывает знак с системой знаков, другая – с контекстом его использования [Якобсон 1983]. Е. С. Кубрякова возражает против такого подхода, предлагая разграничивать языковое значение и интерпретанту. По ее мнению, интерпретанта – это способ репрезентации значения в языковом знаке, который может быть охарактеризован как когнитивный, концептуальный, прагматический, эмотивный или экспрессивный [Кубрякова 2004]. Н.А. Алефиренко, в свою очередь, комментирует, что при таком подходе «значение языкового знака является формой существования сознания, а интерпретация – способом репрезентации значения в языковом знаке» [Алефиренко 2014: 92].

У. Эко характеризует акт семиозиса как стремление знака к достижению финальной интепретанты, или «привычки». «Знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую привычку, некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Поскольку привычка – это «склонность... вести себя сходным образом при сходных обстоятельствах в будущем», Окончательный Интерпретант знака – это и есть данная привычка. Иными словами, соотношение между значением и репрезентаменом приобретает форму закона (закономерности)» [Эко 2007: 321].

Близкие взгляды высказывает Ж.Р. Арустамян, предлагающая понимать под «финальной интерпретантой», или «привычкой», включение в интерпретирующую семантику «совокупности таких «семиотических объектов», как знание, культура; идеология, память, перцепция и т.д.» [Арустамян 2011: 11].

Н.Ф. Алефиренко пытается определить те условия, при которых слово становится «истинным знаком», т.е. финальной интерпретантой или привычкой: «(а) когда интериоризация (вращивание) предметного смысла приводит к полной эмансипации словесного знака от номинируемого предмета и формированию значения; (б) когда происходит высвобождение значения из словесного плена во внутренней речи» [Алефиренко 2005: 191].

Понимание финальной интерпретанты как полностью конвенционализированного, интегрального смысла знака, достигнутого им на определенном этапе семиозиса, позволяет не только описать его функционирование в аутентичной динамике, но и создает условия для изучения семиозиса конкретного языкового знака на основе эмпирических данных.

Понятие интерпретанты неразрывным образом связано с фигурой интерпретатора. Ч. Моррис описывает акт семиозиса как взаимодействие знака, или знаконосителя; его десигната, т.е. того, на что указывает знак; интерпретанты, т.е. навыка воздействия на интерпретатора, и, наконец, самого интерпретатора как актора процесса семиозиса [Моррис 1983: 65]. О роли интепретатора пишет Е. С. Кубрякова, разъясняющая, что после создания знака интерпретатор

снова его осмысливает, сопоставляет с другими знаками посредством установления контекстуальных связей. На этом основании ученый утверждает, что в процессе семиозиса знак интерпретируется дважды: 1) создателем, 2) обществом [Кубрякова 2004: 91].

Согласно Н.Ф. Алефиренко, процесс образования знака начинается с взаимодействия познающего субъекта с предметом познания. При этом формирование значения связывается с отражением в нашем сознании внешнего события, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений субъекта и объекта. В языковом знаке результат этого взаимодействия и опыт практической деятельности человека закрепляется за соответствующим звукосочетанием, которое в знаке становится его означающим. С этого момента звукоряд становится не только обычным средством обозначения предмета, но и средством активизации когнитивно-социологической деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков познаваемого и называемого предмета [Алефиренко 2009: 87]. Таким образом, начальной стадией образования знака является вычленение некоего объекта из универсума, и только после этого в процессе функционирования выделенное означаемое приобретает форму или имя словесного знака.

Е.С. Кубрякова указывает, что, «возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее устройство» [Кубрякова 2004: 502]. Ее взгляды развивает А. В. Кравченко, подчеркивающий значение «опыта знака» и обусловленность его функционирования взаимодействием всех факторов. Ученый указывает: «… языковой семиозис следует рассматривать как процесс порождения множественных реальностей, а поскольку, как говорит Матурана, “мы как люди существуем в языке”, языковой семиозис и порождаемые им множественные миры и есть та реальность, которую человек способен познать» [Кравченко 2008: 44]. Однако, если Кравченко, вслед за Матураной, описывает процесс знакопорождения и познания в целом как способ активного приспособления организма к познаваемому миру, то Н.Ф. Але-

фиренко подчеркивает значение историко-культурного опыта для образования и функционирования языкового знака.

С точки зрения когнитивной лингвистики, знакообразование представляет собой процесс превращения предметов реальной действительности в знаки, отображающие историко-культурный опыт данного этноязыкового сообщества [Алефиренко 2009: 94]. Именно такое понимание во многом обеспечивает совмещение лингвосемиотического и лингвокогнитологического подходов, открывающих новые перспективы в изучении языка и мышления.

3.2. Методика эмпирического исследования семиозиса заимствованных языковых знаков

3.2.1. Экспериментальный подход к исследованию семиозиса заимствованных дескриптивных знаков

Теоретическое описание семиозиса осуществляется исключительно в рамках семиотической деятельности определенного этнокультурного сообщества – полноценного коллективного актора семиозиса. Вопрос об особенностях семиозиса знаков, заимствуемых из других языков и принадлежащих чуждому культурно-семиотическому опыту, никогда ранее не рассматривался в семиотике как самостоятельный, специфический объект изучения.

В то же время не вызывает сомнений, что заимствование «готового» знака из другого языка предполагает дифференцированный характер его семиозиса в принимающей лингвокультурной среде. Если, как было указано выше, процесс знакообразования начинается с вычленения некоего элемента внеязыковой действительности и наделения его именем знака, за чем следует стадия приобретения знаком опыта, то с большой долей вероятности можно предположить, что в ситуации внешнего заимствования семиозис импортируемого имени начинается с «функционального бытия» знаконосителя, постепенно обретающего интерпретанту в новой лингвокультурной среде языка-реципиента.

В данной связи представляется вполне обоснованным предположение о реверсивном характере семиозиса заимствованных языковых знаков, начинающегося с употребления готового имени знака и протекающего в направлении формирования его внутренней стороны, т.е. от плана выражения – к плану содержания, к формированию характерной для нового опыта функционирования знака интерпретанты.

Не менее обоснованным представляется предположение о том, что тип заимствуемого знака (интеракционально-прагматический или дескриптивный) предопределяет способ его интродукции в принимающий язык и характер протекания процесса семиозиса.

В качестве основного метода исследования процесса семиозиса заимствуемого знака в работе предлагается проведение двухкратного (n-кратного) анкетирования носителей языка, выполняемое с определенным временным интервалом. Наблюдение за формированием культурно-семиотического опыта знака в его эволюционной перспективе способно предоставить объективные данные, характеризующие интерпретанту знака на каждом этапе его функционирования.

Конкретное содержание анкеты и сформулированных в ней вопросов определяется типом заимствуемого знака, во многом обусловливающим характер протекания семиозиса. Так, самая простая ситуация имеет место при заимствовании слова вместе с его материальным денотатом. Знаковое отношение в данном случае устанавливается инстантно, а за планом выражения закрепляется соответствующий чувственный образ (*ксерокс, флешка* и пр.), что, вполне очевидно, не требует дополнительных эмпирических наблюдений.

В случае заимствования дескриптивных знаков, имеющих синонимичное обозначение в принимающем языке, первоначальное отношение между заимствованным знаком и областью его десигнации устанавливается, вероятнее всего, посредством умозаключений о предполагаемых синонимических отношениях между соответствующими лексемами языка-донора и языка-реципиента (*имплементация – выполнение, ньюс – новость, мониторинг – наблюдение* и т.п.). Наличие синонимичных, на первый взгляд, слов в системе

собственного языка в определенных случаях может создавать иллюзию их полной семантической «тождественности» с заимствованным «конкурентом», однако по мере приобретения реального опыта использования знака интерпретатор до-осмысливает его, внося определенные коррективы в область его десигнации и подвергая его субъективной оценке, или аксиологизации.

Наконец, особые сложности для установления характера взаимоотношений между репрезентаменом и его означающим представляет собой заимствование интеръективных знаков. Их особый, ареферентивный, интеракционально-прагматический характер влияет как на сам способ интродукции знака в системе принимающего языка, так и на конкретные перцептивно-когнитивные операции, приводящие в действие процесс семиозиса.

Общая типология анкетирования может быть представлена в следующем варианте анкеты:

Таблица 5.

Тип показателя:	Вид вопроса в анкете:
Количественные показатели: а) уровень активного освоения пользователем знака; б) уровень пассивного освоения пользователем знака;	а) – Употребляете ли вы данное слово? б) – Знаете ли вы данное слово? б1) – Часто ли вы слышите в речи данное слово?
Качественные (объективные) показатели: а) внутреннее содержание знака (семантика и прагматика)	а) – Выберите дефиницию слова *х* из предложенных или предложите свою собственную дефиницию. а1) – Опишите ситуации, в которых Вы употребляете Х (в случае междометия). а2) – Опишите эмоции, которые Вы выражаете с помощью Х (в случае междометия).
Сопоставительные (качественные) показатели	а) Имеет ли х эквиваленты в русском языке? б) Назовите данные эквиваленты.
Субъективные, эмоционально-аксиологические показатели (характер отношения к знаку)	б) – Как вы относитесь к слову *х* (к употреблению слова х)? – выберите из вариантов ответа или предложите собственный.

Составлению анкеты, нацеленной на выявление особенностей семиозиса конкретных заимствованных знаков, должен предшествовать анализ словарных дефиниций данного слова в языке-доноре, что обусловливает возможности сопоставительной перспективы исследования. В случае фиксации нового знака словарями в принимающем языке выявление интерпретанты знака эмпирическим путем позволяет увидеть семиозис во всем его интерпретативном разнообразии, сопоставляя с семиологической кодификацией знака в лексикографических источниках.

В случае необходимости анкетирование может быть дополнено различными тестами, например, представленными в следующем параграфе субститутивными тестами.

Чтобы получить динамический срез процесса семиозиса, мы провели отсроченное по времени двукратное анкетирование, объектом изучения которого стали два различных семиотических типа англоязычных заимствованных знаков: существительное *креативность* и междометие *вау*. Остановимся подробнее на описании самой исследовательской процедуры и анализе полученных данных в первом и во втором случае.

В случае с исследованием семиозиса слова *креативность* временной интервал составил 10 лет: первое анкетирование было выполнено нами в 2006 году, второе – в 2016 году. Составлению конкретных вопросов анкеты предшествовало изучение дефиниций слов *creative (creativity)* в английских словарях и дефиниций слов *креативный, креативность* в толковых словарях русского языка. Определение этих слов через их соположение со словами *творческий, творчество* заставило нас также обратиться к дефинициям этих слов. Их отличительные дефиниционные признаки были зафиксированы в энциклопедических источниках. Так, согласно БЭС, *творчество* – это «деятельность, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью». «Новейший философский словарь» разъяснил значение «творчества» как «высшую форму универсально понимаемой креативности» (НФС).

Кроме того, на каждом этапе, предваряющем анкетирование, нами были выявлены наиболее употребительные контексты сочетания прилагательного *креативный* с различными существительными, которые были использованы для составления субститутивных тестов. В результате анкетируемым предлагалось ответить на вопрос, знают ли они слово *креативность*, предложить свою собственную дефиницию, а также выполнить сусбтитутивные тесты по замене прилагательного *творческий* на *креативный* и vice versa в различных контекстах. Всего в тестировании приняли участие сотрудники и студенты БФУ им. И. Канта в количестве 50 человек.

Результаты анкетирования 2006 года показали, что все анкетируемые знают это слово. Объяснения слова сводились к следующим толкованиям: «творческие способности» (45 респондентов), «творческий подход к деятельности» (31), «способность создавать что-либо новое» (23), «способность творить» (15), «способность продуцировать новые идеи, например, в результате мозгового штурма» (1), «оригинальность и необычность мышления» (8)[11].

В проведенном в 2016 г. анкетировании был зафиксирован рост числа различных толкований слова *креативность*. При этом основным осталось толкование через синонимический эквивалент в русском языке: «способность к творчеству» «творческое начало», «творческий подход к деятельности», «творческие способности» (41). Другие появившиеся формулировки: «способность создавать что-либо новое» (12), «изобретательность» (9), «отказ от стереотипного мышления» (19), «умение генерировать оригинальные идеи» (7), «свежие идеи» (8), «созидательность» (3). В пяти ответах подчеркивалась «материальность» данного термина: «способность придумывать что-то новое, в основном, чтобы это новое продать», «творческая предприимчивость» и «активно реализуемая творческая способность (чаще в рекламе, пиаре)»; в двух – актуальность и востребованность данного качества («качество, которое надо продемонстрировать на собеседовании» (1), «то, о чем часто говорят препода-

[11] В связи с тем, что тестируемые предлагали, как правило, несколько определений, общее количество ответов не соответствует общему числу тестируемых.

вати» (1), еще в двух – стремление сделать что-то необычное с целью развеселить кого-либо: «сделать что-то прикольное» (1), «умение сделать что-то необычненькое, забавное» (1).

Анализ результатов последнего тестирования показал, что, несмотря на наличие относительно схожего по значению слова в русском языке, в сознании заимствующего языкового коллектива продолжается интенсивная интерпретативная деятельность. Если первое тестирование продемонстрировало, что установление отношений между знаком и областью его возможной десигнации осуществилось на уровне интенсионала значения, то последующее показало, что процесс интерпретативной деятельности продолжается в направлении усвоения (или предицирования) его экстенсиональной семантики. Акторы семиозиса продолжают «доопределять» означаемое, уясняя и создавая в своем собственном опыте знакоупотребления новые, чуждые для русского аналога *креативности* семы: прагматичность, конкретность, нацеленность на коммерческий успех, понимание «востребованности» данного качества на рынке труда. Немаловажен факт выделения еще одного качества креативности – развлекательная цель создаваемых необычных объектов.

Изменения в результатах субститутивных тестов показали также увеличение числа объектов, которым можно предицировать качество знака «креативность». Особого внимания заслуживает характеристика самих объектов, большинство из которых представляют собой материальные объекты *(подарки, стрижки, фото, рисунки, реклама, резюме, поздравление, мебель, одежда, шляпа, ужин, меню* и т.п.).

Таким образом, полученный в результате тестирования динамический срез различных этапов семиозиса заимствованного языкового знака продемонстрировал, что для первоначального этапа интерпретативной деятельности характерно выделение основного дефиниционного признака посредством его соотнесения с внешне «аналогичным» знаком в русском языке. На следующем этапе в процессе приобретения опыта использования слова *креативный* в определенных контекстах происходит достраивание его гносеологического образа

посредством выделения класса потенциальных десигнатов и индуктивных заключений об отличительных дефиниционных признаках заимствуемого знака. К таким признакам относятся прагматичность и коммерциализация; технизация (*генерирование идей*); сведение к уровню оригинальности и нестереотипности мышления (*свежие идеи*), материализация и измельчание класса десигнатов, рост количества допустимых контекстов. Опосредование полученного нового знания предыдущим опытом языкового коллектива-интерпретатора приводит к рождению субъективных смыслов и оценочных коннотаций.

В целом, акт семиозиса заимствуемого дескриптивного знака может быть описан как процесс попризнакового конструирования гносеологического образа (от идентификации к дифференциации), приводящий к образованию интерпретанты, которая в случае с предикативным знаком *x* (креативность) может быть представлена следующим образом: знаковое средство *x* означает (имеет своим десигнатом) некоторые признаки характера деятельности человека, предицируемые по отношению к определенным объектам деятельности.

К когнитивным операциям, задействованным в процессе семиозиса дескриптивного заимствуемого знака, следует отнести: 1) выделение в акте распознавания уже известных (идентифицируемых в семантике предполагаемого аналога в родном языке) дефиниционных признаков; 2) выделение в акте распознавания новых, отличительных дефиниционных признаков; 3) выявление онтологических (иерархических) отношений между полученными признаками; 4) преобразование полученной признаковой мыслительной структуры путем ее соотнесения с обобщенным опытом народа и с текущей моделью мира; 5) дополнение объективного (рационалистического) построения гносеологического образа субъективным индивидуальным отношением.

3.2.2. Экспериментальный подход к исследованию семиозиса заимствованных интеракциональных знаков

Объектом следующего исследования посредством двукратного анкетирования явились особенности семиозиса заимствуемого англо-американского междометия *вау*. На сложность экспликации «семантики» междометий для носителей языка указывали многие ученые (А. Вежбицкая, К. Годдард, Т. Уортон, П. Круз и др.). Е.Ю. Кустова подчеркивала, что «семантика (интеръективов) не является собственной принадлежностью знака как такового с закрепленным за ними воспроизводимым значением, она не вытекает из знания самого языка, а усваивается из знания мира и знаковой деятельности людей» [Кустова 2010: 103].

Особый семиотический тип заимствования обусловливает специфический способ его интродукции в новую лингвокультурную среду, результатом которого должно стать распознавание принимающим языковым коллективом стереотипных для функционирования знака ситуаций и передаваемых с его помощью эмоциональных (ментальных) состояний. В случае успешного акта семиозиса заимствованного первообразного междометия окончательной стадией семиозиса должен явиться процесс интериоризации знака, его усвоение на уровне относительно рефлекторных эмоционально-когнитивных реакций.

Как и в случае с заимствованным дескриптивным знаком, составлению анкет, направленных на наблюдение за протеканием семиозиса интеръективного знака, предшествовало изучение дефиниций *wow* в словарях английского языка, а также толкований заимствованного *вау* различными русскоязычными источниками. Дефиниционный анализ был дополнен анализом средств интродукции *вау*, используемых в ходе его релокации из англоязычной в русскоязычную среду. Во внимание были также приняты различные мнения, высказываемые Интернет-пользователями на инициированных ими дискуссионных форумах по поводу заимствования интеръектива *вау*.

В результате предварительного анализа мы пришли к выводу, что интеракциональная природа междометий, их прагматический потенциал и отсутствие номинативной функции полностью исключают возможность презентации знака с использованием моносемиотических языковых средств. Необходимым условием, способным запустить системный механизм семиозиса заимствуемого интеръектива, являются поликодовые тексты, которые не только демонстрируют типичные категориальные ситуации, акцентируя внимание на тип каузаторов, но и иллюстрируют телесную кинестетику и просодику. Основными средствами интродукции междометия *вау* в русский язык послужили телевизионные (и в значительно меньшей степени аудио) рекламные ролики, а также соответствующие фрагменты американских переводных (а затем и отечественных) фильмов и разнообразных развлекательных телешоу.

Примечательно, что языковой коллектив-интерпретатор сам также активным образом участвует в дискуссиях по поводу вхождения нового знака в собственные речевые практики. Это выражается как в организации обсуждений, участники которых приводят аргументы «за» и «против» возгласа *вау*, а также в создании большого количества поликодовых текстов (Интернет-картинок, демотиваторов, комиксов и т.п.), различным образом обыгрывающих американское междометие.

Высказываемые на различных Интернет-форумах и порталах мнения свидетельствуют о сложности и неоднозначности перенесения *вау* в новую речевую среду. Так, на портале «Любовь и ненависть» (ЛиН) из 41 человек 19 человек высказались за употребление *вау*, 22 – против. Примечательно, что аргументация в пользу американского *вау* строится на его противопоставлении средствам выражения эмоциональных состояний в русском языке. По мнению пользователей, выделяемые в качестве аналогов междометия *ого, ничего себе, хорошо* недостаточно эмоциональны. Отдельные участники характеризуют англо-американское эмотивное междометие как самый естественный способ выражения своих внутренних ощущений. «Потому и обожаю, что так и рвется он самый из недр моей души!! Почему бы и нет, в самом деле? ВАУ, СУ-

ПЕР!... Вот скажешь ты просто "хорошо" - ну, и чего? Скажешь и забудешь! А крикнешь: "Вау-у-у"! – и как же это запомнится, как отпечатается в сознании!» (Струс, 03.10.03). Другое противопоставление в пользу употребления *вау* осуществляется по линии сравнения с национальной привычкой выражать сильные эмоции с помощью обсценной лексики.

Противники *вау* также обращают внимание на его звучание, в котором, напротив, ощущают некую фонетическую и смысловую инородность системе русского языка: «Действительно дебильно звучит... И не по-нашему как-то...» (HerrTodVerfluchte, 16.06.03). «Потому что у русских это как-то ненатурально выходит. Получается какой-то деревенский трэш, а не восхищение» (Ревность, 13/04/05). Отдельные аргументы против употребления *вау* мотивированы идеологически, поскольку их авторы напрямую связывают свое резко отрицательное отношение к *вау* с постоянным подражанием американцам.

Для анализа семиозиса заимствуемого междометия небезынтересными представляются также самонаблюдения пользователей за процессом проникновения *вау* в свой собственный арсенал речевых привычек. Так, одна из участниц форума пишет: «Несколько месяцев назад ребенок из сада принес чистое, незамутненное "вау". Пока боролась с этой заразой, сама подхватила:)» (Sara-Olga, 03.07.2012). Как видим, даже осознанное отрицательное отношение к междометию не становится непреодолимой преградой для его проникновения в систему речевых привычек.

Результаты анализа различных форм стихийного освоения интеръективного знака в Интернет-пространстве были верифицированы и дополнены нами в результате двукратного, проведенного с семилетним временным интервалом, анкетирования носителей русского языка. Данный подход позволил нам учесть социолингвистические параметры: возрастную и гендерную принадлежность анкетируемых. Анкетирование, направленное на изучение особенностей семиозиса междометия *вау*, было проведено нами в два этапа: в 2010 и в 2017 году. Всего на вопросы анкеты ответили 450 человек в 2010 году и 450 человек в 2017 году, по 150 человек в каждой возрастной группе. Принимая во внимание

отмечаемую лингвистами распространенность заимствуемого англо-американского междометия в речи молодежи, возраст младшей анкетируемой группы был определен нами от 15 до 25 лет, средней – от 26 до 50 лет, и старшей – от 50 и выше. Гендерный состав анкетируемых – 68 % женщины и 32 % мужчины в первом анкетировании, и 58 % женщины и 42 % мужчины – во втором анкетировании.

Анализ результатов анкетирования позволил нам прийти к выводу об определенных различиях в структуре сформировавшейся на каждой наблюдаемой стадии семиозиса интерпретанты. Необходимо отметить, что идентификация *вау* участниками анкетирования в большей степени осуществляется на основе указания имени эмоции, нежели на описании релевантных для его употребления ситуаций. Несмотря на формулировку одного из вопросов анкеты с эксплицитным указанием релевантных для употребления *вау* ситуаций (в каких ситуациях употребляется *вау*), подавляющее большинство респондентов отвечало с помощью объяснений, указывающих на характер передаваемой с помощью *вау* эмоции: 67 % в 2010 году и 59 % в 2017 году[12].

Основной тип толкований представлен с помощью следующих синтаксических конструкций (в порядке количественного убывания): – «когда кто-то (я) хочет выразить (выражает, испытывает, чувствует, ощущает, кого-то переполняют + название эмоций»; – «когда кого-то (меня) что-то потрясло, изумило, восхитило, поразило, удивило»; – «когда (я) (кто-то) потрясен, восхищен, поражен, изумлен, (сильно, очень) удивлен»; – «когда я в (полном, совершенном) восторге, в (полном, совершенном) потрясении, когда я в (приятном, сильном) шоке (от увиденного, услышанного)»; – «когда меня что-то восхищает, поражает, изумляет, потрясает, шокирует, (сильно) удивляет»; – «когда я вижу что-то невероятное, феноменальное, потрясающее, поразительное», – «когда я чем-то (сильно) восхищаюсь, когда я сильно удивляюсь», – «когда меня что-то удивляет».

[12] Далее все данные приводятся в последовательности: 2010 и 2017 гг.

При этом наблюдается возрастная дифференциация описываемых эмоциональных состояний. Если для лиц в возрасте от 15 до 25 лет характерно употребление *вау* как средства объективации испытываемого восхищения или потрясения (64% в 2010 г. и 73 % в 2017 г.), то представители старших возрастных групп значительно чаще указывают на выражение с помощью *вау* менее интенсивных эмоций. Как способ выражения удивления преимущественно охарактеризовали *вау* участники группы от 26 до 50 лет (51 % в 2010 г. и 59 % в 2017 г.) и группы свыше 50 лет (31 % и 29 %).

Основные указываемые эмоции во всех опрашиваемых группах: восхищение (71 % и 77%), восторг (56 % и 55%), изумление (46 % и 43 %), потрясение (21% и 18%), радость (33 % и 35 %), шок (28 % и 31%), удивление (25% и 22%)[13]. Среди возрастной группы от 15 до 25 лет часто встречаются просторечные, сленговые и грубые формулировки, с помощью которых анкетируемые пытаются выразить передаваемые с помощью *вау* ощущения (34 % и 41%): «когда я офигеваю (обалдеваю) (охреневаю) от чего-то», «опупеть», «очуметь», «когда у меня просто сносит от крышу от восторга», «полный улет», «когда я тащусь от чего-то» и др.. Для этой же возрастной группы характерны указания на те психофизиологические процессы, которые связываются с произнесением *вау*: «когда у меня дух захватывает» (8 % и 11%), «когда я не верю своим глазам» (15 % и 22 %), «когда я не верю своим ушам» (8% и 4%), «когда у меня не хватает слов, чтобы выразить свои эмоции» (4 % и 6 %). Обращает на себя внимание выбор в данных ответах форм первого лица единственного числа, имплицирующих употребление *вау* самими отвечающими.

Вопрос анкеты «В каких ситуациях употребляется *вау*» вызвал значительное число ответов, указывающих на типичные свойства каузаторов интеръектива. Данный способ характеристики употребления *вау* характерен преимущественно для младшей возрастной группы. Основной синтаксической конструкцией, используемой в данном случае, явилась «Когда я (кто-то) вижу что-

[13] Многие участники анкетирования указывали сразу несколько эмоций, выражаемых интеръективом *вау*.

то + характеристика предицируемого объекту свойства». В качестве типичных предикатов были указаны: «что-то потрясающее, что-то крутое, умопомрачительное, запредельное, феноменальное, экстремальное, навороченное, креативное, красивое, необычное, сверх всяких ожиданий, сверх-оригинальное, гениальное, уникальное, зашибенное, обалденное, удивительное, поразительное, дорогое (дорогущее), умилительное, креативное (креативненькое), модное, какую-то потрясающую фишку, какой-то экшен, какой-то экстрим».

Предикаты каузируемой области в значительной степени дифференцируются в зависимости от возрастной и гендерной принадлежности анкетируемых. В группе от 15 до 25 лет значительно чаще встречаются характеристики «феноменальное», «запредельное», «экстремальное», в то время как в старшей возрастной группе преобладают характеристики «оригинальное, удивительное, необычное». Представителей обоих полов двух младших возрастных групп объединяет чаще всего приводимая характеристика «что-то крутое». Каузаторы «экстрим, экшн, драйв, экстремальный, навороченный» в большей степени характерны для ответов представителей мужского пола, в то время как «красивое, модное, дорогое, умилительное, креативненькое и т.п.» являются типично «женскими» каузаторами *вау*.

Заслуживает внимания тот факт, что ситуативное истолкование *вау* крайне редко относилось к информации, получаемой по аудиальному каналу. Кроме того, в качестве типовых каузаторов только незначительным числом анкетируемых приводились какие-либо событийные или акциональные объекты. Например, «если кто-то сделал что-то за гранью возможного»; «если что-то превзошло все мои ожидания»; «если кто-то совершил нечто феноменальное» и некоторые другие.

Анализ результатов первого и второго анкетирования выявил, что не все анкетируемые указывают, что они употребляют *вау*. Тем не менее, рост числа употребляющих данное междометие очевиден: чаще всего *вау* употребляется в возрастной группе от 15 до 25 лет (69% в 2010 году и 81 % в 2017); в группе от

26 до 50 лет (37 % в 2010 году и 49 % в 2017), и в группе – от 50 и выше (5% и 8% соответственно).

При этом необходимо учитывать неизбежную для данных опросов «погрешность»: во-первых, люди не всегда обращают внимания на то, что они используют «мало заметные» речевые интеръективные средства. Среди опрошенных нами участников присутствовали знакомые (3 человека из средней возрастной группы), употребление которыми междометия *вау* было не единожды зафиксировано нами в аутентичных ситуациях общения. В то же время в анкетах они указали, что не употребляют *вау*. Кроме того, поддерживаемое в обществе критическое отношение к *вау* также влияет на выбор ответа.

В течение семилетнего периода увеличилось количество респондентов, указавших, что слышат *вау* часто: от 15 до 25 лет (72% в 2010 году и 84 % в 2017); в группе от 26 до 50 лет прирост составил 10 %: от 60 % в 2010 году до 70 % в 2017, и в группе – от 50 и выше (45% и 50% соответственно). Встречались также отдельные комментарии в старшей возрастной группе о том, что слышат *вау* слишком часто. В обеих анкетах самая высокая употребительность *вау* была указана в рекламе и телеразвлекательных шоу; увеличилось также число ответов, подтверждающих то, что *вау* слышится в повседневной речи: в группе от 15 до 25 лет: с 70 % до 78 %, в группе от 26 до 50 лет: с 41 % до 48 %, и в группе от 50 лет и выше: с 26 % до 38 %.

В целом, динамика активного и пассивного употребления *вау* может быть отражена в следующей таблице:

Таблица 6. Активное и пассивное употребление *вау*

	2010	2017	2010	2017	2010	2017
Активное употребление	69%	81%	37%	49%	5%	8%
Пассивное употребление	70%	78%	41%	48%	26%	38%
	15 – 25 лет		26 – 50 лет		Свыше 50 лет	

В качестве аналогов *вау* в русском языке чаще всего указывались: *Ого! Вот это да! Ничего себе! Ух ты! Супер! Круто! Класс!* Обращает на себя внимание возрастная дифференцированность предлагаемых вариантов. В первой группе (от 15 до 25 лет) преобладают варианты указанные в качестве русского аналога *Супер!* (78%), а также *Круто!* (76%); *Класс!* (55%), *Ничего себе!* (33%), *Ого*! (17%); *Ух ты!* (10%); сленговые выражения *Офигительно!, Снос (улет) крыши!, Очуметь!, Опупеть!* и т.п. В старшей возрастной группе лидируют *Ого!* (78%), *Вот это да!* (66%) и *Ух ты!* (31%); *ах!* было предложено только 3 % анкетируемых. В средней возрастной группе лидирует междометие *Ого!* (71%), *Ничего себе!* (55%), *Вот это да!* (30%), *Ух ты!* (17%), *Круто!* (22%), *Класс!* (15%), *Супер!* (27%).

Как видим, объединяет все возрастные группы междометие *Ого!*, *Вот это да!, Ух ты! Ничего себе!*, а также приведенное в качестве русского аналога *Супер!*. Ярко выраженная гендерная маркированность свойственна восклицанию *Ух ты!* (78% ответов принадлежит мужчинам), и *ах!*, о котором вспомнили только женщины старшей и средней возрастной группы.

Анкетирование подтвердило также наличие различных эмоциональных оценок междометия *вау*. При этом объектом оценки становится не только сам знак (план выражения и содержания), но и употребляющие его субъекты (социолингвистическая оценка), а также страна-«импортер» данного знака и ее граждане (идеологическая оценка). Анализ данных анкетирования продемонстрировал, что ответ на вопрос анкеты: «Каково ваше отношение к этому междометию?» в значительной степени детерминирован возрастом отвечающих. В группе от 15 до 25 лет вариант «нравится» выбрали 51 % в 2010 г. и 57 % в 2017 г., в группе от 26 до 50 лет этот ответ выбрали 24 % (2010) и 29 % (2017), и в старшей возрастной группе только 3% (2010) и 5% (2017). Значительная часть анкетируемых во всех группах указала на свое безразличное отношение к междометию: 26 % (2010) и 21 % (2017) в группе от 15 до 25 лет, 36 % (2010) и 31 % (2017) в группе от 26 до 50 лет, и 27% и 40 % в старшей возрастной группе. Во всех группах уменьшилось количество людей, негативным образом

относящихся к междометию, при этом наибольшая положительная динамика характерна для групп от 26 до 50 лет и группы от 50 лет и выше. Полная динамика индивидуального восприятия *вау* может быть представлена в следующей таблице:

Таблица 7. Эмоционально-аксиологическая оценка междометия *вау*

	2010	2017	2010	2017	2010	2017
Нравится	51%	57%	24%	29%	3%	5%
Безразлично	26%	21%	36%	31%	27%	40%
Не нравится	16%	15%	16%	21%	35%	30%
Раздражает	7 %	7%	24%	19%	35%	25%
	15 – 25 лет		26 – 50 лет		Свыше 50 лет	

Отдельные анкетируемые комментировали выбор своего варианта ответа, чаще всего комментарии оставляли участники старшей группы, стремящиеся обосновать свое резко негативное отношение к *вау*. Большинство из них ощущают некую «антиинтеллектуальность» американского возгласа, указывая: «дебильно, глупо, по-идиотски звучит», «абсолютно тупой звук», «абсолютно безмозглое сочетание звуков»; «отвратительный вой», «маразматичный возглас», и даже «обезьяний рефлекс» и «дегенеративное завывание». Указание на антиинтеллектуальность американского междометия содержится также в формулировках, характеризующих тех, кто употребляет в речи *вау*: «гламурные дуры (дурочки)», «гламурные идиотки и идиоты», «шоу- звезды и шоу-дебилы», «дегенераты», «безмозглые дуры», шутливое «дегенераты и аристократы» и т.п. Встречаются и персонализированные пейоративные оценки: «всякие нагиевы и родригесы», «всякие глюкозы и мимозы».

Другая часть негативных комментариев мотивирована идеологически: «Все у них копируем, даже звуки», «Подражаем тупым американцам», «Все типа против, а все говорят», «Подражаем обаме-обезьяне», «Пиндосов ругаем, а сами все у них слизываем» и т.п. Данные комментарии чаще присутствуют в

средней возрастной группе, но составляют незначительный процент общего числа высказываний.

Комментарии позитивного отношения характерны, в целом, для участников младшей возрастной группы и содержат описание своего восторженного эмоционального отношения к *вау* («Обожаю! Супер! Мега! Крутое слово!» и др.). Заслуживает внимания наличие мнений о том, что *вау* в максимальной степени «приспособлено» выражать самые сильные, естественные и неподдельные положительные эмоции: «само рвется из души», «передает самые потрясающие эмоции», «невероятно здорово звучит», и даже «не представляю свою жизнь без вау». Отдельные замечания касаются универсальной роли *вау* как реакции в тех случаях, когда не хватает слов: «заменяет все ненужные слова», «всегда употребляю, когда не хватает слов», «когда что-то не понимаю» и т.п. Следующая линия позитивной оценки основывается на конфронтации *вау* с конвенцией обсценного выражения положительных эмоций: «лучше *вау*, чем наши матерные восклицания», более характерная для группы от 26 до 50 лет.

Таким образом, восприятие носителями языка *вау* идет, с одной стороны, по линии дискредитации автохтонного языка, на что указывал А. Д. Васильев [Васильев 2003: 18], с другой – в направлении упрочения аллолингвофилии, т.е. терпимости к чужому в языке.

Анализ полученных данных позволяет прийти к выводам, относящимся непосредственно к семиозису междометия *вау*, и к выводам общетеоретического характера. К первым следует отнести:

- преобладающий способ интродукции *вау* через рекламный и развлекательный теледискурс обусловил характер индуктивных выводов о релевантных для осваиваемого знака эмоциональных ощущениях. В сознании носителей русского языка основной эмоцией, передаваемой *вау,* становится чувство восхищения и восторга. Использование *вау* в этой функции в большей степени присуще подростковой группе и молодежи, в то время как в старшей возрастной группе преобладает употребление с целью выражения удивления;

- зафиксированный в результате сопоставления результатов первого и второго анкетирования рост числа употребляющих *вау* во всех возрастных и гендерных группах, как и рост позитивного отношения к нему, свидетельствуют об укреплении позиций американского междометия в инвентаре первичных эмотивных междометий носителей русского языка.

Анализ ответов на вопросы анкеты позволяет также описать когнитивные операции, задействованные в процессе семиозиса интеръективного знака (в отличие от знака дескриптивного).

К таким операциям следует отнести: 1) полимодальное (сенсорное и визуальное) восприятие различных типовых сценариев, демонстрирующих функции его употребления, вместе с просодикой и кинестетикой знака; 2) активизация механизма эмоционально-смысловой оценки знака (его фонетико-просодических свойств, зачастую идеологически мотивированная); 3) когнитивная обработка воспринимаемой информации с целью формирования индуктивных заключений: – о характере выражаемых с их помощью эмоций; – о релевантных для данного знака типовых ситуациях; – о типологических свойствах каузаторов; 4) взаимодействие выявленной ситуативно-эмоциональной области реализации знака с обобщенным опытом народа и с текущей моделью мира; 5) встраивание в «имя знака» (репрезентамена) соответствующего эмоционального рефлекса (в случае успешного протекания предыдущей фазы освоения знака).

Финальная интерпретанта заимствуемого интеръективного знака может быть описана по формуле: знаковое средство *x* имеет ограниченный ряд типовых ситуаций (каузаторов) *a, в, с …,* обладающих определенными свойствами, вызывающими у воспринимающего субъекта определенное эмоциональное состояние Y, выражаемое непосредственно в момент его произнесения. Финальная (достигнутая на данном этапе) интерпретанта знака является равнодействующей различных семиотических объектов – перцепции, знания, культуры и идеологии, в значительной степени детерминированных социолингвистиче-

скими параметрами (возрастная, социальная и гендерная принадлежность индивидуума).

Выводы

Вопрос об особенностях семиозиса заимствованных из других языков знаков никогда ранее не выделялся в качестве самостоятельного объекта исследования. Проведение двукратного анкетирования носителей современного русского языка позволяет принять во внимание активную роль коллектива – интерпретатора в процессе усвоения заимствований. Эмпирический подход к изучению динамики функционирования глоттогенетически чуждого знака в принимающей лингвокультурной среде приводит к выводу о реверсивном характере его семиозиса: если в основе процесса знакообразования в рамках развития собственного языка лежит вычленение некоего элемента внеязыковой действительности и наделение его именем знака, то в ситуации заимствования семиозис начинается с «функционального бытия» имени знака, формирующего свой новый опыт в условиях семиотической и лингвокультурологической среды языка-реципиента.

Внедрение заимствуемого знака в систему принимающего языка начинается с приобретения интерпретатором «опыта знака», представляющего практическую базу для определения интерпретатором области его десигнации. Функционирование заимствуемого слова в речи обусловливает нацеленность интерпретатора на обнаружение объективируемого знаком смысла, который всегда индивидуален и субъективен, что отражается как на осмыслении, так и на аксиологизации заимствуемого знака.

Предлагаемая и верифицируемая в работе процедура эмпирического исследования семиозиса заимствуемого знака имеет форму двухкратного (n-кратного), отсроченного по времени анкетирования носителей принимающего языка. Объектом изучения являются качественные и количественные когнитивно-семиотические характеристики: уровень активного и пассивного усвое-

ния пользователем знака, внутреннее содержание знака, аксиология (субъективная оценка) знака, сопоставительные характеристики с потенциально близкими знаками родного языка.

Если словари фиксируют факт семиологизации заимствуемого знака – сформировавшийся семантический инвариант слова, то выявляемые в ходе анкетирования различные способы интерпретации, смысловые приращения, эмоциональные оценки и идеологические коннотации, позволяют наблюдать процесс деятельностного участия интерпретатора в акте семиозиса в непосредственной динамике формирования интерпретанты заимствуемого знака.

Различные семиотические типы заимствований детерминируют дифференцированные способы их интродукции: использование моносемиотических (вербальных) средств в ситуации заимствования обладающего логико-понятийным содержанием дескриптивного знака, и семиотически гетерогенных (поликодовых) средств – в случае заимствования интеръективного знака.

Дифференцированные способы интродукции двух типов знаков приводят в действие различные механизмы акта семиозиса. Семиозис заимствуемого дескриптивного знака осуществляется в направлении – от имени знака – к конструированию его гносеологического образа в результате выполнения когнитивных операций, нацеленных на идентификацию, иерархизацию и интеграцию дефиниционных признаков десигната. Семиозис интеръективного знака осуществляется в направлении – от перцепции стереотипных ситуаций – к индуктивным заключениям о характере объективируемой знаком эмоциональных состояний и релевантной для них области каузации.

Финальная интерпретанта дескриптивного знака представляет собой встраиваемый интепретатором гносеологический образ, финальная интерпретанта интеръективного знака – встраиваемый эмоциональный рефлекс, активизируемый определенным набором типовых ситуаций.

Фиксируемая на момент анкетирования интерпретанта обоих типов знаков представляет собой сложный семиотический конструкт, в котором полученный характер знакового отношения опосредуется когнитивной моделью при-

нимающего языка со свойственной ему картиной мира, входящей в столкновение и сопряжение с когнитивной моделью языка-донора. Результатом данной конфронтации является эмоционально-ценностная рефлексия интерпретирующего коллектива в рамках дихотомии «свое – чужое».

Семиозис дескриптивного знака завершается его аксиологизацией. Объектом рациональной оценки становятся онтологические свойства, оцениваемые на базе сопоставительной рефлексии со сходными концептами в русском языке, а также с учетом субъективного индивидуального опыта. Сам репрезентамен (имя знака) в данном случае объектом оценки не является, что объясняется его фонетико-морфологической адаптированностью к системе принимающего языка.

В случае заимствования интеръективного знака семиозис начинается с его эмоциональной оценки, которой подвергается, в первую очередь, сам репрезентамен. Характер его восприятия определяется взаимодействием субъективных и рациональных составляющих, среди которых выделяются безрефлексивная, эмоциональная реакция на фонетико-просодическую «инаковость» знака, с одной стороны, и ксенофобная или ксенофильная позиция индивидуума по отношению к стране-донору импортируемого знака, с другой. С течением семиозиса прослеживается тенденция к деидиосинкратизации заимствуемого знака, в силу формирования конвенций его употребления.

ГЛАВА 4. КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

4.1. Заимствованные первичные англо-американские междометия в современном русском языке

4.1.1. Заимствованное англо-американское междометие *вау*

Первичное англо-американское междометие *вау*, вошедшее с начала 90-х годов практически во все языки европейских стран, стало лингвистическим феноменом, вызвавшим огромный общественный резонанс. Примечательно, что ни одно знаменательное слово, транслирующее этноспецифичные американские лингвоконцепты, – ни *вызовы* или *дорожная карта*, ни *креативность* или *эмпатийность*, – не сопровождалось таким мощным сопротивлением принимающей лингвокультурной среды и столь бурной и неоднозначной публичной дискуссией, как англо-американское междометие *вау*.

Некоторые причины резкого общественного неприятия американского интеръектива лежат на поверхности. К ним, в первую очередь, следует отнести беспрецедентность процесса заимствования глоттогенетически и культурно чуждых первообразных междометий. Все вошедшие ранее в русский язык иноязычные интеръективы принадлежали к группе этикетных или побудительных единиц. Их заимствование было мотивировано узкопрофессиональными (*майна, вира* и др.) или культурными коллективными потребностями (*бис, браво, алло* и др.) и не требовало усвоения и интериоризации новых конвенций эмоционально-когнитивного восприятия и реагирования [Шкапенко 2017б].

Как известно, первичные междометия усваиваются на ранних стадиях онтогенеза, передаются из поколения в поколение и формируют замкнутую, культуроспецифичную и самодостаточную группу. Сам факт позднего «внед-

рения» новых эмоциональных рефлексов в речевые конвенции уже сформировавшейся языковой личности можно интерпретировать как определенное свидетельство антропологического регресса[14].

О закрытости и этнокультурной специфичности интеръективных языковых фондов писали в работах многие российские [Левицкий 1998, Воронин 2006, Дорофеева 2002; Крысин 2002, Красавский 2001 и др.] и зарубежные лингвисты [Goddard 1998; Rosten 1968; Вежбицкая 1999 и др.]. А.Э. Левицкий характеризовал междометия как «элементы национального менталитета» [Левицкий 1998: 279]. Как идиомы – хранители «свернутой, национально-маркированной информации» описывала интеръективы Н.Ф. Дорофеева [Дорофеева 2002]. Л.П. Крысин подчеркивал культурную маркированность и закрытость интеръективной группы как «наиболее специфичной и консервативной части каждого национального языка» [Крысин 2002: 30]. На «закрытость» списка первичных эмотивных междометий указывал в своих работах И.А. Шаронов [Шаронов 2004]. Т.В. Белоус отмечала, что элементы, конституирующие прототипическую зону категории междометий, отличаются устойчивостью состава, в то время как непрототипическая зона является открытой для вхождения новых элементов [Белоус 2006: 5].

В течение многих столетий русский языковый коллектив довольствовался теми конвенциональными средствами эмоционального выражения, которые входили в состав общенационального интеръективного фонда. Внезапный прорыв в ранее закрытую группу англо-американских первичных междометий не мог не вызвать бурной эмоциональной реакции. Острота этой реакции по отношению к *вау* была связана также с высокой степенью его идиосинкразийности фонологической системе русского языка. Примечательно, что фонетическая атипичность вызвала диаметрально противоположные реакции носителей языка, – для значительной части коллектива-реципиента американский интеръектив ассоциировался с максимальным проявлением глупости, в то время

[14] Весьма симптоматичным в данной связи представляется название статьи И.А. Шаронова «Назад, к междометиям» [Шаронов 2004].

как другими носителями русского языка воспринимался как в высокой степени иконичный знак, наилучшим образом подходящий для выражения сильных, радостных эмоций.

Междометие *вау* имеет самую обширную среди всех английских интеръективов лингвистическую теоретическую базу. С одной стороны, оно стало своего рода эталоном или образцом, используемым в процессе анализа первообразных эмотивных междометий в работах американских и европейских лингвистов. С другой стороны, активное вхождение *вау* в речевые практики носителей европейских языков привело к появлению статей, авторы которых пытаются осмыслить феномен заимствования интеръектива польским, болгарским, чешским, словацким, македонским языками (Walczak 1987, Bańko 2008, Златев 2008, Трендевска 2016 и др.). В большинстве из них констатируется, что, несмотря на все попытки влиятельных публичных деятелей и известных лингвистов «заклеймить» *вау* как глоттогенетически и культурно чуждый возглас, объяснить асболютную немотивированность его заимствования и призвать к «патриотическому» использованию автохтонных междометий, американский интеръектив во всех реципирующих языках расширил сферы своего употребления. Данный факт заставляет лингвистов более серьезно отнестись к изучению причин около тридцатилетнего пребывания *wow* в различных дискурсивных сферах [Bańko 2008]

Получение объективного, научно достоверного ответа на вопрос о причинах переноса междометия *вау* в плоскость речевой интеракции в современном русском языке и о выполняемых им интеракционально-прагматических функциях требует интеграции эмпирического анализа процесса семиозиса и анализа аутентичных ситуаций функционирования заимствуемого междометия в различных речевых практиках с привлечением широкого лингвокультурного фона. Интегрированный подход включает в себя изучение теоретической литературы, посвященной рассмотрению различных аспектов англо-американского интеръектива; анализ словарных дефиниций междометий *wow- вау;* сопоставительный анализ *wow* с его ближайшими интеръективными эквивалентами в

современном русском языке; анализ функционирования *вау* в различных речевых практиках носителей современного русского языка. Результатом выполнения данных исследовательских процедур является разработка сопоставительной фреймовой структуры *wow* в языке-доноре и *вау* в языке-реципиенте, позволяющая выявить и описать характер интеракционально-прагматических функций, выполняемых заимствованием в принимающем языке.

4.1.1.1. Междометие *wow* как объект изучения в зарубежной и российской лингвистике

Большинство словарей английского языка характеризует *wow* как междометие или восклицание (exclamation), предназначенное для выражения сильных чувств, таких как удовольствие или удивление. «Wow - used to express strong feeling (such as pleasure or surprise)» [MW]. Кембриджский словарь относит *wow* к восклицаниям и в качестве передаваемых с его помощью эмоций указывает также «удивление или иногда удовольствие»: «used to show surprise and sometimes pleasure [CD]. Оксфордский словарь английского языка определяет *wow* как восклицание, используемое для выражения изумления или восхищения: *«Wow:* Expressing astonishment or admiration: *«Wow!» he cried enthusiastically*» [OED]. Указание на интенсивность выражаемых с помощью междометия чувств присутствует в OALD, в котором *wow* описывается как восклицание, выражающее огромное удивление или восхищение: «*wow* – exclamation used to express great surprise or admiration: *Wow! You look terrific!»* [OALD]. Словарь Лонгмана обращает внимание на характер самого стимула, вызывающего возглас *wow*, который должен оказывать сильное эмоциональное воздействие на произносящего: «Wow, informal, used when you think something is very impressive or surprising» [LDCEO]. Словарь английских интеръективов указывает на состояние человека, произносящего *wow* как «впечатленного, изумленного»: «*Wow!* Impressed, astonished: *Wow, that's incredible!* [DoI].

Этимологический он-лайн словарь указывает на «естественность» выражаемого чувства и «переполненность индивида чувством восторга или изумления», датируя его первое зафиксированное употребление началом шестнадцатого столетия: «1510s, Scottish, a natural expression of amazement. This old interjection had a new popularity in the early 1900s and again during the 1960s and later"; ….overwhelm with delight or amazement» [OED].

Вики-источники добавляют к уже описанным эмоциям указание на состояние радостного возбуждения (excitement) и даже благоговейного трепета (awe): «*Wow* 1) an indication of excitement or surprise; 2) an expression of amazement or awe. Здесь же отмечается возможность саркастического употребления *wow*: 3) Used sarcastically to express disapproval of something [Wikti]. Заслуживают внимания также описание спектра выражаемых с помощью *wow* чувств, сделанное Т. Тайеби и В. Парвареш на основе анализа функционирования междометия в повседневной коммуникации носителей английского языка. По их наблюдениям, к базовым эмоциональным состояниям – удовольствию и удивлению – следует добавить также «восторг, негодование, отвращение и изумление» (delight, outrage, disgust and wonder) [Tayebi, Parvaresh 2011: 60]. Случаи подобного употребления иллюстрируются с помощью следующих примеров:

Wow! You’re here!

Wow! That’s outrageous!

Wow! That’s disgusting!

Wow! This gift is beautiful! [Там же].

Таким образом, на основе анализа словарных дефиниций можно прийти к выводу, что основными, выражаемыми с помощью *wow* эмоциональными состояниями являются в английском языке удовольствие (pleasure) и удивление (surprise). Кроме того, словари обращают внимание на высокую интенсивность испытываемых чувств (strong feelings, great surprise), а также перечисляют другие, передаваемые с его помощью положительные эмоции, такие, как восхищение, восторг, изумление, радостное возбуждение, трепет, благоговение.

Случаи употребления *wow* как средства объективации негативных эмоциональных ощущений, словарями не регистрируются.

Практически все словари фиксируют употребление *wow* как существительного и глагола. Значение глагола *wow* описывается словарями как «производить на кого-либо сильное впечатление, или приводить кого-либо в состояние возбуждения» – «impress and excite (someone) greatly» [OD], или «to excite to enthusiastic admiration or approval» (приводить в состояние восхищения или восторженного одобрения) [MW]. В качестве субстантивов *wow* приобретает значения «очень успешный и привлекательный человек или вещь» (a person or thing that is very successful, attractive or pleasant) [DC] и «сенсационный» или «ошеломительный» успех: «sensational success» [OD], «striking success – hit» [MW].

В работах исследователей, критикующих способ представления междометия на основании имени выражаемых ими эмоций, предлагаются различные сценарные или фреймовые структуры описания данного междометия. Большинство из них основывается на предложенной А. Вежбицкой схеме:

"Wow!"

I now know something

I wouldn't have thought I would know it

I think this is very good

(I wouldn't have thought it could be like that)

I feel something because of that.

Я сейчас нечто знаю

Я бы не подумал, что буду знать это

Я думаю: это очень хорошо

(я бы не подумал, что так может быть)

Из-за этого я нечто чувствую [Вежбицкая 1999: 614].

Ф. Амека вносит незначительные коррективы в этот сценарий, подчеркивая акциональность стимула, вызывающего *wow*-реакцию, указывая, что произошло что-то и что человек не думал, что такое может произойти:

«Wow!»

I now know something has happened

I wouldn’t have thought it would have happened

I think this is very good

I feel something good because of that

I say this: [wow] because I want people to know this [Ameka 1992: 109].

В сценарии Вежбицкой стимул трактуется более широко – и как объект, и как событие, вызывающие значительное когнитивное рассогласование между уже имеющимся знанием и только что полученным элементом опыта. Кроме того, последний компонент схемы Ф. Амеки содержит указание на наличие адресата, что исключает ситуации безадресного употребления интеръектива.

Д. Уилкинс предлагает усовершенствованный сценарий *wow*, в котором указывает на способность интеръектива выражать не только позитивное, но и нейтральное или негативное удивление. Так, «если человек восклицает «Wow!», услышав новость о том, что 150 крыс были обнаружены в туалетной водосточной трубе дома, сложно себе представить, что этот факт способен произвести в нем «очень хорошее чувство». Эта информация «впечатляет», но отнюдь не в положительном смысле», – справедливо указывает автор [Wilkins 1992: 150].

Этот же ученый приводит пример употребления *wow* с целью выражения нейтрального удивления:

A. My mother and sisters still live in Australia (Моя мама и сестры до сих пор живут в Австралии).

B. Wow! It must be really hard living so far away from your family. (Вау! Это, вероятно, весьма тяжело жить так далеко от своей семьи [Там же].

В отличие от Уилкинса, К. Годдард считает присутствие позитивных эмоциональных ощущений обязательным для междометия *wow,* включая в сценарий компонент «I feel something very good because of this». Лингвист также добавляет к схеме свой собственный, заключительный компонент: «I feel like some one can feel when this someone sees something very big» («Я чувствую сей-

час то, что чувствует кто-то, кто увидел что-то очень большое»). Включение данного элемента автор мотивирует тем, что он способен моделировать качество «впечатления» посредством указания на визуальный прототип [Goddard 2014: 17].

Годдард делает также интересное наблюдение о необходимости различать «сиюминутное» употребление междометий как эмоциональных реакций на некие стимулы от так называемого «дидактического», дискурсивного или иронического использования. Под дидактическим автор понимает употребление интеръективов с целью формирования определенной реакции, например, в том случае, когда родитель обращается к ребенку: *Yuck! What a mess! (Фу! Какой беспорядок!),* стремясь привить надлежащее отношение к вопросам соблюдения чистоты и порядка. В качестве дискурсивного употребления лингвист приводит примеры, в которых междометия произносятся не как объективируемая эмоциональная реакция на некий сенсорный стимул, а как ответная реакция на различные высказывания. Например, *Sex with DSK? – Yuck!* В данном случае Годдард близок к идее Т. Уортона о необходимости разграничения интеръективных реакций на вербальные пропозиции и на некий ситуативный сигнал или объект [Wharton 2003: 193].

Так, Б. Крык-Катовски изучает интеръектив *wow* с точки зрения его фонопросодических характеристик, стремясь доказать его иконичность внутреннему переживанию эмоции удивления [Kryk-Kastovsky 1997: 161]. На фонологической гармонии *wow* с выражаемой им эмоциональным состоянием строит свою систему доказательств «жизнеспособности» заимствованного междометия в принимающей лингвокультурной среде польский лингвист М. Банько. В статье под названием «Почему *wow?*» ученый стремится доказать, что основной причиной уже почти тридцатилетнего функционирования американского восклицания в польском языке являются его фонологические «преимущества» по отношению к автохтонным польским интеръективам, выражающим сходные эмоции. Основываясь на данных в области исследований фонетического символизма, М. Банько утверждает, что гласный переднего ряда коррелирует

с названиями предметов или явлений маленьких размеров, в то время как присутствие гласного заднего ряда коррелирует с объектами больших размеров. Лингвист обращает также внимание на длительность произнесения англо-американского *wow,* на нарастание интонационного максимума в середине слога, на более широкое открытие рта и более низкое опущение челюсти при интонировании, что в совокупности обусловливает значительно большую по сравнению с польскими междометиями фонационную экспрессивность возгласа, давая возможность для выхода более интенсивных эмоций [Bańko 2008].

Особенности усвоения различных эмотивных междометий, в том числе *wow,* детьми раннего возраста становятся объектом эмпирического изучения в работе У. Станге [Stange 2016]. В фокусе внимания исследовательницы находятся первичные эмотивные междометия, т.е. «те, которые спонтанным образом обнаруживают то, что чувствует произносящий» [Stange 2016: 2]. К ним автор относит интеръективы, выражающие боль, отвращение и удивление (pain, disgust, surprise). Анализ осуществляется с трех различных перспектив: детской речи; речи, адресованной взрослым; и речи, адресованной детям (child speech, child-directed speech, adult-directed speech [Там же].

В качестве источника эмпирического материала используются два корпуса: Manchester corpus, содержащий базу данных для изучения детской и адресованной детям речи, и BNC – субкорпус для исследования речи, адресованной взрослым. В результате ученый приходит к следующим выводам: для детской речи нехарактерно использование *wow* с целью выражения нейтрального или негативного удивления (одно высказывание из пяти). Намного чаще дети употребляют *wow* с целью выражения позитивного удивления средней интенсивности (34% всех случае употребления) и позитивного удивления высокой степени интенсивности (28 %).

Результаты наблюдения, в целом, совпадают с данными, относящимися к употреблению *wow* взрослыми в адресованной к детям речи. Отличительным контекстом употребления междометия является его использование в функции «похвалы/восхищения» (praise/admiration) – 19 % от общего числа высказыва-

ний. Данная функция также была зафиксирована в интеракциях между самими взрослыми, однако на этом уровне общения ее частотность значительно меньше. Кроме выражения похвалы/восхищения, *wow* также использовалось в речи взрослых в речевых актах эмпатии и комплиментов.

Анализ корпусных данных позволил Станге прийти к выводу о том, что самыми частотными интеръективами в речи детей являются *whoops, ow, ouch,* в то время как *wow, yuck, ugh* используются значительно реже, что, по признанию исследователя, стало неожиданным результатом.

О важной роли, которую междометия играют в процессе ранней эмоциональной социализации, писал в своих работах также К. Годдард, указывая, что интеръективы наилучшим образом подходят для целей интеракции с очень маленькими детьми [Goddard 2014: 19]. Ученый подчеркивал, что такие междометия, как *yuck, oops* или *ouch,* играют, по всей видимости, более важную роль в процессе формирования представлений об эмоциональных категориях, нежели сами лексемы, денотирующие соответствующие эмоциональные состояния: отвращение, удивление или боль [Там же: 19-20].

Анализ работ различных зарубежных лингвистов позволяет прийти к следующим выводам:

- лингвистическая экспликация междометия *wow* в данных работах получает форму сценариев, представленных на языке семантических примитивов;

- в качестве каузаторов *wow* выделяются событие (Ф. Амека), объект или событие (А. Вежбицкая, К. Годдард). Отдельные авторы указывают на необходимость разграничивать пропозициональную каузацию (высказывание), приводящую к возникновению эмоции, и объектную каузацию, приводящую к возникновению эмоциональных ощущений;

- междометие *wow* может передавать нейтральное, позитивное и негативное удивление, а также употребляться в саркастическом смысле;

- фонационные особенности *wow* рассматриваются отдельными лингвистами как иконичные эмоции удивления и приспособленные к целям выражения интенсивного состояния удивления;

- для употребления *wow,* кроме выражения состояния удивления или восхищения, характерно наличие других иллокутивных целей (похвала, комплимент, эмпатия);

- употребление *wow* в дидактических целях способствует эмоциональной социализации ребенка, закладывая первые основы аксиологизации мира на уровне условных рефлексов. Знакомству с именем эмоции предшествует деятельностное ее познание посредством усвоения соответствующего междометия на ранних этапах онтогенеза.

Вышеприведенные параметры могут быть представлены в виде следующей таблицы, отражающей различные компоненты фреймовой структуры *wow*:

Таблица 8. Фреймовая структура междометия *wow* (на основе словарных дефиниций и лингвистических работ зарубежных исследователей)

Тип стимула	Вербальный/Невербальный (объектно-событийный)
Характер каузации	Различная степень превышения объектом импрессии известных индивиду привычных параметров: от необычности до невероятности.
Основные выражаемые эмоции	Удивление (нейтральное/позитивное/негативное); ироническое (саркастическое) употребление. Восторг, восхищение, изумление, радостное возбуждение, трепет, благоговение.
Эмоции/эмоциональные ощущения	Эмоции как реакция на пропозицию; Эмоциональные ощущения как реакция на невербальный объект.
Градуирование (интенсивность) эмоции	Слабое, нейтральное, сильное, очень сильное, неконтролируемое.
Длительность	От краткого до длительного.
Типы речевых актов, в которых используется *wow*	Экспрессивы, речевые акты похвалы, комплимента, эмпатии.

В отличие от зарубежной лингвистики, в которой междометие *wow* является одним из наиболее изученных, в работах российских лингвистов заимствованный англо-американский интеръектив чаще всего рассматривается как маргинальное явление, не заслуживающее серьезного научного анализа. Более того, несмотря на почти тридцатилетний срок функционирования *вау* в различ-

ных речевых практиках носителей современного русского языка, оно до сих пор не регистрируется лексикографическими справочниками.

На настоящий момент только «Синтаксический фразеологический словарь русского языка» включает *вау* в состав релятивов:

«*Вау!* – разг. 1. Выражение удивления, изумления, недоумения. 2. Выражение удивления, изумления, недоумения, радости, восхищения, одобрения. 3. ирон. Выражение удивления, изумления, недоумения, неодобрения, порицания [СФСРЯ].

Примечательно, что Л.П. Крысин указывает, что преднамеренно не включил *вау* в изданный в 2002 году «Толковый словарь иноязычных слов». Отвечая на замечание рецензента об отсутствии в словаре «таких частотных в современном речевом обиходе междометий, как *вау, бла-бла-бла, упс, или шит»* [Зеленин 2002: 139], Л. П. Крысин поясняет, что вышеперечисленные англо-американские интеръективы не были включены им, поскольку представляют собой скоротечное явление. В более поздней работе ученый приводит в качестве доказательства прогноза краткосрочной перспективы их функционирования в русском языке тот факт, что состав междометий и другой «коммуникативной мелочи» относится к наиболее консервативным сегментам лексики [Крысин 2008: 42].

Отсутствие дефиниций междометия *вау* в толковых словарях русского языка отчасти компенсируется его толкованиями в различных Интернет-ресурсах справочного характера.

Согласно Википедии, «*вау* (англ. wow) – англо-американское междометие, употребляемое при радости, удивлении (вроде русского «ух ты!)» (Вики). Словарь молодежного сленга он-лайн определяет *вау* как «междометие, возглас выражения удивления, восторга, других положительных эмоций, чаще положительных, реже – отрицательных». В качестве примеров приводятся следующие фразы: - *Вау, какие длинные ножки! – Современный молодой человек вместо русского «ах!» произносит иностранное «вау!»* - *Вау, классные фотки!* - *«Вау!» – слышала я со всех сторон, вернувшись в редакцию.* - *Вау!*

аппетитно! - Лучше один раз сходить в кино, чем тысячу раз слышать восторженное «вау-вау-вау» друзей и знакомых. - Воу! • Воу-воу, дети, полегче!» [СМС1].

Портал «Что это такое» приводит следующие комментарии к *вау*: «*Вау* – это междометие, выражающее крайнюю степень удивления, радости или других, как правило, положительных эмоций. Ударение на «а»: вАААу!. Английское междометие *Wow!* можно перевести как традиционное русское «Ух ты!». Ингода, наряду с *вау*, встречаются варианты написания *увау* или *воу*. Словечко пришло в русский язык сравнительно недавно, примерно в середине «нулевых» (ЧэТ).

Блог одного из копирайтеров пытается донести до пользователей различную информацию о происхождении *вау*, а также предлагает 240 синонимов этого слова на русском языке. Автор блога отмечает возрастную и социальную дифференциацию функционирования американизма: «Современные дети совершенно спокойно употребляют в разговорной речи слово *wow*. Да что там дети, даже продвинутые взрослые, которые выросли на американских фильмах и мультфильмах любят высказать свое *wow* вместо «Ух ты»! Но более старшее поколение «советской закалки» не понимает, что означает «вау» и почему это слово так часто употребляет молодежь?» (ДкК).

Отмечаемый копирайтером возрастной «разрыв» в употреблении интеръектива находит свое отражение лингвистическом дискурсе, в рамках которого заимствование получает эмоционально окрашенные характеристики, рассматриваясь исключительно как факт «засорения» языка и свидетельство падения общего уровня культуры речи. Осознавая прототипичность первичных эмотивных междометий и их усвоение на ранних стадиях онтогенеза, М. Кронгауз абсолютно справедливо недоумевает, каким образом можно выражать естественные чувства, в том числе неподдельный восторг, только что «заимствованным и потому неестественным словом» [Кронгауз 2008: 24]. Ученый также говорит о том, что особое отторжение восклицание *вау* вызывает у людей постарше» [Там же].

Не менее эмоциональными представляются рассуждения об англо-американских интеръективизмах Л.П. Крысина. Ученый указывает на различную степень толерантности общества по отношению к языковым новшествам, однако, по его мнению, существуют такие заимствования, которые вызывают резко отрицательную реакцию практически у абсолютного большинства носителей современного русского языка. К таким элементам, получившим широкое распространение в речи, лингвист относит англоязычные междометия *вау, упс* или *опс* [Крысин 2008: 42].

Л.П. Крысин пытается обосновать «всеобщность» негативной оценки употребления в русской речи иноязычных междометий с лингвистической точки зрения. «Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускают в свой круг «чужаков». Одно из редких исключений – заимствование русским языком междометия *алло*, которое представляет собой фонетическое видоизменение английского *hallo*. В его заимствовании была определенная коммуникативная необходимость, поскольку оно пришло к нам вместе с самим новым видом связи – телефоном. По-видимому, сходные причины объясняют заимствование «театральных» междометий *бис* и *браво*: они вошли в русский язык в составе театральной лексики и терминологии. Если таких причин нет, то иноязычные междометия, по-видимому, не имеют шансов закрепиться в общем употреблении» [Там же].

Возмущение М. Кронгауза и Л.П. Крысина фактом нарушения американскими междометиями незыблемых границ заимствований представляется абсолютно оправданным. До начала периода глобализации с доминирующей ролью в ней английского языка невозможно было себе представить, что передаваемые из поколения в поколение конвенциональные формы выражения эмоций могут усваиваться не в процессе формирования первоначальных языковых навыков, а заимствоваться из репертуара другого этносоциума и усваиваться в позднем возрасте. Тем не менее, прогноз о скоротечности данной речевой при-

вычки, ссылающийся на традиционную консервативность этнонациональных интеръективных фондов, вряд ли можно признать в достаточной степени обоснованным. Сегодня мы стоим уже перед свершившимся фактом: герметичность состава первообразных междометий нарушена, «чужаки» уже проникли в ранее недоступную сферу и их почти тридцатилетнее присутствие в языке не позволяет считать их «однодневками» и игнорировать их в лингвистических исследованиях.

Более взвешенным на всеобщем фоне «лингвокультурных» протестов представляется мнение Н.Ф. Тораб, указывающей, что «в русский разговорный язык, особенно с внедрением Интернета, стали быстро проникать заимствованные из иностранных языков междометия типа «вау», «упс», «йее», «гоу» и др. С этим явлением приходится считаться, поскольку эти восклицания уже звучат с экранов телевизоров и используются в современных литературных опусах» [Тораб 2011: 103].

Тем не менее, работы, посвященные научному анализу *вау* как одного из самых «заметных» междометных заимствований, в российской лингвистике практически отсутствуют. Краткие упоминания и характеристики данного американизма находим лишь в единичных статьях. Так, Е. А. Земская, характеризуя жаргонизмы, появившиеся на рубеже XX – XXI столетий, описывает *вау* как высокоактивное, имеющее широкую семантику заимствование, употребляемое преимущественно в местах массовых развлечений. «Выражает восторг, восхищение. Вау! Обычно кричат в толпе, на стадионе, в кино: Вау – взвыла толпа!» [Земская 2006: 245]. З. К. Сабитова указывает, что «междометие *вау* означает крайнюю степень одобрения, восторга, поддержки, и произносится в «экстраординарных», по мнению говорящих, ситуациях: «Вау! Это сумка Birkin?!»; «Я сделал это! – Вау! Отлично» [Сабитова 2013: 480].

Г.Я. Солганик относит *вау* к прямым заимствованиям, приводя следующий комментарий: «Это слово из американского сленга, означающее «нечто из ряда вон выходящее», а также «огромный успех», перешло в английском в разряд междометий для выражения удивления, восхищения, восторга и т.п.» [Со-

лганик 2013: 171]. Лингвист описывает *вау* как «концентрированный речевой неологизм», указывая, что, «хотя *вау* в морфологическом плане является междометием, но оно обозначает комплекс чувств, лексическое выражение которых потребовало по крайней мере нескольких слов» [Там же]. Следует заметить, что ученым указано неверное направление конверсии, напротив, прототипичный интеръектив *wow* перешел в английском языке в разряд существительного и глагола. Описываемая Г.Я. Солгаником многозначность «речевого неологизма» является типологическим свойством зачительного количества эмотивных междометий.

Данные, почерпнутые нами из вышеуказанных словарных дефиниций и высказываний российских лингвистов, поволяют составить первончальное представление об основных параметрах интеръектива *вау*:

Таблица 9. Фреймовая структура междометия *вау* (на основе словарных дефиниций и высказываний российских лингвистов)

Тип стимула	- экстраординарные» ситуации (Сабитова) - массовые формы проявления восторга (Земская)
Характер каузации	Не описан
Основные выражаемые эмоции	Радость, удивление, восторг, восхищение, крайняя степень одобрения, восторга, поддержки.
Эмоции/эмоциональные ощущения	Эмоции как реакция на пропозицию; Эмоциональные ощущения как реакция на невербальный объект
Градуирование (интенсивность) эмоции	Сильная
Длительность	Длительное
Типы речевых актов, в которых используется *вау*	Не указано

Подводя итог рассмотрению крайне скупого представления *вау* в статьях российских лингвистов, следует заметить, что сам уникальный факт прорыва американских междометий в чуждую культурно-языковую среду вызывает необходимость изучения причин данного беспрецедентного явления, способа интродукции интеръективных единиц в принимающую лингвокультурную среду, динамики протекания семиозиса и характера выполняемых заимство-

ванными междометиями функций. Понимание междометий как интеракционально-прагматических знаков, конвенционализирующих «естественные» для каждого этноса эмоционально-когнитивные реакции, заставляет предположить, что так называемая «коммуникативная мелочь» на самом деле выполняет чрезвычайно важные функции в языковом сознании принимающего коллектива, вторгаясь в его психоэмоциональный аппарат и внося изменения в эмоционально-оценочную и культурно-поведенческую матрицу.

4.1.1.2. Удивление как этномаркированный эмоциональный концепт

Отвечая на принципиальный вопрос о причинах нарушения герметичности интеръективного фонда и его пополнения генетически чуждыми эмоциональными восклицаниями, можно выдвинуть предположение о тех факторах, которые обусловливают заимствование англо-американских междометий. К ним могут быть отнесены «отсутствие в нашем национальном укладе жизни аналогичных симптоматичных ситуаций, наличие определенной лакуны в эмоционально-когнитивной сфере языкового коллектива и, наконец, вхождение конкурентных аналогов исконно русских междометий» [Шкапенко 2015: 492].

Что касается интеръектива *вау*, влияние первого фактора можно сразу исключить. Вполне очевидно, что в рамках существования любого общества с неизбежностью возникают ситуации, в которых прецедентное знание входит в противоречие с актуальным. Наблюдаемое в них нарушение вероятностного прогноза становится основой для возникновения эмоции, получившей название «удивление». Факт лингвистической объективации данного состояния в русском языке свидетельствует об отсутствии некоей «вероятной» эмоционально-когнитивной лакуны. Более сложным представляется вопрос о структуре эмоции, выражаемой заимствованным англо-американским междометием, и ее соотношении с состоянием удивления, объективируемым в автохтонных русских междометиях удивления.

В рамках философии и психологии эмоции рассматриваются, в основном, как общечеловеческие универсалии (Платон, Аристотель, Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, А. Шопенгауэр, К. Изард, Н.А. Красавский, А.Н. Лук и др.). В то же время работы в области когнитивной лингвистики ставят под сомнение тезис об абсолютной универсальности человеческих эмоций. Так, А. Вежбицкая на основе сопоставительного анализа междометий со значением «отвращения» в различных языках убедительно доказывает, что недостаточно вести речь о различных лингвоспецифичных реализациях одной и той же эмоции. Под различными способами вербализации зачастую скрываются этнокультурно маркированные формы самой выражаемой эмоции [Вежбицкая 1999: 621 - 624].

В исследованиях эмоции «удивления» присутствуют различные мнения о характере данного состояния и степени его универсальности. В различных психологических, философских, лингвистических и собственно эмотиологических теориях удивление характеризуется как родовая характеристика homo sapiens, представляющая собой одну из фундаментальных человеческих эмоций. По мнению Н.В. Дорофеевой, универсальность данной эмоции обусловлена филогенетическими и онтогенетическими особенностями: в окружающей человека действительности всегда встречаются ситуации или объекты, которые не входят в его пресуппозицию (предварительные или фоновые знания), приводящие к нарушениям в вероятностном прогнозе [Дорофеева 2002].

В психологической энциклопедии удивление характеризуется как «кратковременная, быстро проходящая реакция на внезапное, неожиданное событие», как одна из наиболее легко распознаваемых и универсальных эмоций [ПЭ 2003: 933]. При этом подчеркивается, что удивление может варьировать от сравнительно рефлекторной до высокой степени когнитивной реакции. Американский психолог К. Изард характеризовал удивление как не имеющую четко выраженного положительного или отрицательного знака эмоциональную реакцию на внезапно возникшие обстоятельства. По его убеждению, удивление тормозит все предыдущие эмоции, направляя внимание на объект, его вызвавший, но может переходить в интерес [Изард 1980: 52 -71].

Ю.Д. Апресян рассматривает эмоциональную систему как одну из самых сложных систем человека, поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие все остальные системы человека: восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (мимика и моторика) [Апресян 1995: 53]. Ученый предлагает разделять эмоции на первичные, свойственные как человеку, так и животным, и окультуренные, присущие только homo sapiens. Удивление в ряду с другими эмоциями (надежда, отчаяние, возмущение, восхищение) лингвист причисляет к окультуренным переживаниям [Там же]. «Окультуренность» связывается с наличием интеллектуальной оценки некоего предиката, доля которой разнится в различных эмоциях.

Е.А. Михайлова предлагает рассматривать удивление «как одно из эмоциональных состояний, являющееся ответом адресата на определённый стимул – вербальный (высказывания о ситуации, содержание сообщения) и невербальный (сама жизненная ситуация, реалия действительности), не соответствующий его жизненному опыту и представлениям о мире (его наивной картине мира)» [Михайлова 2010: 53]. Е.М. Вольф характеризует удивление в рамках лингвистической теории модальности как содержащее в себе «представления о нормативных связях вещей, отклонениях от них и о формальном ходе событий», а также дополнительную субъективную оценку [Вольф 1988: 127].

Н.Ф. Дорофеева, изучающая концепт «удивление» на материале научного и религиозного дискурса в английском и русском языке, предлагает собственное определение концепта «удивление». По мнению исследователя, «удивление – неопределенное амбивалентное эмоциональное состояние, поддающееся градуации и имеющее короткий период протекания, которое стимулирует процесс познания и может использоваться в качестве средства манипулятивного воздействия» [Дорофеева 2002: 6].

Н.Ф. Дорофеева также указывает на то, что, «являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоция удивления, при всей своей универсальности, проявляет в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окру-

жающей действительности» [Там же]. Выявление этнокультурной специфики концепта удивления в русском и английском языках осуществляется исследователем на основе обобщенного семантического прототипа удивления, в котором в качестве конститутивных выделяются следующие признаки: «а) основополагающая роль в процессе познания; б) наличие различных степеней интенсивности; в) неопределенность и кратковременность; г) склонность человека к положительной оценке удивления при его общем нейтральном характере; д) участие в процессе адаптации нервной системы к новой ситуации; е) возможность использоваться в качестве средства манипулятивного воздействия» [Там же].

К универсальным параметрам состояния удивления лингвист относит характер каузаторов (причина возникновения), способ возникновения, длительность и интенсивность, сочетание с другими чувствами, вербальное / невербальное выражение, физиологические реакции и способы внешней манифестации.

К числу общих для русского и английского языков каузаторов автор относит:

- странность, т.е. несоответствие нормативным представлениям о мире и поведении людей;

- непонятность, выражающуюся в когнитивном диссонансе и неспособности адмирата (субъекта удивления) к осмыслению объекта удивления;

- неожиданность, воспринимаемую адмиратом как нарушение естественного хода вещей и стремительное изменение динамики событий [Там же: 7].

Данные каузаторы приводят к возникновению когнитивного напряжения, вербализуемого в русском языке с помощью ядерных лексем *удивление, изумление*, а также *недоумение, недоверие, смущение*, в английском языке – с помощью лексем *surprise, amazement, astonishment, wonder*, а также различных периферийных средств (фразеологизмы и интеръективы).

Комплексный анализ данных лексических средств в системе языка и в процессе их функционирования в текстах религиозного содержания позволил автору прийти к заключению о несомненной этнокультурной маркированности эмоции удивления. Если для русского языкового сознания характерна связь

удивления со страхом, то для английского более характерной представляется связь с восхищением. В области каузации для носителя русского языка особое значение имеет нарушение причинно-следственных связей, что указывает на активное участие в возникновении удивления когнитивных механизмов, а также наличие большего количества предикатов ожидания, что указывает на особую чувствительность языковой личности к обманутому вероятностному прогнозу. Для английского языкового сознания в области каузации на первое место выдвигается странность, а в неожиданности акцентируется такой аспект, как получение чего-либо сверх ожиданий.

Пытаясь осмыслить результаты исследования через призму каузальной атрибуции, автор приходит к выводу об особенностях национального менталитета. Для представителей русской лингвокультуры характерно пассивное восприятие событий или явлений, вызывающих удивление, с одновременной интенсивностью его переживания. Отношение к удивлению в английской лингвокультуре, по мнению автора, более рационально и воспринимается как стимул к действию в неожиданной ситуации с целью ее изменения в свою пользу [Там же: 14] .

Сделанные Н.Ф. Дорофеевой выводы об этнокультурной специфичности эмоции удивления в русской и английской языковой картине мира не вызывают сомнений, однако можно также предположить, что выявленные лингвистом специфические особенности концепта «удивление» могут быть релевантны, в основном, для той сферы его функционирования, которая находится в фокусе внимания автора (научный и религиозный дискурс). В то же время многие описанные исследователем концептуальные параметры удивления представляются универсальными и выявление их конкретных характеристик, свойственных англо-американскому *wow* в сопоставлении с его «ближайшими» российскими «аналогами», способно высветить их этнокультурную специфичность и определить характер функций, выполняемых заимствованным англо-американским междометием в языковом сознании принимающего коллектива.

Таким образом, анализ сложной фреймовой структуры эмоции удивления должен быть направлен на выявление характера каузальной атрибуции, описание механизма возникновения эмоции (степень участия в возникновении эмоции сенсорной перцепции и когнитивных операций), интенсивности и длительности выражаемого эмоционального состояния, возможного сочетания с другими чувствами, способности выступать в различных типах речевых актах, а также форм внешней манифестации. Полноценные ответы на поставленные вопросы могут быть получены в результате применения интегрированного метода, сочетающего выполненную нами процедуру анкетирования с сопоставительным и контекстуальным анализом.

4.1.1.3. Интеръективные средства выражения удивления в современном русском языке

Результаты проведенного нами эмпирического исследования выявили, что в качестве аналогов междометия *вау* чаще всего носители языка приводят восклицания *Ого! Ух ты! Ничего себе!* Переводные англо-русские словари, кроме варианта прямого заимствования *вау,* чаще всего предлагают перевод с помощью фразеорефлексов *Вот это да!* или *Ничего себе!* А. Вежбицкая указывает на *ах* (*ach)* и *ох (och)* как междометия со значением удивления и восхищения в русском и польском языках, неполноэквивалентные отдельным употреблениям англо-американского *wow.*

Анализируя данные восклицания, ученый подчеркивает, что в отличие от многих других интеръективных средств выражения эмоций, они не являются в полной мере естественными и спонтанными. *Ах* и *ох* описываются Вежбицкой «как «громкие» и риторические, как если бы говорящий пытался сделать общим достоянием свои эмоции и привлечь к ним внимание других людей» [Вежбицкая 1999: 642], что фиксируется в дополнительном компоненте экспликационной схемы: «я хочу, чтобы кто-то узнал об этом» [Там же].

Действительно, многие примеры употребления данных интеръективов в литературных текстах подтверждают свойственную им «театральность». Выражая свой восторг, субъект не столько находится под влиянием объекта импрессии, сколько исходит из знания о некоторых культурных нормах, господствующих в определенном социуме. В первую очередь, он стремится подчеркнуть свою способность к высоким чувствам и переживаниям и тем самым произвести впечатление на адресата. Именно этот компонент обусловил социокультурную и гендерную маркированность междометий *ах* и *ох* – их принадлежность к высокому стилю и преимущественное употребление лицами женского пола. Наблюдающееся в последние десятилетия исчезновение моды на «высокие» чувства привело к резкому уменьшению частотности *ах* и *ох* в речи. Данные междометия не предлагаются в качестве переводных вариантов *wow* словарями и крайне редко указываются как эквивалент американского заимствования участниками анкетирования.

Таким образом, наиболее близкими русскими интеръективными эквивалентами *вау* следует признать восклицания *ого, ух ты, вот это да* и *ничего себе.*

Предлагаемые различными толковыми словарями дефиниции *ого* обнаруживают значительное сходство с толкованиями эмоций, выражаемых *вау*:

«Ого, межд. разг. Употребляется при выражении изумления, удивления [СТСРЯ]. «ОГОи ОГО-ГО[oho, ho], межд. Выражает удивление и оценку. Ого (или о-го-го), как ты вырос [ТСРО]. «ОГО́ (oho), межд. (разг.) Восклицание по поводу чего-нибудь неожиданного, непредвиденного, удивительного [ТСРЯУ] «Ого – вы говорите, чтобы выразить своё удивление, восхищение, одобрение и т. п.» [ТСРЯ].

Таким образом, основными эмоциями, выражаемыми междометием *ого,* являются, согласно словарям, удивление, изумление, восхищение, одобрение и оценка, а к области каузальной атрибуции относятся неожиданность и непредвиденность.

Особенности объективируемой с помощью ого эмоции удивления выявляются в ходе анализа приводимых словарями примеров: Ого, времени-то уже

как много! Ого, сколько грибов набрал! Ого, как ты вырос! Ого, сколько у тебя книг! Народу там – о-го-го! Ого, как уже поздно! Ого! за тысячу перевалило и др. Примечательно, что в качестве каузаторов восклицания *ого* выступают преимущественно некие исчисляемые субстанции: время, книги, грибы и т.п. В результате определенных когнитивных операций говорящий делает вывод о том, что увиденный им объект или явление значительным образом превосходит известные ему или ожидаемые им нормы или стандарты. Нарушение вероятностного прогноза вызывает в нем эмоцию удивления.

На первый взгляд, описываемое выше состояние полностью соответствует компоненту экспликационной схемы *wow: I now know something I wouldn't have thought I would know it*, однако русское *ого* может быть охарактеризовано как эмоционально маркированный результат когнитивной, «калькуляционной» оценки, мгновенной операции по сопоставлению предшествующего знания с актуализированным опытом.

Сильная основанность эмоции на когниции влияет на относительно невысокую степень эмоциональности междометия *ого*, что находит свое отражение на уровне просодии. В отличие от длительного интонирования *вААААу*, фонация которого предоставляет возможности для максимально интенсивного переживания удивления или восхищения, нисходящее интонирование *ого* имеет, скорее, констатирующий характер, что связано с выражением удивления как эмоционального итога осуществленных операций по сопоставлению предиката ожидания с его актуальной формой реализации.

Чтобы убедиться в справедливости данных выводов, достаточно прибегнуть к методу субститутивных (оппозиционных) тестов, сравнивая употребление двух междометий в одном и том же ситуативном контексте. Восклицая «*Вау, сколько у тебя грибов!*», говорящий демонстрируеет свое потрясение увиденным. Произнося фразу «*Ого, сколько у тебя грибов!*», адресант, в первую очередь, совершает оценку, демонстрируя эмоционально маркированное понимание того, что подобное количество грибов встречается нечасто. Образно говоря, в случае употребления *вау* имеет место столь верно замечен-

ный одним из участников анкетирования компонент «не верю своим глазам», или предложенный К. Годдардом элемент экспликационого сценария *wow* «как будто вы видите что-то очень большое» [Goddard 2014: 17], в то время как в сценарии русского междометия *ого* присутствует компонент, который может быть эксплицирован следующим образом: «я сопоставляю элемент текущего опыта с предыдущим знанием, на основе чего объективирую свое эмоциональное к нему отношение».

Осознание наличия слишком большого количества предмета оценки может вызывать у субъекта также отрицательные эмоции. Например, в восклицании *Ого, сколько времени!* содержится указание на нежелательный факт, внезапно обнаруженный восклицающим субъектом, не согласующийся с его ожиданиями. Реагируя с помощью *ого* на сообщение о слишком высокой, по его мнению, цене, произносящий также совершает оценку, обнаруживая негативную форму удивления.

Качество объекта оценки также может выступать в роли каузатора междометного возгласа *ого*, например: - *Ого! – вскричал генерал, смотря на образчик каллиграфии, представленный князем.* - *Ого! да в какие вы тонкости заходите, – смеялся генерал* (Достоевский, с. 35). Заметим, однако, что таких примеров в текстах русской классической литературы значительно меньше, нежели примеров, содержащих эмоциональную оценку исчисляемых объектов.

Одновременно анализ содержащихся в Интернете контекстов употребления *ого* демонстрирует определенное расширение каузаторов, в которые все чаще входят объекты, поддающиеся не только количественной, но и качественной оценке, например, *ого, какая красотка, какая тачка, какая девушка, какая грудь, какие ноги* и т.п. Можно, конечно, утверждать, что некоторые из перечисленных каузаторов также содержат потенциально исчисляемые характеристики: стоимость машины, величина груди или длина ног. Тем не менее, отдельные объекты оценки могут быть описаны как имплицирующие исключительно оценку их качества.

При этом русское *ого* продолжает проявлять синтагматическую избирательность. Так, в качестве недопустимых представляются такие сочетания, как *Ого, какой голос! Ого, какой пейзаж! Ого, какое лекарство! Ого, какая блузка, платье, туфли!* и т.п. Восклицание *ого* по отношению к голосу представляется окказионально возможным только в случае оценки его силы, т.е. поддающегося сопоставительным операциям количественного параметра.

Следует отметить, что характер каузатора влияет на выражаемую *ого* эмоцию. В случае употребления *ого* по отношению к исчисляемым объектам оно выражает основанное на нарушении вероятностного прогноза удивление. Если же предикатом эмоциональной оценки становится качество объекта, в таких контекстах, как *Ого, какая красотка!,* говорящий в большей степени выражает свое естественное, в незначительной степени включающее механизм сопоставительной оценки, инстантное восхищение.

Тем не менее, даже в контекстах такого типа в *ого* превалирует когнитивный, а не эмоциональный компонент. Сравнение двух интеръективных форм восклицания *Вау, какая красотка!* и *Ого, какая красотка!* позволяет осознать закодированную в англо-американском интеръективе способность к непосредственной объективации посредством произнесения сильного эмоционального переживания. Основанность русского *ого* на действии когнитивных механизмов становится условием для сохранения адмиратом большей степени собственной субъектности. Восхищающийся или удивляющийся дает эмоциональную оценку объекта адмирации, а не становится объектом импрессии, невольно испытывающим и объективирующим в возгласе *вау* некое неконтролируемое эмоциональное состояние.

Другое предлагаемое в качестве эквивалента *вау* различными источниками русское междометие *ух ты!* по характеру каузации и степени включенности эмоционально-когнитивных механизмов представляется более близким американскому *вау*.

Согласно словарю С. Ожегова, «У́х ты, в зн. межд. выражает сильное удивление» [Ожегов]. Похожее определение предлагает Толковый словарь Ефре-

мовой: *межд. разг.* Возглас, выражающий удивление или изумление [Ефремов]. Сходные определения предлагаются другими толковыми словарями.

Несмотря на то, что все лексикографические характеристики описывают *ух ты* как средство выражения удивления или изумления, контекстуальный анализ позволяет прийти к выводу о несводимости данного междометия к указанным двум функциям. Большинство контекстов употребления *ух ты* свидетельствует о присутствии радостно-одобрительной, восторженной оценки чего-либо, вовсе не обязательно сочетающейся с удивлением. Например, в сочетаниях *Ух ты, здорово!, Ух ты, какая прелесть! Ух ты, какая красавица! Ух ты, масленица!* субъект, прежде всего, экстериоризирует свои радостные ощущения. Несмотря на то, что за ним часто следует оценочный компонент в виде определительного местоимения *какой*: *ух ты, какой молодец!*, *ух ты, какая красавица!* и т.п., данная оценка не является результатом сопоставительных операций, как это имеет место в употреблении междометия *ого*. Об этом в определенной степени свидетельствует мгновенность эмоциональной реакции, испытываемой говорящим.

Сопоставление двух восклицаний *ух ты, какой молодец!* с *ого, какой молодец!* позволяет идентифицировать основанность интеръектива *ого* на процессуальных операциях оценки, в то время как *ух ты* мгновенно, реактивно и выражает чувства адмирата, которые он обязательно хочет донести до объекта своего одобрительного восхищения.

К области каузации *ух ты* относятся не только некие внешние по отношению к произносящему объекты, но и испытываемые им самим физиологические ощущения. Это, в первую очередь, относится к экстремальным ощущениям, когда в качестве каузатора выступают, например, купание в проруби, употребление очень острой пищи или чрезвычайно крепкого напитка и т.п. Человек, вылезающий после купания в проруби, говорит: *Ух ты, здорово!*, объективируя позитивное внутреннее состояние и выражая бодрый и радостный настрой. В таких ситуациях *ух ты* выступает как в значительной степени основанный на сенсорных ощущениях эмоциональный рефлекс, что находит от-

ражение также в том факте, что оно может употребляться и в условиях отсутствия адресата.

Применение оппозиционных тестов позволяет убедиться в несовпадении переживаемых в *ух ты* эмоций тем ощущениям, которые объективируются в американском *вау*. Если мы сравним одну и ту же ситуацию, представленную в виде поликодовых текстов (мемов) в Интернете, в которой говорящий видит что-либо абсолютно ему неизвестное и необычное, и восклицает: *ух ты, что это?* или *вау, что это?*, – то сможем ощутить, что в *ух ты* преобладает оценочный положительный компонент, передающий восторг восклицающего, в то время как *вау* служит средством объективации переживаемого индивидом интенсивного удивления или потрясения.

В первом случае имеет место реакция, основанная на опыте, при этом человек не столько удивляется, сколько выражает свой одобрительный восторг. Не случайно *ух ты* в русском языке часто сопровождается предикатом *здорово*: *ух ты, здорово!* Имплицитное присутствие одобрительного компонента, как и специфический просодический контур восклицания, свидетельствуют о том, что за ним скрывается стремление к осуществлению активной, познавательной деятельности.

В то же время в реагировании с помощью *вау* адмират не верит своим глазам, испытываемые им сенсорные ощущения столь сильны, что приводят к интеллектуальному сбросу и не предполагают стремления к активной познавательной деятельности.

Следующий приблизительный аналог *вау* в русском языке: *вот это да!* описывается как «межд. разг. Возглас, выражающий изумление в связи с неожиданным сообщением или неожиданно свершившимся событием и соответствующий по значению сл.: вот так да! вот так так!» [СТСРЯ].

Фразеологический словарь истолковывает фразеорефлекс[15] *Вот это да!* как «эмоциональное выражение восхищения, изумления, удивления, недоумения, разочарования и т. д., разг. *Возвращался Суворов в свою палатку и всё восхищался: Вот это да! Вот это солдат!* [УФС]. Контекстуальный анализ демонстрирует, что данное восклицание имеет ограниченную область каузации, к которой могут относиться только значительные, исключительные объекты событийного характера, превышающие все ожидания реагирующего индиивда. Например, *Наши выиграли с разгромным счетом 25: 0. – Вот это да!; Ты слышал, что она выиграла грант? – Вот это да!; Он выполнил задание за два часа. – Вот это да!*

Особенностью данного фразеорефлекса является также возможность его употребления только в качестве реакции на пропозицию. Невербальный объект может выступить в роли каузатора восклицания только в случае его необычайной значимости, грандиозности производимого впечатления, например, созерцания Ниагарского водопада или других поражающих воображение красот. К невербальным каузаторам *вот это да!* относится также неожиданный, сверхпозитивный эффект действия какого-либо химического, лекарственного и т.п. средства, в то время как вид шикарного платья или креативной сервировки стола не вызовет употребление данного коммуникатива.

Таким образом, для *вот это да!* характерны специфические акциональные каузаторы, в значительной степени превышающие все ожидания адмирата. Такой тип каузальной атрибуции обусловливает возникновение сильных эмоциональных переживаний, близких к потрясению. Если степень потрясения особенно велика, то это выражается в длительном интонировании последнего гласного *вот это дааааа*!

Несмотря на способность выражать интенсивную эмоцию удивления, рассматриваемый рефлекс нетождественен американскому *вау*. Большее участие в

[15] Термин *фразеорефлекс* мы употребляем, вслед за В.Г. Гаком [Гак 1995], в качестве равнозначных в российской лингвистике используются термины релятивы, коммуникативы, специфические коммуникативные единицы и др.

его возникновении когнитивного механизма может быть объяснено присущей фразеорефлексам более высокой степенью интегрированности их в язык.

Часто предлагаемое в качестве переводного аналога *wow* словарями и Интернет-переводчиками *Ничего себе!* объясняется в словарях как «межд. разг. Возглас при выражении удивления, недовольства, недоверия» [СТСРЯ]. Каузатором данного восклицания является крайняя степень неожиданности, когда объект сильной эмоциональной оценки входит в полное противоречие с имеющимися у субъекта предикатами ожидания. Например: *Бабушка купила себе новый джип. – Ничего себе!* – отражает удивление, в значительной степени спровоцированное неожиданным для говорящего фактом, нарушающим его представления об оцениваемом субъекте. При этом степень рассогласования ожиданий с услышанным фактом столь велика, что вызывает удивление, граничащее с недоверием.

Кроме того, данный фразеорефлекс часто используется как способ довольно резкого эмоционального реагирования на имеющие количественные параметры объекты. Например, *Сколько стоит эта шуба? – Ничего себе!, Сколько тебе заплатили? – Ничего себе!* Услышанное адресатом настолько расходится с диапазоном его представлений, что он выражает крайнюю степень своего удивления и указывает на то, что ему сложно поверить в это. Подстановка в данных контекстах *ого!* вместо *ничего себе!* также позволяет идентифицировать большее присутствие в оценке *ого* рационального начала, оттеняя «непроизвольность» выражаемой эмоции удивления в фразеосочетании. Примечательно, что данная реакция может быть мотивирована или сопряжена с негативными эмоциональными ощущениями: недовольством или завистью.

Характерной особенностью *ничего себе* является область каузации, в которую входят акциональный или количественный компонент высказывания. Чувство восхищения какими-либо красивыми предметами, оригинальными артефактами и т.п. не объективируются с помощью данного фразеорефлекса.

Примечательно, что *ничего себе!* достаточно часто используется в энантиосемическом смысле в фразеосхеме «Ничего себе X!»: *ничего себе поездоч-*

ка, помощь, друг; ничего себе помогла, заработала и т.п.! В качестве X может быть использована любая знаменательная часть речи, денотат которой вызывает в сознании говорящего определенный стереотип. Если в данной ситуации X не соответствует принятым представлениям о том, каким он должен быть, то говорящий выражает свою эмоциональную оценку с помощью данной фразеосхемы, проявляя таким образом свое негативное к нему отношение.

Итак, анализ междометий *ого, ух ты, ничего себе, вот это да,* приводимых в качестве наиболее подходящих русских интеръективных аналогов для выражения сходных с *вау* эмоций, демонстрирует, что ни одно из них не является в полной мере эквивалентным англо-американскому заимствованию.

Междометие *ого* основано на механизме рациональной оценки объекта казуации, тяготеющего к количественной форме презентации. Оно в большей степени представляет собой эмоционально маркированный результат когнитивных сопоставительных операций предиката ожидания и его актуального репрезентанта, нежели выражает само состояние удивления.

Для междометия *ух ты!* компонент удивления является факультативным, поскольку оно предназначено для передачи мгновенной восторженно-одобрительной оценки каузатора, а также экстериоризации своих сильных, инстантных физиологических ощущений.

Вот это да! является не только итогом осмысления и оценки некоего объекта или события, но и маркировано свойствами каузатора, представляющими особую значимость с точки зрения говорящего. Так же, как и *ого*, оно отражает эмоциональный итог когнитивных оценочных операций, включая в область каузальной атрибуции, в основном, событийные предикаты. Фразеорефлекс *Ничего себе!* является следствием высочайшей степени несовпадения предиката ожидания с актуальным объектом оценки, часто сопряженным с чувствами недовольства, недоверия или зависти.

Фонационные особенности русских междометий предопределяют краткость выражаемой эмоции, объективация которой с их помощью становится не

способом ее экстериоризации, а, скорее, финальной стадией, на которой внутренние когнитивные процессы находят внешний выход.

Объединяющей все русские аналоги характеристикой является их основанность на механизме когнитивной оценки, в результате чего эмоция возникает как эмоциональный итог мыслительных операций. Большая доля когниции приводит к уменьшению степени объективируемой в междометиях эмоциональности, что находит свое выражение в инотонационно-просодических характеристиках. Все рассмотренные выше интеръективные средства тяготеют к оценке акциональных или количественных объектов, в то время как качество объекта становится объектом адмирации значительно реже. В связи с этим русские аналоги крайне редко употребляются как способ реагирования на некий материальный объект, выступая преимущественно в качестве реакции на услышанное высказывание. В подавляющем большинстве случаев употребление данных интеръективных средств требует присутствия адресата.

4.1.1.4. Функционирование междометия *вау* в речевых практиках носителей современного русского языка

Принадлежность междометий к интеракционально-прагматическому типу знаков предопределила поликодовый характер их ретрансляции в новую лингвокультурную среду. Под поликодовым (креолизованным) текстом, вслед за Е.Е. Анисимовой, мы понимаем семиотически осложненный, видеовербальный текст, или «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова 2003: 17].

Основными способами внедрения *вау* в языковое сознание носителей русского языка явились телерекламные ролики, переводная американская, а затем и отечественная кинопродукция, а также многочисленные развлекательные телешоу – лицензионные аналоги американских и британских телепрограмм.

Особую роль в данном процессе, безусловно, сыграли рекламные телеролики, демонстрирующие с конца 90-х годов образцы прототипического использования американского междометия *вау* в коммерческой рекламе. Как замечают авторы словаря крылатых выражений «Вокруг да около рекламы» К. Туркова, Л. Дядечко, люди зачастую не помнят, откуда взялось то или иное выражение. При этом одним из мощнейших трансляторов крылатых слов и различных неологизмов является реклама. К числу таких неологизмов автор относит также *вау*, которое «стало известно благодаря рекламному ролику. Я очень хорошо помню эту рекламу – там отец дарил ребенку игровую приставку, а ребенок кричал: «Вау!» [Туркова, Дядечко: 2016].

Интродукция *вау* через рекламные ролики, в которых статический или динамический (сценарный) иконический ряд сопровождался выразительным интонированием американского возгласа, обеспечивала условия для его однозначной интерпретации как экспонента интенсивно переживаемого чувства восторженного изумления, вызываемого объектом рекламы. После долгого периода дефицита сам процесс рекламирования казался излишним, а реклама как новый элемент теледискурса вызывала безрефлексивное доверие. При этом рекламируемый товар позиционировался как объект столь сильной импрессии (воздействия), перед которым просто невозможно устоять, что объективировалось в протяжном произнесении американского возгласа *ваааy* и наглядной демонстрации соответствующих кинесических средств – широко раскрытых глаз, рта и опущенной челюсти.

Из проанализированных нами 65 телерекламных и интернет-роликов, в которых употребляется *вау* (производство 2000 – 2017 гг.), в 21 из них в качестве каузатора выступает статическое иконическое изображение (рекламируемый продукт), 26 роликов основывают свою рекламу на визуализируемой акциональной составляющей продукта – демонстрируют мгновенное устранение пятен, бактерий и микробов, эффект обезболивания или похудения, рост ресниц и разглаживание морщин на лице и прочие невероятные эффекты применения рекламируемого средства. В 11 роликах объектом каузации становится

цена или различные акции, в остальных семи – соотношение цены и качества. Аудиоряд либо представлен самостоятельным возгласом *вау*, передающим восхищение покупателя или потребителя неким товаром (15 роликов), либо содержит *вау* в составе адмиративного высказывания.

Приведем несколько примеров различных типов роликов. Так, в рекламном ролике американской жевательной резинки Hubba Bubba (2000 год) звучащий слоган «Новая Hubba Bubba» сопровождается максимально широким открытием рта анимированного персонажа, восклицающего *Вау*, с одновременным изображением букв VAU в раскрытых, улыбающихся губах. Совмещение улыбки с графической формой междометия становилось надежной основой для понимания адресатом, что возглас *вау* всегда сопряжен с приятными эмоциями, вызванными превышающими все ожидания консумента качествами товара.

Если в первые годы восприятия Россией идеологии общества потребления каузаторы *вау*-эмоции в роликах были представлены, в основном, изображением товара или демонстрацией собственной или чужой удивленно-восхищенной реакции, то по мере насыщения рынка и усиления конкуренции объектом эмоциональной *вау*-реакции все чаще становятся либо конкретные качества товара и производимый им «чудодейственный» эффект, либо его цена или различного рода акции.

В рекламе мехового салона «Снежана» (ТВ-Калининград) жена примеряет норковую шубу, смотрит на себя в зеркало и издает долгое, протяжное *ваааау*. Муж смотрит на цену и констатирует: «Такое *вау* дорогого стоит!» (2003 г.). Основанная на полисемии устойчивого оборота *дорогого стоит* со значением прилагательного *дорогой,* игрема имплицирует различное прочтение рекламного текста. В результате *вау* становится маркером максимально возможного удовольствия, которое может испытать женщина при покупке потрясающего товара. Одновременно реклама несет недвузначный «мессидж» для супругов, которым внушается мысль о том, что для того, чтобы доставить женщине наивысшую радость и восторг, стоит потратить большие деньги.

В рекламном ролике клиники пластической хирургии «Новые технологии» (2006 г.) встреча на пляже молодого мужчины с девушкой сопровождается обменом оценивающими взглядами и потрясенными возгласами: – *Вау*, это ты? (девушка) – *Ого!* (мужчина). Девушка, очевидно, потрясена внешним видом мужчины, который, в свою очередь, крайне удивлен ее улучшенными или увеличенными (уменьшенными) формами. Обмен междометными возгласами имплицирует нарушение вероятностного прогноза, когда вид «до» пластических операций не позволял строить предположений о возможности радикальных перемен.

Многие ролики не ограничиваются однократным произнесением *вау*, повторяя его несколько раз на протяжении 10 – 30 секунд рекламного времени. Например, ролик различных акций от магазина «Петелинка» (2015) сопровождается саундтреком из популярного американского кинофильма «К-9: Собачья работа» (1989). В начале ролика звучит радостно-ликующий вопль *вау*, вызывающий в памяти эпизод с автомобильным свиданием полицейской овчарки Джерри Ли с гламурным пуделем женского пола. На протяжении всего ролика каждый из «покупателей», узнавая об очередной акции от магазина «Петелинка» издает возглас *вау*, интонируя самые различные его оттенки: от легкой озадаченности (надо же, не ожидал этого) до полного восторга (при известии о разыгрываемой поездке в Рим).

На той же стратегии неоднократного вау-воздействия строится рекламный ролик «Скрепка «Вау» – Студия Энергия Мысли» (2013 г.). Рекламируя «мега-распродажу в магазине «Скрепка», некий покупатель трижды повторяет: «Вау! Какая цена!», сопровождая фразу радостным пританцовыванием. Продавец с недоумением посматривает на него, но после того, как сам видит цену, восклицает вслед за ним: «Вау! Какая цена!».

В проморолике катка в Парке Горького «Вау! Вау! Вау! Блеск!» (2014 г.) звучит постоянно повторяющийся призыв: «Сергей (Матвей!) Давай скользи быстрей! Скользи – не тормози», что перемежается хоровыми восклицаниями

вау-вау-вау! Кроме того, повторяются рифмующиеся друг другом междометия *йес* и *блеск*!

Рекламные ролики компаний Билайн и МТС 2016 года (имеющих одного владельца) работают друг на друга и построены по одной модели. Оба начинаются с возгласа *Вау!*, издаваемого российскими «селебрити» – Д. Нагиевым и С. Светлаковым. При этом Нагиев произносит *вау* коротко и небрежно, как это должно быть свойственно привычной к гламурному образу жизни звезде: «Вау! Мой новый фильм выложили….». Светлаков интонирует его долго, протяжно и глуповато, разговаривая с неизвестным собеседником о технической стороне Интернет-пользования: «Ты посмотри, что она выложила! Уувааау, это ж глаз!» - «Тариф - все включено…. Билайн, живи на яркой стороне».

Рекламный ролик для сети магазинов "Электросила" насыщен различными междометными возгласами. Разговор покупательницы среднего возраста с продавцом происходит следующим образом:

- *Какая у него загрузка?*
- *6 кг.*
- *Ого! А он мощный?*
- *Сейчас взвесим. 2000 вт.*
- *Вау!*
- *И какая в нем диагональ?*
- *50 дюймов!*
- *Вот это да!*

Обращает на себя внимание характерное интонирование, более эмоционально сдержанные, констатирующие факт удивления русские междометия и произносимое почти с истерическим восторгом, словно неконтролируемым образом вырывающееся из груди *вау*.

Критик В. Панов делится своими ощущениями по поводу стремительного роста частотности употребления *вау* в рекламе: «Когда в течение 30 секунд в новом рекламном ролике на нашем ТВ пришлось пять раз услышать английское «Wow», звучащее как «Вау», – а за киносеанс набралось до десятка по-

второв этого ролика, то не выдержал и переключился на другой канал. Но и там это вездесущее «Вау» меня достало... Известный актер в костюме цвета рекламируемой фирмы старательно «впаривал» народонаселению страны очередное «чудодейственное» питье, способствующее укреплению иммунитета. Ролик начинался и заканчивался победным кличем: «Вау»! В следующей рекламе юная дама, которой про любые болезни и говорить еще не пристало, торжественно возвещала «Вау!» после месячного приема какой-то мутной жидкости, тоже поднявший ее иммунитет на недосягаемую для недугов высоту. И то, чем она, якобы, питалась столь продолжительный период, будет вкусно также «вам и вашему иммунитету» [Панов 2016].

Замечание критика можно признать вполне обоснованным, так как акциональный компонент, присущий определенной группе товаров, чрезвычайно часто составляет объект каузации *вау*. Например, в рекламе геля для стирки «Ласка» – магия чёрного» (2013г.) молодой человек восхищается идущей по подиуму девушкой в постиранном «Лаской» платье: «Вау! Она выглядит блестяще!». В рекламном ролике средства от ревматических болей «Долгит» (2015) уже немолодые супруги обнаруживают, что могут после его использования без проблем двигаться, что вызывает у супруги удивленный возглас *вау*. В рекламном ролике косметической продукции фирмы «Эльсев» (2016) волосы, ставшие роскошными после употребления шампуня, вызывают краткий, но полный восторга возглас *вау*.

Сходная область каузации *вау* присутствует в различного рода телешоу, основанных на «чудесных» трансформациях его героев или их жилищ: «Модный приговор», «Фазенда», «Квартирный вопрос» и др. Например, вид переделанного жилища вызывает у женщины средних лет реакцию: «То, что вы сделали, это вау, это просто вау!» (Выпуск «Фазенда» от 19.02.2017). То эмоциональное потрясение, которое испытывают герои шоу при виде радикально изменившегося интерьера, способно, на их взгляд, в полной мере передать только восклицание *вау*. Причем реакция *вау* характерна для представительниц всех возрастов, а излишняя частота их употребления в речи иногда стано-

вится даже предметом осуждения на форумах. Например, речь героини передачи «Модный приговор» вызывала много критических комментариев, например, «Какой богатый лексикон у 52-летней женщины – Вау... вау...вау... вау...» («Модный приговор», выпуск 05.09. 2016).

Вышерассмотренные примеры свидетельствуют о том, что использование в них *вау* с целью создания так называемого вау-эффекта – запланированного рекламодателем эмоционального ощущения, послужило первоосновой для выведения российскими потребителями индуктивного знания об основных ситуациях употребления *вау* и выражении с его помощью восхищенного изумления, естественным образом перетекающего в желание приобрести объект столь сильных и приятных эмоциональных ощущений. В сущности, *вау* стало интеръективынм проводником россиян в неведомый для них ранее мир потребления, сулящий ранее недоступные им удовольствие и наслаждение.

Нехарактерная для русских эмотивных междометий просодика длительного дифтонгического сочетания являлась средством демонстрации особой длительности и интенсивности испытываемой положительной эмоции. Сопровождающая звук кинестетика – широко открытые глаза, открытый рот и опущенный подбородок – дополняли внешние признаки испытываемого приятного потрясения. Иконический ряд включал само изображение товара, либо демонстрацию его чудодейственных свойств. В целом, данный способ интродукции англо-американского междометия *вау* в русскоязычную среду становился средством формирования безрефлексивного, инстантного восхищения, не затрагивающего когнитивных механизмов адресата. Кроме того, вхождение *вау* через рекламу обеспечивало условия для формирования области казуальной атрибуции междометного возгласа, в которую входили все объекты потребления. Высокочастотное повторение рекламных роликов, содержащих *вау,* способствовало воспитанию у целевой аудитории так называемого «инстинкта потребления».

Ориентированность междометия *вау* на сенсорно-перцептивное воздействие уменьшает долю рационального сопоставительного механизма в процес-

се восприятия рекламируемого объекта, приводя к изменениям характера взаимоотношений между субъектом и объектом восхищения. В этих условиях произносящий *вау* субъект становится объектом воздействия, что находит свое эксплицитное выражение в ключевой идее рекламного дискурса: «Ты этого достойна!».

Отсюда столь массовое использование *вау* в рекламном дискурсе, где этот издаваемый звук становится сигналом для формирования условного рефлекса: *вау* – «хочу иметь объект *вау*»:

В результате сценарий *wow* А. Вежбицкой в случае с внедренным через рекламы американским заимствованием *вау* должен быть видоизменен следующим образом:

Я сейчас нечто ~~знаю –~~ *вижу, слышу*

Я бы не подумал *(я не мог представить)*, что буду ~~знать~~ это – *видеть это*

Я ~~думаю~~ *чувствую (ощущаю)*: это очень хорошо

Я бы не подумал *(я не мог представить)*, что так может быть.

Я хочу иметь это.

Именно вследствие наличия данных компонентов *вау* становится эффективным средством привития обществу идеи потребления. И даже если далеко не все носители русского языка активно используют в речи данное американское восклицание, это отнюдь не отменяет выполняемой им дидактической функции формирования у нации потребительских рефлексов. З. Бауман пишет, что рекламный дискурс направлен на формирование «потребительской установки», которая включает в себя понимание того, что «рецепты индивидуальности и способы жизни можно купить; искусство жизни превращается в умение найти такие рецепты и объекты, т.е. искусство жить превращается в искусство шопинга» [Bauman 1992: 204].

Косвенными способами достижения *вау*-эффекта в рекламе является также эксплицитное указание на эмоциональное потрясение, которое гарантирует приобретение того или иного товара. Интернет-пространство переполнено заголовками, стремящимися внушить адресату непосредственнную связь между

покупкой товара и сильнейшим психоэмоциональным эффектом. Например, «Вы не поверите», «Вы упадете в обморок», «Вы будете в шоке», «У вас снесет крышу» и т.п., либо сообщения о тех, кто уже стал объектом различных шоковых состояний: «Народ обалдел, ошалел, сошел с ума»; «Врачи побледнели, покраснели, упали в обморок» и т.п. Все вышеуказанные «шоковые» состояния нацелены на достижение коммерческого эффекта за счет описания неких невероятных ощущений, вызываемых такими же невероятными качествами рекламируемого товара.

Наблюдающийся рост числа российских рекламных роликов, в которых аудиоряд представлен восклицанием *вау,* может свидетельствовать об убежденности производителей в сформированности у целевой российской аудитории устойчивой связи между возгласом *вау* и положительной эмоцией как мотивирующей основой «потребления». В качестве эффективного средства рекламы *вау* также активно используется в названиях разных продуктов, компаний, проектов и т.п. Например: «Вау-вафли», «Необычные Вау-подарки и игрушки», «Салон красоты Вау!», «Вау- кино. Кино на любой вкус», «Вау-сервис», «Вау Гардероб», «Ваупродукты», «Вау-Праздник», «Вау-осень», «Вау-ночь», «Вау-дисконт», «Вау Холдинг», и даже вау-клиент: «Карта ВАУ-Клиента» и т.п. *Вау* используется в рекламе даже в сотаве номинаций местностей с целью привлечения потенциальных покупателей недивжимости: «Поселок «ВАУ!» располагается в 14 км от МКАД по Калужскому шоссе в удалении от магистрали в сосновом лесу», или «Загородный клуб для постоянного проживания «ВАУ!» (НКРЯ). Обращает на себя внимание графическая выделенность ВАУ, написанного заглавными буквами и часто дополнительно выделенного внутри текста с помощью другого, боле яркого цвета.

Присоединение *вау* в качестве префикса к названию продаваемого товара или услуги преследует цель внушить потребителю убежденность в абсолютно уникальных свойствах продукта, которые произведут на него невероятное впечатление и доставят огромное эмоциональное удовольствие.

Следующей областью активного присутствия *вау* в современном русском языке является Интернет-активность самих пользователей, создающих огромное количество креолизованных (поликодовых) текстов (Интернет-картинки, демотиваторы, мемы, интернет-комиксы). Объем произведенной нами направленной выборки составил 135 поликодовых текстов, содержащих *вау*. Большинство из них (85 единиц) имеет интегративный характер (изображение встроено в вербальный текст или вербальный текст дополняет изображение в интересах совместной передачи информации), меньшая часть (22 единицы) представлена текстами аддитивного характера (изображение привносит значительную дополнительную информацию), и остальные 38 единиц могут быть охарактеризованы как оппозитивные (содержание, переданное картинкой, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе чего возникает комический эффект) [16].

Интегративный характер преобладающего числа текстов обусловлен стремлением их авторов визуализировать те внешние проявления *вау*, которые отражаются на лице произносящего. Преимущественная направленность Интернет-творчества на создание комического эффекта приводит к утрированному изображению эмоции удивления в виде аномально выпученных или закатившихся глаз, отвисшей челюсти или сморщенного лба. Иконический код представлен не только с помощью человеческой мимики (43 единицы), но и мимики животных (57 единиц), а также анимационных персонажей (35 единиц). Отражаемые на их лицах эмоции передают крайнюю степень удивления, восхищения, иногда (5 изображений) ужаса. Характерной особенностью является также сопровождение надписи *вау* русскими междометными аналогами: *«Вау! Вот это да!», «Вау! Ну вообще!», «Вау! Нет слов», «Вау! Красота!», «Вау! Ну просто супер!», «Вау! Тащусь, блин»* и др. Достаточно часто *вау* сопровождается пояснениями, к какому объекту восхищения оно относится: *«Вау! Красотка!», «Вау! Какая ты красотка!», «Вау! Какая медведица!», «Вау-вау-вау! Какая красотка!», «Вау! Какие кроссовочки!»* и т.п.

[16] Классификация основана на типологии Г.Н. Тельминова [Тельминов 2009: 301].

Со свойственным Интернету стремлением к развлекательности иконический код выполняет функцию достижения юмористического эффекта. Например, фраза «Вау! Красотка!» чаще всего вкладывается в уста обезьяны, кошки или собаки и т. п, надпись «Вау! Какие кроссовочки!» сопровождается фото спортсменки Е. Исинбаевой с аномально вытаращенными глазами и т.п. Интересное представление градации степени переживаемого радостного ощущения с помощью различных интеръективов находим в Интернет-комиксе, в котором изображение сопровождается следующими надписями: «О, я нашел четвертак!», «Ух ты! Целый доллар!», «Вау! Бумажник!».

Чрезвычайно интересной представляется история появления у междометия *вау* новой, не свойственной ему в английском языке функции. В конце 2004 года на американском молодёжно-подростковом канале «Nickelodeon» начинается показ комедийного телесериала «Дрейк и Джош» (Drake & Josh), рассказывающего о жизни двух сводных братьев. В течение четырех сезонов данный сериал транслируется во многих странах, в том числе и в России. В одной из серий герой, стремясь предовтратить развитие конфликтогенной ситуации, произносит фразу: *Whoa, take it easy man* (дословно: *Тпру, полегче (спокойно), парень*).

Фраза мгновенно получает огромное количество мемов не только в англоязычном Интернете, но и в различных национальных сегментах Интернет-пространства. При этом, несмотря на то, что в сериале перевод на русский язык звучал: «Полегче, чувак», – авторы российских мемов стремятся к сохранению интеръективной формы оригинала, однако образуют ее не на основе точного перевода, а на основе относительного созвучия с уже получившим в молодежном сленге популярность интеръективом *вау*. Его функциональная дифференциация осуществляется с помощью редупликации или даже трипликации *вау: вау-вау, вау-вау-вау*: *Вау-вау! Полегче!», «Вау-вау! Парень, полегче!», «ВаУ! ВаУ! ВаУ! Женщины, полегче на поворотах!* (всего 22 мема).

Иконический ряд в мемах данной тематики, как правило, встроен в вербальный текст и характеризует наличие некоей истинной или мнимой угрозы.

Характерной особенностью становится также использование в надписях так называемой «албанской» орфографии: *Вау-вау! Ирочка, палехче, Вау-вау-вау! Палехчи Парииишинь!* и т.п. При этом визуальный ряд представлен либо возмущенным выражением лица: «Ты что такое творишь?», – либо поднятыми вверх руками, что является сигналом «сдаюсь, только прекрати это делать». Новое значение также обыгрывается юмористически, с помощью эффекта обманутого ожидания. Например, надпись *Вау-вау! Полегче!* сопровождается фото, на котором миниатюрная девушка подходит к тяжелой штанге. Примечательно, что из области интенциональной Интернет-креативности тройное *вау-вау-вау* начинает выходить в реальное коммуникативное пространство, употребляясь в речи молодежи в качестве шутливого средства урегулирования возникшей конфликтогенной ситуации, своего рода «смягчающего» фактора агрессивного общения, часто присущего молодежной среде. Например:

- *Вау-вау-вау, полегче, минутку. Не все сразу. Переезжаем, но зачем?*

- *Вау-вау-вау! – засмеялся Ильяс. – Полегче! А то прямо с первого дня в оборот. Хоть ночи дождитесь!*

- *Вау, вау, полегче! Не спешите меня хоронить!* (НКРЯ).

Таким образом, в принимающей лингвокультурной среде *вау* неожиданно получает не свойственную ему в языке-источнике функцию побудительного междометия, сигнализирующего о стремлении предотвратить нежелательное развитие ситуации или уменьшить агрессивность партнера по коммуникации. Калька *whoa, take it easy man* – «*вау-вау, полегче, парень»* представляется неполной вследствие замены дословного перевода *whoa – тпру* его произвольным переводом с помощью мультиплицированного употребления *вау.*

Другой заслуживающей пристального лингвистического внимания областью функционирования *вау* являются многочисленные развлекательные телешоу, демонстрирующие образцы «естественного», не опосредованного авторским замыслом, употребления междометия. Наши наблюдения показали, что *вау* является неизменным средством максимально положительной оценки и передачи потрясающих эмоций, выражаемых многими членами жюри. Это, в

первую очередь, относится к передачам, в которых участники конкурируют друг с другом, демонстрируя свои таланты и способности. В развлекательных шоу – лицензированных российских аналогах американских и британских передач: «Голос», «Голос-дети», «Танцы со звездами» и «Звезды на льду», «Минута славы» и «Лучше всех», «Ледниковый период», «Главная сцена» и других – участники жюри выражают свой восторг, регулярно прибегая к возгласу *вау*.

По частоте употребления лидируют селебрити молодого возраста, хотя нами отмечены также случаи употребления *вау* представителями старшего поколения. Причем наши наблюдения позволяют высказать предположение, что склонность к выражению своих эмоций с помощью *вау* может обусловливаться незначительным запасом слов, с одной стороны, и повышенной эмоциональностью, с другой. Так, в шоу «Голос» (2016 год) Полина Гагарина, имеющая явные проблемы с выражением мыслей, чаще всех прибегала к возгласу *вау*. При этом каузатором *вау*-восхищения являлись не только услышанный ею голос конкурсанта, но и, например, внешность выступающего. Чаще всего возглас *вау* издавался либо в самом начале прослушивания, либо при развороте кресла к сцене, если конкурсант потрясал певицу своим внешним видом, либо его внешность нарушала вероятностный прогноз. Сами высказывания членов жюри изобиловали двумя оценочными элементами: «круто!» и «вау!».

Примечательно, что Д. Билан, обладающий достаточно богатым лексическим запасом, издавал возглас *вау* только в том случае, если чье-то исполнение потрясало его настолько, что американский интеръектив становился единственным адекватным способом экстериоризировать те потрясающие ощущения, которые не поддавались описанию с помощью дескриптивных, описывающих эмоции слов. Заслуживает также внимания тот факт, что ни один из ближайших русских аналогов *вау (ого! Вот это да! ух ты! Ничего себе!*) не использовался судьями в рамках реактивных оценочных суждений.

Очевидная эмоциональность тренера Татьяны Тарасовой также, вероятно, стала основой для неоднократно зафиксированного нами произнесения ею восторженного, длительного *вау* как экспонента высшей оценки в шоу «Звезды

на льду» и «Ледниковый период». «ВАУ!!! Очень круто исполнили!» – о выступлении Т. Навки и А. Михалкова (30.09. 2013 г.), «Вау! Это фантастика!» – о выступлении М. Дробязко и П. Ванагаса (01.03. 2012), «Вау! Красота-то какая!» – о Т. Тотьмяниной и М. Маринине (20.12.2009) и даже двойное *вау-вау*: «Галустян в технике и элементах *вау-вау*, очень большой умница!» (27.12.2014).

Последний пример дает основание для выдвижения предположений о том, что интеръектив *вау* в русском языке развивается в направлении субстантивации, адъективации и адвербиализации. Примечательно, что, в отличие от языка-донора, где *wow* в качестве субстантива имеет значение «удивление», в языке-реципиенте *вау* употребляется как знак «высшей оценки» или «высшего качества» чего-либо. Например, в Интернет-комментариях зрителей читаем: «В жизни звезд шоу «Ледниковый период» Татьяны Тотьмяниной и .... при которых другим 5,9 5,8 ставят и вечное ВАУ!!!» (06.09. 2009), или «Кирилл, ты просто *вау*, – с улыбкой похвалил Дмитрий Билан» (05.11.2016).

Использование междометия *вау* избавляет пользователей от необходимости поиска адекватных слов, способных передать сильнейшие эмоциональные ощущения или выразить высочайшую оценку некоего каузатора, поэтому чрезвычайно распространенными на Интернет-порталах становятся реплики типа: «Книга (группа, песня, автомобиль и т.п_. – просто вау». Большую популярность приобрело на различных Интернет-порталах также оценочное высказывание «Не могу сказать, что прямо Вау!», из которого недвузначным образом следует, что американский интеръектив становится маркером наивысшего качества оцениваемого объекта.

Таким образом, наблюдается чрезвычайно интересный процесс: заимствованное междометие, осмысленное акторами семиозиса как новый способ рефлекторного выражения интенсивных положительных эмоций, в первую очередь, восхищения, претерпевает различные типы конверсии (субстантивацию, адъективацию, адвербиализацию), в рамках которой непосредственное переживание становится мотивационным (ономасиологическим) признаком верба-

лизации оценочной лексики. Таким образом, не когнитивная, рациональная оценка качества перцепта, а его способность вызывать сильнейшие эмоциональные ощущения становится основанием для осуществления оценочных операций. Нерефлексивность, эмоциональность производимой оценки особенно сильно ощущается на ранней стадии перехода интеракционально-прагматического знака в знак дескриптивный.

В развлекательной телемедийной области наглядным образом проявляется выполняемая американским интеръективным рефлексом вторая, наряду с коммерциализацией сознания, важнейшая прагматическая функция. Во всех шоу-программах *вау* становится интеръективным знаком наивысшей оценки чьих-либо достижений, что полностью гармонизируется с индивидуалистической эгоцентрической парадигмой ретранслируемой модели мироустройства. Актуальная лингвокультурная ситуация[17] не только поощряет человека к достижению статуса «успешного», но и заставляет его преодолевать существующие границы и барьеры. Эпоха кросс-достижений объективируется в развитии новых экстремальных видов спорта и развлечения (винд-серфинг, флайбординг, паркур, паркур на батуте, кайтвинг, серфинг на лыжах и т.п.). Все эти сверх-достижения, с одной стороны, дают возможность ощутить драйв их исполнителям, а, с другой стороны, заставить испытать миллионы свидетелей ощущение наивысшего эмоционального потрясения увиденным. Чрезвычайно симптоматичным в данной связи представляется зафиксированный НКРЯ пример употребления *вау*: *Кататься на сноуборде очень просто: поворачиваешь налево и кричишь «Вау!»* (НКРЯ).

В экстремальных шоу или видах спорта и развлечений формы деятельности человека настолько превосходят все предыдущие представления о пределах его возможностей, что вызываемая ими реакция *вау* полностью исключает ра-

[17] Термин «лингвокультурная ситуация» (ЛКС) был введен в категориально-понятийный аппарат лингвокультурологии В.М. Шаклеиным. Под ЛКС ученый предлагает понимать динамичный процесс взаимодействия языка и культуры в границах определенного этносоциума или региона в рамках определенного временного среза [Шаклеин 1997, 2012].

циональное осмысление созерцаемого. Основным каузатором в этих случаях становится не странность, неожиданность, непривычность и т.п., а невероятность, уникальность происходящего на глазах у человека. Необходимо упомянуть, что часть анкетируемых (см. подробнее пар. 3.2.2.) приводит такие характеристики объекта каузации *вау*, как что-то «умопомрачительное, запредельное, феноменальное».

Представляется вполне очевидным, что такой уровень невероятности не подлежит сопоставительному анализу, поскольку не поддается рациональному осмыслению. Провоцируемое увиденным ощущение близко к чувству религиозного экстаза, в котором ведущим компонентом является столь сильное эмоциональное ощущение, или так называемый «религиозный экстаз», что его переживание осуществляется в условиях интеллектуального «обнуления». О наличии такого состояния интеллектуального «сброса», сопутствующего эмоции удивления, при котором разум на доли секунды очищается от мыслей, писал в своих работах С. Томкинс [Tomkins 2008]. Возникающее в ситуации интенсивного удивления ощущение мысленного вакуума характеризовалось как «отрицательная составляющая удивления» И.С. Самохиным [Самохин 2010: 107].

В процессе семиозиса происходит постепенная интериоризация *вау*-реакции, англо-американский интеръектив входит в состав ранее закрытого инвентаря русских первичных междометий. Занятие в этом инвентаре прочной позиции становится условием передачи конвенций употребления *вау* от поколения к поколению, обеспечивая тем самым выполнение наследственно-регулятивных функций.

Дополнительные данные о прочности занимаемых *вау* позиции в инвентаре первичных междометий можно получить также на основе анализа особенностей его функционирования в аутентичных ситуациях общения, в фильмах и текстах современной художественной литературы. Нами были проанализированы 400 диалогических срезов, из которых 150 представляют собой скрипты аутентичных, зафиксированных нами диалогов, 80 – выборки из интернет-

блогов, 70 диалоги из кинофильмов, 100 из литературных текстов современных авторов, в том числе из Национального корпуса русского языка.

В аутентичных высказываниях доминируют употребление *вау* в качестве непосредственной реакции на невербальные объекты (54%), преимущественно с целью выражения испытываемого восхищения. Объекты каузации дифференцируются по гендерному и отчасти возрастному признаку – спортивные состязания (мужчины), показ военной техники в действии (мужчины), предметы потребления (одежда, обувь, украшения, внешний вид – женщины), различные креативные мелочи (женщины). Примечательно, что вид какого-либо дорогого роскошного автомобиля вызывает восхищенную реакцию *вау* как у мужчин, так и у женщин в равной степени.

- *Вау...я такой карты не видел. - Вау! Шевченко жжет! - Вау! Вот это гол! - Вау, какая тачка! - Вау, какие навороты! - Вау, вот это стрельба. Все выстрелы прямо в молоко!* (употребление *вау* мужчинами, примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

- *Вау, какая прелесть*! - *Вау, вот это выбор! - Вау! Как это можно было приготовить! - Вау, что за чудо- ребенок! - Вау! Тает во рту. - Вау-вау! Бесподобные блинчики! – Вау, божественный запах!* (употребление *вау* женщинами, примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Как видим, область каузации сводится, в основном, к материальным объектам, воспринимаемым органами чувств, прежде всего, органами зрения, вкуса и обоняния.

Примеры употребления *вау* как средства выражения испытываемого восторга или восхищения, вызванного вышеуказанными каузаторами фиксируются также в НКРЯ:

- *Обрати внимание: розовое небо с сиреневыми облаками… Вау!*

- *Вау!!! Какая она большая!!!* (НКРЯ).

- *Вау, клевая Mazda; -) У тебя папа - миллионер?*

Она давит его из желтых лимонов, лежащих горкой на тележке, добавляет в стакан ледяную крошку, газировку, листочек мяты, протягивает Полу большой стакан и две соломинки. – Вау! (НКРЯ).

Среди всех зафиксированных нами употреблений в 31 % имеет место автономное употребление *вау* в качестве реакции на невербальный (визуальный или аудиальный) объект. В этом случае междометие интонируется длительно и протяжно (*ваааау*), предоставляя говорящему возможность непосредственного переживания-произнесения. Такой способ использования *вау* становится одновременно маркером высочайшей оценки объекта импрессии[18].

Случаи использования *вау* в ответ на высказывание встречаются значительно реже и чаще всего передают восторженную реакцию адресата на какое-либо приятное для него сообщение:

- *Завтра летим в Милан. – Вау!*

- *Я купил тебе то, о чем ты мечтала. – Вау!* (примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

В других случаях употребление *вау* вызвано сообщением адресанта о каком-либо выполненном им действии, которое представляется адресату удивительным и заслуживающим восторженного одобрения:

- *Мне удалось уговорить их! – Вау!*

- *Я уже все приготовила. – Вау!*

- *Мне удалось получить отсрочку. – Вау!* (примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Интонирование *вау* в качестве ответной реакции на сообщение отличается меньшей длительностью и эмфатичностью, что может быть объяснено вовлеченностью когнитивных оценочных механизмов в обработку полученной информации. Реагируя на услышанное, адресат не только выражает радостное одобрение, но и в определенной мере признает, что понимает, как непросто было сделать то, о чем сообщает говорящий.

[18] Под импрессией Е.Ю. Кустова предлагает понимать влияние предмета восприятия на самого человека [Кустова 2010].

С синтаксической точки зрения в 65 % рассмотренных контекстов *вау* находится в препозиции к высказыванию и используется, в первую очередь, с целью выражения восторга, восхищения или восторженного одобрения, например:

- Вау, классно выглядишь! - Вау. Я потрясен. - Вау, какой голос! - Вау, красава! - Вау, какой красавчик! - Вау, какой смайлик! - Вау! Какая потрясающая новость! - Вау, круто! - Вау, классно! Порвала зал, до слёз, вау, шок. - Вау, Инга! Вот что значит юридическое образование! - Вау, вот это клуб! – Все виды транспорта на месяц! Вау! Я расцеловала его, что еще можно в такой ситуации? – Ведущий Сева Новгородцев! Вау! (примеры из НКРЯ и нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

В этой же позиции *вау* используется с целью передачи удивления, что в условиях аутентичной коммуникации можно идентифицировать как на основании ситуативного контекста, так и соответствующего интонирования, менее длительного, с бо́льшим акцентированием гласного *а*:

- Вау! Прямо как в рекламе! - Вау! А и правда работает*! - Вау, не ожидала встретить здесь такую знаменитость! - Вау, куда тебя занесло! - Вау, кто к нам приезжает!* (примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Примеры выражения с помощью *вау* удивления встречаются реже (35 % из всех постпозиционных контекстов употребления) и в большей степени характерны для речи людей старшего возраста (группа от 25 до 50 лет).

В отдельных контекстах выражение с помощью *вау* удивления синхронизируется с выполнением фатической функции, когда коммуникант стремится привлечь внимание адресата, сигнализируя характер содержания дальнейшей части высказывания, однако такие примеры встречаются редко:

- Вау, послушай, какая новость! - Вау, ты слышала эту новость? (примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Совмещение эмотивных и фатических функций в большей степени характерно для ответных реплик, в которых *вау* используется как средство поддержания контакта и проявления эмпатии:

- Меня повысили, я теперь начальник отдела. – Вау! Так вы теперь можете неплохо зарабатывать.

- Мы заняли первое место в конкурсе. - Вау, я не сомневалась в ваших способностях.

- Петя перешел во второй класс. – Вау, такой большой мальчик.

В данных случаях эмоциональная составляющая *вау* незначительна, что проявляется в просодических особенностях: краткости произнесения и нисходящем тоне, маркирующем сам факт понимания воспринимаемой инофрмации и желание поддержать контакт (примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Интересным представляется зафиксированный нами диалог молодого мужчины и женщины, начинающих свои реплики с междометия *вау*:

- Вау! Представляешь, мне дали кредит. - Ваааау, поздравляю!

При этом инициирующий диалог молодой мужчина произносит *вау* коротко и радостно, с победными нотками в голосе, в то время как его собеседница вкладывает в длительное интонирование междометия удивление, сочетающееся с восхищением.

Можно отметить также случаи, в которых *вау* употребляется поспешно, как способ поддержания положительного тона общения, особенно, когда ситуация не представляется в полной мере очевидной:

- Сколько вам лет? – 32. – Вау, клево. Вы одинокий? (НКРЯ).

- Вернулся из Германии в Россию, хоть никто его здесь уже не ждал. – Вау… (пример из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

- У Бориса мечта есть, он хочет, чтобы его именем назвали улицу! – Вау, , – отозвалась Катрин (пример из нашей картотеки – *Т.Ш.*).

Только в 4 % контекстов *вау* находится в постпозиции по отношению к высказыванию:

- Какие цветы, вау! - Какая неожиданность, вау! - Какой ты молодец, вау! (примеры из нашей картотеки – *Т.Ш.*).

Примечательно, что постпозиционное употребление часто является ироническим или саркастическим:

- *Ты уже пришел, вау!*

- *Ты вынес мусор, вау!*

- *Молодец, ничего не скажешь, просто вау!* (примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Случаи иронического или саркастического использования *вау* характерны и для его употребления в препозиции. При этом в условиях устной коммуникации ироническая окраска передается как контекстуально, так и с помощью соответствующего интонирования. Например:

- *Вау! Да ты, оказывается, гений! Получить две двойки в один день!*

- *Вау, ты только посмотри на него! Каков красавец!*

- *Ты во сколько завтра встаешь? - В 6 утра. - Вау!*

- *Я повесил картину.* - *Вау! Йод и бинт не понадобились?* (Примеры из нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

В условиях Интернет-коммуникации выявление случаев иронического или саркастического употребления *вау* представляется затруднительным. Большинство пользователей, осуществляющих интеракцию на каких-либо порталах или форумах, заменяют интонационные средства общения соответствующими эмотиконами:

- *Вау, какие вы слова знаете! ; -) Филолог что ли?*

- *Вау… да вы экстремал… ; -)*

- *Вау… ты профи в рекрутинге;)*

- *Вау, какая галантность: -*

- *Вау, какие передовые идеи ; -)* (НКРЯ)

Представляется небезынтересным тот факт, что ироническое употребление в большей степени присуще речи общественных или политических деятелей, исповедующих так называемые либеральные взгляды. В основном, это журналисты радио и сайта «Эхо Москвы», а также принимающие участие в их передачах или публикациях публичные и общественные российские деятели. Заслуживает внимания тот факт, что для либерального письменного дискурса

характерно употребление *вау* в обособленной синтаксической позиции. При этом единственным используемым знаком препинания является точка:

- *Вау. Читаю официальную позицию правительства России относительно моей жалобы против них в ЕСПЧ и просто: вау* (echo.msk.ru).

- *Вау. Жириновский недоволен англицизмами в русском языке. Бутик предлагает называть лавкой. Лавка мужеложцев «Дольче и Габбана»* (запись в блоге И. Казакова от 18 июня 2016 г.).

Ироническое употребление *вау* может претендовать на роль системного элемента идиолекта публициста В. Шендеровича, характерного как для устной, так и для письменной речи:

- *Позвонили с Первого канала! Предложили поучаствовать в новогоднем шоу Максима Галкина! Вау!* (Запись от 19.10.2006).

- *Вау! Какая чистая предесть эта сатира на Первом канале!* (Запись от 03.01.2010).

- *Потом в кадре появился местный преемник, Серж Саркисян, ростом аккурат с Медведева. Вау!* (Запись от 31 марта 2008 г.).

В высказываниях В. Шендеровича *вау* становится средством намеренной депрециации и едкого высмеивания всех элементов общественного устройства. Отметим, что этот же элемент иронизации дискурса используют в своих в комментариях Интернет-пользователи, подвергающие сомнению высказываемые публицистом мнения и идеи:

- *Вау. Швондер-ович оказывается светило истины?* (anekdot.ru).

Отличительной особенностью функционирования *вау* в Интернет-коммуникации является высокая частотность его употребления в качестве префикса. Большинство используемых сочетаний представляют собой прямые заимствования из американского варианта английского языка. Их вхождение в активную лексику коммуникантов облегчает наличие в качестве определяемой *вау* части слов-интернационализмов (*wow factor, wow moment, wow project*):

- *Автор бестселлера «Маркетинг на 100 %» рассказал новосибирским топ-менеджерам о вау-позиционировании.*

- *Генрик воистину потерялся – не ожидал вау-эффекта; внешность у него вполне обыкновенная.*

- *Мне нравится работать и делать вау-проекты, правда, семья страдает* (НКРЯ).

Все вышеуказанные устойчивые сочетания принадлежат к области бизнес-коммуникации и представляют собой скопированные с английских аналогов коммерческие термины (*вау-фактор* – от англ. *wow-factor, вау- момент – от англ. wow-momen, вау-проект – от англ. wow-project*). Значение *wow-factor* определяется в словаре как «a quality or feature of something that makes people feel great excitement or admiration» (DC) – «качество или свойство чего-либо, заставляющее людей почувствовать огромное возбуждение или восхищение» (перевод наш. – *Т.Ш.)*:

- *А самое главное – «вау-фактор». То есть, чтобы человек вошел в дом, почувствовал аромат и восторженно воскликнул: «Вау!»* (НКРЯ)

В российском Интернете активно используется и успешно конкурирует с *вау-фактором* сочетание *вау-эффект*, достаточно часто сохраняющее английское написание междометия, преимущественно прописными буквами:

Произвести WOW-эффект – это главный элемент крутого обслуживания (bdraiv.ru).

Значимость интенсивного эмоционального воздействия на потребителя подчеркивается в сохранении заглавных букв также в русском написании междометия:

- *Что такое ВАУ эффект? Вы любите приятно удивляться?...Я люблю, вы любите, все любят. Это и есть ВАУ эффект* (bdraiv.ru).

- *ВАУ-эффект по сути – это радостное удивление* (pikab.ru).

Следует отметить, что среди англоязычных словарей данное сочетание фиксируется только в непрофессиональном словаре, составляемом самими пользователями. Wow effect описывается здесь как эмоциональное состояние удивления, вызванное чем-то чудесным или действительно «крутым»: «When

you’re surprised by something wonderful or really great, you get the «wow effect» [Urban].

В рамках акциональных коммерческих мероприятий место *вау-эффекта* занимает *вау-момент*, то есть тот момент, который направлен на произведение *вау-эффекта*:

- *СОЗДАЙ ВАУ-МОМЕНТ. В каждой презентации Стива Джобса был момент, который приводил всех в восторг, момент, который потом все обсуждали. Такие моменты придумывались заранее, чтобы затем вызывать восторг от его слайдов, веб-сайта* (Пинтосевич 2017).

Примечательно, что из области коммерции *вау-момент* переходит в область обозначения интимных чувств и переживаний, становясь средством экспликации самых сильных, позитивных эмоциональных переживаний:

- *Я пережила вау-момент, когда увидела тебя!* (НКРЯ).

Перенятая из американской системы бизнеса проектная форма деятельности находит свое отражение в активном употреблении заимствования *вау-проекты:*

- *Автор предлагает покончить с «посредственным успехом» и, наконец-то, потратить свои силы на что-то стоящее – на ВАУ-проект.*

Посредственный успех становится достоянием прошлого, деятельному и креативному современному человеку предписывается стремление только к высшим достижениям, мерилом которых становится способность проектов производить *вау-эффект*. Данная идеология усваивается активной частью общества, что отражается в высказываниях следующего типа:

- *Все, что не «вау», по-моему, бесполезная трата энергии* (НКРЯ).

Таким образом, в условиях развитого общества потребления удовлетворительного качества продукции уже недостаточно для того, чтобы завоевать покупателя. Залогом коммерческого успеха становится нацеленность продукта на произведение *вау-эффекта*, иначе говоря, каждый продукт имеет эмоциональную составляющую, по сути, предрешающую его коммерческий успех или неуспех. Стремление к «эмоционализации» продукта имеет своим есте-

ственным следствием рост эмоционализации общества, члены которого выступают в роли объекта *вау-воздействия*, стремящегося к максимальному исключению из процесса восприятия когнитивных механизмов оценки[19].

В условиях повседневной коммуникации *вау* все чаще используется в качестве существительного:

- *Посмотрите, как он падает с высоты в 20 метров <.....> Это было вау!* - *Я помню с тобой наши встречи - это было «Вау!».* - *Далее на плиту и приступила к жарке блинчиков! Здесь на меня нахлынуло второе «ВАУ»*. (НКРЯ).

Как видим, в качестве каузаторов *вау*-реакций выступают некие невероятные, выходящие за рамки фоновых знаний субъекта акции, события или объекты. По всей видимости, выбор *вау* в качестве адекватного способа обозначения мотивирован представлениями говорящих (пишущих) об отсутствии среди лексических средств русского языка равноценных способов передачи столь сильных, потрясающих эмоциональных ощущений. Кроме субстантивированного употребления *вау* в значении каких-либо невероятных пережитых ощущений, довольно часто встречаются случаи его использования в качестве маркера восторженно-одобрительной оценки:

- *Мини-кинозал со старинной видео техникой - отдельное вау.*

- *Территория отеля – сплошное вау* (НКРЯ).

Примечательно, что в английском языке, согласно словарю Вебстер, первой конверсивной формой также было существительное, появившееся спустя четыре столетия после междометного возгласа *wow*. Причем его употребление полностью совпадало с лексико-семантическими сдвигами, характерными для данного периода функционирования *wow* в современном русском языке. Ср.: *It was one big wow – Это было сплошное вау.* В сущности, в семантике дескриптивного знака сохраняется характерное и для интеръектива диффузное пред-

[19] Данный процесс получил свое художественное воплощение в романе В. Пелевина «Generation П» в виде теории вау-импульса, описываемого как подсознательное стремление человеческого организма совершить некоторое деяние, связанное с поглощением или испусканием денег.

ставление эмоций, которые настолько потрясающи и сильны, что находят релевантный способ выражения только в перекатегоризированном *вау.*

Современные словари английского языка уже не фиксируют такого употребления, значение субстантивированной формы *wow* объясняется как «очень успешный и привлекательный человек или вещь» («a person or thing that is very successful, attractive or pleasant»), например: *He's a real wow with the girls in his class* **[**DC]. В данной метафорической номинации в виде домена используется эмоция «удивления, восхищения», при этом, в отличие от традиционных наименований человека по имени доминирующей в его психоэмоциональной сфере эмоции (*меланхолик, весельчак* и т.п.), в данном случае ономасиологическим признаком в номинативном акте становятся те чувства, которые данный человек вызывает в других людях. Аналогичная метафорическая модель лежит в основе второго значения субстантивированного *wow,* используемого при обозначении невероятного, сенсационного успеха или объекта данного успеха: «sensational success» [OD], «striking success – hit» [MW]. Например: «your play is a wow» [OD].

В современном русском языке *вау* в роли автономно функционирующего существительного не употребляется в вышеуказанных значениях. Однако существует большая доля вероятности, что акт такой метафоризации может осуществиться, поскольку сочетания *вау-вафли, вау-клиент, вау-карта,* в которых *вау* можно рассматривать как адъективированные единицы[20], могут представлять промежуточный этап на пути автономизации *вау* как существительного со значением успешного человека, приводящего всех в состояние изумленного восхищения.

Комментируя категориальные преобразования междометия *wow,* Т. Тайеби и В. Парвареш обращают внимание на то, что в них имеет место смена агенса на пациенс. В субстанивированном *wow* речь идет не о человеке, который издает возглас *вау*, испытывая некие сильные чувства, а о человеке, который

[20] Словари английского языка не фиксируют употребления *wow* в качестве прилагательного, однако Тайеби и Парвареш рассматривают такие сочетания как *wow factor, wow moment* в качестве примера адъективной конверсии [Tayebi, Parvaresh 2011].

сделал что-то настолько захватывающее, что вынудило других воскликнуть *wow*! То есть, в фокусе конверсива оказывается не адресант, а адресат. Этот же процесс имеет место в глаголе *to wow* [Tayebi, Parvaresh 2011]. Данный факт вызывает изумление авторов, поскольку нарушает характерные для английского языка правила конверсии существительных в глаголы, согласно которым характер агентивности при переходе сушествительного в глагол остается неизменным. Например, *to water* означает налить воды, а не выпить ее, и *to hammer* – пользоваться молотком, а не становиться объектом его использования. Бесспорно, данный сдвиг не относится к ряду регулярных синтаксических трансформаций. Однако в отношении к *wow* он представляется вполне объяснимым, поскольку, как было показано выше на примерах всех устойчивых сочетаний (*wow factor, wow moment* и т.п.), речь идет об оказании целенаправленного воздействия на аудиторию, которой предстоит выступить в роли объекта импрессии.

В отличие от английского языка, *вау* не подвергается вербализации, и можно предположить, что данный тип транспозиции в русском языке представляется маловероятным вследствие специфической фонетической формы заимствованного интеръектива: присоединение суффиксов инфинитива *-ать, -ить, -еть* предполагает наличие предшествующего согласного.

Предметом нашего особого внимания являлась глагольная лексика, вводящая междометие *вау* в прямую речь, как объективный показатель спектра эмоциональных состояний, объективируемых с помощью заимствованного интеръектива. Анализ продемонстрировал высокую частотность употребления *вау*: по запросу *вау* поисковая система гугл показывает примерно 7 830 000 результатов (при *Ух ты* – 4 610 000, *Ничего себе* – 3 790 000, *Вот это да* – 2 590 000). Следует заметить, что на сегодняшний день успешно конкурирует с *вау* только междометие *ого* (21 200 000 результатов), однако в данном случае статистическую погрешность увеличивает внесение в поиск омонимичного окончания *-ого*.

Самыми высокочастотными лексическими средствами, используемыми для ввода в предложение содержащую *вау* прямую речь, согласно данным поисковой системы гугл, являются глаголы *воскликнуть* (300 000 результатов), *удивиться* – 280 000, *поразиться* – 265 000, *восхититься* – 67 300, *изумиться* – 67 300. Высокие показатели характерны для разговорной и просторечной лексики: *офигеть* – 134 000, *обалдеть* – 120 000, что свидетельствует как о сфере функционирования междометия, так и об интенсивности передаваемых с его помощью чувств. Глаголу, вводящему интеръектив в прямую речь, нередко предшествуют наречия, к числу самых активных относятся *потрясенно*: 63 400 результатов, *ошеломленно* – 57 300. Использование наречия *саркастически* также достаточно частотно (54 000 результатов), однако в большей степени характерно для текстов переводной литературы.

Анализ особенностей функционирования *вау* в текстах литературных произведений современных авторов позволяет прийти к выводу, что в жанровом соотношении самая высокая частотность *вау* характерна для литературы-фэнтези и детективных романов:

- *Вау, от тебя я такой продвинутости не ожидала* (Донцова. Букет прекрасных дам).

Среди глаголов, вводящих возглас *вау* в прямую речь персонажей, чаще всего фигурируют глаголы, передающие сильные эмоциональные переживания: *поразиться, восхититься, изумиться* и др.

Вау! – *восхитился я. – Тут свет есть! Я оглянулся на спутников. Те стояли с испуганным видом и вытаращенными глазами смотрели на новое чудо* (Кощиенко, «Одинокий демон»).

Вау! – восхитился Юра. – Какая ножка! – А туфельки? – не отставала неугомонная Саша. – Тоже вау! – рассмеялся Юра. – Ты само совершенство (Незнанский, «Хочу увидеть океан»).

- *И вы пришли? – изумился он, увидев Артема. – Вау-у!.. Это клево* (Трусиновская, «Охота на обезьяну»).

- Дайте два. – Два? – поразился продавец, и его лицо разом сделалось красным (Орлов, «Перехват»).

Довольно часто используется также глагол *удивляться*:

Вау! *– удивилась продавщица. - Ваш муж Вениамин Харитонович?* (Донцова, «Приданое лохматой обезьяны»).

Глаголам речи *воскликнуть, вскричать, закричать* часто предшествуют наречия *потрясенно* или, реже, *ошеломленно:*

- Папочка, ты пришел в себя? …Со второго этажа спустился Ивар, заглянул в комнату и потрясенно произнес: - Вау! (Карпович, «Семейная тайна»).

Кроме вышеперечисленных лексических средств введения заимствованного интеръектива, в текстах современной беллетристики используются глаголы *обрадоваться, вскричать, завопить, заорать, открыть от изумления рот, обомлеть, оживиться, подумать*. Семантика некоторых из них подчеркивает спонтанность и непроизвольность восклицания *вау*: *вырвалось у кого-то вау*, *непроизвольно вырвалось у …*, *не сдержался*; *не сговариваясь, дружно заорали вау:*

Непроизвольно вырвалось «вау» во время просмотра фильма» (Донцова. «Судьба найдет на сеновале»).

Вау! – вырвалось у меня. – Шикарная у Вас ванная, Максим! В наше время далеко не у всех было джакузи (Скрыпник. «2213, футуро-повесть»).

Вау! – вырвалось у Сашки, от удивления растерявшего все остальные слова (Гарина. «Принц Идима»).

Использование данных лексических средств введения в речь междометия *вау* может представлять собой свидетельство интериоризации чуждого конвенционального средства выражения эмоциональных состояний.

Анализ функционирования заимствованного междометия *вау* в различных типах речевых практик с привлечением данных, полученных нами в ходе выполненного двукратного анкетирования носителей современного русского языка, позволил прийти к следующим выводам.

Заимствованное *вау* по своей фреймовой структуре не имеет полных эквивалентов среди русских междометий и фразеорефлексов, выражающих сходные эмоции удивления или восхищения. Для междометия *Ого!* и фразеорефлексов *Ничего себе! Вот это да!* характерен субъектно-ориентированный подход, при котором эмоция удивления возникает как следствие оценочной, когнитивной деятельности индивида. Осознание рассогласования предыдущего и текущего фрагментов знания приводит к возникновению эмоции удивления, интенсивность которой зависит от «уясненной» индивидом степени рассогласованности. Все русские междометия данной группы с фонационной точки зрения в большей степени предназначены для передачи эмоционально маркированного итога осуществленной когнитивной оценки, нежели для выражения самого процесса протекания состояния удивления или восхищения.

Для употребления *вау* характерна объектно-ориентированная модель удивления (восхищения, потрясения), с доминирующей в ней ролью объекта импрессии. Данная модель требует наличия определенного типа каузаторов, которым атрибутируется свойство «невероятных», «уникальных», «феноменальных», «потрясающих» и т.п. Степень рассогласования типовых каузаторов *вау* с имеющимися у индивида в этой области знаниями и представлениями настолько высока, что не поддается рациональному осмыслению. Таким образом, в большинстве ситуаций *вау* работает вне механизма когнитивной оценки, представляя собой мгновенную реакцию органов чувств, а не эмоциональный итог когнитивных «сверочных» операций между наблюдаемым каузатором и уже имеющейся системой знаний и представлений о нем.

Основанность *вау* на действии исключительно сенсорно-перцептивных механизмов обеспечивает выполнение им следующих важнейших прагматических функций в сознании носителей языка-реципиента: 1) приучения к низшим, сенсорно-перцептивным формам выражения интенсивного позитивного удивления; 2) формирования «инстинкта» потребления путем выработки условного *вау*-рефлекса; 3) воспитания гедонистического отношения к окру-

жающему миру как важного составного элемента поведенческой матрицы индивида.

В процессе семиозиса в русском языке *вау* подверглось субстантивации, адъективации и адвербиализации, приобретая значение наивысшего качества предмета оценки. Использование интеракционального знака, предназначенного для экстериоризации сильных эмоциональных ощущений, в качестве мотивационного признака, лежащего в основе номинаций со значением высокой оценки, является репрезентантом значимости эмоций восхищения или наслаждения для общества потребления, с присущими ему гедонистическими ценностями.

В целом, сравнительная фреймовая структура *wow* в языке-доноре и *вау* в языке-реципиенте может быть представлена в следующей таблице:

Таблица 10. Фреймовая структура *wow* в языке-доноре и *вау* в языке-реципиенте

Междометия	*Wow*	*Bay*
Основные выражаемые эмоции	Удивление (позитивное, нейтральное, негативное), удовольствие, восторг, восхищение, изумление, возбуждение, трепет, благоговение. Ироническое (саркастическое) употребление.	Восхищение, восторг, потрясение, изумление, удивление (позитивное). Ироническое (саркастическое) употребление.
Тип стимулов	Вербальный/невербальный. Объектно-событийный.	Вербальный/невербальный Объектно-событийный.
Характер каузации	Различная степень превышения объектом импрессии известных индивиду параметров: от необычности до невероятности. Атрибутируемая объекту импрессии высшая степень качества.	Невероятность (уникальность, феноменальность) объекта импрессии. Атрибутируемая объекту импрессии высшая степень качества.
Лежащий в основе объективации внутренний механизм	Задействованность/незадействованность когнитивных механизмов	Незадействованность /задействованность когнитивных механизмов.
Характер удивления	Нейтральное/позитивное/негативное;	Позитивное, ироническое (саркастическое) употребле-

	ироническое (саркастическое) употребление	ние
Градуирование (интенсивность) эмоции. Длительность	Слабое, нейтральное, сильное, очень сильное, неконтролируемое. Краткое (в случае слабого, нейтрального и иронического); длительное (в случае интенсивного положительного) удивления.	Очень сильное неконтролируемое/слабое контролируемое. Длительное (в случае интенсивного положительного) удивления; краткое (в случае иронического употребления).
Типы речевых актов, в которых используется *wow*	Реактивы (речевые акты, выражающие каузируемые объектом импрессии эмоциональные состояния). РА похвалы, комплимента, эмпатии.	Реактивы (речевые акты, выражающие каузируемые объектом импрессии эмоции). Проактивы (в случае редупликации и трипликации: *вау-вау; вау-вау-вау, полечге*)
Типы транспозиции	Глагол *to wow* (удивлять, поражать кого-либо). Существительное *wow* (в значениях: 1) «успешный, привлекательный человек», 2) «сенсационный успех».	Побудительное междометие (*вау-вау, полегче*). Существительное или наречие *вау* (со значением наивысшей эмоциональной оценки: «что-то потрясающее, невероятное»; «потрясающе, поразительно»)

4.2. Заимствованное англо-американское междометие *йес!* в современном русском языке

Среди англо-американских эмотивных междометий, усвоенных практически всем глобализирующимся человечеством, особое место занимает возглас *йес*! Если внедрение англо-американского интеръектива *вау* вызвало и все еще продолжает вызывать значительный общественный резонанс и бурное неприятие российских лингвистов, то вхождение другого современного интеръективного американизма *йес!* в различные виды дискурсивных практик произошло органично и незаметно. С большой долей вероятности можно предположить, что подобная публичная и профессиональная «индифферентность», с одной стороны, связана с его предыдущей фонетической известностью всем носите-

лям русского языка в форме утвердительной частицы *yes*, лишь незначительным образом видоизменившей в процессе интеръективации свою просодию. Другим фактором «незаметного» внедрения возгласа *йес!* явилась свойственная ему форма интродукции, отличная от агрессивной формы вхождения *вау* через неоднократно повторяемые рекламные телеролики.

В отличие от *вау*, междометие *йес!* до сих пор практически не привлекало внимания ни зарубежных, ни отечественных лингвистов, хотя вслед за *вау* его следует признать вторым по популярности интеръективом, вошедшим в речь носителей различных европейских языков. И. А. Шаронов, один из немногих, упоминает *йес!*, причисляя его к составленному на основе анализа базы данных списку вокальных жестов, передаваемых двадцати семью наиболее частотными первообразными междометиями и их менее частотными синонимами. Данный список включает как исконно русские, так и заимствованные междометия, принадлежащие к различным интеръективным классам (эмотивные, когнитивные и императивные): *а, о, э, у, ого, ой, ай, ай-яй-яй (ой-ой-ой), ах, эх, ох, ух, уф, фу (фи), тьфу, брр, ффф (ссс, шшш), тс, ц-ц-ц, ммм, упс, оп-па (оба-на), йес, ба, ну, да (м-да), гм (хм)* [Шаронов 2006: 562].

Проблема лингвистического описания *yes!* требует, в первую очередь, решения вопроса о его корректной категоризации в рамках определенного класса междометий. Как мы указывали выше, И.А. Шаронов относит *йес!* к группе первообразных эмотивных междометий [Шаронов 2006: 562], и, действительно, по своим фонетическим характеристикам и способу функционирования (яркое жестово-мимическое сопровождение, употребление как способа конвенционального реагирования в определенных симптоматических ситуациях) данный «вокальный жест» органическим образом вписывается в группу первичных междометий. В то же время анализ контекстов функционирования *yes!* в среде языка-донора дает все основания для выводов о том, что междометие *yes!* представляет собой результат интеръективации английской утвердительной частицы *yes*.

Как известно, *yes* в качестве утвердительной частицы стоит в начале двух регулярно тиражируемых американских слоганов: «Yes, we can it!» и «Yes, we did it!». Данные ассертивные утверждения гармоничным образом вписываются в матрицу существования американского социума в рамках важнейшей мировоззренческой идеологемы challenge'a (вызова) как основной движущей силы развития индивида и общества. О регулятивной роли данного лингвоконцепта в системе мировоззренческих координат США писали в своих работах В. И. Карасик (2002), А.А. Ривлина (2005), Е.В. Есенкова (2008), Т.М. Шкапенко (2012, 2016) и др.

Неслучайно Б. Обама 10.01. 2017 г. свою прощальную речь на посту президента завершил двумя краткими слоганами – основополагающими культурно-семиотическими маркерами деятельностного, агентивного отношения американцев к окружающей действительности: *Yes we can. Yes we did. - Да, мы можем. Да, мы это сделали* [Euronews]. Темпоральное соположение модальности возможности с модальностью свершившегося действия – *мочь* и *сделать* – превращает данные краткие, выраженные в эмфатической утвердительной форме лозунги в один из наиболее суггестивных модуляторов языкового сознания американской нации. Постоянно тиражируясь в различных вариациях в рамках лингвокультурной ситуации США, данные лозунги отражают важнейшие мировоззренческие идеологемы американского общества, приучаемого к напряженной деятельности в рамках действия разнообразных «вызовов». З.К. Сабитова справедливо указывает на заимствование данного слогана как свойственного американской лингвокультуре стереотипа речевого поведения: «Заимствованный стереотип речевого поведения выражается во фразе *Я (мы) сделал (и) это*!, знаменующей успешное завершение дела» [Сабитова 2013: 477].

Рассмотрение симптоматических ситуаций употребления *yes!* в различных типах речевых практик в американском варианте английского языка (реплики героев фильмов, спортивный и политический дискурс, поликодовые Интернет-тексты) позволяет прийти к однозначному выводу о лежащем в основе интеръ-

ективации *yes* эллипсисе прототипического американского слогана *Yes, we did it!*. Переход находящейся в препозиции к высказыванию утвердительной частицы в междометие начинается уже в рамках полностью функционирущего слогана. Говоря *yes, we did it!*, произносящий субъект использует *yes* отнюдь не с целью бесстрастной констатации выполненного задания; он стремится подчеркнуть, что достижение поставленной цели было сопряжено со значительными трудностями и что в данный момент он испытывает чувство некоей удовлетворенной гордости. Усечение «разъяснительной» части слогана приводит к компрессии его содержания, что отражается на уровне просодии в подчеркнуто эмфатическом произнесении согласного [j]. В результате *yes!* полностью автономизируется и приобретает все типологические характеристики первообразных междометий. Более того, *yes!* остановится ярким, этнокультурно маркированным американским вокальным жестом, входящим в качестве одного из важнейших прагматических модулянтов в этнокультурную матрицу поведения индивида.

Агентивный характер содержащейся в *yes!* экспрессии передается также в соответствующем жестовом и мимическом сопровождении (энергично сжатый кулак, согнутая в локте рука, часто экспонирующая мускулы, сжатые губы, демонстрирующие решимость и высшую степень удовлетворенности совершенным сложным действием или одержанной победой). О способе внешней манифестации эмоций можно уверенно судить на основании огромного количества размещенных в Интернете картинок, мемов, фрагментов американских мультипликационных или художественных фильмов, эпизодов различных проводимых в США спортивных состязаний. Идентичный характер жестово-мимической объективации, сопутствующий произнесению слогана *Yes, we did it!* и восклицанию *yes!* (а также многократному его повторению *yes, yes, yes!*), также может рассматриваться как дополнительное доказательство справедливости нашей версии о происхождении междометия из соответствующего целостного высказывания.

Анализ различных способов функционирования *yes!* в англо-американском дискурсе позволяет очертить круг тех симптоматических ситуаций, которые каузируют его употребление. Не подлежит сомнению, что основным каузатором выступает одержанная над противником победа, что обусловливает преимущественную актуализацию интеръектива в высказываниях спортсменов и политиков. Восклицание *yes!* является также характерной принадлежностью речи многочисленных персонажей американских мультфильмов. Возглас *yes!* звучит в тот момент, когда противник полностью повержен и уничтожен в результате ожесточенной физической схватки. Одним из самых ярких образцов, демонстрирующих употребление *yes!*, может служить фрагмент мультфильма Street Fighter (Bison Yes). Расправившись с противником, анимационный герой сверкает преисполненными злорадством глазами; произнося *yes!*, он преднамеренно выделяет и пролонгирует звук [J], в специфической просодии которого отражается величайшее торжество и абсолютное превосходство над уничтоженным и попранным противником.

«Силовая» сфера реализации междометия преобладает и в аутентичных ситуациях. Фрагменты, в которых звучит победное *yes!*, чаще всего относятся к таким видам спорта, как бокс, или другие виды силовой борьбы. При этом победитель, как правило, произносит троекратное *yes! yes! yes!* Эпизоды, содержащие показ торжествующих победителей, широко растиражированы в англоязычных Интернет-ресурсах. Весьма симптоматичным представляется запечатленный на видео момент, когда после окончания матча американский ведущий инициирует массовое и долговременное скандирование зрителями *yes! yes! yes!*, что говорит о значимости данного интеръектива в системе прагматических модуляторов американского этносоциума. Такие массовые выкрики, сопровождаемые выбросом вверх правой руки (или обеих рук) с поднятыми вверх указательными пальцами, вызывают определенные ассоциации с не столь далеким историческим прошлым (Bryan: YES!; Travis YES!)

Победные сцены, снабженные соответствующей подписью *yes!*, составляют основу многочисленных Интернет-мемов. Отсутствие возможности отразить

характерное интонирование междометия компенсируется иконическим рядом: передачей ярко выраженной силовой семиотики американского интеръективного жеста[21].

Примечтально, что не все словари английского языка (в том числе словарь английских междометий) регистрируют интересующее нас значение *yes!* как интеръективного восклицания, что, очевидно, связано с его принадлежностью к американскому варианту английского языка. Collins Dictionary указывает: «*Yes* – in American English, Informal»: good, that's it, I've got it, etc.: spoken emphatically in expressing satisfaction, agreement, pleasure etc.» («хорошо, я сделал (получил) это и т.п., произносимое с эмфазой с целью выражения удовлетворения, согласия, удовольствия» и т.п.) [Collins].

Словарь «Oxford Learners Dictionary» определяет *yes!* как восклицание (exclamation) и в качестве одного из значений (12-ое) среди 13 указывает на употребление его в тех ситуациях, «когда вы возбуждены или чрезвычайно довольны тем, что вы что-то сделали, или что-то случилось»: *«yes* – «used to show that you are excited or extremely pleased about something that you have done or something that has happened»: *They've scored another goal. - 'Yes!!'* [OLD].

Словарь «Dictionary Reference» выделяет в качестве последнего из семи значений употребление *yes* как междометия, употребляемого с целью выражения сильных чувств радости, удовольствия или одобрения: *yes:* 7. (interjection) «used as a strong expression of joy, pleasure, or approval» [DRC].

Вики-словарь определяет *yes* как междометие, используемое с целью передачи возбуждения или радости: *«Yes* – interjection, used to show excitement or joy: *I won! Yes!*» [Wiki].

Таким образом, все словари предлагают дефиниции междометия на основе референции к имени тех эмоций, которые они, по мнению составителей словарей, передают: «радость (сильная радость), удовольствие, одобрение». Не вы-

[21] Весьма симптоматичным представляется использование Интернет- школой «Begin English» Интернет-мема , на котором представлен маленький ребенок с плотно сжатыми губами и кулаком, убедительным образом визуализирующий междометие yes!, с одновременным переводом на русский язык: «да, согласие». http://begin-english.ru/words/yes.

зывает сомнений, что традиционный способ лексикографического представления не дает ни малейшего представления об истинной сценарной специфике междометия *yes!* и весьма сложных и неоднозначных эмоций, выражаемых посредством его произнесения. Более того, если соположить рассмотренные нами выше симптоматические ситуации со словарными дефинициями, то можно сделать недвузначный вывод о том, какие события доставляют членам американского этносоциума сильную радость и удовольствие.

Более объективную картину способно предоставить проведение комплексного анализа, в том числе сравнительно-сопоставительного, позволяющего обнаружить отличия американского интеръектива от его предполагаемых интеръективных аналогов в русском языке, а также охарактеризовать особенности интродукции и функционирования заимствованного *йес!* в речевых практиках носителей современного русского языка.

С этой целью нами было проанализировано 200 употреблений междометия *йес!*. Из них – 35 устных публичных высказываний на ТВ, 65 – аутентичных высказываний носителей русского языка в практике устного и чатового общения в Интернете, 35 поликодовых Интернет-изображения и 65 диалогических срезов из произведений авторов современной российской беллетристики, в том числе из Национального корпуса русского языка;

Анализ процесса вхождения междометия в русскую лингвокультурную среду позволяет предположить, что первым фильмом, осуществившим релокацию *йес!* в речевые практики носителей современного русского языка, явилась американская рождественская комедия «Один дома», вышедшая в российский прокат 27 декабря 1993 года (в оригинальной версии «Home alone», 1990 г.). Главный герой фильма, восьмилетний Кевин, каждый раз, когда ему удается подстроить удачную ловушку двум незадачливым злодеям, сопровождает одержанную мини-победу возгласом *йес!* Из ситуативного контекста очевидным образом следовало, что это краткое и энергичное восклицание передает испытываемое мальчиком радостное возбуждение, вызванное одержанной победой.

С большой долей уверенности можно предположить, что именно содержащийся в данном интеръективном жесте лингвистический и экстралингвистический элемент «демонстрации силы» обусловил его быстрое проникновение в публичный дискурс политических и общественных деятелей различных стран. Так, бывший польский премьер Д. Туск, ныне председатель Европейского совета, регулярно прибегает к использованию данного восклицания. При этом область каузации включает сложные, основанные на остром противостоянии ситуации, заканчивающиеся желательным для польского политика результатом.

Примечательно, что Д.Туск не удовлетворяется единичным восклицанием *yes*!, употребляя всегда троекратное «*Yes, yes, yes!*». Так, триумфальным возгласом „*Yes, yes, yes!*" отреагировал польский политик на результаты голосования в Сейме евробюджета, демонстрируя удовлетворенную радость в связи с победой над сильной оппозицией (Dziennik1). Комментируя свою удовлетворенность достигнутым компромиссом на заседании Совета Евросоюза, Д. Туск 30 октября 2009 года произнес чрезвычайно важную для понимания сущности англо-американского интеръектива фразу: «*Nie będę robił z tego brukselskiego yes, yes, yes, bo nie pokonaliśmy przeciwników, ale jestem usatysfakcjonowany kompromisem*» («Не буду делать из этого брюссельского *йес, йес, йес*, так как мы не победили, но я удовлетворен достигнутым компромиссом» (перевод наш. – *Т.Ш.*) (Dziennik2).

Данное высказывание представляется довольно симптоматичным. С одной стороны, политик, недавно вошедший в круг западной политической культуры, указывает на комплексную структуру интеръектива *yes!*, содержащую не только вокальный, но и сильный жестово-мимический компонент: «делать *yes, yes, yes!»* С другой стороны, указывает на ритуальную составляющую данного жеста, выполняющего роль культурно-семиотического маркера конфронтации и одержанной в ней победы. Наконец, комментируя достигнутый компромисс, Туск недвузначным образом дает понять, что в центре политической бюрократии Евросоюза происходит борьба добровольно объединившихся стран и де-

лать брюссельское *Yes, yes, yes!* означает радоваться одержанной победе над теми из них, кто пытается противостоять выработанным Брюсселем решениям.

Употребление *йес!* становится характерным и для речи многих российских политиков. В. В. Путин, беседуя с мальчиком – победителем географического диктанта, хвалит его за правильный ответ: «*Йес, молодец!*» (Границы России, 24.11. 2016). Обращает на себя внимание объединение в данной реплике двух этноспецифичных знаков: американского *yes!* и не менее культуроспефичного русского *молодец*. П. Порошенко, присутствуя на сдаче укрытия над саркофагом в Чернобыле, присовокупляет гордое американское *йес!* к украинскому высказыванию: «Yes, ми це зробили» (Еспресо TV 29.11.2016). В выпуске «Вестей» режиссер Никита Михалков, говоря об успехе своего фильма «Солнечный удар» и рассуждая о необходимости сохранения исконных русских ценностей, произносит фразу с включенным в нее американским *йес!*: «*Это такое удивительное чувство, когда зрители просят вернуть фильм в прокат. Yes! – значит, есть зритель, которого интересуют серьезные темы*» (Вести 19.12. 2014). Внедрение американского интеръектива в высказывание, призывающее к сохранению русских ценностей, представляется вполне симптоматичным с точки зрения их реального положения в текущей лингвокультурной ситуации.

Кроме политического дискурса, наиболее характерной областью употребления *йес!* являются спортивные состязания, в которых по определению имеются победители и проигравшие. Примечательно, что из 32 проанализированных нами поликодовых Интернет-текстов 22 относятся к области спорта, 6 – к области бизнеса, и 4 – не имеют конкретной тематической привязанности, представляя собой изображение характерной мимики и жестов какого-либо человека, произносящего *йес*!.

Необходимо отметить, что данное восклицание употребляется не только самими спортсменами, но и болельщиками. В анализе данных ситуаций особенно ярко проявляется чрезвычайно важная трансформация (или уточнение)

лежащей в основе восклицания калькированной с английского *Yes, we did! – Да, мы сделали!*

Выросшая в США российская теннисистка Мария Шарапова чрезвычайно часто на корте прибегает к возгласу *йес*!, сопровождая его сжатием ладони в кулак и специфическим прищуром глаз. Комментируя свою победу на турнире в 2011 году, Мария произносит: *«Йес, я снова всех "сделала"!»* (Шарапова, 04.08. 2011). Не подлежит сомнению, что в этой фразе содержится непосредственное указание на конфронтационную позицию ориентированного на эгоцентрический успех индивида. *Йес*! – это не та коллективная радость без «двойного дна», которая выражается с помощью возгласа *ура!*, это констатация чувства глубокой удовлетворенности реализацией своих целей в стремлении быть лучшим, при одновременной удовлетворенности тем, что все остальные хуже.

Наблюдение различных ситуаций употребления *йес*! – как в стране-доноре данного интеръективного возгласа, так и в странах-реципиентах – позволяет предположить наличие в коррелирующем фрейме двух важных составляющих – эмоциональной констатации своего достижения и своего превосходства и той или иной степени удовлетворенности поражением, нанесенным другой стороне.

Если мы попытаемся представить сценарий *йес!* согласно предложенной А. Вежбицкой матрице, то его схема может быть описана следующим образом:

Я очень хотел получить результат Х,

Этот же результат Х хотели получить другие,

Я получил результат Х,

Другие не получили результат Х.

Я сейчас чувствую что-то хорошее, что чувствуют люди в этой ситуации.

Данный сценарий выявляет относительность последнего компонента традиционной схемы, который представляет чувства человека в определенной ситуации как универсальные, свойственные любому homo sentiens: «I feel something (good) (bad) because of that». Анализ различных ситуаций употребления

йес! демонстрирует, что конкретные эмоциональные ощущения в вышеописанной ситуации могут разниться значительным образом. Причем речь идет не о дифференцированной степени интенсивности переживаемого радостного возбуждения произносящего, а о характере испытываемой им эмоции, вызванной осознанием факта недостижения результата X другими желающими. Очевидно, данное эмоциональное ощущение может быть представлено в сценарии в качестве дополнительного компонента: Я не хотел, чтобы данный результат получили другие. В этом случае декомпозиционный сценарий представляется более полным и релевантным испытываемым субъектом чувствам:

Я очень хотел получить результат X,

Этот же результат X хотели получить другие,

Я не хотел, чтобы данный результат получили другие.

Я получил результат X,

Другие не получили результат X.

Я сейчас чувствую что-то, что чувствуют люди в этой ситуации.

Интересную ситуацию, наглядным образом демонстрирующую действие компонента «Я не хотел, чтобы данный результат получили другие» можно было наблюдать на Чемпионате Европы по фигурному катанию 2017 г. в Остраве, когда российская фигуристка Анна Погорилая (репортаж от 28.01. 2017) в нервном напряжении ожидает оценок после не очень удачного выступления. Когда на табло высвечиваются оценки и фигуристка понимает, что по сумме двух программ она все-таки опережает преследовательницу, занимая второе место, у нее вырывается удовлетворенное *Й-й-ес!,* в сценарии которого, несомненно, присутствует озвученное М. Шараповой признание «я ее сделала».

Такая же удовлетворенная радость в связи с одержанной победой и одновременно в связи с нанесением поражения прослеживается в возгласах многочисленных болельщиков. Типичной ситуацией употребления *йес!* становится его употребление в качестве конвенциональной реакции на забитый гол в напряженной игре, успешно нанесенный противнику удар, выигранную в жесткой конкуренции игру и т.п. Такие контексты употребления свидетель-

ствуют о том, что междометие *йес!* в высшей степени конфронтационно, оно проводит четкую демаркационную линию между «своими» и «чужими». При этом категорию «свой» чаще всего составляет сам индивидуум, противостоящий группе «чужих»; либо оппозиция «свой» – «чужой» выстраивается по признаку принадлежности к какой-либо профессиональной, социальной, а также национальной группе.

Не случайно на спортивных форумах радостное восклицание «Наши победили!» все чаще соседствует с констатацией «Мы их сделали», подчеркивающей превосходство и удовлетворенность нанесенным противнику поражением. Обращает на себя внимание употребление переходного глагола *сделать* по отношению к нетипичным объектам – людям, что повышает статус субъекта действия, понижая одновременно статус проигравшей стороны, низводя ее, в сущности, на уровень неодушевленных предметов.

Многочисленные вариации следующей за *йес!* фразы *мы их сделали* представлены на Интернет-порталах, участники которых обсуждают удачные боевые действия российских военных, например: *Как круто мы их сделали! Мы их сделали, как котят», Мы их порвали* и т.п., эксплицитным образом демонстрирующими структуру переживаний, кроющихся под победным возгласом *йес!*

Употребление *йес!* становится неотъемлемым атрибутом речи героев разножанровой современной литературы – от приключенческих повестей – до фэнтези. Чаще всего в качестве лексических средств введения междометия в прямую речь используются глаголы со значением речемыслительной деятельности: *воскликнуть, вскрикнуть, заорать, закричать, возгласить, пропищать, пропеть, подумать*. Данные глаголы достаточно часто характеризуются с помощью наречий *торжествующе* и *триумфально*:

- *Йес! – вскрикнул довольный Женька, изобразив характерный жест рукой*. (Альтанов. «Право на жизнь»).

- *Йес! – торжествующе возгласил Люсьен. – Задвигай на место. Так... Теперь ползём отсюда.* (Рыжов. «Трое в подземелье»).

- *Йес! – восторжествовала Катя и взяла тетрадь. А теперь гони мой мобильник. Мобильник ...Мы победили. Победили!* (Суслин. «Сокровище с неба»).

- *Йес! – триумфально пропела Грицак и решительно пошла в сторону зеленой машины* (Хмельницкая. «Шпион в костюме Евы»).

- *"О йес, йес, йес, – заорал мой мозг, – Идет птичка да на клетку!"* (Феридана. «Накатоми»).

- «*Йес!» – едва не вырвалось у отца Петра с Максимом Ивановичем, обрадованными не меньше Веньки* (Шурупов. «Джокер старого сыскаря»).

Последний пример представляется весьма показательным с различных точек зрения: во-первых, «*едва не вырвалось*» имплицирует интериоризированность заимствованного междометия, во-вторых, свидетельствует о том, что эмоции, скрывающиеся под данным восклицанием, не относятся к тем, которым следует демонстрировать, в-третьих, заслуживает внимания сам факт предицирования *йес!* священнослужителю.

Приведем также отдельные примеры из аутентичных, записанных нами высказываний, с указанием возраста, а также гендерной и социальной принадлежности произносящего:

- *Молодец! Как они тебя слушали, открыв рот. Думаю, йес! Знай наших! –* (педагог, профессор, 70 лет, женщина – на семинаре с иностранными участниками).

- *Я вчера иду в новой норковой шубе, и мне навстречу Х., думаю, йес! –* (социолог, женщина, 53 года).

- *Думаю, йес!, так тебе и надо! Не будешь за другими юбками бегать.* (косметолог, женщина, 38 лет).

- *Йес! Получил по заслугам! Бог не фрайер!* (администратор, 33 года - узнав об увольнении директора).

- *Читали, что про него написали? Йес! Нашелся смельчак, который сказал правду* (пенсионерка, 56 лет).

Если в первом примере проявляется то же чувство удовлетворенности превосходством «своих» и гордостью за их достижения, которые характерны для

описанных выше спортивных ситуаций, то во втором примере говорящий выражает свою удовлетворенность тем, что доказал некое свое превосходство по отношению к другим участниками ситуации. В последующих высказываниях в *йес!* каузируют, в которых с кем-то случилось что-то плохое, что представляется произносящему неким заслуженным актом возмездия и, соответственно, вызывает чувства, которые могут быть охарактеризованы как торжество или злорадство. В этом случае экспликационный сценарий *йес!* выглядит следующим образом:

Х сделал У что-то плохое,

Теперь с Х случилось что-то плохое,

У считает, что Х заслужил это плохое,

Поэтому У чувствует что-то.

Примечательно, что наши информанты в США (5 человек) на вопрос, возможно ли употребление *yes!* в ситуациях, в которых оно становится средством выражения чувства удовлетворенности свершившимся актом возмездия, иначе говоря, употребляется как способ выражения гибридной эмоции злорадства, ответили резко отрицательно. К сожалению, данные Национального корпуса современного американского языка не позволяют верифицировать справедливость/несправедливость такого утверждения, поскольку не приводят предшествующей *yes!* реплики и не описывают соответствующей симптоматической ситуации.

Тем не менее, наблюдаемые нами отдельные примеры функционирования междометия *yes!* в речи американцев заставляют предположить, что ответы информантов могут быть вызваны неосознанием или нежеланием признать корреляцию данного возгласа с эмоцией злорадства и торжества. Ярким примером такого употребления является эпизод, снятый американским телевидением и показанный 17 мая 2015 года в программах «Вести» (Россия-1) и «Время» (Первый канал). В фокусе камеры находятся родственники людей, пострадавших в теракте, совершенным Джохаром Царнаевым во время марафона в Бостоне. Когда ожидающие возле здания суда близкие и знакомые слышат

информацию о смертном приговоре, одна из женщин разражается преисполненным злорадства возгласом *y-yes!*

Справедливость подобного истолкования данного употребления *yes!* находит непосредственное подтверждение в комментарии, прозвучавшем на радио «Голос Америки»: «Одна из более 260 пострадавших во время взрывов на марафоне в апреле 2013 года – Хезер Эбботт, потерявшая ногу, после выступления в суде заявила, что ожидает от присяжных смертного приговора Царнаеву и что только его казнь может вернуть ей покой и силы жить дальше» (Голос Америки, 17.05. 2015). Таким образом, можно предположить, что данный сценарий употребления *йес*! характерен и для страны лингводонора, а не является результатом семиозиса заимствуемого знака в рамках принимающей лингвокультурной среды.

Экспликационная схема употребления *йес!* в ситуациях такого типа может быть представлена следующим образом:

- Х сделал У что-то плохое,
- Теперь с Х случилось что-то плохое,
- У считает, что Х заслужил это плохое,
- Поэтому У чувствует что-то хорошее.

Такой способ декомпозиции отчетливым образом дает понять, что *йес!* употребляется как средство выражения злорадства.

Реальную динамику функционирования заимствуемого интеръектива *йес!* демонстрирует анализ выполненного нами двукратного анкетирования в 2010 и 2017 годах. Всего на вопросы анкеты ответили 450 человек в 2010 году и 450 человек в 2017 году. В каждой возрастной группе (от 15 до 25 лет, от 26 до 50, от 50 и выше) приняли участие по 150 человек. Гендерный состав анкетируемых – 68% женщины и 32 % мужчины в первом анкетировании и 58 % женщины и 42 % мужчины – во втором анкетировании.

Активнее всех междометие *йес!* употребляют анкетируемые в возрастной группе от 18 до 25 лет (77 % в 2010 г. и 81% в 2017 г.), в группе от 26 до 50 лет – 58 % и 61 %, в группе свыше 50 лет – 31 % и 37%. Прослеживается относи-

тельная гендерная маркированность употребления междометия, среди всех использующих междометий в 2010 году 43 % составили мужчины, и 37 % женщины, в 2017 году - 51 % и 49 %. Встречались также ответы, авторы которых указывали, что затрудняются сказать, употребляют данный возглас или нет.

На второй вопрос анкеты, как часто вы слышите междометие *йес!*, большинство отвечающих во всех возрастных группах выбрали ответ «иногда»: 57% (2010) и 55 % (2017) в группе от 15 до 25 лет, 54 % (2010) и 48% (2017) в группе от 26 до 50 лет, и 33% (2010) и 37 % (2017) в группе свыше 50 лет. Ответ «часто» выбрали соответственно 18% (2010) и 25 % (2017) в группе от 15 до 25 лет, 21 % (2010) и 30 % (2017) в группе от 26 до 50 лет, и 33% (2010) и 37 % (2017) в группе свыше 50 лет. Встречались также ответы, авторы которых указывали, что затрудняются сказать, насколько часто слышат *йес* [22]. Таким образом, динамика пассивного употребления междометия *йес!* в соответствии с данными анкетирования может быть представлена следующим образом:

Таблица 11. Пассивное употребление *йес!*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Иногда	57%	55%	54%	48%	33%	37%
Часто	18%	25%	21%	30%	33%	37%
Редко	25%	20%	25%	22%	34%	26%
	15 - 25 лет		*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Из всех предложенных в анкете дискурсивных областей функционирования *йес!* участники отметили в качестве релевантных все перечисленные в анкете области (фильмы, спортивные и конкурсные состязания; выступлениия политиков, повседневная речь окружающих). Среди младшей возрастной группы 26 % в 2010 году и 21 % в 2017 году не отнесли публичные речи политиков к области употребления интеръектива *йес!*.

Варианты ситуаций, в которых употребляется данный возглас, практически не изменились качественно и количественно на двух этапах анкетирования.

[22] Факт «незаметности» для носителя современного русского языка также можно считать свидетельством освоенности англо-американского междометия, в соответствии с этапами освоения, предложенными Л. П. Крысиным [Крысин 1996]

Чаще всего предлагались ответы (анкетируемые, как правило, предлагали несколько вариантов ответов: когда я (мы) победил (и) (61 % и 55%); когда я сделал кого-то (53% и 61%); когда я (мы, наши) порвали кого-то (33% и 51%), когда я доказал, что я лучший (самый сильный, самый крутой, что я – супер, что я – the best – (34% и 41%); когда я что-то сделал лучше всех (10% и 5 %); когда наши спортсмены одержали победу (19% и 21%); когда у меня получилось что-то сложное (11% и 12 %); когда я достиг того, чего очень хотел (8% и 11%); когда я кому-то утер(ла) нос (9 % и 11 %); когда я отомстил(а) кому-то (5 % и 7%). Встречались также описание частных ситуаций, прежде всего в группе до 25 лет: когда я отбила парня; когда я приехала на крутой тачке на глазах у всех; когда все отпали от того, как я выгляжу; когда наши забили гол; когда я «загасил» кого-то и др.

Примечательно, что если в анкетировании на предмет особенностей функционирования *вау* прослеживалась явная тенденция к описанию чувств, выражаемых данным восклицанием, то вопрос о том, какие эмоции выражаются с помощью *йес*!, вызвал определенные сложности. Большинство анкетируемых указали, что «сложно точно определить» или «затрудняюсь сказать»; многие повторяли в этой графе формулировки ситуаций, чаще всего из них предлагались « я всех сделал (порвал)» – в группе до 25 лет, «я победил» – в остальных двух группах. В качестве коррелирующих с *йес!* эмоциями указывались: торжество – 48 % и 53 %, радость – 18% и 14 %, сила – 22 % и 21 %, удовлетворенность – 13 % и 11%, злорадство – 9 % и 14 %, знак победы (победный жест, чувство победы, победа) – 7 % и 9 %, гордость – 3% и 2%. Отметим, что многие участники предлагали сразу несколько вариантов. Встречались также единичные формулировки, связывающие *йес!* с этнокультурными концептами массовой американской культуры: суперменство, крепкий орешек, киборги, терминатор и даже произносимая в разных фильмах культовая фраза А. Шварцнеггера «I will be back».

Вопрос о русских аналогах вызвал также значительные сложности. Значительная часть анкетируемых отметили, что затрудняются найти аналог в рус-

ском языке: 43 % всех анкетируемых в 2010 г. и 50% - в 2017 г.; многие предложили переводную кальку: «Да!» (19% и 15 %, соответственно), часть из них присоединила к «да» – «я сделал это!». Междометие *ура!* было предложено, в основном, участниками группы свыше 50 лет: 34 % (2010) и 35 % (2017); в младших группах такой ответ составил 25% (2010) и 19 % (2017) в группе с 15 до 25 лет, и 17% (2010) и 14 % (2017) в группе с 26 до 50 лет. В каждой группе несколько человек указали в качестве эквивалента фразеорефлекс «Так тебе и надо». Встречались также единичные формулировки, отсылающие к лингвокультурному опыту русской нации: «показал, где раки зимуют», «знай наших», «победа за нами», «погнали наши городских».

Небезынтересными представляются ответы анкетируемых на вопрос об их отношении к междометию *йес!*. В отличие от междометия *вау* практически никто не выбрал варианта «раздражает», вариант «не нравится» выбрали также немногочисленные респонденты, в основном, старшей возрастной группы.

Таблица 12. Эмоционально-аксиологическая оценка междометия *йес!*

	2010	*2016*	*2010*	*2016*	*2010*	*2016*
Нравится	65%	73%	48%	43%	25%	18%
Безразлично	20%	27%	50%	47%	65%	70%
Не нравится	2%	--------	-------	2%	4%	7 %
Раздражает	-------	--------	2%	--------	6%	5%
	15 – 25 лет		*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Дополнительные комментарии о своем особом позитивном отношении были высказаны отдельными анкетируемыми в младшей возрастной группе: «крутое слово, клевое слово, супер-слово, классный жест, очень нужное слово, полезное слово». Встречались также комментарии: «слово как слово, нормальное слово, не знаю, что ответить, даже не знаю, как ответить (оценить)», свидетельствующие в пользу уже осуществившейся конвенционализации данного междометия в сознании коллектива принимающего языка.

Интродукция *йес!* через аутентичные ситуации, демонстрирующиеся в фильмах, в публичном дискурсе политиков или спортсменов и т.п., в отличие от «насильственной» интродукции *вау* посредством многократного повторения

рекламных роликов, способствовала его более естественному вхождению в речевые практики носителей русского языка. Употребление *йес!* в американской кинопродукции вызывает тесные ассоциативные связи с исключительностью американских супергероев. Выводы о «силовой» семиотике данного интеръектива связаны также с присущей ему жестикуляцией. Примечательно, что, несмотря на продемонстрированное участниками анкетирования понимание данного интеръектива как некоего жеста превосходства и эгоцентричного торжества над поверженным противником (весьма симптоматичными с данной точки зрения представляются деперсонифицирующие метафоры «я его сделал, порвал», полностью уничтожающие человеческую субъектность противника), анкета не выявила тех носителей русского языка, у которых бы данный жест вызывал негативную реакцию. Данный результат может быть интерпретирован как успешное «внедрение» конфронтационно-эгоцентрической модели поведения в систему ценностей носителей принимающего языка [23].

Анкетирование также показало, что коллективный актор семиозиса ощущает, в целом, что в системе русских интеръективных жестов нет точных аналогов такому способу демонстрации своей силы, нет такого сложного знака, предписывающего индивиду стремление к успеху и победам в рамках оппозиции «свой – чужой». Анализ показывает, что чаще всего указываемое в качестве русского экивалента интернациональное междометие *ура* по многим параметрам отличается от культуроспецифичного американского *yes!*

Практически все словари указывают на употребление *ура* в двух основных функциях: в качестве боевого клича (т.е. как побудительное междометие) и как преимущественно коллективную форму выражения радости или восхищения, т.е. как эмотивное междометие:

«Ура! междом. 1. Боевой клич при атаке.

[23] Интересным представляется замечание преподавателя Венского института славистики А. Зинкевича, высказавшего мысль о том, что возглас *йес!* естественным и активным образом усвоился носителями русского языка, поскольку соответствует свойственной их ментальности стремлению к победам и превосходству.

2. междом. Восклицание, клич, выражающй коллективное восторженное одобрение, восхищение (напр. Приветствие войск военачальнику и т. д.)» [ТСУ].

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово *ура* происходит из нововерхненемецкого *hurra*, образованного от *hurren* «быстро двигаться» [ЭСРЯФ]. По мнению В. М. Мокиенко, русское слово *ура* могло произойти от военного клича западных славян, а именно, клича гуситов *Hrr na ně!* [Мокиенко 1999: 50-51]. Английский этимологический словарь указывает на фонетическую близость данного восклицания у различных народов, считая, что в английский язык *Hurra* вошло во время тридцатилетней войны [OED].

Изначально функционирующее только в военной области, междометие *ура* впоследствии расширяет спектр своих каузаторов, включая в них любое, вызывающее позитивные эмоции событие. В результате восклицание *ура!* становится конвенциональным средством выражения радости и одушевления в повседневных ситуациях.

Примечательно, что для интернационального междометия *ура* компонент силового противостояния сторон не свойственен. Анализ контекстов его функционирования в аутентичных речевых практиках носителей русского языка позволяет с большой долей уверенности судить, что в восклицании *ура* выражается чувство не отягощенной конфронтационным эгоцентризмом радости и воодушевления. В отличие от *йес!*, крик *ура* не имеет никакой сопутствующей жестовой моторики, экспонирующей силу радующегося субъекта. Он не предполагает агентивности говорящего, напротив, анализ различных поликодовых Интернет-текстов наглядным образом демонстрирует, что чаще всего возглас *ура* в русской лингвокультурной среде вызывается сообщениями, связанными с перспективой приятного бездействия: «Ура! каникулы! Ура, отпуск! Ура, лето! Ура, праздники!» т.п.

Несмотря на то, что интернациональное *ура!* восходит к боевому кличу воинов, степень его внутренней конфронтационности чрезвычайно незначительна. Достаточно прибегнуть к субститутивным тестам, чтобы уяснить разницу в

выражаемых двумя данными междометиями ощущениях. Так, если бы упоминаемая выше фигуристка А. Погорилая, увидев на табло баллы, которые выводят ее вперед, воскликнула *ура!*, это свидетельствовало бы только об испытываемом ею чувстве радости. Возглас *йес!* содержит резкое противопоставление: «победитель (лучший) – побежденный (худший, лузер)», позволяющий в суггестивной форме выразить свое безусловное превосходство над побежденным.

Если болельщик реагирует на победу своей команды с помощью *ура*!, он также выражает только свою радость и одушевление, если же победа вызывает в нем реакцию *йес!*, тем самым он объективирует чувство удовлетворенности победой над противником; он не просто радуется, он торжествует. Примечательно, что с помощью *йес!* болельщик одновременно выражает свою причастность к одержанной победе, что также говорит об удивительном свойстве данного междометия вовлекать индивида в групповую оппозицию «свой – чужой». Присущие американскому междометию специфические просодия и жестово-мимическое сопровождение создают иллюзию субъектностной причастности к победе, позволяя произносящему ощутить себя не пассивным зрителем, а со-агенсом одержанной победы.

Об отсутствии в эмоциях, выражаемых посредством *ура,* эмоции злорадного торжества свидетельствует также отсутствие возможности его употребления в тех ситуациях, в которых данный эмоциональный компонент доминирует. Так, употребление *ура* представляется абсолютно невозможным в описанной нами выше ситуации с приговором Царнаева, как и во всех других зафиксированных нами аутентичных ситуациях, развивающихся по второму сценарию: - *Думаю, йес! Знай наших!; - Я вчера иду в новой норковой шубе, и мне навстречу Х., думаю, йес!* и т.д. Особенность такого употребления *йес* состоит в том, что, по мнению произносящего, один и тот же акциональный каузатор (событие) должен восприниматься как исключительно позитивное для него и как исключительно негативное (неприятное) для другого участника ситуации.

Данный вывод подтверждается и результатами опроса, направленного на выявление области каузации *ура*. На вопрос, в каких ситуациях вы употребляете *ура!*, были получены следующие ответы: «когда я услышала хорошую (радостную) новость; когда случилось что-то неожиданное и приятное; когда начались каникулы; когда я узнал(а) о каких-то позитивных изменениях; когда я узнал(а), что что-то выиграла; когда я узнал(а), что вдруг не будет занятий; когда наступает лето; когда я знаю, что завтра суббота, викэнд, каникулы и т.п.; когда мне подарили что-то, о чем я местала; просто когда солнце и хорошее настроение. Симптоматично, что ситуация «когда мы выиграли, или победили кого-то» не попала в число типовых каузаторов.

Таким образом, экспликационный *ура*! может быть представлен следующим образом:

Случилось что-то очень хорошее

Я не думал, что это случится,

В связи с этим я чувствую что-то очень хорошее.

Сопоставительная фреймовая структура *ура* и *йес!* может быть представлена следующим образом:

Таблица 13. Фреймовая структура *ура* и *йес!*

Междометия	*Йес!*	*Ура!*
Тип стимулов	Невербальный (событийный) /вербальный (пропозиция, содержащая информацию о событии)	Невербальный (событийный) /вербальный (пропозиция, содержащая информацию событии)
Характер каузации	Осознание получения желанного результата как доказательства превосходства над противником (конкурентом), или как акта торжества справедливости (акта возмездия)	Осознание получения желанного результата. Получение информации о приятных событиях, которым только предстоит произойти.
Лежащий в основе произнесения внутренний механизм	Преобладание когнитивных операций; эмоция как итог когнитивных операций	Преобладание эмоций на фоне незначительного участия когниций
Градуирование (интенсивность) эмоции	Сильная, контролируемая	Сильная/средняя/слабая, неконтролируемая

Длительность	Краткое	Длительное
Жестово-мимическое оформление	Жесты и мимика, экспонирующие силу	Отсутствуют
Основные выражаемые эмоции	Торжество, триумф, злорадство	Радость, энтузиазм
Типы речевых актов	Бехабитивный репрезентатив (констатив)	Бехабитивный экспрессивный реактив

Весьма интересную задачу представляет собой определение типа речевого акта высказывания *йес!*. Его компрессированная сущность, основанная на эллипсисе фразы *Yes, I did it!*, дает нам основания для идентификации в нем констатирующего высказывания «да, я сделал это». С другой стороны, сильная жестово-мимическая составляющая, вместе с эмфатическим интонированием, свидетельствует о перформативной природе акта. Что касается обычно присущей междометиям эмоциональной составляющей, то в противовес типичным эмоциональным реактивам произносящий *йес!* стремится скрыть свои «человеческие» эмоции, естественную для обычного, рядового человека радость в случае одержанной победы. Демонстрируемая в мимике и в выражении глаз сосредоточенность и решительность вместо улыбки на лице ставит победившего в статус «сверхчеловека», в концентрированном виде выражая философию американской модели мировидения. *Йес!* в таком случае становится своего рода перформативной метафорой исключительности американской нации и образующих ее индивидов.

В целом, внутренняя прагматика ощущений, передаваемых с помощью заимствованного англо-американского *йес,* намного агентивнее и эгоцентричнее, нежели прагматика *ура*. Лежащий в его основе сценарий подразумевает обязательное противостояние на индивидуальном или групповом уровне, в котором наши собственные действия (или действия других, входящих в часть оппозиции «свой») приводят к достижению успеха и, соответственно, к неуспеху противоборствующей стороны. Данный интеръективный возглас является компрессированным выражением одного из важнейших регулятивных концеп-

тов американского общества – концепта успешного человека. Стремление к успеху нацеливает индивида на бескомпромиссную борьбу, в которой ценится только победа, а побежденные не заслуживают снисходительного отношения. Таким образом, приучение к жесту *йес!* как способу демонстрации своей исключительности, становится одновременно средством формирования эгоцентрической конфронтационной позиции личности, способствуя усилению конфронтационной составляющей в рамках различных типов оппозиции «свой – чужой».

Анализ результатов анкетирования и функционирования *йес!* в речевых практиках принимающего языка позволяет судить о высокой степени конвенционализации данного заимствования в языковом сознании принимающего языка и о полном совпадении его фреймовой структуры в обоих языках.

4.3. Заимствованное англо-американское междометие *упс* в современном русском языке

Следующим англо-американским первичным междометием, вошедшим практически во все глобализирующиеся языки мира, является междометие *упс (oops!)*. Интересным в связи с пониманием лежащего в его основе сценария представляется признание Р.М. Фрумкиной, сделанное в рецензии на книгу А. Вежбицкой «Кросс-культурная прагматика: семантика человеческого взаимодействия». Известный ученый признается, что только предложенный А. Вежбицкой декомпозиционный сценарий *oops* помог ей, наконец, понять, что оно значит:

Я теперь знаю
Я сделал нечто плохое
Из-за этого нечто плохое случилось,
Я не хотел бы, чтобы кто-либо думал, что это очень плохо
(Я испытываю нечто по этому поводу) [Фрумкина 1994: 98].

Действительно, в начале 90-х годов уяснение характерной для *oops* симптоматической ситуации могло представлять значительные сложности.

С начала третьего тысячелетия интеръектив *упс* с легкостью проникает в речевые практики многих носителей различных языков, в первую очередь, как элемент компьютерного этикета. Средством его интродукции становится реальная пользовательская ситуация, в которой запрашиваемая Интернет-страница по каким-либо причинам не открывается. Данный технический сбой сопровождался появлением на экране междометия *Ooops!*, после которого часто следовало разъяснение «an error occurred» (возникла ошибка), «ERROR: The file you are looking for has moved or does not exist» и т.п. В отдельных случаях графической надписи *Ooops!* сопутствовал смайлик, демонстрирующий грустное выражение лица.

Аутентичная ситуация общения пользователя с компьютером позволяла сделать вполне обоснованный вывод о каузаторе междометия *упс* – неожиданной неудаче, недостижении запланированного результата, вызывающих чувство легкой фрустрации.

Анализ дефиниций междометия в различных словарях английского языка позволяет прийти к выводу о том, что *oops* употребляется в двух основных ситуативных контекстах и, соответственно, в двух типах речевых актов. Первый (как в ситуации интеракции пользователя с компьютером) представляет собой непосредственную, спонтанную реакцию произносящего субъекта на взаимодействие с внешней средой и не требует присутствия адресата. В этой функции *упс* можно причислить к группе первообразных эмотивных междометий, которые, в соотвтетствии с классификацией И.А. Шаронова, фокусируют внимание на нарушении плана, сценария, хода событий [Шаронов 2004]. Если же нарушение хода событий произошло по вине говорящего и причинило неудобства другому участнику интеракции, то в этом случае междометие становится одновременно средством выражения своей вины и соответственно способом попросить извинения. Именно второй тип ситуации представлен в декомпозиционном сценарии А. Вежбицкой.

Словарь Collins учитывает в своем определении как использование *oops* в качестве реакции на некий незначительный произошедший инцидент, так и как способ выразить свое извинение:

«oops – exclamation.You say *oops* to indicate that there has been a slight accident or mistake, or to apologize to someone for it [informal, feelings]» [Collins] (oops - восклицание. Вы произносите oops, чтобы указать, что произошел незначительный инцидент или ошибка, или извиниться перед кем-то за это – перевод наш. – *Т.Ш.*).

Важной, отмечаемой различными английскими словарями особенностью каузации *упс*, представляется абсолютная неожиданность возникающих проблем, в том числе неосмотрительных действий самого коммуниканта. Это свойство подчеркивается в дефиниции словаря OLD посредством указания на конкретные примеры, каузирующие междометие: «oops – used when you have done something embarrassing, said something rude by accident, told a secret, etc.» [OLD] («oops используется, если вы сделали то, что заставило вас смутиться, случайно сказали грубое слово или выболтали чей-то секрет» (перевод наш. – *Т.Ш.*)

Вычленение ситуаций такого типа в качестве симптоматических, вызывающих мгновенную потребность в употреблении *oops*, является особенностью англоязычной культурной матрицы поведения. Не случайно тема так называемых «embarrassing situations» («неловких ситуаций») относится к числу активно обсуждаемых на различных британских и американских порталах. Чаще всего участникам предлагается вспомнить «the most embarrassing situations», т.е. самые неловкие ситуации, имевшие место в их жизни.

Выражаемые с помощью данного междометия эмоции не только представляют собой мгновенную реакцию человека на некое совершенное им неловкое действие, как это, к примеру, характерно для русского междометия *ой*, но и одновременно являются способом признания своей вины и отчасти просьбой об извинении. Предложенный К. Годдардом декомпозиционный сценарий *oops*

описывает как характер его каузации, так и стремление говорящего к нейтрализации негативного эффекта:

Oops = Я только что сделал что-то.

Я знаю, что это имело негативные последствия.

Я не хотел этого.

Я не хочу думать, что это очень плохо [Goddard 2011: 433].

И.Б. Левонтина истолковывает смысл междометия *упс* следующим образом: «Да, это случилось. Очень стыдно. Ну что ж, с кем не бывает, забудем об этом и будем жить дальше. Может быть, это даже забавно» [Левонтина 2016: 39].

Тонко подмеченный исследователем компонент осознания говорящим некоторой комичности произошедшего становится своего рода модификатором, обеспечивающим эффект смягчения отрицательных эмоций. О коммуникативной направленности английских междометий, в том числе *oops,* не только на внутреннее ощущение самого «виновника» инцидента, но и на его адресата писали многие лингвисты (Wong 2014; Paxman 2007; Fox, 2004 и др.). Такие междометия, как *oops, uh-oh, aww,* способны модифицировать эмоциональный тон общения, смягчать степень негативности возникшей ситуации [Сытина 2015: 45].

Ярко выраженная культуроспецифичность интеръектива, соединяющего объективацию внутреннего переживания с попыткой восстановить нарушенную общественную гармонию, находит свое отражение в эмоциональной характеристике заимствования И.Б. Левонтиной: «Неповторимая комбинация мгновенного острого переживания промаха, чаще всего своего, и представления, что в это же мгновение тема исчерпана и не стоит дальше переживать, – это та специфическая установка, которая делает *упс* столь соблазнительным для заимствования» [Левонтина 2016: 36].

Мотивированность такого заимствования заключается, по мнению автора, в отсутствии полных эквивалентов в русском интеръективном репертуаре. Так, в междометии *ой* выражается только «идея неожиданной потери контроля над ситуацией», вторичные междометия типа *черт!* и тому подобные передают

досаду и агрессию. *Упс* «не ищет виноватых и примиряет с тем, что уже случилось и не может быть отменено» [Там же].

Анализ проведенного нами анкетирования продемонстрировал, что знание и употребление *упс* находится в непосредственной зависимости от возраста говорящего. На вопрос: «Употребляете ли Вы междометие *упс*?» – ответ «да» был выбран следующим количеством опрашиваемых: в группе от 15 до 25 лет (38 % в 2010 г. и 47% в 2017 г.), в группе от 26 до 50 лет – 14 % и 18 %, в группе свыше 50 лет – 3 % и 5%. На второй вопрос анкеты: «Как часто вы слышите междометие *упс?»* – большинство отвечающих во всех возрастных группах выбрали ответ «иногда»: 27% (2010) и 35 % (2017) в группе от 15 до 25 лет, 13 % (2010) и 15% (2017) в группе от 26 до 50 лет, и 3% (2010) и 5 % (2017) в группе свыше 50 лет. Ответ «часто» выбрали соответственно 2% (2010) и 3 % (2017) в группе от 15 до 25 лет, 2 % (2010) и 1 % (2017) в группе от 26 до 50 лет и в группе свыше 50 лет никто не указал этого варианта. Остальные опрашиваемые выбирали вариант «редко» или «никогда» не слышал(а) данного восклицания.

Таблица 14. Пассивное употребление *упс*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Иногда	27%	35%	13%	15%	3%	5%
Часто	2%	3%	2%	1%	------	-----
Редко	51%	48%	45%	64%	24%	35%
Никогда	20%	14%	40%	20%	73%	60%
15 –25 лет			*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Большинство опрашиваемых указали, что употребляют *упс* иногда, что может быть логически оправдано относительной редкостью ситуаций, которые ставят человека в неловкое положение. На вопрос, где вы чаще всего слышите *упс*, анкетируемые в первой возрастной группе указали: в повседневной речи (34% и 41%), в Интернете (30 % и 35 %), в фильмах (25 % и 21%); в группе от 30 до 50 лет – в фильмах (32 % и 26 %), в Интернете (25 % и 27 %), в повседневной речи (15 % и 17 %). В старшей группе многие затруднились выбрать какой-либо конкретный вариант, большинство (32%) ответило – в фильмах.

Необходимо отметить, что почти все участники выбирали одновременно несколько вариантов ответов.

На вопрос о ситуациях, в которых употребляется данное междометие, участники анкетирования предлагали, в основном, описание конкретных случаев. Только незначительная часть опрошенных (11% в 2010 гг. и 14 % в 2017 г.) предложила более обобщенное представление ситуации. К числу конкретных ситуаций относились: «когда я внезапно вспомнил, что оставил что-то дома; когда я нарушал правила за рулем и меня неожиданно остановил гаишник; когда я разбила что-то дорогое; когда у меня не сохранился какой-то файл; когда вдруг завис компьютер; когда меня вдруг вызвали к начальнику; когда я понял, что накосячил; когда моя девушка встретила меня с другой; когда в ресторане у меня случайно пролилось что-то на рубашку» и т.п. Можно предположить, что большинство опрашиваемых пытались соотнести употребление междометия с какими-то лично пережитыми ситуациями.

К числу заключений более общего характера относились: «когда я сделал что-то неловкое, когда я попал в неловкую ситуацию (7% в 2010 г. и 10 % в 2017 г.); когда произошло что-то неожиданное, не очень приятное (4% в 2010 г. и 4 % в 2017 г.), когда что-то заставило меня смутиться» (3% в 2010 г. и 2 % в 2017 г.) .

Вопрос об отражаемых в данных ситуациях эмоциях вызвал значительные затруднения: большинство затруднилось назвать эмоции (51% в 2010 г. и 47 % в 2017 г.); достаточно часто дублировались ситуативные описания (27% в 2010 г. и 26 % в 2017 г.), «неловкость» описывалась в терминах эмоций (8% в 2010 - г. и 13 % в 2017 г.), на «смущение» указали только 3% в 2010 гг. и 2 % в 2017 г.). Примечательно, что об упомянутом И.Б. Левонтиной чувстве стыда вспомнили только отдельные участники (менее одного процента).

На вопрос об отношении к междометию абсолютное большинство выбрало вариант «безразлично», негативное отношение более характерно для группы от 50 лет и выше.

Таблица 15. Эмоционально-аксиологическая оценка междометия *упс*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Нравится	41%	47%	24%	18%	4%	7%
Безразлично	56%	50%	70%	72%	38%	45%
Не нравится	-------	2%	4%	5%	42%	23%
Раздражает	--------	1%	2%	5%	16%	25%
	15 – 25 лет		*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Небезынтересными представляются предложенные аналоги *упс* в русском языке, большинство которых относится к сленговым или просторечным оценочным выражениям. Чаще всего предлагались варианты: *лажа*, *облом*, *прокол*, *опаньки, ой,* реже – *вот так*, *вот тебе и на*, *вот такая фигня*, *ну надо же (такому случиться)*, *блин* (15 % и 19 %), *японский городовой*, *ёклнбабай* и некоторые другие. Предложенные варианты позволяют убедиться в правоте И.Б. Левонтиной, утверждающей, что в наборе русских междометий отсутствует те конвенциональные средства, которые не только объективируют допущенный промах, но и одновременно смягчают эмоциональный и социальный фон конфликтогенной ситуации. Ни один из предложенных вариантов не способен корректировать нарушенную каким-либо допущенным промахом гармонию отношений.

Результаты анкетирования позволяют прийти к выводу о постоянно продолжающейся интерпретационной работе принимающего языкового коллектива по осмыслению интерпретанты заимствуемого междометия. В качестве области каузации рассматривается некое, не предусмотренное индивидом событие, представляющее для него неожиданное затруднение. Описание конкретных симптоматических ситуаций анкетируемыми указывает на понимание ими типологии каузаторов. Однако для текущей интерпретанты знака характерно идентифицирование только одной из типовых ситуаций, а именно тех случаев, в которых объектом непредвиденных осложнений становится сам говорящий. Те же случаи, в которых его собственное неосмотрительное поведение может причинить вред другим участникам коммуникации, не принимаются во внимание интерпретатором. Об этом свидетельствуют как отсутствие среди опи-

санных ситуации «когда я поставил кого-то в неловкое положение», так и приводимые в качестве русских аналогов варианты.

НКРЯ фиксирует первое употребление *упс* в середине 80-х годов и отмечает значительный рост числа его частотности в последующие два десятилетия (45 примеров из современных литературных, публицистических текстов, а также Интернет-форумов, с учетом снятой омонимии).

Отдельные примеры относятся к переводной или эмигрантской литературе (В. Набоков, В. Аксенов), часть примеров выражает отношение авторов к заимствованному междометию. Например:

Все какие-то «вау», «упс» – как-будто мы в Нью-Йорке, что ли. (Город фальшивой растительности (1997) // «Столица», 1997.10.28 – НКРЯ).

Сережа обнаружил маленькую зеленую карточку – произошло это через день после того, как он узнал второе главное американское слово «у-упс» (первое, «бла-бла-бла», ему сказал по секрету еще Гриша) (Виктор Пелевин. Жизнь насекомых (1993) – НКРЯ).

Большинство примеров фиксируют реальные ситуации употребления междометия, в которых *упс* употребляется как осознание неожиданного возникновения проблемы, например:

Не вскарабкаться. У-упс! Скользко-то как! (Майя Валеева. Кусаки, рыжий бес // «Наука и жизнь», 2008 – НКРЯ), либо как признание своей оплошности, с одновременной просьбой об извинении: «*упс… ничего, что я на ТЫ перешла?*» (Женщина + мужчина: Секс (форум) (2004) – НКРЯ). Заметим, что в последнем примере *упс* получает то же двойной функционал, как и при употреблении в языке-доноре.

Кроме того, нами было проанализировано 100 употреблений междометия *упс* из собранной нами картотеки. Их них 5 рекламных телероликов, 65 аутентичных высказываний носителей русского языка в практике устного общения; 30 диалогических срезов из произведений авторов современной российской беллетристики, не зарегистрированных в НКРЯ.

Среди рекламной продукции внимания заслуживает ролик майонеза «Слобода» (2016 год), демонстрирующий типовые ситуации употребления сразу двух англо-американских интеръективов: *упс и вау*. Молодой человек по имени Саша, ухаживающий за старшей сестрой, присутствует на завтраке. Младшая сестра демонстрирует свои распущенные волосы и спрашивает его: «Саша! Тебе нравится?», – на что следует восхищенная реакция: «Вау!». Когда дальше девочка признается, что некий Федя тоже хвалил ее волосы за завтраком, Саша интересуется: «Федя оставался на завтрак?» Поняв свою оплошность, что случайно выдала свою старшую сестру, маленькая девочка произносит: «Упс!»

Не вдаваясь в анализ тех ценностей, которые имплицируются данной ситуацией, отметим наглядную демонстрацию в ней типовой симптоматической ситуации употребления интеръектива *упс*, которой в данном случае становится опрометчивое поведение девочки, способное причинить ущерб другим участникам интеракции.

Практически во всех собранных литературных примерах в качестве каузатора *упс* выступает некое непредвиденное осложнение, вызванное нарушением запланированного сценария (течения) событий. Например: *А потом вздохнул и развел руками. – Упс, – сказал он. – Операция отменена* (Пелевин. «Любовь к трем цукербринам»).

Сходная область каузации характерна для аутентичных ситуаций общения, анализ которых выявляет, что употребление заимствованного интеръектива характерно для людей молодого возраста, преимущественно мужского пола (55 употреблений из 65). Ситуации, в которых *упс* становится одновременно модулятором извинения, наблюдаются крайне редко (4 случая из 65).

Полученные в ходе дискурсивно-коммуникативного анализа результаты, дополненные данными анкетирования, позволили выявить основные структурные признаки, характерные для междометия *oops- упс*. Из их сопоставления следует, что не освоенной на сегодняшний день в русской лингвокультурной

среде остается функция употребления *упс* в качестве извинения, смягчающего неловкость возникшего ситуативного осложнения.

Таблица 16. Фреймовая структура *oops* в языке-доноре и *упс* в языке-реципиенте

	Oops	*Упс*
Тип стимулов	Невербальный событийный	Невербальный событийный
Характер каузации	Некое непредвиденное осложнение, вызванное нарушением запланированного сценария (течения) событий. Некое, случайно допущенное нарушение норм этикетного поведения	Некое непредвиденное осложнение, вызванное нарушением запланированного сценария (течения) событий.
Механизм образования	Когнитивно-эмоциональный	Когнитивно-эмоциональный
Эмоциональные ощущения	Досада, разочарование. Смущение	Досада, разочарование. Неловкость.
Градуирование (интенсивность) эмоции	Слабая незначительная	Слабая незначительная
Длительность	Незначительная	Незначительная
Типы речевых актов	Реактивы (Бехабитивные репрезентативы; РА извинения	Реактивы (Бехабитивные репрезентативы)

4.4. Заимствованные вторичные англо-американские междометия в современном русском языке

4.4.1.Заимствованные этикетные англо-американские междометия

Вопрос о причислении этикетных речевых клише к разряду междометий является в лингвистике дискуссионным. С точки зрения разработанной в данном исследовании интеракционально-прагматической концепции описания междометий этикетные формулы следует относить к разряду вторичных меж-

дометий вследствие аналогичного с эмотивными вторичными междометиями механизма образования – семиотической конверсии дескриптивного знака в интеракциональный. Для таких клишированных словоупотреблений, как *здравствуйте, спасибо* и т.п., характерна приобретенная в процессе знаковой перекатегоризации интеракциональность, выражающаяся в перформативной форме установления определенных отношений между участниками речевого общения.

В процессе эволюции каждое культурно-языковое сообщество вырабатывает определенный репертуар этикетных междометий, приобретающих роль семиотических маркеров норм и правил вежливого поведения в стандартных ситуациях общения. Под речевым этикетом принято понимать «социально заданные правила речевого поведения людей в соответствии с их статусом, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Ефремов 2013: 470].

Изучению проблем речевого этикета как функционально-семантического поля ритуализованных коммуникативных единиц в российской лингвистике посвящено значительное количество работ [Акишина, Формановская 1978; Гольдин 1983; Карасик 1991, 1992, 1993; Стернин, 1996, 2003; Вдовина 2007 и др.]. В данных исследованиях речевой этикет рассматривается как социально и культурно обусловленная, исторически изменчивая языковая подсистема, состоящая из речевых формул и правил их употребления, регулирующих речевое поведение в его культурно-национальной специфике. Многие лингвисты описывают этикетные коммуникативные единицы как часть ритуала, выполняющего функцию этического прескриптора и регулятора, как средства сохранения и межпоколенной трансляции стандартизированных в данном обществе норм бесконфликтного поведения.

В процессе эволюции каждый культурно-языковой социум вырабатывает тот репертуар речевых клише, который обеспечивает реализацию определенного, свойственного данному типу культуры, характера взаимоотношений. Конкретный набор этикетных моделей поведения отражает как преемствен-

ность принятых в данном обществе форм отношений, так и их эластичность, что связывается с изменениями социально-экономического и политического характера. Достаточно вспомнить те радикальные изменения в речевом этикете, которые произошли в России после 1917 года, а также после распада социалистической системы в конце прошлого столетия.

Отказ российского государства от социалистической модели мироустройства, вместе с развитием глобализационных процессов, привели к значительным изменениям в области этикетного общения. З.Г. Сабитова указывает: «Речеповеденческие тактики, характерные для глобализованной культуры, нашли свое отражение в сфере речевого этикета» [Сабитова 2013: 470]. Языковыми средствами трансляции данных тактик в русскую лингвкультурную среду становятся заимствованные из американского варианта английского языка этикетные междометия.

К ведущим способам интродукции принятых в американском обществе речевых этикетных клише традиционно относят демонстрацию моделей речевого поведения в различных переводных американских фильмах, обучение эффективным коммуникативным тактикам общения на различных семинарах, коучингах или в различных пособиях по бизнес-коммуникации, возросшую мобильность россиян, а также общение в сети, основой которого также является английский язык. Не подлежит сомнению, однако, что основным проводником американского речевого этикета являются российские масс-медиа, в первую очередь, телевизионные программы, копирующие речевой этикет поведения, характерный для американских СМИ.

В результате происходит существенная трансформация русского речевого этикета, которую большинство исследователей характеризуют как либерализацию или демократизацию, проявляющуюся в ослаблении жесткой статусной иерархии в отношениях коммуникантов [Кронгауз 2001; Пахомова 2012; Щеболева 2015 и др.]. Наибольшим изменениям подвергается этикет обращений, утрачивающий под влиянием американских коммуникативных тактик статусную маркированность и формальность. В рамках телевизионных программ

происходит постепенный отказ от использования отчества официальных лиц, обращение журналистов друг к другу на «ты» в прямом эфире, использование разговорных или даже просторечных форм имени (*Кать, Вань* и т.п.).

Значительные изменения под влиянием английского языка произошли также в таких этикетных речевых жанрах, как согласие, извинение, прощание, приветствие. Все заимствования в данной области можно разделить на прямые (заимствования англоязычных форм в их оригинальном варианте) и калькированные американские речевые обороты. В первой группе к числу самых высокочастотных относится форма выражения согласия с помощью заимствованного о'кей (от *ОК, О'Кей (O'key, O.K).*

Предваряя анализ особенностей функционирования заимствования в речи носителей современного русского языка, следует указать, что ни в языке-реципиенте, ни в языке-доноре не существует единообразной формы его написания. Словарь Collins приводит три возможных способа написания *OK, o.k.***,** *okay,* и предлагает отдельные словарные статьи для английского и американского вариантов употребления. В английском языке *ОК* характеризуется как «эквивалент предложению» (sentence substitute), в различных примерах указывается также на функционирование *ОК* как прилагательного и наречия. В качестве интенций, с которыми употребляется *ОК,* предлагаются: 1) «выражение одобрения, согласия» (an expression of approval, agreement); 2) «запрос разрешения, позволения» (permissible), иллюстрируемый примером: *is it O.K, if I go home now?.*

Значение прилагательного объясняется словарем как находящийся «в хорошем или удовлетворительном состоянии» («in good or satisfactory condition») и как характеристика «приемлемого, но не выдающегося качества» («acceptable but not outstanding»), например: *the party was O.K.* Согласно словарю, существует также глагольная форма *to OK* со значением «одобрять» («to approve or endorse») [Collins].

В американском варианте английского языка *ОК* функционирует в форме прилагательного, наречия и междометия, значение которых определяется сло-

варем как «все правильно, верно» («all right; correct(ly»). Характеристика остальных интенций употребления совпадает с английским вариантом. Происхождение *ОК* сводится к предполагаемому сокращению от *all correct* (perhaps from *o*(*ll*) *k*(*orrect*). Заслуживают внимания охарактеризованные в словаре тенденции глобализованного употребления *ОК*, стремительный рост его популярности с начала 2000-х годов практически во всех языках мира.

Словарь Collins предлагает также перевод *ОК* на различные языки мира. Следует, однако, заметить, что предлагаемые варианты перевода отличает определенная степень субъективности, так как, например, для русского и украинского языков предложены переводные единицы (*хорошо* и *гаразд,* соответственно), в то время как в польском языке, в котором функционирование *ОК* происходит также параллельно с автохтонными средствами выражения одобрения или согласия (*dobrze*) указывается только заимствованное *ОК*. Очевидно, более объективная картина должна включать как американское заимствование, так и функционирующие параллельно с ним автохотонные аналоги.

Словарь DRC характеризует функции и значения *ОК* в зависимости от частеречной принадлежности: прилагательное, наречие, междометие, существительное, глагол. Согласно DRC, в качестве интеръектива *ОК* используется с целью выражения коммуникативных интенций согласия и одобрения, а также как вводный элемент, выполняющий дискурсивно-образующую роль, как маркер когезии публичного устного дискурса: («used as an introductory»): *OK, now where were we?* [DRC]. Словарь также отмечает факт «всемирного признания» американского *ОК*.

Не подлежит сомнению, что в течение двух десятилетий *ОК* стало самым популярным англоглобализмом[24]. Ассоциация Global Language Monitor (GLM), занимающаяся мониторингом процесса распространения слов английского языка во всем мире, характеризует *ОК* как самое распространённое и общепризнанное слово на планете». А. Меткалф в книге под названием «ОК.

[24] Англобализм – термин, предложенный О.В. Одеговой под которым понимается «англоязычное заимствование, вошедшее в национальный язык в эпоху глобализации» [Одегова 2013: 9].

Невероятная история величайшего американского слова» не без внутреннего торжества утверждает, что *ОК* звучит на всех языках мира чаще, чем «первое слово младенца «ма» или название вездесущей кока-колы» (перевод наш. – *Т.Ш.*) [Metcalf 2011: 7]. Более того, автор пишет, что ОК – это американский ответ на английского Шекспира и что в этих двух замечательных буквах отражается вся американская философия [Там же].

Носителям русского языка данное слово было известно давно, но в тех случаях, когда оно употреблялось, всегда «сохраняло свой американский колорит» [Левонтина 2016: 38]. По убеждению И.Б. Левонтиной, «сейчас слово *о'кей,* конечно, русским языком вполне освоено» [Там же]. Несмотря на высокую употребительность данного заимствования в речи носителей современного русского языка, оно зафиксировано в незначительном количестве словарей:

О'кей, междом., восходит к выражению all correct – все правильно, все в порядке), разг. возглас одобрения, согласия [ТСИС].

Окей - возглас, выражающий согласие, подтверждение, одобрение [ТСРО].

О'кей, о-кей, част. (англ. OK, окау) – да, хорошо, отлично; согласен [БИСИС].

Орфографический словарь указывает на возможность двоякого написания: слитно и через апостроф: окей и о'кей, *неизм.* [РОС]. Более полную информацию о данном заимствовании предоставляет Википедия: «*O'kay* (произносится *оу ке́й*; сокращённо обозначается: *Ok, O.k.*; в русском написании иногда: «окей». «*O'kay* – американское общеупотребительное выражение, ставшее международным, означающее согласие; «ладно»; «да»; «всё в порядке; хорошо; правильно (….). Используется для одобрения или подтверждения чего-либо; в качестве междометия: «есть!, идёт!, ладно!, хорошо!», в качестве прилагательного «модный, престижный, относящийся к высшему классу» (Википедия).

С большой долей вероятности можно предположить, что приведенные выше переводные «эквиваленты» американского *ОК* были позаимствованы Википедией из англо-русского словаря В.К. Мюллера, изданного в то время, ко-

гда еще было «принято» переводить данную интеръективную аббревиатуру в связи с отсутствием конвенции ее употребления в оригинальном виде:

«OK (əʊ´keɪ) разг. 1. одобре́ние 2. всё в поря́дке; хорошо́; пра́вильно 3. (past *и* p. p. OK'd (-d)) одобря́ть (*устно или письменно*) 4. *межд*. хорошо́!, ла́дно!, есть!, идёт!» [АРСМ].

Анализ функционирования *ОК* в аутентичных ситуациях речевого общения носителей современного русского языка вместе с данными выполненного нами анкетирования позволяет прийти к выводу о преимущественном использовании данного интеръектива с целью выражения согласия. Хотя реальное число примеров употребления *ОК* в различных речевых практиках носителей русского языка огромно, в картотеку примеров нами были включены только 50 диалогических срезов в связи с ситуативной и пропозициональной повторяемостью контекстов употребления. В выделенных нами типовых ситуациях *ОК* выступает в качестве экономного, «рационального» способа выражения импозитивно-ориентированного согласия (согласия на просьбу и предложение), которое может отличаться своей пропозициональной формой. Например:

– Может, сходим вечером в ресторан? – ОК.

– Давай обсудим это поподробнее. – ОК.

– Пошли в кино. – ОК.

– Поможешь мне разобраться? – ОК.

– Купи хлеба. – ОК.

– Вышлите мне это мейлом. – ОК.

Наблюдения за функционированием *ОК* в устной и письменной (смс и мейлы) речи позволяют сделать вывод о демократизирующем влиянии заимствуемого интеръектива на сферу речевого жанра согласия [25]. Многочисленные примеры показывают, что употребление *ОК* не ограничивается сферой неформального общения, как это отмечается толковыми словарями английского языка. Данная маркированность в условиях функционирования *ОК* в рус-

[25] О демократизирующей функции американского речевого этикета по отношению к статусно маркированной британской лингвокультуре пишет в диссертационном исследовании А.А. Мосейко [Мосейко 2005].

ском языке постепенно утрачивает свою актуальность, так как даже в рамках статусно-неравноправных жанров *ОК* может употребляться как высшим, так и низшим по статусу партнером. Например, в разговоре менеджера с директором:

– Подпишите, пожалуйста, командировочное. – ОК.

– Извините, я задержусь. – ОК.

И в разговоре директора с секретарем:

– Возьмете на себя организацию встречи? – ОК.

– Свяжитесь с поставщиками, выясните причину задержки. – ОК.

Инициирующая реплика может также иметь форму сообщения о некоем планируемом адресантом действии с целью поставить адресата в известность и получить подтверждение о принятии информации к сведению:

– Я немного опоздаю. – ОК.

– Я заеду за вами к семи часам. – ОК.

Кроме ответной реплики, *ОК* может также фигурировать в постпозитивной позиции как эксплицитный способ установления обратной связи с адресатом с целью получения информации о том, согласен ли он с какой-либо предложенной пропозицией:

– Я возьму твою ручку, ОК? – ОК.

– Давайте забудем об этом инциденте, ОК? – Хорошо.

Употребление *о'кей* фиксируется также НКРЯ (43 примера). Примечательно, что до периода глобализации *окей* использовалось, в основном, как наречие со значением «хорошо», или «все в порядке». Например:

Потом-то они поссорились, но года три всё было "о'кей" (Трифонов. Обмен (1969) – НКРЯ).

Уже связывался по телефону с администрацией; уверили, что всё о'кей (Грекова. Перелом (1987) – НКРЯ).

Начиная с 90-х годов XX столетия *о'кей* все чаще употребляется в качестве интеръективного средства выражения согласия или одобрения, либо дискурсивного маркера, выражающего запрос о согласии. Основными сферами функционирования заимствования, согласно НКРЯ, являются художественная и

публицистическая коммуникация, и электронная нехудожественная (Интернет-форумы, блоги, порталы и т.п.).

Анализ данных проведенного нами отсроченного двухкратного анкетирования продемонстрировал, что *ОК* активным образом употребляется в речи всех возрастных групп. 100% опрашиваемых указали, что сами употребляют *о'кей* и слышат его в различных областях речевого взаимодействия: в повседневной речи, в фильмах, используют в технически опосредованной корреспонденции. Большинство опрашиваемых указали в ответе, что употребляют *о'кей* «часто» и «очень часто» (78 % в 2010 г. и 85% в 2017 г.), остальные выбрали вариант «иногда». Весьма симптоматичным представляется наличие ответов об использовании слов «каждый день», «постоянно», «регулярно», свидетельствующих о функциональной необходимости интеръектива и об удобстве его использования в устной и письменной коммуникации.

Ответы на вопрос о том, где чаще всего вы слышите (встречаете) *о'кей,* подтвердили вполне прогнозируемый выбор всех указанных областей речевого дискурса: в повседневной речи. Более того, некоторыми дополнительно указывалось «везде», «дома и на работе», «в контакте и в фейсбуке». Не вызвал расхождений и вопрос о значении и нахождении аналогов в русском языке, ответы на который во многом дублировали друг друга. Как основное значение анкетируемые предложили «согласие» (91% в 2010 г. и 93% в 2017 г.). Другие варианты совпадали с русскими аналогами *о'кей*, в качестве которых все без исключения опрошенные предложили варианты *хорошо, ладно*. Менее частотные соответствия предлагались в старших возрастных группах: *согласен, договорились, добро, лады.* Вариант *все в порядке* преобладал в группе от 15 до 25 лет (33 % в 2010 г. и 35% в 2017 г.), *все тип-топ* (11 % и 8 %).

Отдельные высказывания анкетируемых младшей возрастной группы свидетельствуют о высокой степени конвенциональности, достигнутой *о'кей* в процессе семиозиса в современном русском языке. Например, «ОК это и есть ОК, лучше не скажешь», «Люди уже перестали задумываться, что это значит. Сейчас эту аббревиатуру используют как символ положительного)))», «Невоз-

можно себе представить себе общение без ОК» и т. п. О высокой степени сформированности речевой привычки употребления *о'кей* говорят также ответы на вопрос об отношении к интеръективу. Анкетируемые оценивали *о'кей* как *удобное, рациональное, незаменимое, краткое*; присутствовали также эмоционально-оценочные высказывания: *классный, клевый, суперский*.

О высоком уровне сформированности конвенции употребления *ОК* могут свидетельствовать и такие формулировки, как «никак не отношусь», «нормально отношусь», «не знаю, как отношусь» и т.п. Только в группе от 50 лет 18 % в 2010 г. и 15 % в 2017 году указали, что *о'кей* «употребляется слишком часто», тем не менее, вариант «раздражает» выбрали только 4% (2010) и соответственно 2 % (2017) всех респондентов.

Одной из дискуссионных проблем является вопрос о мотивированности заимствования *о'кей* различными языками, в каждом их которых имеется огромное количество своих собственных средств выражения согласия или одобрения. В.А. Ефремов считает *ОК* «немотивированным» и характеризует его как «одиозное» слово [Ефремов 2010: 46]. И.Б. Левонтина, с одной стороны, иронизирует над попыткой властей Чувашии ввести запрет на использование *о'кей* и обязать всех говорить *добро*, с другой стороны, не менее иронически относится к попыткам неких «безымянных» и, вероятно, очень «молодых» лингвистов указать на мотивированность заимствования в связи с его краткостью и удобством использования [Левонтина 2016: 40].

В то же время многие лингвисты указывают на стремление к экономии языковых средств как одну из причин заимствований. Используемая ими аргументация восходит к идеям Б. де Куртене, В. Г. Адмони и А. Мартине, сформулировавшего так называемый «принцип наименьшего усилия». По мнению французского ученого, именно противоречие между коммуникативными потребностями человека и его стремлением минимизировать свои умственные и физические усилия следует относить к факторам, определяющим изменения в языковой системе [Мартине 1963: 532-533]. Важность действия принципа «наименьшего усилия» возрастает в настоящее время, в условиях

ускорения всех процессов функционирования современного инивида, когда эффективность коммуникации во многом определяется возможностью передать максимум информации с помощью минимального набора языковых средств.

Как замечает Н.В. Баско, если до конца 80-х – начала 90-х гг. XX века человечество преобразовывало окружающую среду, то с конца предыдущего столетия именно глобальные технологии начинают в значительной мере определять характер общественных отношений [Баско 2014: 252]. Если еще недавно употребление *ОК* в русском языке могло, действительно, представляться преднамеренным и «одиозным», то в настоящее время его доминирующая роль в различных видах коммуникации объясняется соответствием заимствования принципу экономиии языковых усилий. На радикальное ускорение темпа развития языка в эпоху глобализации обращает внимание А.В. Кирилина, характеризуя данные процессы как «динамическую синхронию» [Кирилина 2011].

Междометие *ОК* полифункционально, компактно и удобно, его востребованность в условиях технически опосредованной корреспонденции в значительной степени определяется наличием аббревиатурной формы написания. Таким образом, если с функционально-семантической точки зрения заимствование *о'кей* представляется избыточным, то с функционально-прагматической точки зрения оно носит вполне закономерный характер.

Речевой репертуар интеръективных средств выражения согласия в русском языке обогатился и другими, возникшими под влиянием американских речевых клише, калькированными оборотами: *нет проблем, не проблема, не вопрос, (да не вопрос)*:

- *Хотите стать участником нашего шоу? – Нет проблем.*

- *Поможешь с деньгами? – Не вопрос.*

А.Д. Шмелев считает, что все эти «выражения предполагают возникновение в картине мира нового представления, в соответствии с которым нормой является беззаботное и беспрепятственное движение по жизни» [Шмелев 2012:

537]. Напротив, И.Б. Левонтина усматривает в появлении вышеуказанных клише свидетельство формирования агентивного отношения индивида к миру, появление уверенного в своих силах человека, подчеркивающего свою способность решать различные проблемы. Если раньше стереотипный ответ звучал «постараюсь», то сегодня, напротив, «по-русски становится возможным уверенно высказаться о будущем и о планируемом результате своей деятельности» [Левонтина 2010: 36 – 37].

Точка зрения Левонтиной представляется более убедительной, поскольку подтверждается экстралингвистическими аргументами – возросшей социально-экономической субъектностью человека, стремящегося в ответных репликах такого рода не только выразить согласие, но и продемонстрировать свою предприимчивость и успешность. Об этом же свидетельствует появление и быстрое распространение клише *Легко!*

- *Закажешь для меня отель? - Легко!*

Если реплика *нет проблем* является точной калькой с английского *no problem*, то две других представляют собой результаты собственной речевой креативности русской речевой бизнес-среды. Стандартизированная форма ответа *Не вопрос* копирует англо-американскую синтаксическую модель *no problem,* пополняя одновременно ряд фразеорефлексов с речевым словом *вопрос* (ср. *Что за вопрос! Спрашиваешь!)*. Присоединение к реплике частицы *да*: *Да не вопрос* не только способствует увеличению дискурсивной когезии, но и, что интересно, придает реплике большую неформальность, жаргонизирует ее употребление.

Выражение согласия с помощью не так давно изобретенной ответной реплики *Легко!* дифференцируется от омонимичного с ней наречия как контекстуально, так и просодически. Говорящий подчеркивает несложность выполнения услышанной просьбы, произнося слово с особой послоговой разбивкой и смысловым акцентированием последнего слога. Появление под воздействием американской индивидуалистической прагматики целого ряда интеръективных средств выражения согласия может быть истолковано как «продвиже-

ние носителя русского языка от более свойственного ему пациентивного восприятия действительности к ощущению себя в качестве агенса с присущим ему я-восприятием мира» [Шкапенко 2011: 80].

Если употребление *ОК* как средства выражения согласия можно признать уже вполне сформировавшейся речевой конвенцией, то его использование в значении «быть в хорошем или удовлетворительном состоянии» [Collins] продолжает вызывать неприятие и отторжение у значительной части носителей русского языка. Г.Я. Солганик, рассматривая формулу «Ты в порядке?» как речевой оборот-неологизм, возникший в результате калькирования американского *Are you OK?*, относит к причинам его коммуникативной неудачи лингвосистемные факторы. По подсчетам исследователя, толковые словари русского языка приводят от 7 до 11 значений данного слова, однако ни одно из них не соотносится с состоянием человека. Отсюда следует вывод о том, что в слове *порядок*, употребляемом в вышеуказанной конструкции, под влиянием англо-американизма сформировался новый оттенок значения, еще не освоенный русским языковым коллективом [Солганик 2013: 172].

Следует заметить, что в семантике американского *ОК* также отсутствует значение физического или морального состояния человека. Оно реализуется только на уровне устойчивого речевого оборота *Are you OK?- I am OK*. В русском языке существует похожий этикетный вопрос *У тебя все в порядке?*, однако он относится к общему положению дел человека и не выражает обеспокоенности его актуальным внутренним состоянием. Отторжение принимающей лингвосреды вызывает также синтаксическая асимметрия: русскому языку не свойственен агентивный английский синтаксис *I am OK (я в порядке)*. Наконец, в основе первоначального коммуникативного провала *Вы в порядке?* лежат расхождения на уровне этносоциальной логики двух различных социумов, по-разному типологизирующих одинаковые ситуации.

С точки зрения русского индивида каузаторы типового американского вопроса *Are you OK? (Ты в порядке?*) представляются либо слишком незначительными, чтобы провоцировать озабоченность состоянием адресата, либо,

напротив, слишком значительными, в которых человек по определению «не может быть в порядке», в связи с чем вопрос *Are you OK?* воспринимается как еще более неадекватный. Именно на несовместимости этносоциальной логики основываются юмористические пародии М. Галкина, высмеивающего соответствующие эпизоды американских фильмов. «Руки оторвали, ноги оторвали, кровище хлещет налево, кровище хлещет направо. А она к нему с этим американским вопросом. Are you OK?» (Галкин 2011).

Тем не менее, анализ аутентичных ситуаций общения, данных НКРЯ и результатов анкетирования, приводит нас к выводу о том, что постоянное употребление американской кальки в теле- и кинопродукции постепенно преодолевает сопротивление принимающей лингвокультурной среды. Даже три сдерживающих процесс усвоения фактора (семантическая, синтаксическая и логическая несовместимость) не становятся непреодолимым препятствием для возникновения конвенции его употребления в соответствии с правилами языка-донора. И все меньшее количество носителей русского языка ощущают этнокультурную «чуждость» данной американской кальки. Если в 2007 году на одном из Интернет-форумов читаем: [Elle, nick] «*По-моему, такой же «переводизм» с английского, как и знаменитое «Ты в порядке?*» (коллективный форум: Обсуждение фильма «Война и Мир», 2007-2011 - НКРЯ), то в настоящее время употребление вопроса *Ты (вы) в порядке?* уже перестает ощущаться как несовместимое с принципами функционирования принимающей лингвокультурной среды.

Наши наблюдения показывают, что значительная роль в «продвижении» данного «переводизма» принадлежит отечественным детективным телесериалам. Активное присутствие в них данной кальки, несомненно, обусловлено типичностью для данного жанра симптоматических ситуаций, каузирующих данный вопрос. Так, в сериале «Глухарь» следователь А. Агапов обращается к уставшей после ночного дежурства начальнице с вопросом «*Вы в порядке*?» (серия 8, «Москва»). Майор Глухарев с тем же вопросом обращается к пострадавшей в ДТП женщине (Серия 15, «Скорость»). В телесериале «Московская

борзая» молодой следователь на предложение отдохнуть после сложной операции отвечает: «*Я в порядке*».

Данные нашей картотеки подтверждаются примерами из НКРЯ, фиксирующего 34 примера использования *Ты в порядке?* в художественной и электронной (нехудожественной) коммуникации:

– «*Ты в порядке*? *– В порядке, – сказал Дамилола, выходя из комнаты счастья* (Пелевин. «S.N.U.F.F», 2011 - НКРЯ).

– Вот: дай ему хлеба и сыра. Ты в порядке, брат? – Да, – ответила я и встал, излишне бодро дергая плечами (Рубанов. «Носки», 2010 - НКРЯ).

– Мама точно почувствовала что-то, спросила как бы невзначай: – Ты в порядке, здорова? (Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012 - НКРЯ).

– Но я очень замерзла!! А ты в порядке? (Смс-сообщения старших школьников, 2004). Меньшее количество примеров (7 употреблений) зафиксировано для варианта фразы *Вы в порядке?*

Приучение к употреблению американской кальки посредством ее многократного тиражирования в кинопродукции постепенно формирует новую интерпретанту знака, преодолевает его этносоциологическую и лингвосистемную асимметрию и превращает в конвенциональное этикетное средство. О практически уже сфомировавшейся речевой конвенции «интересоваться состоянием кого-либо в неких более или менее сложных ситуациях» с помощью вопроса *Вы (ты) в порядке?* свидетельствуют также результаты проведенного нами анкетирования.

Таблица 18. Пассивное употребление речевого оборота *Вы (ты) в порядке?*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Иногда	13%	25%	15%	32%	10%	27%
Часто	3%	13%	10%	38%	34%	37%
Редко	77%	55%	65%	24%	36%	33%
Никогда	7%	7%	10%	6%	20%	3%
15 –25 лет			*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Таблица 19. Активное употребление речевого оборота *Ты (вы) в порядке?*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Употребляю фразу	8%	12%	21%	33%	7%	18%
15 –25 лет			*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Значительная разница между данными в области активного и пассивного употребления может быть объяснена не очень высокой частотой возникновения ситуаций, в которых состояние одного из коммуникантов может вызывать тревогу или озабоченность. Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от других интеръективов, чаще всего данный вопрос слышится и употребляется представителями старших возрастных групп. Оценка отношения к фразе также может свидетельствовать о постепенной нейтрализации американским калькированным оборотом рефракционных свойств принимающей этнолингвокультурной среды.

Таблица 20. Эмоционально-аксиологическая оценка речевого оборота «Вы (ты) в порядке?»

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Нравится	9%	11%	11%	12%	5%	7%
Безразлично	71%	65%	39%	56%	25%	38%
Не нравится	15%	10%	26%	14%	47%	45%
Раздражает	5 %	14%	24%	18%	23%	10%
15 – 25 лет			*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Следующее англо-американское междометие – *sorry*, которое прочно обосновалось в языках глобализирующегося мира, в том числе в русском языке, относится к коммуникативным актам извинения. Извинение во всех этнокультурных социумах традиционно представлено рядом стереотипных речевых актов, направленных «на поддержание или восстановление гармонии межличностных отношений, намеренно или ненамеренно нарушенной в ходе социальной деятельности» [Литвинова 2013: 122]. Р. Лакофф указывает на свой-

ственную извинению перформативность, предлагая следующее сценарное описание речевых актов извинения: «1) говорящий признается в том, что сделал что-то плохое; 2) признается в том, что адресат является пострадавшим; 3) выражает потребность в прощении со стороны адресата, чтобы восстановить нормальное положение вещей» [Лакофф 2007: 183].

Словарь DCR характеризует *sorry* как междометие, используемое как конвенциональное средство выражения извинения или сожаления:

sorry – interjection (used as a conventional apology or expression of regret):

Sorry, you're misinformed. Did I bump you? Sorry [DCR].

Словарь Collins отмечает функционирование *sorry* в двух категориальных формах: прилагательного и конвенции (convention), пытаясь во втором случае избежать категоризации в рамках традиционной частеречной парадигмы. В качестве конвенции рассматривается употребление *sorry* с целью выражения следующих интенций: «как способ извинения, если ваши действия причинили кому-либо неудобство; если вы намереваетесь сообщить кому-то информацию, которая может быть ему неприятна, например, когда вы не соглашаетесь или сообщаете о чем-то неприятном (*No, I'm sorry, I can't agree with you);* когда вы что-то не расслышали и хотите переспросить (*Sorry?*); когда вы исправляете то, что сами сказали, особенно, если хотите что-либо переформулировать (*refugees (sorry), economic migrants)»*[26].

Использование *sorry* в качестве прилагательного поясняется следующим ситуативным контекстом: «Когда вы хотите выразить свое сожаление и грусть по поводу услышанной плохой новости (*I'm afraid he's ill. – I'm sorry to hear that)* [Collins].

Согласно словарю, *sorry* используется с целью выражения извинения в рамках корректирующего сценария, характерного для ситуаций непреднамеренного нарушения правил общественного поведения. В качестве каузатора *sorry* выступают ситуации нанесения некоего незначительного ущерба комму-

[26] Сделанный нами перевод сохраняет синтаксис лексикографических толкований, становящийся все более распространенной конвенцией, используемой соварями англйиского языка.

никанту, чаще всего случайное столкновение с ним; либо преднамеренные или непреднамеренные ошибки в речевом поведении самого говорящего. Второй тип извинения характеризуется Р. Райтмаром как «метакоммуникативное извинение» [Ратмайр 2003: 138].

Англо-русские словари предлагают два варианта перевода *sorry*: «простите», «извините». Употребление *sorry* в ситуации переспроса переводится как «что?» (*Sorry? I didn't hear you. – Что? Я не расслышал вас.*) [WRC]. Словарь Мюллера добавляет следующие варианты перевода, характерные для менее формализованного использования *sorry*: *I am so sorry* – «Мне так жаль»; *I am sorry to say he is ill* – «Он, к сожалению, болен» [Мюллер 1995].

Наибольшие трудности перевода на русский язык вызывает употребление *sorry* в ситуациях выражения сочувствия или соболезнования. О неуместности в данном случае использования в русском языке калькированного перевода пишет З.Г. Сабитова. По мнению лингвиста, буквальный перевод, когда герой (героиня) в голливудских фильмах при выражении соболезнования произносит: «Мне жаль», – должен быть адаптирован к русским конвенциональным средствам выражения сочувствия: «Примите мои соболезнования. Я соболезную» [Сабитова 2013: 479]. Выражение *мне жаль* употребляется, когда человек сожалеет о том, что произошло то, чего он не хотел, поэтому в ситуации соболезнования калька американского клише представляется автору неуместной. З.Г. Сабитова объясняет употребление в таких ситуациях формулы *I'm sorry* особенностями американского менталитета: «для американцев самое важное действовать, направлять жизнь в положительное русло» [Сабитова 2013: 480].

Такая интерпретация не представляется вполне убедительной, поскольку исследователь не принимает во внимание стертой внутренней формы *sorry*, образованного от *sorrow*, соответствующего русским обозначениям эмоций «печаль, скорбь, горе, сожаление, грусть, прискорбие». Не случайно Дж. Серль в своей классификации речевых актов отнес к группе экспрессивов, «выражающих психологическое состояние относительно пропозиционального содер-

жания высказывания», речевые акты *sorry, pity* [Серль 1986: 180]. Один и тот же номинативный признак «печаль», лежащий в основе этикетных формул *sorry*, привел к его употреблению в двух различных коммуникативных актах: извинения и соболезнования. Частое использование данных форм в этикетных ситуациях выражения соболезнования, неизбежным образом приводит к их семантическому выветриванию и формализации.

В проанализированных нами переводных (дублированных) американских фильмах англоязычное вкрапление *сорри* встречается крайне редко. В ситуациях извинения используются привычные русские клише *извини(те), прости(те), прошу прощения.* Тем не менее, всеобщая известность интеръектива *сорри* и его активное употребление подтверждается как данными НКРЯ (78 примеров), так и проведенным нами анализом аутентичных ситуаций общения.

Согласно НКРЯ, активное употребление *сорри* датируется началом 90-х годов. Хотя известность *сорри* берет свое начало, очевидно, с песни популярной французской исполнительницы М. Матье «Чао, бамбино, сорри» (1976 г.), его использование в повседневных речевых практиках носителей современного русского языка как формализованного средства извинения начинается с 90-х годов. На этот период приходится резкое усиление туристической активности граждан России. Именно прямые контакты российских туристов с носителями других языков являются наиболее вероятным способом интродукции *сорри* в русскую лингвокультурную среду.

В пользу данного способа релокации свидетельствуют также те разъяснительные кампании, развернувшиеся в Интернете в 90-е годы, инициированные желанием многих россиян узнать разницу между употреблением *sorry* и *excuse me.*

Как известно, *excuse me* используется в английском речевом этикете как средство превентивного извинения (например, при обращении к незнакомому человеку), в то время как *sorry* выполняет функцию корректирующего извинения [Литвинова 2013] .

Анализ зафиксированных в НКРЯ примеров использования *сорри* свидетельствует о его преимущественном употреблении как средства корректирующего извинения в электронной нехудожественной коммуникации (48 примеров), художественной (17), публицистике (13).

- *Ну и так далее. Сорри за некоторую сумбурность* (Запись LiveJournal с комментариями, 2004 - НКРЯ).

- *Мы передумали, сорри,* – сказал Гермес. (Иванов. Комьюнити, 2012 – НКРЯ).

- *Сорри, видимо, неправильно понял вопрос* (коллективный. Форум: ТВС-Квадрат, 2012 - НКРЯ).

- *Сорри, что влез в беседу, но часто делают подобную ошибку* (коллективный. Форум: Очень нужна помощь в расчете лизинговых платежей!!!, 2011 - НКРЯ).

- *Я через 5 минут выхожу, если что подожду тебя, все, пока-пока☺ упс… это не тебе☺ сорри. Я убегаю. До связи☺* (ICQ-переписка Sonya и Grdym (не хочешь завтра?), 2006-2007 - НКРЯ).

Кроме вышеуказанных примеров использования *сорри* в значении извинения, корректирующего возникшую конфликтогенную ситуацию, в условиях Интернет-коммуникации данный интеръектив становится высокочастотчным средством выражения метакоммуникативного извинения: *сорри за новояз; сорри, опечатался (описался), с ошибкой написала; сорри, что не по теме, сорри за каламбур* и т.п. Одной из основных областей каузации данной формы извинения становится отклонение от темы обсуждения, получающее в речи российских пользователей англоязычную форму: *Сорри за оффтоп (офтоп), ОФФ,ОТ,* иногда *оффтопик.*

В условиях Интернет-коммуникации *сорри* активно используется в составе различных словосочетаний: *сорри за беспокойство, за подробности, за ошибку, каламбур* и т.п. Высокочастотным средством привлечения внимания всей аудитории чата, форума и т.п. стал речевой оборот *Народ, сорри.*

Анализ примеров функционирования *сорри* в аутентичном речевом взаимодействии показывает, что англо-американский интеръектив соседствует с традиционными русскими *извини(те), прости(те).* Однако, употребление данных интеръективов характерно для ситуаций формального общения.

Иной тип заимствования характерен для внедрения в формальный речевой этикет калькируемого клише – *sorry? (– простите*?), используемого с целью вежливого переспроса в ситуации, в которой адресат не расслышал что-либо. В языке-доноре оно возникает в результате эллипсиса вопросов: *Sorry, I didn't' catch it. Sorry, what did you say?* Нельзя утверждать, что формула *Простите, я не расслышал* не использовалась ранее в русском языке в функции переспроса, однако в рамках русского речевого этикета она не подверглась эллипсису.

Под влиянием используемого в переводных американских фильмах вопроса *Простите?* данное клише становится все более популярным в рамках культурно-маркированного официального общения. Например, - *Моя фамилия Подловская. – Простите?* (пример из нашей картотеки. – *Т. Ш.*). Употребление в данной функции *сорри?* относится к неформальным жанрам общения.

В качестве специфической особенности освоения *сорри* принимающей лингвокультурной средой следут указать на появление так называемых *сорри-центров*, предлагающих услуги «профессионалов» в области извинения. С точки зрения психологии делегирование данных функций чужим людям можно объяснить нежеланием «заказчика» понижать свой статус в акте извинения. В то же время представляется вполне очевидным, что истинное осознание вины и чувство раскаяния невозможно вне личностного, непосредственного акта извинения. Комментируя возникшее в России профессиональное посредничество в области извинения, журналисты издания «Русский репортер» не без иронии констатируют: «Извиниться быстро, недорого, без душевных затрат, с помощью профессионалов предлагают сори-центры по всей России» (Эксперт 2010).

Специфически российским явлением становится все большее распространение в стране детских клубов под названием «Sorry, бабушка». Использова-

ние в названии английского написания подчеркивает, что занимающиеся в недавнее время досугом внуков бабушки не успевают за стремительным развитием цивилизации, в связи с чем в их услугах внуки уже не нуждаются.

Образовавшийся в настоящее время разрыв между поколениями отражается также в других типологически однородных наименованиях:

ГлавБар “SORRY, MAMA!” – дерзкий и вызывающий бар & клуб, от создателей громких проектов «Гадкий койот» и «XXXX-бар» (Events).

На сайте красноярского диско-бара «Сорри, бабушка» размещен следующий комментарий: «На языке 80-х выражение «Сорри, бабушка» означало обращение к кому-то, кто не в курсе происходящих событий. Претенциозный и современный, всегда актуальный и контрастный, диско-клуб ждет в гости всех, кто ощущает себя молодым» (Kudago.com).

Результаты выполненного нами анкетирования демонстрируют значительный разрыв в усвоении данного междометия различными возрастными категориями. В группе от 15 до 25 лет употребляют *сорри* 66 % опрошенных в 2010 г. и 78 % в 2017 г., в группе от 26 до 50 лет – соответственно 28 % и 31 %, в группе от 50 лет – 9 % и 7%.

Таблица 21. Пассивное употребление междометия *сорри*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Иногда	25%	30%	13%	20%	10%	15%
Часто	53%	45%	10%	15%	8%	10%
Редко	22%	25%	75%	75%	78%	70%
Никогда			2%		4%	5%
15 – 25 лет			*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Примечательно, что у большинства опрошенных *сорри* не вызывает положительных эмоций. Самый высокий уровень отторжения характерен для старшей возрастной категории.

Таблица 22. Эмоционально-аксиологическая оценка междометия *сорри*

	2010	*2017*	*2010*	*2017*	*2010*	*2017*
Нравится	45%	59%	20%	18%	3%	3%
Безразлично	27%	26%	35%	22%	8%	17%

Не нравится	23%	13%	21%	38%	59%	45%
Раздражает	5 %	2%	24%	24%	30%	35%
	15 – 25 лет		*26 – 50 лет*		*Свыше 50 лет*	

Следующая область речевого этикета современного русского языка, претерпевшая значительные изменения под влиянием англо-американских речевых стратегий вежливости, это коммуникативные акты прощания. Англо-американские речевые клише, вошедшие в речевые практики носителей современного русского языка, можно разделить на две группы: общеупотребительные этикетные формы и узкопрофессиональные (используемые в масс-медиа).

К первой группе следует отнести, в первую очередь, адаптированные к русскому синтаксису формы *Have a nice (good) day* (*Приятного, хорошего, удачного дня (вечера, викэнда*) и т.п.

Согласно словарю американских идиом, данное выражение появилось в 1920 г. и стало широко использоваться с начала 1950-х годов [AHDI]. Его «внедрение» в речевые конвенции американцев осуществлялось через коммерческую среду. В соотвтетствии с требованиями менеджмента продавцы должны были завершать акт продажи обязательным пожеланием хорошего дня, вечера и т.п. Глобальное распространение по всему миру сетей американских супермаркетов способствовало непосредственному переносу данной этикетной формулы в различные уголки планеты.

Популярному американскому клише посвящено значительное количество статей американских и европейских лингвистов [Mann 1999, Lowndes 2009, Lundberg 2009, Vincent 2009 и др.]. Оживленные дискуссии в Интернете вызывает формула прощания и у простых американцев, а также представителей других наций. Критика популярного этикетного клише на американских форумах осуществляется с разных позиций – некоторые обвиняют ее в императивизме, обязывающем человека «хорошо провести день»; другие задаются вопросом, почему пожелание распространяется на столь короткое время, тре-

тьи указывают на семантическую пустоту слова *nice* и банальность формулировки и т.п.

Особенно негативное отношение, по свидетельству Харлинг и Дженкинс, вызывает фраза у британцев, ощущающих ее «фейковость» и ее коммерческую составляющую, когда говорящий взаимодействует со слушателем в деловых целях [Harling, Jenkins 2008: 279]. Данное пожелание характеризуется как «культурная коннотация неискренности, банальности и плоскости» [Showalter 2014]. Англичане предпочитают употреблять *have a fine day* и *have a good day* вместо *nice day,* либо менее категоричное, по их мнению, пожелание *enjoy the rest of your afternoon.* В то же время американцы, посещающие магазины в Великобритании, рассматривают отсутствие такого пожелания со стороны продавцов как недостаток в этикете обслуживания клиентов [Там же].

Таким образом, широко распространившееся в современной лингвокультурной ситуации пожелание *Приятного, хорошего дня* не находит однозначной положительной эмоционально-аксиологической оценки в стране-доноре и в других странах. О проблемах его вхождения в русский речевой этикет пишут также российские лингвисты. А. А. Зализняк и А.Д. Шмелев указывают на концептуальную несовместимость американской формулы прощания с особенностями концептуализации времени в русском языковом сознании. По их мнению, пожелание, содержащее указание на конкретное время суток, не вписывается в представления о времени, характерные для русской языковой картины мира. Кроме того, «включение в формулу указания на время суток может восприниматься как неуместное вторжение в частную жизнь адресата» [Шмелев 2012: 21].

В привычных для русского этикета формах прощания *Всего доброго, всего хорошего,* область действия пожелания, действительно, не ограничивается конкретным, ограниченным промежутком времени. Пожелание *всего доброго* является вневременным и охватывает весь предстоящий адресату жизненный путь. Данное клише отражает, однако, не только специфику концептуализации времени в русской языковой картине мира, но и свидетельствует о социальной

детерминированности этикетных формул. Темпорально ограниченные американские клише были бы абсолютно несовместимы с предыдущим социально-экономическим укладом российского социума. Как известно, в соответствии с декларируемой целью построения коммунизма каждому члену общества предписывалось не приятное существование здесь и сейчас, а созидание светлого будущего для грядущих поколений. В условиях одинаковых рабочих, серых будней и дефицита потребительских радостей пожелание *Хорошего (приятного, удачного) дня, вечера* и т.п. было бы, по меньшей мере, бессмысленным. Сопоставительная временная перспектива позволяет идентифицировать моделирующее влияние американского этикетного клише, транслирующего систему аксиологических «гедонистических установок как условия успешного функционирования общества консюмеризма» [Калабекова 2016:10].

Пожелание *хорошего дня* естественным образом укладывается в парадигму нацеленного на успех и получение удовольствий современного индивида. Отсюда популярность данной интеръектива в речевых практиках носителей современного русского языка, для которых эта форма еще не утратила своей семантики и не воспринимается как пустое и банальное этикетное междометие.

Анализ функционирования данного клише в речи носителей современного русского языка показывает его стремительное распространение во всех слоях общества. При этом наблюдается тенденция к уменьшению «коммерческого» использования данной формулы работниками сферы торговли и услуг, при одновременном росте ее употребительности в рамках интеракции между знакомыми людьми. С большой долей вероятности можно предположить, что принуждение к употреблению данного пожелания как «успешной» формы коммуникации в сфере бизнеса вызвало эффект усталости излишне аммортизируемой формы. В результате в последние годы наблюдается возврат к употреблению идеологически не нагруженных, автохотонных форм прощания *всего доброго, всего хорошего*.

В то же время результаты наших многолетних наблюдений показывают, что пожелание *удачного (приятного, хорошего) дня*, *приятного вечера, викэн-*

да и т.п. активным образом используется в общении между знакомыми людьми – как в аутентичной, так и технически опосредованной коммуникации.

В сфере неформального общения прямые заимствования *hi, hello, bye-bye* спорадически используются младшим поколением, однако ни в коей мере не «подрывают» позиций основных неформальных русских этикетных форм приветствия и расставания *привет* и *пока*. Некоторые лингвисты рассматривают *пока-пока* как дублет, появившийся под влиянием американского *bye-bye*. М. Кронгауз утверждает, что данная редуплицированная форма является модной калькой с английского, введенной как своего рода шутка неким продвинутым журналистом [Кронгауз 2009: 114]. Как кальку с английского описывает *пока-пока* также А.И. Дьяков [Дьяков 2013], хотя вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что появление в русском языке удвоенного *пока* вызвано существованием английского образца.

Данный странный дублет, характеризуемый Кронгаузом как «ужасное», не вписывающееся в языковые законы, речевое явление, стал самым распространенным способом неформального прощания. Его ускоренная форма произнесения *пка-пка*, на которую обращает внимание и М. А. Кронгауз, свидетельствует о высокой степени конвенциональности, когда этикетные междометие становится «пустым» семиотическим маркером неформального прощания.

Значительные трансформации в области этикета прощания произошли в речевом этикете российских масс-медиа, в первую очередь, в телевизионном этикете. Бескритично перенимая американские приемы построения передач как доказавшие свою коммерческую эффективность структурные образцы, российские телеведущие прощаются со зрителями и слушателями с помощью калькированных англо-американских *Не переключайтесь!, Оставайтесь с нами!* и *Берегите себя!*

Использование побуждения к действию в речевых клише *Не переключайтесь!, Оставайтесь с нами!,* часто дополняемое утешительным «Реклама пройдет быстро», имеет явную коммерческую составляющую и представляет собой эксплицитную попытку суггестивного воздействия на целевую аудито-

рию. С другой стороны, в данных формулах можно усмотреть характерное для актуальной интерактивной парадигмы существования человека стремление находиться в состоянии постоянного контакта, оставаться на связи с внешней средой.

Это важнейшее онтологическое измерение текущей лингвокультурной ситуации находит также свое выражение в калькированной с английского *see you, see you later* формуле *увидимся*. Ее использование характерно для тех ситуаций, в которых партнеры предвидят скорую встречу, особенно при наличии каких-то, оставшихся не разрешенными общих вопросов. Данная форма все чаще употребляется теледикторами в конце регулярно выходящих в эфир передач. Ее использование не только внушает аудитории дальнейшее продолжение контакта, но и создает иллюзию близости между ведущим и зрителем.

Интерактивная парадигма существования находит свое отражение и в этикетной форме прощания *На связи* (*будем на связи, в контакте)*, подтверждающей наличие у партнеров коммуникации общих интересов или проблем, которые будут решаться в дальнейшем. Преимущественной сферой функционирования клише данного типа является бизнес-среда.

Как коммуникативный провал рассматривает используемую многими теледикторами кальку с английского *Берегите себя* (*take care)* М. Кронгауз, приписывающий «авторство» данного изобретения спортивному комментатору В. Гусеву. Если в английском языке *take care* полностью конвенционализировалось и «никто не вдумывается в его смысл», то, по мнению ученого, призыв дикторов *Берегите себя!* заставляет зрителей невольно вздрогнуть, поскольку имплицирует существование некоей угрозы [Кронгауз 2009: 115].

Действительно, обращение *Берегите себя!* связано с тревожными переживаниями говорящего, опасающегося, что с адресатом его обращения может случиться что-то крайне нежелательное и даже опасное. Так, в словаре Ушакова в качестве второго значения приводится: *беречь* 2. «кого-что. Избавлять от чего-н. неприятного, тяжелого, щадить, жалеть. *Я его берегу и не хочу говорить ему всей правды* [ТСУ]. Согласно Ефремовой, *беречь* а) Заботиться о

ком-л., избавляя от тяжелого, трудного, неприятного [СТСРЯ]. Вышеприведенные дефиниции демонстрируют разницу между полностью десемантизированным английским клише *take care* и имплицирующим существование неких сложных или неприятных обстоятельств сочетанием *беречь себя*.

Лингвокультурную конфликтогенность обращения диктора к зрителям с призывом *Берегите себя* усиливает также то, что в русской языковой среде данная форма прощания всегда подразумевала наличие очень близких отношений между участниками ситуации. Этим напутствием русские женщины провожали мужчин на войну или на сложное, опасное задание. Покидая дом, мужья также обращались к женам с просьбой беречь себя и детей. В НКРЯ зафиксировано значительное количество примеров подобного рода:

- *Он встал, проговорил: – Береги себя, детей береги. Коньяк в чемодан положила?* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960) – НКРЯ)

- *При выполнении задачи люди многое могут забыть, но этих слов: «береги себя», сказанных старшим начальником, человек никогда не забудет, а это почти наверняка провал всего дела»* (Э. Г. Казакевич. Звезда (1946) – НКРЯ).

Просьба «беречь» себя всегда передавала чувство обеспокоенности, тревоги и нежной заботы о близком человеке. Не случайно один из пиков частотности ее употребления, согласно данным НКРЯ, приходится именно на 1940 – 1945 годы. Поскольку чаще всего призыв «беречь себя» использовался в определенных, потенциально опасных ситуациях, это сочетание не достигло финальной, характерной для этикетных формул, стадии семантического опустошения. В связи с вышеизложенным переведенное без учета культурно-семиотической рефракции принимающей среды американское *take care*, звучащее с экранов телевизоров из уст незнакомого аудитории человека, представляется неадекватным. Тем не менее, диктат новых, некритически перенимаемых американских речевых эталонов, способствует все более частому употреблению данной формы и, как следствие, все большему привыканию к ней как новому, семантически пустому речевому шаблону прощания.

Можно предположить, что «вживанию» в текущую лингвокультурную ситуацию данного междометия способствует его гармонизация с концепцией индивидуалистической культуры, в которой человек полностью ответственен за самого себя, в том числе, и за состояние своего здоровья. В результате переводческий «произвол» становится средством переформатирования не только коммуникативных стратегий, но и лежащих в их основе межчеловеческих отношений. Если ранее данная формула выражала опасения за близких и заботу о них, то в звучащей с телеэкранов американской версии она может интерпретироваться как призыв к каждому индивиду самостоятельно печься о самом себе. Внимания также заслуживает употребление дикторами различных теле- и радиопрограмм формулы прощания «Берегите друг друга», которая более органичным образом вписывается в традиционные для российского общества стратегии взаимоотношений.

Анализ функционирования повседневной речи носителей современного русского языка позволяет сделать вывод о том, что употребление *береги себя* в прежнем, свойственном русской системе взаимоотношений значении, остается также актуальным. Так, в размещенных в электронных ресурсах поздравлениях маме, бабушке и другим близким, призыв *береги себя, родная* повторяется регулярно. Содержащаяся в этих словах личностность и окрашенность искренними чувствами становятся преградой для их десемантизации и превращения в пустое этикетное клише прощания.

В целом, система русского речевого этикета подверглась основательной, беспрецедентной в истории контактов языков и культур трансформации. Не сумев создать собственной системы коммуникативных стратегий, тактик и средств их осуществления после слома идеологизированной модели этикета, характерного для периода СССР, русский язык, как и многие другие языки глобализирующегося мира, впитал в себя этнически и культурно чуждые формы общения. В.А. Ефремов справедливо указывает, что эти речевые формулы «все меньше и меньше осознаются современниками как не соответствующие традиционной русской коммуникации, как вторичные (…) или немотивиро-

ванно заимствованные» [Ефремов 2010: 47]. В утрате собственного лица в столь важной, определяющей характер общественных контактов и взаимоотношений сфере, как речевой этикет, ученый усматривает «основную опасность происходящих в современном русском речевом этикете метаморфоз» [Там же].

Действительно, национально-маркированные формы американских этикетных междометий в процессе семиозиса постепенно утрачивают свою этноспецифичность и воспринимаются носителями современного русского языка как естественные, социально одобряемые и успешные формы межличностной коммуникации.

4.4.2. Заимствованные англо-американские эмотивно-оценочные междометия

Анализ вошедших в современный русский язык вторичных эмотивных англо-американских междометий необходимо предварить описанием общей тенденции к усилению эмоционально-оценочной составляющей в различных коммуникативных практиках российского социума под влиянием универсальных глобализационных моделей. Наиболее ярко данная тенденция объективируется в новом этикете публичного поведения на разнообразных телевизионных шоу, а также в интерактивных формах общения в Интернете.

Рассуждая о степени эмоциональности русских людей сквозь призму языка, А. Вежбицкая указывала, что «можно было бы ожидать, что в обществах, в которых не поощряется спонтанная и нестесненная демонстрация чувств, употребление первообразных междометий будет более ограниченным, нежели в обществах, в которых чувства свободно демонстрируются и в которых экспрессивное поведение ценится и поощряется» [Вежбицкая 1999: 631].

Возможность сопоставления речевого поведения одного и того же культурно-языкового социума в различных социальных парадигмах позволяет убедиться в том, что «поощрение спонтанной и нестесненной демонстрации чувств» в большей степени детерминировано институциональной регламента-

цией, нежели некими природными свойствами менталитета нации и выработанным ею в процессе исторической эволюции этикетом публичного эмоционального самовыражения.

Как известно, советскому человеку предписывались чрезвычайно сдержанные формы общественного поведения, в том числе на развлекательных мероприятиях. Единственным допустимым способом выражения своих эмоционально-оценочных реакций являлись аплодисменты или освященные театральной традицией выкрики *браво* и *бис*. Любые попытки нерегламентированной объективации своих ощущений (как речевые: громкие крики и возгласы, так и неречевые: раскачивание, пританцовывание и т.п.) жестким образом пресекались представителями органов безопасности.

Идеологический контроль не только предписывал, какие произведения из репертуара эстрадных исполнителей заслуживают статуса идеологически «безопасных», но и определял строгую рамку конвенций поведения зрителей на концертах. Только после объявления курса на «перестройку» и «гласность» музыкальная цензура начала ослабевать и отдельные западные рок-группы смогли приехать на гастроли в Советский Союз. Сдерживаемые в течение многих лет проявления эмоций нашли свое выражение на первых концертах рок-групп.

В 1987 году западные печатные издания писали о прошедших в России концертах американского автора-исполнителя Билли Джоэла: «Советский студент в интервью Reuters после концерта: «Я еще никогда не видел, чтобы советская публика так себя вела на концертах. Он сам и музыка настолько энергичны, что просто невозможно усидеть на месте, хочется вставать и прыгать» (Обзор 1tv.ru, 22.03.2017). Detroit Free Press писала: «К середине шоу 18 тысяч человек уже не сидели на своих местах, а танцевали, хлопали, пели – в общем, вели себя так, как ведут себя американцы на рок-концертах» (Там же).

Советскую идеологическую доктрину постепенно сменила либеральная концепция существования общества, приучаемого к новым, свободным формам самовыражения в рамках потребительско-гедонистической, интерактивно-

развлекательной парадигмы. Глобализация социокультурного пространства привела к тиражированию различных клонов американских телешоу на российском телевидении. Новый, интерактивный формат мероприятий видоизменил характер поведения участников, поощряемых и «обучаемых» нестесненной экстериоризации внутренних эмоциональных ощущений. Как указывают социологи, на смену дисциплинарной социализации пришла гедонистическая персонализация, направленная на эмоциональное раскрепощение личности [Bell 1973, Bauman 1992]. В качестве образцов эмоционального реагирования используются стереотипы, сформировавшиеся в рамках информационно-развлекательной парадигмы в Западной Европе и в США.

В ток-шоу политической направленности «озвучивание» публикой эмоционально-оценочных реакций преследует понятные цели формирования идеологически «правильного» отношения к обсуждаемым проблемам. Многие участники шоу признаются в «управляемости» процесса эмоционально-оценочного реагирования публики, которой подается специальный сигнал, призывающий к озвучиванию положительного или отрицательного отношения. Журналист В. Нестеров пишет об эмоционально-оценочной управляемости телевизионной аудиторией: «Еще до конца зимы должно выйти некое *супер*-ток-шоу, в прямом эфире, с очень яркими неожиданными ведущими и «говорящей», а не только аплодирующей по сигналу аудиторией в студии» (Огонек 2013).

В случае развлекательных шоу коллективные формы выражения восхищения или неудовольствия призваны способствовать повышению интереса к зрелищу за счет усиления его эмоциональности. Здесь применяются другие техники «эмоционализации» публики, в частности, так называемый «разогрев» перед съемкой[27]. При этом способы «звукового» оформления как негативных, так и позитивных эмоций, копируются с оригиналов западных телешоу. Дифференциация выражаемых эмоциональных оценок (интенсивных положитель-

[27] О различных техниках управления эмоционально-оценочными реакциями участников телешоу говорится на многих Интернет-форумах и в журналистских блогах.

ных или отрицательных) маркируется просодическим контуром, включающим в себя тональные (направление движения и высота тона) и в меньшей степени темпоральные (скорость реализации) характеристики. Выражающие восторг звуки приближены к длительному, артикулируемому на высоких тонах, вибрирующему звуку *yyyy* или *yoyoyy*, с трудом поддающемуся транслитерации. Для выражения негативной оценки характерен нисходящий тон, призванный имитировать неудовольствие или осуждение (чаще всего, несправедливой, по мнению публики, оценкой жюри).

В течение двух последних десятилетий можно наблюдать успешное усовение российским социумом конвенций нестесненного выражения спонтанных, интенсивных эмоций. Своего рода эмоциональное раскрепощение можно наблюдать также вне пределов развлекательных мероприятий. Наблюдение за аутентичными ситуациями общения российской молодежи позволяет убедиться в том, что и вне специально организованного медиа-пространства, такие формы эмоциональной вокализации внутренних ощущений становятся естественной формой коллективного поведения. Сообщение о каком-либо неожиданном приятном известии встречается в школьной или студенческой среде дружными, высоко тонируемыми звуками. Такой же способ поведения характерен для молодежи (особенно женского пола) на дискотеках. Конкретным стимулом при этом может быть либо объявление ди-джеем какой-то популярной композиции, либо ее начало, либо окончание. Экстериоризация эмоций радости и веселья может быть и немотивированной, представляя собой свидетельство психологической раскрепощенности развлекающегося индивида (чаще всего представительниц женского пола).

Изменения в формах эмоциональной экстериоризации тесным образом связаны с интонационным типом заимствования. Характеризуя различные уровни заимствования англицизмов, Дьяков выделяет «интонему», которая характеризуется автором как «единица заимствования из английского языка в устной форме» [Дьяков 2013: 114]. В качестве примера лингвист приводит фразу, ставшую конвенциональной формой приветствия публики ведущими или зна-

менитостями. В обращении «Всем приве-е-ет!» «слово «привет» произносится с интонацией «повышения-понижения», что не свойственно русскому языку» [Там же].

Спонтанным образом объективируемые внутренние эмоциональные ощущения нельзя отнести к рационалистическим оценкам. В основе их возникновения лежат основанные на сенсорных ощущениях реакции, которые в соответствии с классификацией оценок Н.Д. Арутюновой относятся к низшим формам эмоционального реагирования [Арутюнова 1988].

С известной долей уверенности можно предположить, что повышению эмоционально-оценочного градуса общества способствует также значительное присутствие в компьютерно-опосредованном общении графических маркеров эмоциональной оценки. Среди них необходимо выделить эмотиконы, позволяющие в шутливой форме передавать самую разнообразную гамму эмоциональных ощущений. При этом, кроме традиционных смайликов, используются фигурки животных, растений, артефактов, представляющие различные психомоторные проявления в забавной, динамичной форме, оживляя тем самым процесс речевого общения с помощью визуальных средств.

Примечательно, что А.И. Дьяков характеризует повсеместное использование таких знаков в процессе виртуальной как один из уровней заимствования англицизмов. Дейтограммы, или значки, отображающие человеческие эмоции (**:)** – радость; **:-(** – печаль и др.), описываются автором как единицы языка, способные в компактном виде показать эмоцию или отношение к событию [Дьяков 2012: 117].

Другой важнейшей формой приучения человека к оценочной реакции как естественной составляющей его интерактивного функционирования является система лайков и хейтов, выполняющих роль своего рода графических эмоционально-оценочных интеръективов. Несмотря на незначительную степень лингвистической интегрированности вышеописанных средств, они уже стали конвенциональными паралингвистическими маркерами, конституирующими новый этикет эмоциональных реакций.

Эмоционализация общества путем внедрения конвенций нестесненной вокальной экстериоризации положительных эмоциональных ощущений находится в полном соответствии с принципами гедонизма, составляющими, по утверждению многих социологов, аксиологическую основу общества потребления. А.С. Полякова обращает внимание на присущую данному типу общества «акцентуацию личности на получение преимущественно физиологических удовольствий, наслаждений», массовому стремлению «стремясь уже сегодня ощущать вкус к жизни, делать яркими, приятными и незабываемыми все ее проявления, жить здесь и сейчас, а не планировать счастье на завтрашний день» [Полякова 2012].

Повышение эмоционально-оценочного градуса общества находит также свое выражение в активном вхождении в русскую лингвокультурную среду вторичных междометий. Анализируя изменения, произошедшие в последние десятилетия в составе стереотипных средств эмоциональной оценки, необходимо отметить абсолютную доминацию слова *супер*, которое не только получило практически неограниченную сочетаемость с различными словами, но и выступает в современном русском языке практически во всех морфологических категориях, в том числе как междометие.

Наблюдение за аутентичными ситуациями общения, а также данные НКРЯ, свидетельствуют о том, что *супер* – это единственный интеръектив, вошедший в активный состав речевых оценочных средств всех слоев общества, независимо от возраста, гендерной принадлежности или социального статуса. Несмотря на его латинское происхождение, не подлежит сомнению, что интенсификация его употребления в русском языке связана с англоязычным, точнее, с англо-американским влиянием.

Практически все словари английского языка характеризуют *super* как префикс, используемый первоначально в словах латинского происхождения в прямом значении: «над, выше» *superscript;superstructure*, – и в переносном смысле «о чем-либо, превосходящем привычнее нормы или уровень *superman; superstar*, *supercomputer; superpower* [DRC].

Как элемент, «сочетающийся с другими словами» (combining form), характеризует *super* Оксфордский словарь современного английского языка: 1. (с прилагательными, наречиями и существительными): чрезвычайно, больше или лучше, чем обычно, например: *super rich, superhuman, superglue* 2. (в существительных и глаголах): над, сверх: *superstructure* [OALDCE].

Словарь OLD рассматривает *super* как прилагательное со значением «очень хороший» и предлагает отдельное написание с существительными: *super job, super meal*. Кроме того, словарем указывается, что употребление *super* становится старомодным (*informal, becoming old-fashioned*): *We had a super time in Italy.'The pilot did a super job, She was super* (= very kind) *when I was having problems* [OLD].

Согласно WRC, *super* – это существительное. Приводимые примеры, однако, свидетельствуют о том, что речь идет о сочетании префикса *super* с существительными и прилагательными: *supermarket, supernumerary*. В качестве прилагательного значение *super* определяется этим словарем как 1. «высочайшей (исключительной) степени, силы», и как 2. «очень хороший, первоклассный, превосходный», например: *superfine.* Наконец, употребляемые в сленге формы характеризуются как наречие со значением «очень, чрезвычайно или превосходно: *super classy; a super large portion of food*. Примечательно, что практически идентичные примеры *super meal* [OLD] и *super food* [WRC] первым словарем характеризуются как прилагательное (неформальное), вторым – как функционирующее в сленге наречие.

Словарь американского сленга определяет *super* как прилагательное со значением «чудесный, отличный, чрезвычайно превосходный»; как префикс, используемый с целью образования прилагательных со значением «исключительного качества» (*superhappy*), с целью образования существительных (*supermom, superchick*). Словарь содержит также сведения о том, что с начала 1930 гг. употребление *super* стимулируется популярным комиксом о Супермэне [OSD].

Анализ контекстов употребления *super* в Национальном корпусе современного американского языка [COCA] подтверждает зафиксированные словарями данные об отсутствии его морфосинтаксически обособленного, эмоционально-оценочного употребления. Наиболее высокочастотные контексты относятся либо к употреблению в качестве префиксов со значением «отличное, превосходное качество» (*super smart, super cool*), либо к употреблению в устойчивых сочетаниях типа *super Bowl, super agent* «супер кубок, супер агент и т.п.). Таким образом, версию о заимствовании междометия *супер* из американского варианта английского языка не подтверждают ни анализ словарных дефиниций, ни анализ данных, представленных в Национальном корпусе современного американского языка.

В словарях русского языка *супер* характеризуется как морфема, выполняющая роль приставки в сложных словах. Так, согласно словарю Ожегова, *супер* 1. образует прилагательные со значением высокой степени признака (суперсовременный, супермодный); 2. образует существительные со значением повышенности качества или усиленности действия (суперцемент, суперфильтр и др.); 3. образует существительные со значением «находящийся на поверхности чего-нибудь» (суперобложка) [ТСРО]. Как префикс *супер* характеризуется в словаре Т.Ф. Ефремовой, приводящей те же значения [СТСРЯ]. МАС категоризует *супер* как «первую составную часть сложных слов», приводя идентичные значения и сходные примеры.

Словарь молодежного сленга описывает *супер* как самостоятельную морфологическую категорию: наречие и предикатив, со значением «прекрасно; оценка ситуации как очень хорошей», приводя следующие примеры: «Это было просто супер!; Ты – супер!; Я не знаю, как это назвать, но это супер!; Супер класс!; Ребята, это супер! Еще сюда поедем» и т.п. [СМС1].

Оригинальное мнение о морфологической принадлежности *супер* было высказано еще в 1999 г. М.В. Пановым, предложившим относить его к «аналитическим прилагательным» [Панов 1999 : 156]. По мнению исследователя, только «извращенное сознание ультра-диахрониста может видеть в этих прилага-

тельных приставки», поскольку бывшие префиксы обрели признаки слова, а именно, свободную, неидиоматическую сочетаемость с существительными [Там же].

Многочисленные контексты употребления *супер*, зафиксированные в НКРЯ (468 примеров), подтверждают распространенность данной словоформы во всех коммуникативных жанрах, с преимущественным функционированием в сфере электронной нехудожественной коммуникации (47,98%) и в публицистике (24,13%). Обращает на себя внимание универсальность тематики: от частной жизни до армии и вооруженных конфликтов, а также количество авторов (123), в произведениях которых фигурирует данная словоформа.

Анализ данных НКРЯ позволяет прийти к выводу не только об активном использовании *супер* в качестве форманта в составе различных слов, но и в самостоятельной морфосинтаксической позиции. При этом из трех основных значений *супер* категориальному преобразованию подвергается только значение «превосходной степени» характеризуемого признака. В результате *супер* выступает в функции наречия, прилагательного, а также в функции интеръектива, – с универсальным значением высшей степени оцениваемого качества.

Так же, как и *вау, супер* становится незаменимым способом выразить самые сильные оценочные эмоции, не прибегая к имеющимся в русском языке разнообразным лексическим средствам оценки. В функции междометия *супер* чаще всего выражает мгновенную реакцию на некий стимул вербального или невербального характера. *Супер* звучит из уст жюри всевозможных конкурсов, становится стандартной репликой участников передач, основанных на чудесных превращениях, способом выражения восхищения неким экстремальным зрелищем и т.п. Например, [agd-ardin, nick] «Отлично, хоть капелька экстрима…» [Колючий друг, nick] – НКРЯ; «*Супер!»* [agd-ardin, nick]. [Елена К.]; «Блиин. *супер* просто) [agd-ardin, nick] - НКРЯ.

В принимающей лингвокультурной среде *супер* получает практически неограниченную сочетаемость, становясь конвенциональным средством оценки не только вещей, акций, но и человека. Кроме названия шоу «Ты – супер!», в

НКРЯ фиксируются следующие сочетания: *статья - супер, кино, мероприятия, ужин, книга, прическа* и т.п.; *ребятки – вы супер; Даша, ты супер; дети – тоже супер.* Реже фиксируются примеры употребления как наречия: *Объяснил супер; спел супер, это было супер!* (НКРЯ).

Выражение положительной эмоциональной оценки становится основой для функционирования *супер* в речевых актах похвалы и одобрения. Например, – *Я договорилась перенести встречу на завтра. – Супер!, Как я нарисовал? – Супер! Как на мне сидит? – Супер!* (примеры нашей картотеки. – *Т.Ш.*).

Таким образом, в процессе семиозиса в современном русском языке *супер* подвергается преобразованию из вспомогательного форманта в самостоятельную часть речи (прилагательное, наречие), приобретающую функцию универсального средства наивысшей оценки. Употребление *супер* в синтаксически обособленных конструкциях дает нам основание квалифицировать его как результат процесса интеръективации, в рамках которого морфологически и семантически зависимая лингвистическая единица преобразуется в эмоционально-оценочное междометие, что в очередной раз подтверждает эвристический потенциал семиозиса. Доказательствами уже осуществившегося процесса интеръективации может служить отсутствие референциальной направленности высказывания, полностью подчиненного выражению эмоционально-оценочной функции. Исключительно высокая частотность употребления *супер* в качестве конвенционального средства оценки приводит к его эмоциональной опустошенности, сближая его с семантически опустошенными этикетными интеръективными средствами.

Схожему процессу перекатегоризации подвергается также морфема *экстра*. Согласно ТСИС, *экстра*: (< *лат.* extrā вне, сверх, снаружи). Приставка, образующая слова со значениями: 1) высший: *экстракласс*; 2) выходящий за пределы обычного: *экстрамодный* [ТСИС]. Как префикс *экстра* описывается также другими словарями: «Экстра – словообразовательная единица латинского происхождения, образующая имена существительные со значениями: 1) высшей степени проявления того, что названо словами (*экстракла́сс, экс-*

траспециали́ст и т.п.); 2) экстренности (*экстрапо́чта, экстрафра́хт и т.п.*); 3) (…) чрезмерности, выходом за пределы чего-либо обычного (*экстраорди-на́рный и т.п.*) [СТСРЯ].

Примеры из НКРЯ (162 документа, 209 вхождений) так же, как примеры из области наблюдения за аутентичными ситуациями общения, свидетельствуют не только о повышении удельного веса морфемы *экстра* в составе различных наименований, но и о приобретении ею функций автономной смысловой единицы со значением высшей, превосходной степени:

Это не был тот грубый стандарт, в котором работал, скажем, Гном: это был стандарт высшего уровня, сорт экстра (Грекова. Без улыбок (1975) – НКРЯ).

И Марк, и генерал – женихи высший сорт, экстра! *Видела, на шоколаде бывает написано* «*экстра*»? *Вот так и твои женихи* (Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009) – (НКРЯ).

НКРЯ фиксирует периоды роста и падения популярности данного префикса, при этом стремительный рост его употребления начинается в первое десятилетие XXI столетия. Анализ показывает, что *экстра* также развивается в направлении автономизации оценочного смысла, с вполне прогнозируемым выходом на уровень интеръективной категоризации. Примечательно, что в польском языке *extra* уже активно используется в функции эмоционально-оценочного средства, означающего высшую по сравнению с *super* степень оценки.

Начальную стадию тенденции к приобретению функции самостоятельных эмоционально-оценочных реакций можно наблюдать и в процессе функционирования других иноязычных морфем, имеющих значение чего-либо исключительно большого: *мега* и *гипер*.

Словарь Ожегова определяет *мега* как «Первая часть сложных слов со значением единица, равная 1000000 тех единиц, которые названы во второй части сложения: *мегатонна, мегагерц*. Первая часть сложных слов со значением «большой, большого размера»: *мегаспора»* [ТСРО].

Активизации морфемы *мега* (также, как *супер-* и *гипер-*) вне научной сферы категоризации способствовало, в первую очередь, «пересаживание» из американской торговой системы магазинов, носящих названия *мегамаркет, гипермаркет, супермаркет*. Формант *мега* стал активным образом включаться российскими предпринимателями в состав наименований различных форм бизнеса и торговли: *«Мега-Центр», «Мега-арт», ТП «Мега-Химки», Мега Маркет, «Мега Дети», Журнал «МЕГА Style», Комплекс «Мега»* и др.

Анализ корпусных данных демонстрирует, что основным способом употребления *мега-* остается его присоединение к определяемому слову в значении чего-либо исключительного большого по масштабу: *мега-проект, мега-грант, мега-конкурс, мега-лайнер, мега-известность, мега-оптимист, мега-тираж*, либо имеющего высочайшую степень качества: мега-шедевр, *, мега-шоу*, Преимущественной сферой функционирования *мега*, согласно НКРЯ, является публицистика (48,51%) и электронная коммуникация (17,82%). С начала 90-х годов НКРЯ фиксирует резкое увеличение частотности употребления *мега*. Случаи его автономного частеречного употребления в настоящий период встречаются редко, например:

[bolba, nick] *Сцена со сборкой доспехов – просто мега* (коллективный форум: Железный Человек, Iron Man (2008) – НКРЯ).

Согласно Ожегову, *гипер* «образует существительные и прилагательные со значением превышения предела, нормы: гипервитаминоз, гиперчувствительный» и др. [ТСРО]. Практически идентичное объяснение находим у Ефремовой: «*Гипер* – это «начальная часть сложных слов, вносящая значение: превышающий какую-л. норму (гиперзаряд, гиперреализм» и т.п.) [СТСРЯ].

НКРЯ фиксирует резкое повышение популярности слова с начала 2000-х годов и некоторый его спад к 2010 году. Так же, как *мега*, *гипер* редко функционирует в качестве автономной морфологической единицы, однако изменило свою синтагматическую валентность, ограничивающуюся ранее областью терминологической номинации. Согласно данным НКРЯ, *гипер* (32 примера) употребляется в различных контекстах и пишется через дефис: *гипер-*

эмоциональность, гипер-женщина, гипер-активный ребенок, гипер-метод, гипер-держава, гипер-универсальность, гипер-имидж, гипер-оптимизм и др. Присутствуют также единичные примеры автономного использования *гипер* как прилагательного в значении превосходной степени:

[Наташа Макарова]: *А то уж, действительно, уж очень мы гипер-гипер, что не то что, всех пауков, всех мужчин раздавим* (коллективный форум: Гипер-женщина (2013) – НКРЯ).

Сходные тенденции к категориальному преобразованию, основанному на усилении эмоциональной-оценочной функции, наблюдаются также в префиксе латинского происхождения *ультра*. Т.Ф. Ефремова разграничивает употребление *ультра* как «словообразовательной единицы, образующей имена существительные со значением крайней степени проявления того, что названо мотивирующим именем существительным (ультразвук, ультрамодернизм, ультрареакционер и т.п.» и «формообразовательной единицы, образующей имена прилагательные со значением признака, который характеризуется крайней, чрезмерной степенью проявления качества, названного мотивирующим словом (ультравысокий, ультракраткий, ультрарадикальный, ультрареакционный и т.п.)» [СТСРЯ].

При анализе актуальных контекстов употребления *ультра*, в том числе зафиксированных НКРЯ, следует принимать во внимание также способность его самостоятельного функционирования как существительного, на что обращал внимание еще К.И. Чуковский: «Там, где Вы говорите о приставке *ультра*, не нужно ли сказать о том, что слово *ультра* стало теперь существительным («французские *ультра*») (Чуковский. Письма московским лингвистам (1934-1969) // «Русская речь», 1991 - НКРЯ).

Значение существительного *ультра* определяется различными толковыми словарями, в основном, как собирательного существительного, обозначающего членов радикальных организаций и маркируется как неодобрительное:

Ультра - I. *неизм.; мн. собир. разг. Неодобр.* Члены крайне радикальных политических организаций [БТСРЯ].

НКРЯ регистрирует несколько периодов роста популярности *ультра*, детерминированных политическим контекстом (например, резкий взлет его активности между 1920 и 1935 гг., ознаменовавшимися радикализацией политической ситуации в мире, появлением ультра-правых и ультра-левых сил). С начала третьего тысячелетия наблюдается устойчивый рост употребления *ультра* уже вне соотнесения с политической проблематикой. Несмотря на характерное в диахронии тяготение *ультра* к предикатам с негативной семантикой, для современного этапа характерна тенденция к мелиорации его значения. *Ультра* все чаще употрбеляется в позитивном смысле как показатель высочайшей эффективности характеризуемого объекта, например: прокладки «Олвэйз *ультра*», Вклад *«Ультра»* в мобильном банке, *Ультра* – лучшая техника по доступным ценам, фирма «*Ультра* интернасьональ» и т.п. Интересным в данной связи представляется зафиксированный в НКРЯ пример: «А приставки на упаковке типа «супра», «компакт», «микро», «*ультра*» указывают на то, что средство в полтора раза экономичнее того же СМС, но без приставок (Мыльная опера // «Свободный курс», 1997 – НКРЯ).

Анализ актуальных примеров на основе данных НКРЯ (157 примеров) свидетельствует о наблюдающейся тенденции к сочетанию *ультра* со словами позитивной семантики: *ультра-современный, ультра-прочный, ультра-объем, ультра-портативный, ультра-новый, ультра-сенсационный, ультра потешный, ультра-передовой, ультра-фантастический, ультра-скоростной* и др. Если в вышеприведенных сочетаниях определяемые слова достаточно широки по своей семантике, то в сочетаниях с маркированной отрицательным отношением лексикой продолжают превалировать наименования политического или религиозного характера: *ультра-левый, ультра-религиозный, ультра-ортодоксальный, ультра-крайний, ультра-шовинистский, ультра-демагогический, ультра-ортодоксы* и др.

Синтагматику *ультра* характеризует все большая свобода написания, свидетельствующая о стремлении к частеречной автономизации: *«Ультра* Стар»

(название команды), «*Ультра* анлимитед» (модель управления автомобилем), Троя *Ультра* (петербургское предприятие), антисептик «Пинотекс *ультра*» и др.

Существуют также единичные примеры автономного употребления *ультра* в качестве прилагательного со значением превосходной степени:

Наша Эсси даже в этой среде была ультра!» (Василий Аксенов, «Круглые сутки нон-стоп» // «Новый Мир», 1976 - НКРЯ).

Это был один из тех редких концертов, которые можно назвать действительно настоящими. Нон плюс ультра (Сюрприз Владимира Крайнева (2002) // «Культура», 2002.03.25 - НКРЯ).

Яркой особенностью выражения своих эмоционально-оценочных характеристик становятся различные комбинации рассмотренных выше автономизированных морфем латинского и греческого происхождения, например:

Вряд ли чтобы подчеркнуть, что ты-то супер-мега-адекватный парняга, ради ничего под бульдозер не полезешь (коллективный. Форум: Антиселигер (2011)].

[Velzi-sama, муж) *а, супеееер, третий Саундтрек просто МЕГА СУПЕР ПУПЕР!* (коллективный. Форум: Mr. Nobody).

И он не будет заглядывать вам в глаза, как овчарка или лабрадор, даже если Вы супер-мега-экстра кинолог (Страшно спускать с поводка (форум любителей собак, (2007)).

Райтер, который предоставит супер-мега эскиз оформления заборов вокруг Калитниковского пруда, что на Батюнинской улице, получит 20 тыс. рэ (Грибоедова. Хулиганские новости (2004) // «Хулиган», 2004.07.15).

Сравниваю с младшей и ужасаюсь тому, как же ее надо называть – наверное, супер-гипер-экстра-мега активная! (Наши дети: Дошколята и младшие школьники (форум) (2005) - НКРЯ).

Частотность употребления сочетаний подобного рода в речи настолько велика, что вполне обоснованной представляется обеспокоенность авторов статьи под названием «Высокопродуктивные морфемы. Как супер-, мега-, ультра, экстра-, гипер-, сверх- заполонили нашу речь» (Иванова 2016).

Автор статьи справедливо указывает, что в основе чрезвычайной активизации данного способа словообразования лежит коммерческий фактор, конкуренция и рекламная война. Порождаемые гибридные мультипликационные модели применимы к любой части речи, объекту или явлению. «Реклама пестрит кричащими ультра- и мульти-, а язык легко воспринимает и воспроизводит такие конструкции: строятся они легко, мыслительных операций – минимум» (Там же). Журналист не без оснований говорит об интеллектуальной лени современного носителя русского языка, который предпочитает интенсифицировать выражаемую оценку, не прибегая к многочисленным оценочным прилагательным русского языка, а присоединяя к исходному прилагательному префиксы *гипер-, мега-, супер-* и прочие.

Вышерассмотренные словообразовательные тенденции являются отражением глобализационных процессов, происходящих под мощным влиянием американского варианта английского языка. На чрезмерную активизацию интернациональных морфем *гипер-, квази-, контр-, супер- ультра-; макро-, мега-* и ряда других указывали еще в 2009 г. члены словообразовательной комиссии при Международном комитете славистов Е.В. Коряковцева, Л.В. Рацибурская, А.А. Лукашанец и др. Обеспокоенность лингвистов вызывает рост активности глобализированных деривационных моделей, приводящий к снижению словообразовательного потенциала этнических языков [Коряковцева 2009: 183]. Л.В. Рацибурская отмечает социально-политическую мотивированность современного медийного словотворчества, генерирующего новообразования с аффиксами и аффиксоидами, обладающими оценочностью или приобретающими ее в условиях определенного контекста [Рацибурская 2016а, 2016 б].

Тенденции к частеречной автономизации и употреблении в значении высокой степени эмоциональной оценки морфем греко-латинского происхождения отмечаются основанным на корпусных данных словарем Collins, например: *Mega*: «Young people sometimes use *mega* in front of nouns in order to emphasize that the thing they are talking about is very good, very large, or very impressive»

[Collins]. Этот же словарь фиксирует резкий рост употребления морфем *hyper, mega* за последние три десятилетия, в то время как частотность употребления *ultra* и *super* за последние десятилетия в английском языке не выросла.

Употребление комбинаций *mega-super-hyper* в рекламных номинациях, в электронной коммуникации или в неформальном общении можно наблюдать в различных культурно-языковых социумах, например: Super Awesome Hyper Dimensional Mega Team (https://supermegateam.com, Великобритания); *Aviso!!! Mega Hyper Super Importante* (https://www.youtube.com/watch?v=zvNRI5Rp6bU, Испания); *Super Duper Hyper Ultra Mega Double Extra Triple Extreme Infinity* (https://www.youtube.com/user/SuperClavera, Швеция и т.п.).

Если вышерассмотренные формы выражения эмоциональной оценки реализуются, судя по зафиксированным НКРЯ данным, в гетерогенной коммуникации, то использование других, пришедших из американского варианта английского языка позитивно-оценочных эмотивов маркировано социолингвистически и находится на различной стадии процесса интеръективации. В неформальном жанре общения несомненным лидером среди способов выражения высокой положительной оценки является приближающееся к стадии интеръектива *круто*.

По своему происхождению *крутой, круто* представляют собой результаты неосемантизации прилагательного *крутой*, произошедшей под несомненным влиянием американского способа концептуализации мира. В.Г. Костомаров следующим образом охарактеризовал специфику новых лексических средств оценки: «В словах *крутой, крутизна* сочетаются положительные представления о силе, решительности, агрессивности. Здесь живет американский идеал сильного и доброго героя-ковбоя, чей индивидуализм очень привлекает после переувлечения коллективизмом. Такой герой противопоставляется слабаку: ср. с американским a tough, tough guys (или жаргонным hard-boiled)» [Костомаров 1999: 175]. А.И. Дьяков причисляет слово «крутой» к семантическим калькам, так как английский эквивалент «cool» имел сленговое значение «восхититель-

ный, умный, профессиональный», которое было заимствовано и имеет сейчас высокую частотность употребления [Дьяков 2013: 121].

В процессе семиозиса оценочный эмотив *круто* все больше удаляется от изначально заложенной в нем агрессивно-индивидуалистической оценки. Вместе с эмотивом *супер, круто* становится наиболее высокочастотным средством выражения высокой положительной оценки и испытываемого восторга членами жюри многочисленных развлекательно-соревновательных шоу. Процесс полной интеръективации эмоционально-оценочного *круто* сдерживает, на наш взгляд, его принадлежность к наречиям, детерминирующая преимущественное употребление *круто* в синтаксически связанных контекстах: *Это было круто! Ты поешь (танцуешь и т.п.) круто!* и т.п. Автономное произнесение данного эмотива является характерным для тех ситуаций, в которых положительные эмоции достигают столь высокой степени, что находят выражение в спонтанном возгласе, как правило, с эмфатическим ударением на первом слоге и интенсифицированным произнесением согласного *р*: *Крррuто!*

Данные об употреблении *круто* в НКРЯ нельзя считать полностью объективными в силу неснятой омонимии с употреблением *круто* как наречия со значением «обрывисто, резко, стремительно». Тем не менее, анализ представленных примеров свидетельствует о растущей популярности его использования как средства выражения эмоциональной оценки. Именно неосемантизированное употребление *круто* в результате наложения американских аксиологических координат обеспечивает отмечаемый НКРЯ с начала 2000 года резкий рост частотности употребления лексемы. Первые примеры употребления *круто* в новом, эмоционально-оценочном значении датируются 2001 годом:

Дочитал книжку Оскара Уайльда. *Круто*. Может, позвать Семёнова на день рождения? (Геласимов. Нежный возраст - НКРЯ).

А я говорю – в Москву – это *круто»* (Андрей Геласимов. Жанна - НКРЯ).

В "Знамени" – начало романа Дмитрия Рагозина «Дочь гипнотизера» «Открылась дверь-тварь: внутренность хлынула кипящим светом…. *Круто.* Будем ждать окончания» (Игрунова. Грустные люди - НКРЯ).

[Колючий друг, nick] !! ну ваще). На самом деле это *круто,* когда общаешься с преподом в неформальной обстановке… (Переписка в icq между agdardin и Колючий друг (2008.01.16)).

[alla, nick] Все РБК на уши ставит в один присест! *Круто*, очень *круто*! [shilo83, nick] - НКРЯ.

Различные контексты употребления свидетельствуют о достигнутой неосемантизмом высокой степени конвенциональности. В речи судей различных развлекательных шоу *круто* становится распространенным способом положительной оценки чрезвычайно высокого уровня продемонстрированного мастерства. В других ситуациях общения *круто* используется с целью объективации своего восхищения каким-либо дорогостоящим материальным объектом. Областью каузации оценочного *круто* являются преимущественно невербальные стимулы, либо пропозиции, содержащие сообщения о неких успешных действиях говорящего:

- *Я еду на два месяца на стажировку во Францию. – Круто!*

- *Знаешь, что на «Эразмусе» стипендия в месяц 1300 евро? – Вот это да! Круто!*

- *Я завтра беру интервью у самого заместителя губернатора. – Круто!*

- *Не поверишь, оказывается, у нее бабушка министр спорта! – Круто!*

- *Ребята, идемте в паб. Я за всех плачу – я заработал в Форексе первые 500 долларов! – Круто!*

- *Ну и как тебе квест? – Мега-круто!* (примеры нашей картотеки).

В таких ситуативных контекстах можно констатировать стадию полной интеръективации оценочного эмотива *круто*.

Характерно, что, несмотря на приписываемую словам *круто* (*крутой)* различными источниками принадлежность к сленгу, расширение сферы его употребления свидетельствует о постепенном выходе слова из области сленгизмов и его вхождении в область неформального общения. В пользу изменения статуса *круто* в современном русском языке свидетельствует также факт его общеизвестности, в отличие от употребляемых только в среде молодежи ино-

язычных вкраплений *кул (cool),* преднамеренно жаргонизированного *респект и уважуха* или маркированного преимущественно профессиональной принадлежностью заимствования *трэш*.

Анализ различных контекстов употребления *круто* демонстрирует его несводимость к таким привычным оценочным формам реагирования, как *отлично, чудесно, замечательно.* Ситуативные контексты употребления *круто* имплицируют «выделенность» оцениваемого индивида из всеобщей среды, его значительное акциональное или материальное превосходство над остальными, его успешность или удачливость, обладание определенными преимуществами. *Круто* становится конвенциональной формой оценки различных форм проявления успешности – от спонтанных реакций при виде какого-либо дорогостоящего автомобиля до выражения восторга при виде выполненного элемента ультра-си и т.п.

Весьма симптоматичным в данной связи представляется размещенная на портале для иностранцев, изучающих русский язык, информация о слове *круто* как «очень позитивном слове, характерном для русского сленга»: «Привет. Это – первый выпуск “Очень по-русски” и это действительно круто! Hi! This is the first edition of «Очень по-русски» and this is really *«круто»* (Learn Russian free).

В качестве примеров его употребления на этом же обучающем сайте приводятся контексты «Круто начинать новый проект. Круто путешествовать по миру. Круто иметь много денег и ни в чем себе не отказывать…» [Там же], представляющие собой своего рода путеводитель по аксиологии современного русскоязычного социума. Таким образом, в область каузации *круто* входят невербальные и вербальные стимулы, объединяемые критерием превосходства, успешности и гедонистического потенциала оцениваемого субъекта или объекта.

Симптоматично, что все входящие в речь носителей современного русского языка интеръективные заимствования выражают позитивную эмоциональную оценку. Единственным междометием, выражающим резко отрицательную

эмоциональную оценку, является англо-американское *trash*, вошедшее в лексикон ограниченной группы людей, в основном,

Согласно словарю Collins, *trash* имеет прямое значение, которое может быть описано как смесь ненужных, не имеющих никакой ценности, материальных объектов: пустых емкостей, использованных бумаг, испорченной еды и т.п.

«*Trash* – consists of unwanted things or waste material such as used paper, empty containers and bottles, and waste food» [Collins].

Переносное значение слова основано на развитии негативной оценочной семы: «If you say that something such as a book, painting or film is *trash*, you mean that it is of very poor quality [Collins] – об очень низком качестве предметов, таких как книга, картина, фильм и т.п.

Ни один из словарей заимствований не фиксирует на сегодняшний день данного слова. В.Д. Черняк включает *трэш* в список понятий и терминов массовой литературы. «*Трэш* (англ. trash – буквально «мусор»). Направление современного искусства, характеризующееся декларативной вторичностью и вульгарностью. <…..> В рамках постмодернистской культуры *трэш* выступает своеобразным двойником гламура [Черняк 2015: 168]. Электронные справочные источники указывают на возможность двоякого написания (*трэш – треш*) и приводят три значения слова: 1) жанр кино, в котором использование жанровых штампов (насилия, крови, отвращения и т.п.) достигает гиперболических размеров, доходя до пародии; 2) муз.. то же, что трэш-метал, разновидность хэви-металл; 3) неол., жарг., перен. что-либо невообразимо ужасное, чудовищное, вызывающее удивление и отвращение [wiktionary].

Анализ контекстов употребления слова *трэш* на основе данных НКРЯ (28 примеров) показывает его преимущественное использование в сочетаниях с наименованиями различных направлений или жанров искусства: *трэш*-фильмы, *трэш*-репортаж, *трэш*-металл, *трэш*-хоррор, *трэш*-комеди. Случаи употребления *трэш* в переносном оценочном значении фиксируются НКРЯ намного реже:

Есть слово «трэш», что значит мусор, дрянь, отход» (Довлатов. Трудное слово, 1990).

Угораздило как-то посмотреть этот безвкусно снятый, туповатый фильм. Это просто трэш» (коллективный. Форум: Обсуждение фильма «Самый лучший фильм-2» (2009-2011) – НКРЯ).

Словарь молодежного сленга определяет значение и область функциональной и частеречной категоризации слова *трэш*: первое значение рассматривается как «обзывательство» – хлам, мусор; второе – «предикатив, возглас выражения отрицательных эмоций, оценка ситуации как неприятной» [СМС2]. В качестве примеров предлагаются следующие диалогические срезы: «Ты видела эти жуткие туфли? Вообще трэш!»; «Ну ты трэш несешь!», «Это был лютейший треш и угар» и т.п. Как синонимы указываются *беспредел, чернуха, отстой, жесть*.

Примеры из нашей картотеки фиксируют диалоги между сотрудниками фирм, в основном, мужчинами молодого и среднего возраста, в эмоциональной форме оценивающих текущее состояние дел:

- *Как встреча? – Полный трэш!*
- *Слышал о нововведениях? – Трэш!*
- *Какие новости! – Ничего хорошего. Сплошной трэш!*
- *Что нового на работе? – Трэшняк.*

Несмотря на то, что употребление *трэш* как средства выражения крайне негативной оценки характерно, в основном, для замкнутых сфер бизнес-общения, внимания заслуживает сам процесс перекатегоризации заимствованного существительного во вторичное эмотивно-оценочное междометие в процессе его семиозиса в принимающей лингвокультурной среде.

Выводы

До начала 90-х годов XX столетия все заимствованные русским языком междометия принадлежали к классу волитивных или этикетных. Заимствова-

ние данных форм было мотивировано профессиональными или культурно-социальными потребностями общества. Группа первичных междометий, представляющих собой прототипические формы выражения эмоций, оставалась герметичной и не допускала заимствований извне.

Протекающие под доминирующим влиянием английского языка глобализационные процессы создали предпосылки для нарушения ранее незыблемых границ национального интеръективного фонда. Усвоение первичных англо-американских междометий носителями различных языков стало беспрецедентным в истории культурных и языковых контактов лингвистическим феноменом.

Несмотря на резкое неприятие значительной частью носителей русского языка, междометие *вау* уже около 30 лет функционирует в различных речевых практиках. Об успешной адаптации *вау* в пространстве современного русского языка свидетельствуют выявленное в результате анкетирования улучшение эмоционально-аксиологической оценки интеръектива, рост пассивного и активного употребления при расширении возрастного состава, а также участие междометия в активных лингвосистемных процессах: субстантивации, адъективациии функционально-семантической перекатегоризации (переход эмотивного междометия *вау* в разряд побудительных).

Преобладающий способ интродукции *вау* посредством демонстрации его использования в рекламных роликах предопределил специфику восприятия данного междометия носителями современного русского языка. Основными, выражаемыми с помощью *вау* эмоциями в современном русском языке являются восхищение и восторг, а также потрясение, изумление и удивление. В процессе семиозиса заимствование утрачивает некоторые присущие ему в языке-доноре параметры, приобретая новые конститутивные свойства. В принимающей языковой среде *вау* является реактивным актом, отражающим актуализированные каузатором перцептивно-сенсорные оценки, при максимальном исключении из механизма речепорождения когнитивных операций.

Усвоению *вау* русским языком способствует отсутствие в нем полных интеръективных эквивалентов американского междометия. Акт произнесения ближайших русских аналогов *ого, ух ты, ничего себе, вот это да* представляет собой эмоционально маркированный итог когнитивных сопоставительных операций предиката ожидания и его актуального репрезентанта. Преобладание когнитивных операций отражается в просодии русских междометий, не приспособленных для выражения длительного состояния интенсивного эмоционального потрясения. Фонационные особенности англо-американского *вау* делают его исключительно подходящим для экстериоризации самого акта испытываемого восхищения или потрясения.

Исключение из механизма образования *вау* когнитивно-оценочных процессов становится основой для внесения изменений в систему эмоциональных рефлексов носителей языка-реципиента. К важнейшим прагматическим функциям, выполняемым *вау* в современном русском языке, относятся: 1) приучение к низшим, сенсорно-перцептивным формам выражения интенсивного позитивного удивления; 2) формирование инстинкта потребления путем выработки условного *вау*-рефлекса, 3) воспитание гедонистического отношения к окружающему миру как важного составного элемента культурно-поведенческой матрицы индивида.

Заимствованное междометие *йес!* представляет собой результат эллипсиса слогана *Yes, we did it!*, отражающего важнейшую мировоззренческую идеологему американского общества – агентивную нацеленность индивида на успех в рамках стимулирующего действия разнообразных «вызовов». С легкостью ассимилировавшийся в пространстве русского языка американский интеръектив выполняет роль важнейшего модулянта культурно-поведенческой матрицы социума.

В отличие от междометия *ура*, выражающего радость и энтузиазм в ситуациях одержанной победы, американское *йес!* содержит констатацию чувства глубокой удовлетворенности реализацией своих целей в стремлении быть лучшим, при одновременной удовлетворенности поражением другой стороны.

Приучение к жесту *йес!* как способу демонстрации своей исключительности становится средством формирования эгоцентрической конфронтационной позиции личности, актуализируемой в рамках различных типов оппозиции «свой – чужой».

Успешная интериоризация англо-американских первичных междометий принимающим языковым коллективом, имеющая форму «встраивания» конвенциональных эмоциональных рефлексов, обеспечивает естественное и незаметное протекание процесса переформатирования когнитивно-эмоциональной сферы языка-реципиента. Сложившаяся конвенция использования *вау* и *йес*! на рефлекторном уровне обеспечивает формирование эмоционально-ценностных установок, обусловливающих «правильное» восприятие и усвоение системы ценностей, свойственных конкурентной экономике и обществу потребления.

В отличие от прямых заимствований первичных эмотивных междометий, внедрение англо-американских междометий в область русского речевого этикета осуществляется преимущественно в форме калькирования устойчивых речевых оборотов. Несмотря на наличие в русском языке собственных, идентичных с функционально-семантической точки зрения речевых формул, усвоение американских клише представляется мотивированным с точки зрения их большего соответствия ценностям общества потребления и основным измерениям современной цивилизации.

Краткость и удобство использования этикетных американских формул в непосредственных и технически-опосредованных речевых практиках (*ОК, сорри*) удовлетворяет потребности индивида в осуществлении скоростной коммуникации. Содержащие констатацию намерения поддерживать контакт формулы прощания (*увидимся, на связи* и т.п.) отражают интерактивный формат существования современного человека, находящегося в состоянии непрерывного контакта с окружающим миром. Усвоенные СМИ формулы прощания *Не переключайтесь, оставайтесь с нами* и т.п. кодируют коммерческую составляющую общения. Пожелание *Хорошего дня!* и его структурные аналоги

естественным образом укладываются в парадигму нацеленного на успех и получение удовольствий современного индивида.

Заимствование американских этикетных междометий приводит к переформатированию коммуникативных стратегий и к утрате русским речевым этикетом его этнокультурной специфики. Присущая этикетным междометиям перформативная форма интеракциональности обеспечивает прямую трансляцию свойственных англо-американской культуре стратегий вежливости: позитивного мышления, идеологии гедонистического отношения к человеческой экзистенции, коммерциализации и потребности в непрерывном поддержании контактов.

Глобализационные процессы, протекающие в форме копирования фрагментов американской модели развития общества, привели к резкому усилению эмоционально-оценочной составляющей в речевом поведении общества. На смену институционально регламентируемому этикету сдержанного поведения в публичной сфере пришли всемерно поощряемые формы свободной, нестесненной экстериоризации внутренних эмоционально-оценочных состояний. Основным способом их выражения становятся копируемые с западных (американских) образцов «спонтанные» вокальные жесты, представляющие собой перцептивно-сенсорные формы эмоциональной оценки.

Системообразующим способом обновления эмоционально-оценочного репертуара становится процесс деривационной активизации и интеръективации формантов латино-греческого происхождения *супер, гипер, мега, экстра, ультра.* В процессе семиозиса данные морфемы развиваются в направлении категориальной автономизации, становясь конвенциональным средством выражения интенсивных положительных эмоций. Динамично протекающие в современном русском языке процессы интеръективации, в том числе ранее категориально несамостоятельных частей слова, представляют собой свидетельство активно формирующейся новой системы интеръективных средств эмоциональной оценки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении многих столетий междометия остаются исключительно сложным феноменом, упорно не поддающимся теоретизации в рамках разнообразных парадигмальных подходов. Попытки оправдать существующее положение дел принадлежностью данных единиц к области языковой периферии, как и их маргинализацией вследствие длительного господства в языкознании системоцентричного подхода, на сегодняшний день уже не представляются убедительными. Приход на смену структурализму антропоцентрической парадигмы дал новый импульс изучению так называемой языковой периферии, в которой на первый план вышли междометия.

Современные интеръективные исследования осуществляются в рамках нескольких ведущих лингвистических парадигм, ни одна из которых не смогла предложить удовлетворительное, непротиворечивое решение основного «интеръективного» вопроса о характере внутренней, феноменологической природы междометий и релевантном способе их теоретизации. Применение в данной диссертационной работе семиотической методологии к изучению междометий позволило преодолеть противоречия референциально-семантического и процедурно-инференционного подходов и создать новую интеръективную теорию.

В рамках проведенного исследования была выявлена и описана онтологическая сущность междометий как особого типа лингвистических знаков, не предназначенных для выполнения заместительной функции вследствие их интеракционально-прагматической природы, заключающейся в непосредственном взаимодействии интеръективного знака с внеязыковой средой.

Выделение интеракциональности в качестве основного дистинктивного признака междометия предоставило теоретико-методологическую основу для формулирования семиотической дихотомии интеракционально-прагматического (междометия) и дескриптивного (остальные классы лингвистических единиц) знаков.

С учетом выявленного особого семиотического статуса междометия были определены как интеракционально-прагматические лингвистические знаки, отражающие процесс взаимодействия произносящего индивида с объектами внеязыковой среды в момент его непосредственного возникновения.

Критерий интеракциональности был положен в основу классификации междометных единиц, типологизируемых на основании различных типов взаимодействия знака с внеязыковой средой. Первичные и вторичные междометия были описаны как объект-субъектный или пропозиционально-субъектный тип интеракциональности, описываемый по формуле: «я выражаю испытываемую в данный момент эмоцию или эмоциональное ощущение». Когнитивные междометия были охарактеризованы как пропозиционально-субъектный тип интеракции, объективируемый в формуле: «я выражаю испытываемое в данный момент интеллектуальное (когнитивное) отношение к содержанию воспринимаемой информации». Побудительные междометия были отнесены к субъект-субъектному типу интеракции, описываемому по формуле: «я намереваюсь вызвать мгновенный перлокутивный эффект, состоящий в изменении актуального состояния адресата». Этикетные междометия были охарактеризованы как субъект-субъектный тип интеракции, реализуемый в формуле: «я устанавливаю определенный тип взаимоотношений между собой и адресатом».

Критерий прагматической интеракциональности лег в основу разработанной нами классификации междометий как типов речевых актов. С учетом характера объективируемых в междометиях различных типов взаимодействия с внеязыковой средой все междометные высказывания были разделены на реактивные, проактивные и перформативные акты.

В группу реактивов вошли первообразные и вторичные эмотивные междометия, а также когнитивные междометия, представляющие собой непосредственную эмоциональную или когнитивную реакцию на внешний каузатор. К группе проактивов были отнесены побудительные междометия, инициирующие мгновенные изменения в поведении адресата. Этикетные междометия,

устанавливающие определенный характер взаимодействия между коммуникантами, были классифицированы как перформативные речевые акты.

Выдвижение принципа семиотической дихотомии позволило внести ясность в описание механизмов перехода знаменательных частей речи в междометия как особого типа семиотической конверсии, в рамках которой дескриптивный знак трансформируется в знак интеракциональный. Как результат семиотической конверсии были охарактеризованы вторичные эмотивные и этикетные междометия.

Использование единого интеракционально-прагматического критерия с целью разработки дефиниции междометий, осуществления их классификации и типологизации в рамках теории речевых актов, а также описания интеръективации как особого типа семиотической конверсии явилось свидетельством релевантности приложения семиотической методологии для создания идеологически целостной, обладающей универсальной экспланаторностью, теории междометия.

Особая семиотическая природа междометий предопределила специфику заимствования и функционирования данных единиц в принимающей лингвокультурной среде. До начала 90-х годов XX столетия первообразные междометия представляли собой замкнутую группу, не допускающую внешних заимствований. Глобализационные процессы создали условия для беспрецедентного в истории межкультурных контактов массового проникновения англо-американских междометий в различные национальные языки, в том числе и в современный русский язык.

С целью изучения характера интродукции, динамики протекания семиозиса и уровня освоения англо-американских междометий в современном русском языке в работе была разработана и верифицирована методика отсроченного по времени двукратного анкетирования носителей принимающего языка.

Объектом двукратного анкетирования явились заимствуемый дескриптивный знак (прилагательное *креативный*) и интеракционально-прагматические знаки (англо-американские междометия *вау, йес, упс, сорри, ОК*). На основе

полученных в ходе анкетирования данных сделаны выводы о принципиальных различиях в интродукции, механизме протекания семиозиса и результатах освоения знака интерпретирующим коллективом.

Было установлено, что различные семиотические типы заимствований детерминируют дифференцированные способы интродукции в принимающий язык: использование моносемиотических (вербальных) средств в ситуации заимствования дескриптивного знака и семиотически гетерогенных (поликодовых) средств презентации – в случае заимствования интеракционального знака (междометия). Финальная интерпретанта заимствуемого дескриптивного знака представляет собой конструируемый интерпретатором гносеологический образ, финальная интерпретанта междометия – встраиваемый эмоциональный рефлекс, активизируемый определенным набором типовых ситуаций.

В работе было осуществлено комплексное изучение заимствованных англо-американских междометий, объединяющее данные эмпирической процедуры двукратного анкетирования с результатами дефиниционного, контекстуального, сравнительно-сопоставительного и интерпретационно-прагматического анализа.

Было установлено, что заимствование интеръектива *вау* является мотивированным с точки зрения отсутствия у него точных эквивалентов в русском языке и его соответствием задачам адаптации членов российского этносоциума к существованию в рамках новой социальной парадгмы – общества индивидуалистического потребления. Русские интеръективные средства объективации эмоции удивления *ого! Ух ты! Вот это да!* отражают эмоционально маркированный итог произведенной индивидом интеллектуальной оценки, в то время как американское междометие *вау* приспособлено для передачи интенсивных эмоций удивления или восхищения, базирующихся на сенсорных оценках. Данное типологическое свойство предопределяет высокую эффективность использования американкого интеръектива в рекламном и развлекательном дискурсе.

В*ау* заимствуется современным русским языком не только как междометие, но и в составе устойчивых оборотов: *вау-фактор, вау-момент* (*wow factor, wow moment*). Включение интеръектива *вау* в состав одного из маркетинговых терминов свидетельствует о первостепенной важности планируемого эмоционального воздействия на потенциального потребителя как условия успешной реализации производимой продукции. В рамках развлекательного дискурса *вау* используется как способ объективации основанных на сенсорных оценках, интенсивных положительных эмоций и становится маркером восторженного одобрения.

Анализ полученных в ходе двукратного (2010 – 2017 гг.) анкетирования данных продемонстрировал очевидный рост числа людей, употребляющих данное междометие. Основными, выражаемыми с помощью *вау* эмоциями являются восторг, восхищение, потрясение, восторженное одобрение и удивление. Выражение сильных эмоциональных ощущений (восторг, восхищение, потрясение) в большей степени характерно для младшей возрастной группы, выражение удивления или саркастическое употребление отличает членов старшей возрастной группы.

Свидетельством освоения американского интеръектива в современном русском языке является его участие в деривационных процессах: *вау* подвергается семиотической конверсии, переходя в разряд дескриптивных знаков (субстантивов и адъективов), претерпевает функционально-семантическую перекатегоризацию, переходя в разряд побудительных междометий в составе калькированного оборота *вау-вау, полегче*.

Описанные выше дистинктивные свойства знака обусловливают выполнение им следующих основных функций в принимающей лингвокультурной среде: приучение индивида к низшим, перцептивно-сенсорным формам эмоциональной оценки, формирование рефлекса потребления и акцентуации личности на гедонистических ценностях.

Усиление эмоционализации общества находит свое отражение в изменении морфологических и прагматических функций формантов латино-греческого

происхождения *супер, гипер, мега, экстра, ультра,* приобретающих статус интенсификаторов эмоциональной оценки взамен утраты деривационной активности в научной и публицистической сфере. Наблюдается тенденция к категориальной автономизации ранее несамостоятельных языковых элементов, приобретающих функцию выражения интенсивных эмоциональных оценок. Полной частеречной автономизации и переходу в разряд междометий подверглась морфема *супер,* являющаяся самым высокочастотным средством выражения позитивной эмоциональной оценки в речи носителей современного русского языка.

Заимствованное междометие *йес!* представляет собой результат эллипсиса слогана *Yes, we did it!*, отражающего важнейшую мировоззренческую идеологему американского общества – агентивную нацеленность индивида на успех в рамках стимулирующего действия разнообразных «вызовов». Присутствие в данном междометном возгласе интенсивной силовой семиотики обусловливает его высокочастотное использование в высказываниях политических лидеров, спортсменов и представителей других социальных сфер с ярко выраженной конкурентной составляющей.

Заимствование интеръектива *йес!* мотивировано отсутствием точных эквивалентов в русском языке и его соответствием целям воспитания членов общества, основанного на принципах индивидуалистической конкуренции. Ближайший интеръективный аналог, междометие *ура,* не предполагает обязательной предшествующей агентивности говорящего, представляет собой средство выражения радостного одушевления, лишенного конфронтационного компонента. В принимающей среде современного русского языка междометие *йес!* стимулирует агентивность члена социума как автономного субъекта жизнедеятельности, мотивирует индивида на достижение успеха и превосходства в условиях актуализации оппозиции «свой – чужой».

Основной сферой заимствование вторичных англо-американских междометий являются различные жанры речевого этикета. Наибольшим изменениям подверглись коммуникативные акты согласия (*о'кей*), извинения (*сорри*), про-

щания (*хорошего (приятного, удачного) дня, вечера, увидимся, будем на связи, в контакте* и т.п.). Семантическая немотивированность заимствований данной группы компенсируется их прагматической функциональностью, их соответствием транслируемым ценностям, компактностью и удобством использования в условиях аутентичной и виртуальной коммуникации.

Сделанные в работе выводы подтвердили выдвинутую гипотезу о дифференцированных функциях, выполняемых в лингвокультурной среде заимствованными дескриптивными и заимствованными интеракциональными знаками. Если денотативно-содержательная лексика представляет собой средство трансляции англо-американских лингвокультурных концептов и приводит к изменениям в концептуальной картине мира, то заимствованные англо-американские междометия участвуют в формировании коррелирующих с перенимаемой моделью мировидения эмоциональных рефлексов и культурно-поведенческих стереотипов, обеспечивающих ее успешное внедрение и функционирование в языковом сознании носителей принимающего языка.

Выявление роли, которую играют заимствованные междометия в репрагматизации картины мира носителей современного русского языка, имеет большую значимость для формирования сознательной, ответственной языковой политики государства. Описание моделирующего влияния заимствованных интеръективов на языковое национальное сознание создает теоретико-методологические предпосылки для дальнейшего изучения данного феномена в рамках эмотиологии, этнопсихологии, психолингвистики, лингвокультурологии, прикладной социологии и социологии коллективного поведения, а также лингвоглобалистики как перспективном направлении изучения специфики англо-американских заимствований в период глобализации. Разработанная в исследовании интеракционально-прагматическая теория междометия вносит вклад в решение проблемы изучения междометий, а также открывает перспективы для проведения исследований, которые имели бы своей целью углубленное изучение различных аспектов языка как семиотической системы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Научная литература

1. Азнабаева Л.А., Анищенко А.А. Междометия как средство выражения эмпатии (на материале французского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2015. № 2. С. 63 – 68.
2. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М.: Русский язык, 1978. 183 с.
3. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. М.: Типография университета, 1875. 503 с.
4. Аксаков К.С. Сочинения филологические. ПСС. Т. 2. Ч. 1. М.: Соцэкгиз, 1875. 567 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно- лингвистические механизмы семиозиса // Bulgaria Scientific Papers. Phylology. Plovdiv University, 2005, 1 (43). С. 185 – 192.
6. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова // Вестник Самарского государственного университета, 2006. № 5-1 (45). С. 102 – 110.
7. Алефиренко Н.Ф. Методологические проблемы современного языкознания // Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. Ч. IV. С. 314-397.
8. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
9. Алефиренко Н.А. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. Монография. 2-ое издание, стереотипное. М.: Флинта, 2014. 344 с.
10. Алференко Е.В. Проблема установления когнитивного статуса междометий в немецком языке // «Научный вестник». Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования», выпуск № 1 (8) // Воронеж: Воронежский государственный архитектурно-строительный университет, 2007. С.13-20

11. Алференко Е.В. Семантика и прагматика отыменных междометий немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 200 с.

12. Алферов А.В., Кустова Е.Ю. Прагма-семантическая конверсия *как* фактор динамики языковой системы (на материале русских *и* французских интеръективных форм*)* // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2014, № 1. С. 59 -62.

13. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.

14. Анищенко О.А. Генезис и функционирование молодежного социолекта в русском языке национального периода. М.: Флинта [Электронный ресурс]: монография. М.*:* Флинта: Наука, 2010. 280 с.

15. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания, 1995. № 1. С. 37 – 67.

16. Аристова В.М. К истории англо-русских литературных связей и заимствований // Семантические единицы в категории русского языка в диахронии. Калининград: Изд-во КГУ, 1997. С.12 – 19.

17. Арустамян Ж.Р. Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы её реализации во французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2011. 21 с.

18. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 346 с.

19. Афанасьева И.Л. Языковые и речевые свойства производных междометных единиц: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж,1996. 18 с.

20. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.

21. Баско Н.В. Развитие русского языка в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М., 2014. С. 252 – 256.

22. Бахмутова Е.А. О двух способах представления эмоций в языковой картине мира // Филология и культура: материалы V междунар. науч. конф. (19

- 21 октября 2005). Тамбов: Изд- во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 502 – 505.

23. Бахмутова Е.А. Когнитивно-дискурсивный аспект английских междометий: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 24 с.

24. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.

25. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428 – 472.

26. Белоус Т.В. Когнитивно-прагматический анализ междометий в англоязычном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006. 20 с.

27. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.:Прогресс, 1974. 448 с.

28. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 606 с.

29. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения: сб. науч. тр. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1989. С. 27 – 37.

30. Болтнева Н.А. Коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе: на материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 165 с.

31. Бондарец О.Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. 144 с.

32. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

33. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 624 с.

34. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 502 с.

35. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю. М.: УРСС, 2001. 408 с.

36. Васильев А.Д. Парадоксы и перспективы билингвизма // Язык образования и образование языка: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Великий Новгород, 2003. С. 18-19.

37. Вдовина Е.В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 199 с.

38. Вежбицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М.: Наука, 1999. С. 611 – 647.

39. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов // Язык. Культура. Познание: сб. ст. М.: Русские словари, 1996. С. 201 – 375.

40. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Пер. с англ. и предисловие А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

41. Ветров А.А. Семиотика и её основные проблемы. М.: Просвещение, 1968. 264 с.

42. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 2001. 720 с.

43. Витгенштейн Л. Философские исследования / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 79–128.

44. Волек Б. Типология эмотивных знаков // Язык и эмоции: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена, 1995. С.15 – 24.

45. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.

46. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенсиональности. М.: АН СССР, 1988. С. 124-143.

47. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 227 с.

48. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Основы фоносемантики - Изд. 2-е, стер. М.: Изд-во Ленанд, 2006. 239 с.

49. Востоков А.Х. Сокращенная русская грамматика Александра Востокова. СПб., 1852. 103 с.

50. Вундт В. Психология душевных волнений // Психология эмоций. М., 1993. С. 48-65.

51. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем./ Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

52. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Языковые преобразования. М., 1998. С. 645 – 646.

53. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки, 1995. № 4. С. 61 – 65.

54. Гак В.Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 13 – 52.

55. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958а. С. 103 – 124.

56. Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. Изд.2, испр. М.: Учпедгиз, 1958. 412 с.

57. Гальперин И.Р. Проблемы изучения семантической стороны языка. Л., 1958. 459 с.

58. Гальперин И. Р. Относительно употребления терминов «значение», «смысл», «содержание» в лингвистических работах // Избранные труды. М.: Высшая школа, 2005. С. 195 – 212.

59. Германович А.И. Междометие как часть речи // Русский язык в школе, 1941, № 2. С. 28 – 31.

60. Германович А.И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 1961. 59 с.

61. Германович А. И. Междометие как часть речи // Русский язык в школе, 1941. № 2. С. 28-31.

62. Германович А.И. Синтаксические свойства междометий // Русский язык в школе. 1957, № 6. С. 87 – 90.

63. Германович А.И. Междометия русского языка: пособие для учителя. Киев: Радянська школа, 1966. 161 с.

64. Гольдин В.Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 112 с.

65. Гостемилова Н.А. Структурно-семантические и национально-культурные особенности междометий мексиканского национального варианта современного испанского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 225 с.

66. Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

67. Греч Н. И. Чтения о русском языке. Курс лекций. Ч. 1. СПб.: типография Н. Греча, 1840. 336 с.

68. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Спб., 1834 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grech_n_i/text_1834_grammatika_oldorfo.shtml (дата обращения: 16.08.2016).

69. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. 399 с.

70. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 448 с.

71. Дагуров Г.В. Междометия как особый разряд слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. 16 с.

72. Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи. М.: Международные отношения, 1965. 318 с.

73. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 174 с.

74. Добрушина Н.Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: дис. … канд. филол. наук М., 1995. 225 с.

75. Добрушина Н.Р. Семантика междометий в реактивных репликах // Вестник МГУ. Серия 9. Филология, 1998. № 2. С. 136 –144.

76. Долгенко А.Н., Косырева М.С. Глобализмы как проблема интерлингвистики и русистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2016. № 2. С. 105 –110.

77. Долгенко А.Н., Косырева М.С. Интернационализмы и глобализмы // Этносоциум и межнациональная культура, 2016. № 6 (96). С. 123 –129.

78. Долгова Т.В. Влияние языковой глобализации XX—XXI векоа на формирование русской терминологии дизайна одежды и моды // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XLII междунар. науч.-практ. конф. № 11(42). Новосибирск: СибАК, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sibac.info/conf/philolog/xlii/39921 (дата обращения 15.03. 2017).

79. Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): дис. …. канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 214 с.

80. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 285 с.

81. Дьяков А.И. Уровни заимствования англицизмов в русском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2012. № 2. С. 113 – 124.

82. Дьяков А.И. Кальки-англицизмы в русском языке // Образование и наука в современных реалиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 4 июня 2017 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 26 – 35.

83. Есенкова Е. В. Концепт как один из ключевых концептов американской культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2008/22_7.pdf (дата обращения: 04.11.2015).

84. Есперсен О. Философия грамматики. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 404 с.

85. Ефремов В.А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // Universum: Вестник Герценовского университета, 2010. С. 44 – 48.

86. Заботкина В.И. Прагматическая перспектива новой лингвистической мегапарадигмы // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. М., 1995. Т. I. С. 169 –170.

87. Заботкина В.И. Соотношение прагматического и семантического в структуре словозначения // Проблемы функциональной семантики: сб. тр. Калининград, 1993. С. 82 – 91.

88. Зализняк АА., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

89. Зданкевич В.Г. Русский язык (дидактические и справочные материалы). М.: Высшая школа, 2002. 286 с.

90. Зеленин *А.В.* Рец. на: Л.П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов // Вопросы языкознания, 2002. № 1. С. 139.

91. Златев И. Междометия с семантическим компонентом “удивление” в болгарском и в русском языках // Великотырновский университет имени Святых Кирилла и Мефодия. Ежегодные лингвистические чтения 2006 года. Велико Търново, 2008. С. 41 – 44.

92. Иванова О.К. Высокопродуктивные морфемы. Как супер-, мега-, ультра-, экстра-, гипер-, сверх- заполонили нашу речь // Мурманский Вестник, Ежедневное областное издание [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2016020911 (дата обращения: 09.02. 2016).

93. Изард К. Психология эмоций. Спб.: Питер, 2006. 464 с.

94. Изард К. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.

95. Исаева Н.А. Процессы утраты внутренней формы слова: На материале имен существительных: дис. … канд. филол. наук. Калуга, 1999. 231 с.

96. История лингвистических учений. Позднее средневековье / А.В. Десницкая, И.А. Перельмутер и др. М.: Наука, 1991. 265 с.

97. Исянгулова Г.А.Междометия, заимствованные из других языков, в современном башкирском языке // Современные проблемы науки и образова-

ния, 2015. № 1-1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id (дата обращения: 14.03.2016).

98. Исянгулова Г.А.Проблема происхождения, изучения и классификации междометий // Вестник Башкирского университета, 2015. Т. 20, № 3. С. 1064 – 1067.

99. Калабекова С.В. Гедонистические установки общества потребления // Известия Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, 2016, 1 (7). С. 9 – 16.

100. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 1(39). С. 43 – 50.

101. Карасик В.И. Семантика этикетного действия // Действие. Лингвистические и логические модели: тезисы докладов. М., 1991. С. 45 – 46.

102. Карасик В.И. Этикетное действие: обозначение, характеристики, типы // Ономасиологические аспекты семантики: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1993. С. 24 – 33.

103. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.

104. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

105. Карасик В.И., Шейгал Е.И. Градация речевого этикета // Материалы республиканской научной конференции «Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения». Харьков, 1991. Ч. 2. С. 33 – 38.

106. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд. иностр. Литературы, 1959. 384 с.

107. Карцевский С.О. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания, 1984. № 6. С.127 – 137.

108. Касаткин Н.В. Смысл междометий // Ученые записки Томского государственного педагогического института, 1954. Т. 11. С. 137 – 147.

109. Касевич В.В. Язык и знание // Язык и структура знания. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990. 205 с.

110. Кирилина А.В., Гриценко Е.С. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации // Власть, 2011. № 5. С. 56 – 59.

111. Кирилина А.В., Гриценко Е. С. Лалетина А. О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики, 2012. № 1 (15). С. 18 – 37.

112. Колшанский Г.В. К проблеме понятия и значения слова // Иностранные языки в высшей школе, 1962. № 4. С. 31 – 39.

113. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Просвещение, 1984. 175 с.

114. Колшанский Г.В. Соотношения субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.

115. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология исследований в лингвистике: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УралГУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012. 818 с.

116. Корди Е.Е. О значении междометий и их синтаксических функциях // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та. Л., 1964. Т. 241. С. 71 – 107.

117. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе (к постановке вопроса) // Проявление интернационализации в славянских языках. Седльце: Изд-во Академии Подляской, 2009. 206 с.

118. Королева Е.И., Викулова Е.А. Экспрессивное значение как предмет дискуссий в зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2014. № 10-2 (40). С. 86 – 89.

119. Косов В.Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1963а. 30 с.

120. Косов В.Т. Междометия как средство выражения эмоциональной и волевой функции языка // Вопросы германской и романской филологии. Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. 27, 1963б. С. 188 – 213.

121. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Спб.: Златоуст, 1999. 320 с.

122. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркутская областная типография, 2001. 261 с.

123. Кравченко А.В. Языковой семиозис и пределы человеческого познания // Когнитивные исследования языка. Вып. II. Типы знаний и проблемы их классификации. М.: Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2008. С. 37 –45.

124. Красавский Н.А. Концептосфера эмоций: методы и результаты лингвокультурологического изучения // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Изд-во Колледж, 2001а. 365 с.

125. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

126. Кронгауз М.А. Новое в речевом этикете // Русский язык. № 3. 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rus.1september.ru/article.php (время обращения: 29.11.2016).

127. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.

128. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М.: АСТ, 2013. 416 с.

129. Кручинина И.Н. Междометия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1997. 698 с.

130. Кручинина И.Н. Из истории преподавания русского языка (Две статьи о школьной грамматике). М.: Планета, 2000. 40 с.

131. Крысин Л.П. Лексическое заимствование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания, 2002. № 6. С. 27 – 34.

132. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии». М.: Изд-во «Знак», 2008. 320 с.

133. Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянских культур, 2004. С 492 – 50.

134. Кубрякова Е.С., Гиреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингви-

стика и межкультурная коммуникация, 2002, № 2. С. 33 – 38.

135. Кудрявский Д.Н. О происхождении языка // Русская мысль, 1912. С. 7 – 13.

136. Куманина Н.Ю. Статус междометия в свете новой академической грамматики испанского языка, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://pglu.ru/upload/iblock/4ed/uch_2012_vi_00009.pdf. (дата обращения: 23.09.2016).

137. Курносова Н.А. Знаковый статус междометий и проблемы их лексикографической разработки (на материале современного английского языка): дис... канд. филол. наук. Киев, 1992. 163 с.

138. Кустова. Е.Ю. Функционально-прагматическая характеристика междометных речевых единиц французского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 1997. 17 с.

139. Кустова Е.Ю. К интегральной теории французского междометия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2008. № 2. С. 53 – 59.

140. Кустова Е.Ю. Интеракциональная типология французских интеръективов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2009. № 1. С. 82 – 87.

141. Кустова Е.Ю. Семио-прагматическая конверсия интеръективов (на материале французского и русского языков) // Научный Вестник Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования», 2009. № 1 (11). С. 182 – 190.

142. Кустова Е.Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракциональные функции: дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. 315 с.

143. Лакофф Р. Прагматика публичного извинения / пер. В. В. Дементьева и Е. Б. Ковельевой // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 183 –192.

144. Ларина Т.В. Эмоции и их понимание в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://srcc.msu.su/uni-persona/confD5/tesi05.htm (дата обращения: 27.07.2015).

145. Левин Ю.И. Об обсценных выражениях русского языка // Russian Linguistics, 1986. № 10. С. 61 – 72.

146. Левицкий А.Э. Функциональные подходы к классификации единиц современного английского языка: монография. Киев: АСА,1998. 362 с.

147. Левонтина И.Б. Русский со словарем. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. 464 с.

148. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 томах. М.: Мысль, 1983. 830 с.

149. Литвинова В.А. Мотивация извинения в британской коммуникативной культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2013. № 2 (18). С. 121 – 126.

150. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в трех томах. Т.1. М.: Мысль, 1985. 621 с.

151. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии (1739-1758). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.

152. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989. С. 5 – 92.

153. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6. С. 227 – 243.

154. Лук А.Н. Эмоции и чувства. М.: Знание, 1972. 80 с.

155. Ляшенко А.П. К значению междометных образований в английском языке и их трактовка в лингвистической литературе. Самарканд: Высшая школа, 1973. 186 с.

156. Ляшенко А.П. Русско-английские интеръекционные параллели в свете современного понимания категории интеръекционных (междометных) единиц: дис... канд. филол. наук. Самарканд, 1976. 248 с.

157. Максимова С. Э. Регулятивная функция междометной реплики в диалоге. На материале немецкого и русского языков: дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2000. 189 с.

158. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып.3.М.: Прогресс, 1963. С. 366 – 566.

159. Мамушкина С.Ю. История вопроса о частеречной индентификации междометий // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013, № 1 (12). С. 30 – 36.

160. Мамушкина С.Ю. Семантика и прагматика междометий в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. Самара, 2003. 175 с.

161. Массалина И.П, Новодранова В.Ф. Дискурсивные маркеры в английском языке военно-морского дела. Калининград: Изд-во КГТУ, 2009. С. 163 – 172.

162. Мейе А. Метод // Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. с франц. Гл. I. М.; Л.: Изд-во иностр. лит., 1938. С. 48 – 81.

163. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учебное пособие. М.: Академия, 2004. 432 с.

164. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 321 с.

165. Михайлова Е.И. Эмоция удивления и способы ее отражения в современном русском языке // Наука и современность. Новосибирск: «Центр развития научного сотрудничества», 2010. № 5 – 3. С. 52 – 56.

166. Моисеева Л.С. Борисова Т.Ю. Функционирование «Усеченных» форм глагола в произведениях русской художественной литературы XIX-XXI вв. // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та им. Г.Р. Державина, 2013. № 6 (52). С. 195 – 198.

167. Мокиенко В.М.. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50 – 73.

168. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37 – 89.

169. Мосейко А.А. Этикетные модели поведения в британской и русской лингвокультурах: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 197 с.

170. Мхитарьян Г.С. Грамматический статус и функционирование глагольно-междометных форм в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2016. 212 с.

171. Нарский И.С. Проблема значения «значения» в теории познания // Проблема знака и значения. М.: Изд-во МГУ, 1969. 171 с.

172. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учеб. пособие. М.: Высшая школа,1988. 168 с.

173. Николаева Е.С. Междометия в прагмалингвистическом аспекте (На материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 180 с.

174. Николаева Т.М. О лингвистике речи (в частности, о междометии) // Вопросы языкознания, 2015. № 4. С. 7 – 20.

175. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. М.: Соцэкгиз, 1912. 322 с.

176. Одегова О.В. Лингвокультурная глобализация в современном мире: специфика и социокультурные эффекты: автореф. дис. … канд. филос. наук. Томск, 2013. 23 с.

177. Ордули А.В. Проблема междометий как эмоционального оператора // Рациональное и эмоциональное в русском языке: международный сб. науч. тр. М.: МГОУ, 2012. С. 389 – 393.

178. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22 –129.

179. Остин, Дж. Перформативы — констативы // Философия языка. М., 2004. С. 23 – 34.

180. Павиленис Р. И. Логико-методологические проблемы анализа языка: семантика и прагматика // Вопросы философии, 1982. № 11. С. 82 – 91.

181. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985. 300 с.

182. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 271 с.

183. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 5 – 32.

184. Панов М.В. О частях речи в русском языке // Филологические науки, 1960. №4. С. 25 – 31.

185. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука,1999. 275 с.

186. Панфилов В.З. О гносеологических аспектах языкового знака // Вопросы языкознания, 1977. № 3. С. 3 – 14.

187. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 357 с.

188. Параховская С.В. Слово как объект категоризации и концептуализации: на материале междометий современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 2003. 196 с.

189. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. литер., 1960. 500 с.

190. Пахомова И.Н. Новые процессы в русском речевом этикете. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность, 2012. С. 62-66.

191. Петкова З.А. Русские звукоподражательные слова в зеркале носителей болгарского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 154 с.

192. Петращук Г.И. Особенности немецких и русских отыменных междометий // Молодёжь и наука: Сборник материалов VII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 50-летию первого полета человека в космос. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/section22.html (дата обращения: 19.11. 2015).

193. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и из-

влечениях. Ч. 2. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. С. 23 – 47.

194. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

195. Пирс Ч. Grammatica Speculativa // Начало прагматизма. Т.2. Логические основания теории знаков / пер. с англ. СПб.: Изд-во СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 40 – 223.

196. Пирс Ч. Символы. Сигналы. Шумы. Закономерности и процессы передачи информации. М.: Мир, 1967. 333 с.

197. Пирс Ч. Элементы логики. Grammatica speculative // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова, М.: 1983. С. 151 – 210.

198. Писарек Л. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским. Wrocław: Wyd. Uniw. Wrocławckego, 1995. 173 с.

199. Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ. М., 2003. 384 с.

200. Полищук Н.В. Номинативный статус междометных фразеологических единиц современного английского языка и особенности их контекстного употребления: автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 1988. 23 с.

201. Полякова А. С., Круглова У. Гедонизм, как реализация концепции общества потребления // Молодёжь и наука: Сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвященной 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2012/section34.html (дата обращения: 14.02.17)

202. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Наука, 1958. Т.1 – 2. 536 с. Т.4. 318 с.

203. Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.

204. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.

205. Прокахина Д.А. Семиотические особенности системы междометий

современного испанского языка: дис ... канд. филол. наук. СПб, 2012. 260 с.

206. Прохоров Е.Ю. Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2007. 152 с.

207. Прудникова А.В. Междометие как объект лингвистического описания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2011. № 5. С. 91– 95.

208. Пузиков М.А. Семантика и звуковой состав первичных и вторичных междометий (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук, Комсомольск-на-Амуре, 2006. 173 с.

209. Рацибурская Л.В. Активные деривационные процессы в современном русском языке (на материале медицных текстов) // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции, 2016. Нижний Новогород. С. 365 – 369.

210. Рацибурская Л.В. Активные словообразовательные процессы в русском языке начала XXI века // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка. Материалы VI международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой, 2016. Нижний Новогород. С. 222-229.

211. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное извинение на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.

212. Ривлина А.А. «Проблемы» vs «выховы»: компенсация лингвокультурной лакуны // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов / под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005, Вып. 2. С. 61 – 68.

213. Романов А.П. Лингвистические лишенцы // Русский язык в советской школе, 1931. № 2. С. 53 – 56.

214. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун- та, 2000. 151 с.

215. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта, 2013. 528 с.

216. Сайфеева К.М. Этикетные формулы: десемантизация и новые смыслы // Русская речь, 2015. № 3. С. 68 – 75.

217. Самарин Д.А. Морфологический и синтаксический характер ономасиологической грамматики модистов // Вестник Череповецкого государственного университета, 2014, № 3. С. 130 – 133.

218. Самохин И.С. Эмоциональные концепты «Удивление» и «surprise» в дискурсе Русской англоязычной поп-музыки 1970-х (на уровне слов-сигналов) // Вестник Военного университета, 2010. № 2 (22). С. 106 –110.

219. Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов; Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.702 с.

220. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.: Огиз, 1934. 223 с.

221. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

222. Середа Е.В. К вопросу о статусе междометий // Русский язык в школе, 2002. № 5. С.70 – 72.

223. Середа Е.В. Классификация междометий по признаку выражения модальности. Русский язык (приложение к газете «Первое сентября»), М. 2002. № 23 (335).

224. Середа Е.В. Нерешенные проблемы изучения междометий // Русский язык (приложение к газете «Первого сентября»). М, 2003. № 11 (371).

225. Середа Е.В. К вопросу о классификации междометий // Русский язык, 2004, № 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rus.1september.ru/article.php?ID=200401306 (дата обращения: 14.08.15).

226. Середа Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2005.160 с.

227. Середа Е.В. Этикетные междометия // Русский язык, 2006, №15 (519) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rus.1september.ru/article php?ID=200601506 (дата обращения: 17.02.14).

228. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170 – 194.

229. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М.: Наука, 1970. 144 с.

230. Скачкова И.И. Междометные референции к категориальным эмоциональным ситуациям (на материале английской и русской художественной коммуникации): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 18 с.

231. Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке // Иностранные языки в школе, 1954. № 3. С. 12 – 24.

232. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.

233. Солганик Г.Я. О речевых неологизмах (на материале публицистики) // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященных памяти профессора М.Н. Кожиной. М.: Флинта-Наука, 2013. С. 169-176.

234. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977. 344 с.

235. Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания, 1977. № 2. С. 15 – 28.

236. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.; Л.: Прогресс, 1977. 695 с.

237. Стаценко А.С. Междометия как языковой класс // Общество: философия, история, культура. Краснодар: изд-во «Хорс», 2011. № 1 – 2. С. 46 – 49.

238. Степанов Ю.С. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. С. 203 – 281.

239. Степанов Ю.С. Семиотика, философия, авангард // Семиотика и

Авангард. М.: Академический Проект, 2006. С. 5 – 32.

240. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 171 с.

241. Стернин И.А. Русский речевой этикет / И.А. Стернин. Воронеж: ВОИПКПРО, 1996. 73 с.

242. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97 – 112.

243. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. 2-ое изд. М.-Берлин: Директ-медиа, 2015. 212 с.

244. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 184 с.

245. Суник О. П. Общая теория частей речи. М: Наука, 1966. 132 с.

246. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). М.: Восток-Запад, 2006. 200 с.

247. Сырейщиков Е. Б. Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской Империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II. СПб., 1787. 58 с.

248. Тихонов А.Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). М.: Цитадель-трейд, 2003. 186 с.

249. Токарев Г.В. Использование семиотических методов в лингвистике // Вестник Костромского государственного университета, 2015. Т. 21. № 1. С. 117 -121.

250. Тораб Ф. Н. Императивные междометия в русском языке // Сибирский педагогический журнал, 2011. № 1. С. 101 – 104.

251. Торопцев И.С. Язык и речь. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 199 с.

252. Трендевска С. Англоязычные заимствованные междометия и их семантика, роль и экспрессивная функция в разговорной речи русского и македонского языков // European journal of literature and linguistics, 2016. № 1. С. 73 – 77.

253. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.

254. Трофимова Н.А. Экспрессивы: мнения и решения // Ученые записки Т. 22: Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода. СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2013. С. 77 – 88.

255. Туебекова З.Д. Место междометий в системе частей речи современного английского языка: дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984. 189 с.

256. Тюхтин В.С. О природе образа (психическое отражение в свете идеи кибернетики). М.: Высшая школа, 1963. 121 с.

257. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принципы семасиологического описания лексики. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 240 с.

258. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков М.: Наука, 1974. 206 с.

259. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.

260. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1987. 158 с.

261. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1956. Т. 2. 529 с.

262. Фрейденберг О. М. Античные теории языка и стиля. М.: ОГИЗ, 1936. 341 с.

263. Фрумкина Р. М. Прагматика: новый взгляд // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: ВИНИТИ: Рус. словари, 1994. С. 98 –113.

264. Фрумкина Р.М. Размышления на полях новой книги Анны Вежбицкой. НТИ, сер. 2, 1994. № 4. С. 26 – 28.

265. Цофина Ю. А. Проблема определения частеречного статуса междометий: история вопроса и современные трактовки // Ярославский педагогический вестник, 2011. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 184 – 188.

266. Черенков А.С. Интеракционально-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе: дис. … канд.

филол. наук. Пятигорск, 2011. 176 с.

267. Чернов А.В. Конструкции с междометием в формальном и семантическом аспектах: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 1998. 136 с.

268. Черняк В. Д., Черняк М. А.. Массовая литература в понятиях и терминах. М.: Наука, Флинта, 2015. 250 с.

269. Чуранов А. Е. Адъективная основа в формировании системы английских междометий и междометоидов: дис. … канд. филол. наук. Балашов, 2008. 185 с.

270. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. М.:Общество любителей российской словесности, 1997. 184 с.

271. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. М.: Флинта, 2012. 301 с.

272. Шалунова М.Ю. О знаковой природе междометий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 3 (20) , 2012. С. 83 – 86.

273. Шанский Н.М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с.

274. Шарифуллин Б.Я. Обсценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение. Красноярск, 2000, Вып. 1 (9). С. 108-111.

275. Шаронов И. А. Междометие в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2008. 296 с.

276. Шаронов И.А. Назад к междометиям. Доклады международной конференции «Диалог-2004» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dialog-21.ru (дата обращения: 11.05. 2014).

277. Шаронов И.А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006). М., 2006. С. 561 – 566.

278. Шаронов И.А. К вопросу о лингвоспецифичности эмоциональных междометий // Русский язык за рубежом, 2009. № 4. С. 87 – 92.

279. Шаронов И.А. Междометия в языке, тексте и коммуникации: дис. … д-ра филол. наук. М., 2009. 323 с.

280. Шаронов И.А. О скрытых признаках производных междометий // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сб. науч. ст. / ред.-сост. И.А. Шаронов. М.: РГТУ, 2007. С. 223 – 236.

281. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 624 с.

282. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.

283. Шаховский В.И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: Перемена, 1997. 148 с.

284. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград: ВГПИ, 1990. 175 с.

285. Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике / В.И. Шаховский // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: СБ. В честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 671 – 683.

286. Шкапенко Т. М. Англо-американский концепт «challenge» в славянских языках // International scientific review, 2016. № 4 (14). С. 135 – 137.

287. Шкапенко Т.М. «Импорт американского лингвоконцепта «Challenge» // Auspicia. Прага, 2012. С. 85 – 90.

288. Шкапенко Т.М. Когнитивно-прагматический аспект заимствования англо-американских междометий славянскими языками // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24-25 апреля 2015 г.). Т. 1. С. 491 – 496.

289. Шкапенко Т.М. К проблеме семиозиса заимствованного знака // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016а, № 3. С. 18 – 25.

290. Шкапенко Т.М. Обсценная лексика: о когнитивных механизмах табуизации слов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 4, 2016б, том 2. С. 67 – 71.

291. Шкапенко Т.М. Междометия как средство формирования эмотивной компетенции в процессе обучения иностранному языку: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2016в. № 11. Ч. 3. С. 188 – 189.

292. Шкапенко Т.М. Междометия как объект заимствований в синхродиахронической перспективе // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Третьей научно-практ. конф. (Москва, 24– 25 марта 2017 г.), 2017 а. Т. 1. С. 714 – 720.

293. Шкапенко Т.М. К проблеме описания междометий в свете теории речевых актов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017б. № 3 (180). С. 42 – 46.

294. Шляхова С.С. «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь: Изд-во Перм. пед. ун-та, 2004. 225 с.

295. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 537 – 550.

296. Шовгенина Е.А. Директивные речевые акты в аспекте прагматической обусловленности выбора языковых средств означивания времени (на материале английского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 1 (13). С. 154 – 159.

297. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 212 – 233.

298. Щеболева И.Б. Изменение русского речевого этикета и коммуникативного поведения русских в эпоху глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015. № 11. С. 374 – 376.

299. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63 – 84.

300. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд. Мин. просв. РСФСР, 1957. 188 с.

301. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.

302. Якобсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102 – 117.

303. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. Библиографическая информация // Структурализм "за" и "против". М., 1975. С. 193 – 230.

304. Яковлева Е.В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы: дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2017. 203 с.

305. Aijmer K., Simon-Vanderibergen M. Model of a Methodology for the Study of Pragmatic Markers: the Semantic Field of Expectation // Journal of Pragmatics, 2004. Vol. 36. P. 1787 – 1805.

306. Allen K, Burridge K. Forbidden words: Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge Universuty Press, 2006. 314 p.

307. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics, 1992. Vol. 18 (2-3). P. 102 – 118.

308. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections // Journal of Pragmatics, 1992, Vol. 18 (2-3). Pp. 245 – 271.

309. Bach K., Harnish R. Linguistic Communication and Speech Acts/ L., Cambridge: MIT Press, 1980. 327 p.

310. Ballmer Th., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. Berlin: Springer, 1981. 274 p.

311. Bańko Mirosław. Dlazcego wow? // Reverendissimae Halinae Satkiewicz cum magna aestimatione. Warszawa: Plejada, 2008. S. 9–21.

312. Battistella E. J. Bad Language: Are Some Words Better than Others? Oxford: Oxford University Press, 2005. 240 p.

313. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London, New York: Routhledge, 1992. 236 c.

314. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973. 616 p.

315. Blakemore D. Semantic Constraints on Relevance. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 159 p.

316. Bloom L. The transition from infancy to language. Acquiring the power of expression. New York: Cambridge University Press, 1993. 350 p.

317. Blum-Kulka S., Olshtain E. Requests and Apologies: A Cross-cultural Study of Speech Act Realization Patterns (CCSARP) // Applied Linguistics, 1984, №.3. P. 196-213.

318. Branscombe, N. R. Conscious and unconscious processing of affective and cognitive information // Affect, cognition and social behavior. Toronto etc.: C. J. Hogrefe, 1988. P. 3-24.

319. Coulmas F. On the sociolinguistic relevance of routine formulae// Journal of Pragmatics, 1979. No 3 (3/4). P. 239 – 266.

320. Coulmas F. Introduction: Conversational routine // Conversational Routine. The Hague: Mouton, 1981. P. 1 – 17.

321. Coupland N. (ed). The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). D Blackwell Publishing Ltd, 2010. 662 p.

322. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. 150 p.

323. Cruz M. P. Might Interjectons Encode Concepts? More questions than answers // Lodz Papers in Pragmatics, 2010, Vol. 5 (2). P. 241–270.

324. Cuenca M. Defining the indefinable? Interjections // Syntaxis. An International Journal of Syntactic Research, 2000, № 3. P. 29 – 44.

325. Cueto Vallverdú, López Bobo. La Interjección. Semántica y Pragmática. Madrid: Arco Libros, 2003. 95 p.

326. Ducrot O. Analyses pragmatiques // Communications. Paris: Seuil,1980, № 32. P. 11 – 60.

327. Ducrot O. Operateurs argumentatifs et visee argumentative // Cahiers de linguistique francaise. Geneve: Universite de Geneve, 1983, № 5. P.7 – 36.

328. Ehlich K.Interjektionen. Tübingen: Niemeyer, 1986, XVI. 288 p.

329. Evans N. 'Wanjh! Bonj! Nja!': Sequential organization and social deixis in Mayaliinterjections // Journal of Pragmatics, 1992.18(2/3). P. 225 – 244.

330. Faucannier G. D omains and C onnections // Cognitive Linguistics, 1990, vol. 1-1. P. 151 – 174.

331. Fauconnier G., Turner M. Blending as a Central Process of Grammar // Conceptual Structure, Discourse, and Language / A. Goldberg (ed.). Stanford, CA: CSLI Publications, 1996. P.113 – 130.

332. Finke P. Konstruktive Selbstthematisierung: Eine metatheoretische Studie zur Linguistik und Literaturwissenschaft // Analytische Literaturwissenschaft. Braunschweig; Wiesbaden, 1984. P.9 – 40.

333. Fodor J.P., Fodor J.M., Garret M.P. The psychological unreality of semantic representations // Linguistic Inquiry, 1975, № 4. P.515 – 531.

334. Fox Tree J. Discourse Markers across Speakers and Settings // Language and Linguistics Compass, 2010 (4-5). P. 269 – 281.

335. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics, 1990, № 14. P. 383 – 95.

336. Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics, 1996, № 6 (2). Pp. 167 – 190.

337. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics, 1999, № 31. P. 931 – 952.

338. Goddard C. Discourse Particles and Interjections // Semantic Analysis: A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 165 – 190.

339. Goddard C. Interjections and emotion (with special reference to “surprise” and “disgust”), 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1754073913491843 (дата обращения: 17.12.2016).

340. Goffman E. Response cries. Forms of talk. Oxford: Blackwell, 1981. P. 78 – 122.

341. Goffman E. Forms of talk. Oxford: Blackwell, 1981. 344 p.

342. Gumperz J.J. Discourse strategies. Cambridge, England: CUP, 1982. 225 p.

343. Haiman J. Alienation in Grammar. Studies in Language, 1989. 13 (1). P. 129 – 170.

344. Hayner P. C. Expressive Meaning // The Journal of Philosophy, 1956. Vol. LIII, № 4. P. 149 – 157.

345. Hocket Ch. A Course in Modern Linguistics. New York: The Macmillan Company, 1958. 620 p.

346. Hymes D.H. Models of the Interaction of Language and Social Life / D.H. Hymes // Gumperz J.J., Hymes D. (Eds.) Directions in Sociolinguistics. The Ethnography of Communication. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. P. 35 – 71.

347. James D. Some aspects of the syntax and semantics of interjections // Proceedings of the Chicago Linguistic Society, 1972 (8). P. 162 – 172.

348. James D. The use of oh, ah, say, and well in relation to a number of grammatical phenomena // Papers in Linguistics, 1978. No 11. P. 517– 535.

349. Joseph B. D. On the linguistics of marginality: The centrality of the periphery // Anderson, G. et al. (Eds.) Papers from the 33rd Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1997. P. 197 – 213.

350. Jovanović V. The Form, Position and Meaning of Interjections in English // Series: Linguistics and Literature, 2004, vol. 3, № 1. P. 17 – 28.

351. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. Paris.: A. Collin, 2005. 365p.

352. Kerbrat-Orecchioni C. L’analyse des interactions verbales: la notion de ‘négociation conversationnelle: défense et illustration // Lalies, 2000. P. 63 – 141.

353. Kleiber Georges. “Sémiotique de l’interjection” // Langages 161, 2006. P. 10 – 23.

354. Kockelman P. The Meanings of Interjections in Q'eqchT Maya. From Emotive Reaction to Social and Discursive Action // Current Anthropology. The University of Chicago Press. 2003, Vol. 44 (4). Pp. 467 – 491.

355. Kryk B. The pragmatics of interjections: the case of Polish no // Journal of Pragmatics, 1992, 18(1). P.123 – 137/

356. Kryk-Kastovsky B. Surprise, Surprise: The Iconicity-Conventionality Scale of Emotions // Language The of Emotions: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation. Philadelphia: John Benjamins Publishing Co.,1997. P. 155 – 173.

357. Kryk-Kastovsky B. The pragmatics of interjections: The case of Polish // Journal of Pragmatics, 1992, 18 (1). P. 93 – 107.

358. Leech G., Deuchar M. and Hoogenraad R. English Grammar for Today, London: Longman, 1982. 320 p.

359. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

360. Levinson S. C. Deixis and pragmatics // Horn, L. & G. Ward (Eds.) The Handbook of pragmatics. Oxford: Blackwell, 2004. P. 97 – 121.

361. Lowndes L. How to Instantly Connect with Anyone: 96 All-New Little Tricks for Big Success in Relationships. New York: McGraw Hill, 2009. 235 p.

362. Lundberg D. Have a Nice Day Is Not Thank You, and No Problem Is Not You're Welcome. Tampa: Lulu, 2006. 144 p.

363. Mann S. Hiding What We Feel, Faking What We Don't: Understanding the Role of Your Emotions at Work. Shaftesbury: Element Books, 1999. 169 p.

364. Metcalf Allan. OK: The Improbable Story of America's Greatest Word. London: Oxford University Press, 2011. 224 p.

365. Müller M. Lectures on the science of language. New York: Charles Scribner. 1862. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gutenberg.org/files/32856/32856-pdf.pdf (дата обращения: 11.02.2016).

366. Nenova N., Joue G., Reilly R., Carson-Berndsen J. Sound and function regularities in interjections // Proceedings of Disfluency in Spontaneous Speech. Edinburgh, DISS'01, 2001. P. 49 – 52.

367. Nicoloff F. How so/such/what/how exclamatories mean // Grazer Linguistische Studien, 1990, (33-34). P. 207 – 225.

368. Paxman J. The English: A Portrait of a People. N.Y.:Overlook Press, 2000. 308 p.

369. Pierce, C.S. Selected writings. Ed. Ph. Wiener. N.Y.: Dover Publication, 1958. 360 p.

370. Recanati F. Remarques sur les verbes parenthetiques // De lasyntaxe a la pragmatique. Actes du colloque de Rennes. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. P. 319 – 352.

371. Rey G. Functions and emotions // Explaining Emotions. Los Angeles, University California Press, 1980. 178 p.

372. Rhodes R A. Interjection // International Encyclopedia of Linguistics. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. Vol. 2. 222 p.

373. Rosch Heider, Eleanor. Cognitive representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology, 1975. 104(3). P. 192 – 233.

374. Roulet E.et al. L'articulation du discours en français contemporain.Berne: Peter Lang, 1985. 272 p.

375. Sauter, D. A. & Eimer, M. (2010). Rapid detection of emotion from human vocalizations // Journal of Cognitive Neuroscience, 2010, 22. P. 474–481.

376. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge University Press. 1987. 318 p.

377. Scherer K. R. Vocal communication of emotion: A review of research paradigms // Speech Communication, 2003, № 40 P. 227 – 256.

378. Schourup L. Rethinking Well! // Journal of Pragmatics, 2001, Vol. 33. P. 1025 – 1060.

379. Schourup L. Common discourse particles in English conversation. Cambridge University Press, 1985. 188 p.

380. Stange U. The Acquisition of Interjections in Early Childhood.Hamburg: Diplomica Verlag, 2009. 125 p.

381. Stange U. Emotive Interjections in British English: A Corpus-Based Study on Variation in Acquisition, Function and Usage. Amsterdam/Philadelfia: John Benjamin Publishing Company, 2016. 219 p.

382. Sweet H. A short historical English grammar. Oxford: Clarendon Press, 1924. 288 p.

383. Świątkowska M. L'interjection: entre deixis et anaphore // Langages n° 161.P., 2006. P. 47 – 56.

384. Tayebi T, Parvaresh V. I Will Wow You! Pragmatic Interjections Revisited // Studies in literature and language. 2011, vol. 2, № 1, 2011. P. 57 – 67.

385. Thomas Jenny. Meaning in Interaction. London : New York : Longman, 1995. 224 p.

386. Tomkins S.S. Affect Imagery Consciousness: The Complete Edition. New-York: Springer, 2008, vol. 1. 288 p.

387. Wałaszeska E. “What to do with response cries in relevance theory?”// Relevance Studies in Poland. Warsaw: University of Warsaw, 2004, vol. I. Pp. 119 – 129.

388. Weigand E. Sprache als Dialog Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik. Tubingen: Niemeyer, 1989. 368 p.

389. Wharton T. Interjections, language and the 'showing'/'saying' continuum // UCL Working Papers in Linguistics, 2003 (12). P. 173 – 215.

390. Walczak B. Między snobizmem i modą, a potrzebami języka czyli o wyrazach obcego pochodzenia w polszczyźnie. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1987. S. 44 – 61.

391. Wilkins D. P. Interjections as deictics // Journal of Pragmatics, 1992. №18 (2-3). Pp. 119 – 158.

392. Wong J. The Culture of Singapore English. New York: Cambridge University Press, 2014. 343 p.

393. Zwicky A.M. Clitics and particles // Language, 1985, 61(2). P. 283 – 305.

2. Словари и энциклопедические издания

1. АРС – Англо-русский словарь. Мюллер В.К. 24-е изд., стер. М.: Русский язык, 1992. 848 с.

2. БИСИС – Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.784 с.

3. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Кузнецов С.А. СПб.: Норинт. 1998. 1534 с.

4. БЭС – Большой энциклопедический словарь, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/

5. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.

6. ЛЭ:СЛТ – Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель. 1925.

7. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

8. НЛЭ – Новая литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nlit.ru

9. НСИС – Новейший словарь иностранных слов и выражений / Ред.-сост. В.В. Адамчик.– Минск.: Современный литератор, 2007. 976 с.

10. НФС – Новейший философский словарь / Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. Минск.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

11. НСРЯ – Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Сост. Ефремова Т. Ф. М.: Русский язык, 2000.

12. ОССЛ – Онлайн словарь современной лексики, жаргона и сленга «Словоново». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.slovonovo.ru/

13. ПСИС – Популярный словарь иностранных слов: Около 5000 слов / Т. Г. Музрукова; Ред. И. В.Нечаева. М.: Азбуковник, 2002. 496 с.

14. ПЭ – Психологическая энциклопедия: пер. с англ. / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб: Питер, 2003. – 1096 с.

15. РОС – Русский орфографический словарь: ок. 200000 слов / Под ред. Лопатина В.В., Ивановой О.Е. М.: 2013. 896 с.

16. СИС – Словарь иностранных слов / Сост. И. Мостицкий [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://speak_russian.academic.ru/

17. СЛТА – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.

18. СМС1 – Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://teenslang.su

19. СМС2 – Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mathsolution.ru/slang

20. СНИС – Словарь новейших иностранных слов (конец XX–начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний / Шагалова Е.Н. М.: АСТ: Астрель, 2010. 943 с.

21. СПРЯ – Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Минск: Оникс, Мир и Образование, Харвест, 2008. 624 с.

22. СРРЭ – Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений / Балакай А. Г. М.: АСТ, 2007. 767 с.

23. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка: В 3 т./ Ефремова Т.Ф. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

24. СФСРЯ – Синтаксический фразеологический словарь русского языка / Меликян В.Ю. М.: ЛитРес, 2015. 802 с.

25. ТСИС – Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25 000 слов и словосочетаний / Крысин Л. П. М.: Русский язык, 2001. 854 с.

26. ТСРО – Толковый словарь русского языка: около 65000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. д-ра филол. наук, проф. Л.И. Скворцова. М.: ОНИКС: Мир и Образование, 2008. 736 с.

27. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева.

М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 1582 с.

28. ТСУ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т.1. М.: Русские словари, 1995. 844 с.

29. УДПТС – Универсальный дополнительный практический толковый словарь. / Сост. И. Мостицкий, 2005–2012 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovari.bibliofond.ru/mostitsky_universal_dic/

30. УФС – Учебный фразеологический словарь / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. М.: АСТ, 1997. 304 с.

31. ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка / Крылов Г. А. СПб.: Полиграф услуги, 2005. 432 с.

32. ЭСРЯФ – Этимологический словарь русского языка: В 4 т./ Фасмер М.: – 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 1. 588 с.

33. ЭССЛТП – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. Т.1 / под общ. ред. Тихонова А.Н., Хашимова Р.И. М.: Флинта: Наука, 2008. 840 с.

34. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз [Лейпциг], И. А. Ефрон [Санкт-Петербург]. СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890-1907. Т. 1-41А [1-82], доп. 1-2А [1-4].

35. AHDI – The American Heritage Dictionary of Idioms by Christine Ammer. Boston: Houghton Mifflin Company, 2003. 480 p.

36. Collins – Collins Free Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com.

37. DC – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org

38. DoI – Dictionary of Interjections [Электронный ресурс] – Режим доступа: - https://www.vidarholen.net/contents/interjections/.

39. DRC – Dictionary.reference.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dictionary.com.

40. LGSWE – Longman Grammar of Spoken and Written English English /

Biber D., S. Johansson, G. Leech. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. 1204 p.

41. LD – Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ldoceonline.com.

42. LDEL – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman Group UK Limited, 1992. 1528 p.

43. MD – Macmillan Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.macmillandictionary.com

44. MW – Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.merriam-webster.com

45. OALDCE – Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English, 2000, Oxford University Press, Sixth edition. 1600 p.

46. OD – English Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.oxforddictionaries.com

47. OSD – Online Slang Dicionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: onlineslangdictionary.com

48. OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.etymonline.com.

49. OLD – Oxford Learners Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/yes_1?q=yes

50. RAE – Real Academia Espanola [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // www.rae.es/rae/gestores.

51. Urban – Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Urban - https://www.urbandictionary.com.

52. WFD – Wiktionary the Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://simple.wiktionary.org/wiki/yes

53. WRC – Онлайн словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wordreference.com

3. Источники иллюстративного материала

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru/search-main.html

2. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://corpus.byu.edu/coca/

3. Альтанов А. Право на жизнь (2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: loveread.me/read_book.php?id=32830&p=13 (дата обращения: 03.03.2016).

4. Билайн – «Живи на яркой стороне» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nr192cDRZKA (дата обращения: 25.05.2016).

5. Достоевский Ф.М. Идиот. Издательство: Эксмо, 2008 г. 672 с.

6. Донцова Д. Букет прекрасных дам (2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5425000278 (дата обращения: 03.03.2016).

7. Донцова Д. Судьба найдет на сеновале (2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=545766192X (дата обращения: 03.03.2016).

8. Донцова Д. Приданое лохматой обезьяны (2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5425023901 (дата обращения: 03.03.2016).

9. Гарина Д. Принц Идима (2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5040360657 (дата обращения: 05.03.2016).

10. Википедия - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bay (дата обращения: 11.01.2016).

11. Викисловарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org (дата обращения: 01.04.2016).

12. Границы России (24.11. 2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=C5cd6VeFAlI (дата обращения: 27.01.2017).

13. Дизайн интерьера (форум) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.interior-design.club/threads/19654/ (дата обращения: 19.07.2016).

14. ДкК – Думай как копирайтер [Электронный ресурс]. Режим доступа: dumajkak.ru/240-sinonimov-slova-vau-ili-wow-chto-eto-znachit/ (дата обращения: 25.11.2016).

15. Ледниковый период (форум) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - http://forum.forumok.ru/lofiversion/index.php?t33475.html (дата обращения: 28.10.2016).

16. ЛиН - Любовь и Ненависть (18+ форум) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lovehate.ru (дата обращения: 04.04.2016).

17. Модный приговор (выпуск 05.09. 2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - www.1tv.com/f/index.php?act=findpost&pid=422608 (дата обращения: 25.11.2016).

18. Незнанский Ф. Хочу увидеть океан (2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5457663698 (дата обращения: 25.01.2017).

19. Обзор 1tv.ru, 22.03.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:- https://www.1tv.ru/documentary/ts=602 (дата обращения: 07.04.2016).

20. Огонек 2013 - Жареным пропахло – Огонек № 1 (5257) от 14.01.2013**.** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2101314 (дата обращения: 21.11.2016).

21. Пальвелева Л. От «А» до «Я». Интонация. Интервью с М. Кронгаузом. Радио «Свобода», 29.01. 2006.

22. Панов В. Реклама правит миром. Заметки пессимиста // Столетие. Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/vzglyad/reklama_pravit_mirom_793.htm (дата обращения:16.02. 2016).

23. Пелевин В. Любовь к трем цукербринам (2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://books.google.ru/books?isbn=5457638448 (дата обращения: 05.03.2017).

24. Реклама геля «Ласка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=ntQ_DJhPcMQ (дата обращения: 18.12.2016).

25. Реклама катка Парка Горького [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=WyKw17Hy88o (дата обращения: 03.11.2016).

26. Подборка российской рекламы 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=CugrvhE5DLk (дата обращения: 16.10.2016).

27. Реклама «Петелинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=lnl86ltFa48 (дата обращения: 15.10.2016).

28. Реклама 90-х годов и начала 2000-х [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=3B4tMIex2_A (дата обращения: 21.11.2016).

29. Реклама в МФЦ - Рекламный ролик для компании Вау праздник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=isSLsWmxuco (дата обращения: 10.11.2016).

30. Реклама МТС 4G "Везде ловит» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=yfFoTd534ng (дата обращения: 21.02.2017).

31. Реклама Билайн - Сергей Светлаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nr192cDRZKA (дата обращения: 05.01.2017).

32. Ростовчанин Кирилл Бабиев прорывается в финал телешоу «Голос» // Комсомольская правда (Кемерово) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kem.kp.ru/daily/26603/3619447/ (дата обращения: 21.05.2016).

33. Рыжов А. «Трое в подземелье» (2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.labirint.ru/books/359494/ (дата обращения:

08.06.2016).

34. Скарлош С., Цыбульская О. Покаяние оптом и в розницу // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010.

35. Скрыпник А. 2213, футуро-повесть (2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5040336039 (дата обращения: 08.06.2016).

36. Суслин Д. «Сокровище с неба» (2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5457036820 (дата обращения: 21.04.2016).

37. Студия Энергия Мысли: «Скрепка «Вау»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=jgp_2hO-i1A (дата обращения: 17.03.2016).

38. Туркова К., Дядечко Л. Имидж – ничто, или Почему филологи не боятся рекламы // Православие и мир. Ежедневное Интернет-издание. 1.04. 2016.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravmir.ru/author/user_1457632686/ (дата обращения: 17.07.2016).

39. Феридана К. Накатоми (2013) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.proza.ru/2013/07/17/119 (дата обращения: 11.02.2016).

40. Хмельницкая О. «Шпион в костюме Евы» (2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5425084838 (дата обращения: 11.02.2016).

41. ЧэТ – Что это такое [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://chto-eto-takoe.ru/wow (дата обращения: 11.06.2016).

42. Эксперт 2010 - Покаяние оптом и в розницу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: expert.ru/russian_reporter/2010/28/uslugi/ (дата обращения: 25.06.2016).

43. Еспресо TV 29.11.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - espreso.tv/video/196824 (дата обращения: 15.03.2016).

44. Электросила [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=nr192cDRZKA (дата обращения:

14.06.2016).

45. Шурупов Ю. «Джокер старого сыскаря» (2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?isbn=5040212038 (дата обращения: 21.03.2017).

46. Brayan Yes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=W2FWVTdiFQ8 (дата обращения: 11.02.2017)

47. Euronews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.euronews.com/2017/01/11/watch-live-obama-gives-last-speech-as-president (дата обращения: 10.04.2016).

48. Events [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - https://geometria.ru/blogs/video/63620 (дата обращения: 15.04.2016).

49. Kudago.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - https://kudago.com (дата обращения: 21.03.2016).

50. Learn Russian free - [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.russianforfree.com/ (дата обращения: 07.05.2016).

51. Dziennik1 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/001566,tusk-yes-yes-yes.html (дата обращения: 08.03.2016).

52. Dziennik 2 - Yes! Tusk: Nie będę robił "yes, yes, yes"! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/100444,tusk-nie-bede-robil-yes-yes-yes.html (дата обращения: 14.05.2016).

53. Spletnik – новости – блоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spletnik.ru/buzz/chronicle/27522-mariya-sharapova-vnov-zarabotala-bolshe-vsekh-sportsmenok.amp.html (дата обращения: 08.02.2016).

54. Travis Yes! – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=FJbmB9k2Y88 (дата обращения: 08.02.2016).

55. Wikty - Wiktionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wiktionary.org/wiki/wow (дата обращения: 11.03.2016).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Анкета, направленная на выявление интерпретанты междометия *вау!*

- Укажите Ваш возраст, пол, вид занятий:

- Употребляете ли вы междометие *вау*? – да, нет, …

- Часто ли слышите междометие *вау*? – часто, редко, иногда….

- Где Вы чаще всего слышите (встречаете) междометие? - в рекламных роликах; - в развлекательных телешоу; - в фильмах; - в Интернете; в повседневной речи окружающих, …….

- В каких ситуациях употребляется *вау*? …….

- Какие эмоции выражаются с помощью *вау*? ……

- Есть ли в русском языке аналоги для *вау*? Какие?

- Каково ваше отношение к этому междометию? – Нравится. – Безразлично.

- Раздражает. - ……..

Приложение 2.

Анкета, направленная на выявление интерпретанты междометия *йес!*

Укажите Ваш возраст, пол, вид занятий:

- Употребляете ли вы междометие *йес!*? – да, нет, ……

- Часто ли слышите междометие *йес!*? – часто, редко, иногда,….

- Где Вы чаще всего слышите (встречаете) восклицание *йес!*? - фильмы, спортивные и конкурсные состязания, выступленияя политиков, повседневная речь окружающих, …..

- В каких ситуациях употребляется *йес!*? …….

- Какие эмоции выражаются с помощью *йес!*? ……

- Есть ли в русском языке аналоги для *йес!*? Какие?

- Каково ваше отношение к междометию *йес!*? – Нравится. – Безразлично. - Раздражает. - ……..

Приложение 3.

Анкета, направленная на выявление интерпретанты междометия *упс*

Укажите Ваш возраст, пол, вид занятий:

- Употребляете ли вы междометие *упс!*? – да, нет, ……

- Часто ли слышите междометие *упс!*? – часто, редко, иногда,….

- Где Вы чаще всего слышите (встречаете) восклицание *йес!*? - в фильмах; - в Интернете; в повседневной речи окружающих, …….

- В каких ситуациях употребляется *упс!*? ……

- Какие эмоции выражаются с помощью *упс!*? ……

- Есть ли в русском языке аналоги для *упс!*? Какие?

- Каково ваше отношение к междометию *упс*? – Нравится. – Безразлично. - Раздражает. - ……..

Приложение 4.

Анкета, направленная на выявление интерпретант междометия *ОК*

Укажите Ваш возраст, пол, вид занятий:

- Употребляете ли вы междометие *ОК*? – да, нет, …

- Часто ли слышите *ОК*? – часто, очень часто, иногда, редко, ….

- Где Вы чаще всего слышите (встречаете) междометие? – в повседневной речи окружающих; - в фильмах; - в Интернете; …….

- В каких ситуациях употребляется *ОК*? …….

- Какие аналоги *ОК* есть в русском языке? ……

- Каково ваше отношение к междометию *ОК*? – Нравится. – Безразлично. - Раздражает. - ……..

Приложение 5.

Анкета, направленная на выявление интерпретанты междометия *сорри*

Укажите Ваш возраст, пол, вид занятий:

- Употребляете ли вы междометие *сорри*? – да, нет, …

- Часто ли слышите *сорри*? – часто, очень часто, иногда, редко, ….

- Где Вы чаще всего слышите (встречаете) междометие *сорри*? – в повседневной речи окружающих; - в фильмах; - в Интернете; …….

- В каких ситуациях употребляется *сорри*? …….

- Какие аналоги имеет *сорри* в русском языке? ……

- Каково ваше отношение к употреблению *сорри*? – Нравится. – Безразлично. - Раздражает. - ……..